

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

ПРОТИВ
ИНОЗЕМНЫХ
ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Б.Г. Алиев

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

*Издательство типографии
Дагестанского научного центра
Российской Академии наук*

Составитель:

Алиев Багомед Гадаевич – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, лауреат регионального благотворительного общественного фонда имени шейха Абдурахмана-хаджи ас-Сугури, автор более 170 изданных научных работ, среди которых 7 монографий: «Из истории средневекового Дагестана». Махачкала, 1970 (в соавторстве); «Каба-Дарго в XVII – XIX вв. (Очерк социально-политической истории)». Махачкала, 1972; «Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане». Махачкала, 1988; «Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти)». Махачкала, 1999; «Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в.». Махачкала, 1999. Кн. I (в соавторстве); «Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в.». Кн. II. «Историческая география Южного Дагестана». Махачкала, 2001 (в соавторстве).

9 (Дарго)
450

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. Г. Алиев

**БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ
ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ**

**(Источники, предания, легенды,
героико-исторические песни)**

МАХАЧКАЛА – 2002

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ББК 63.3 (2Р-6Д)
А-50

Автор-составитель:
Б. Г. Алиев

Ответственный редактор:
А. Р. Шихсаидов – доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:
М.-С.К. Умаханов – доктор исторических наук, профессор,
М. Р. Гасанов – доктор исторических наук, профессор,
Н. А. Магомедов – доктор исторических наук.

Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2002. – 408 с.

Книга является первой попыткой собрать воедино и издать собранные в течение длительного времени составителем и другими исследователями – историками, этнографами, фольклористами, лингвистами, а также писателями и поэтами предания, легенды, героико-исторические песни, посвященные борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей с древнейших времен до XVIII в. Многие из них изданы в различных научных сборниках и монографических исследованиях дагестанских ученых, альманахах, литературно-художественных и общественно-политических журналах. Но ввиду выпуска их малым тиражом они стали недоступными многим читателям. В сборник включены и отдельные источники – свидетельства очевидцев событий, их описания историографами различных правителей, совершавших завоевательные походы в Дагестан, записи на камнях и на полях арабских рукописей и т.д.

Книга рассчитана на массового читателя.

Составитель выражает глубокую благодарность всему коллективу энергетиков Дагестана и лично Генеральному директору ОАО «Дагэнерго» Гамзатову Гамзату Магомедовичу за оказанную помощь в издании настоящего сборника, благодаря чему публикуемые в нем материалы стали достоянием широкого читателя.

ISBN 5-94434-009-6

© Алиев Б.Г., 2002 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

У всех народов Дагестана, в больших и маленьких селах сохранилось весьма много интересных материалов устного народного творчества: преданий, легенд, былин, героических сказаний и песен, притчей, поговорок, пословиц, анекдотов и т.д. И не случайно Дагестан иногда называют страной легенд и преданий. Особенно большую ценность представляют предания, легенды и героико-исторические песни, посвященные различным событиям, происходившим в Дагестане в прошлом. Но особо среди них выделяются предания и легенды о героической борьбе дагестанских народов против иноземных завоевателей, которую пришлось им вести с древнейших времен вплоть до XX века.

Диапазон преданий и легенд о борьбе народов Дагестана с иноземными завоевателями широк и разнообразен. Имеется несколько циклов преданий и легенд, отражающих борьбу народов Дагестана с внешними врагами. В них говорится о борьбе дагестанских народов за независимость в период арабо-хазарских войн, борьбе против арабских завоевателей, монголо-татар, тимуровских войск, сефевидских шахов Ирана и войск Надир-шаха. «Следует особо подчеркнуть, что предания, являясь жанром устного народного творчества, отражают народные представления о тех или иных событиях».¹ В то же время необходимо отметить их большое значение. Они дополняют имеющиеся письменные источники, в них зачастую отражены события и

¹ Гаджиев В.Г. Предисловие к: Б.Г.Алиев. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII-нач. XIX в. Махачкала, 1981. С.146.

факты, которые не встречаются в письменных источниках. Как справедливо отмечает проф. В.Г. Гаджиев, научную и практическую ценность, значимость памятников устного народного творчества трудно переоценить. «Достаточно сказать, что они содержат отсутствующую в письменных источниках, важную во всех отношениях, информацию, драгоценные сведения, хотя и в завуалированной художественно-поэтической форме, материалы, позволяющие заглянуть во внутренний мир горца, понять его мироощущение и духовный мир, думы и чаяния, давшие ему какую-то титаническую силу, позволившую отстоять Родину и победить жестокого и коварного врага»¹. И далее, подчеркивая значимость материалов устного народного творчества, он продолжает: «Критический источниковедческий анализ этих памятников, сравнение и сопоставление сведений с данными письменных источников позволяют правильно решить сложные и противоречивые явления истории»².

Материалы устного народного творчества о борьбе с иноземными завоевателями, в особенности исторические предания, основываются на реальных событиях или отдельных фактах, имевших место в тот или иной период. В них отражена вполне определенная эпоха, связанная с борьбой народов Дагестана с теми или иными иноземными завоевателями. В особенности это относится к преданиям, посвященным борьбе дагестанских народов с войсками Надир-шаха, в которых воспроизводятся конкретные эпизоды этого героического противостояния наиболее сильному и жестокому завоевателю первой половины XVIII века. В историческом эпосе этого цикла не только отражены достоверные события, но и изображены конкретные исторические персоналии, как Сурхай-хан I Казикумухский, его сын Муртазали, Надир-шах, его брат Ибрагим-хан, Карат и другие, имевшие «реальных прототипов, что свидетельствует о реалистическом осмыслении фольклорного материала»³. Героями преданий и легенд являются не только исторические личности, но и сам народ и его представители, как например, Парту Патима, Чамсу, Ажу, Чанкура, Залму из Гонода и др. В них указывается также время и место действий (Кумух, Турчидаг, Хунзах, Кубачи, Согратль, Чох, Мегеб, Обох и т.д.).

¹ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.237.

² Там же.

³ Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С.221.

Но, говоря в целом об исторических преданиях, отмечая их историческую основу и стремление к правдивому изображению событий и лиц, следует иметь в виду, что многим из них присуще смещение реальных фактов. Как отмечено исследователями, искаженный показ бытовых и историко-хронологических явлений объясняется не только временной удаленностью от событий, но и характерной для фольклорных произведений узкостью их бытования¹. И далее, как пишет А.М. Ганиева, «для преданий и легенд, как и для произведений других фольклорных жанров, вполне естественно, что один и тот же сюжет в устах представителей социальных групп звучит по-разному. Такие тексты отражают социальную и исторически обусловленное отношение народных масс к действительности»².

В ряде случаев легенды носят даже мифическую основу. Как пишет Ф.О. Абакарова, «в легендах тоже повествуется о чем-либо достоверном, но в отличие от преданий, картины реальной жизни часто основаны на фантастическом вымысле. Если в преданиях рассказывается о прошлом, то в легендах как о прошлом, так и настоящем.

Отличие между преданием и легендой лежит не в наличии или отсутствии фактической основы, а в наличии или отсутствии установок на «чуждость». В легендах, в рамках повествования, вполне уместаются элементы сверхъестественного». Заклучая рассуждения о преданиях и легендах, она отмечает: «Итак, предание отличается от других жанров народной несказочной прозы тем, что оно отражает историческую действительность. Причем объектом изображения становятся события местной истории»³.

Нельзя не согласиться с этими оценками преданий и легенд, данными специалистами-фольклористами. Приводимые в сборнике жанры устного народного творчества полностью подтверждают их верность. Они связаны с местной дагестанской историей и в них в основном отражены действительно имевшие место в прошлом события и факты, т.е. они, как отмечают ученые-фольклористы, имеют историческую основу. Как пишет известный дагестанский фольклорист

¹ Ганиева А.М. Предания и легенды о богатыре Шарвили // Дагестанская народная поэзия. Махачкала, 1982. С.44.

² Там же.

³ Абакарова Ф.О. Предания и их источники о борьбе горцев против Надир-шаха (по материалам даргинского фольклора) // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С.60.

Ф.О. Абакарова, «историческая основа в преданиях проявляется не только в наличии конкретных реалий (они являются переменными компонентами), но и в гораздо более устойчивых традиционных мотивах»¹. Причем из традиционных мотивов более стабильный характер носит защита Родины².

В данном сборнике, как отмечено выше, издаются предания, легенды и героико-исторические песни о борьбе народов Дагестана с внешними завоевателями, охватывающими период с древнейших времен до первой половины XVIII века включительно. Это и есть материалы устного народного творчества, которые посвящены именно защите Родины от иноземных завоевателей.

Ряд преданий и легенд о борьбе народов Дагестана с внешними врагами был издан еще в дореволюционное время³. Но в предлагаемый читателю сборник вошли в основном материалы устного народного творчества, собранные в советский период. В издание вошли не только различные предания и легенды, собранные нами за более чем 30 лет работы в районах Дагестана в составе историко-этнографических и историко-археологических экспедиций. Ряд из них нами был издан в 1981 г. в одном из научных сборников отдела истории Дагестана досоветского периода Института Дагфилиала АН СССР⁴ и в 1988 г. в книге «Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане»⁵.

Многие предания, легенды и героико-исторические песни о борьбе народов Дагестана с иноземными завоевателями изданы в работах дагестанских историков, этнографов, фольклористов, литературоведов и писателей. Прежде всего отметим, что ряд героико-исторических

песен был издан в сборниках, опубликованных союзом писателей Дагестана¹.

Особо хочется отметить большую работу, проделанную по сбору и публикации материалов устного народного творчества вообще, известным дагестанским ученым-историком проф. Р.М. Магомедовым, среди которых большое место занимают предания и легенды о борьбе народов Дагестана с иноземными завоевателями. Изданы они в различных его трудах² и не теряют своего значения ценнейшего материала по истории Дагестана, которым пользуются исследователи в качестве надежного источника по прошлой истории Дагестана, вызывающего постоянный интерес у широкого читателя.

Что касается других ученых: историков, фольклористов, литературоведов, этнографов, а также писателей, проделавших большую работу по сбору, анализу и публикации преданий, легенд и героико-исторических песен, то следует отметить среди них А.Ф. Назаревича³, М.Х. Халилова⁴, У.Б. Далгат⁵, Р. Фатуева⁶, А.А. Ахлакова⁷, А.М. Аджиева⁸, М.А. Дибирова⁹, Ф.О. Абакарову¹⁰, А.М. Гание-

¹ Литературный Дагестан. Махачкала, 1947; Песни страны гор / Перец, Н. Капиевой. Махачкала, 1947; Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954; Поэзия Дагестана. Махачкала, 1971; Литературный Табасаран. Махачкала, 1974 и др.

² Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963; его же. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969; его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I; его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II; его же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. I; его же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II.

³ Назаревич А.Ф. Героический эпос горцев // Труды 1-й научно-исследовательской сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1948.

⁴ Халилов Х.М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959; его же. Лакские эпические песни. Махачкала, 1969.

⁵ Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М.: Наука, 1962.

⁶ Фатуев Р. Дыхание гор. Легенды. М.: Сов. писатель, 1969.

⁷ Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968; его же. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981; Героические песни и баллады аварцев / Подг. текста, перев., предисл. и коммент. А.А. Ахлакова. Махачкала, 1971.

⁸ Аджиев А.М. Героико-исторические песни кумыков. Махачкала, 1971; его же. Дальние дороги. Заметки о кумыкском героическом эпосе. Махачкала, 1977.

⁹ Дибиров М.А. Сильные и стойкие. Махачкала, 1973.

¹⁰ Абакарова Ф.О. Предания и источники о борьбе горцев против Надир-шаха // Дагестанская народная поэзия. Махачкала, 1982; ее же. Кубачинский фольклор. Ма-

¹ Абакарова Ф.О. Предания и их источники о борьбе горцев против Надир-шаха (по материалам даргинского фольклора) // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С. 59.

² Шаракшинова Н.О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975. С. 60.

³ См.: Карнанлов О. Аул Чох // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. I. С. 2, 9, 21 – 23; Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 158 – 161.

⁴ Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 144 – 166.

⁵ Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С. 70 – 94.

ву¹, М.Р. Халидову², И.А. Халипаеву³, Ф.А. Алиеву⁴. Без использования материалов устного народного творчества, собранного и изданного указанными авторами, было бы невозможно составление полноценного сборника материалов о борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей.

В настоящем издании, кроме преданий, легенд и героико-исторических песен, приводятся наиболее интересные исторические сведения о борьбе дагестанских народов с внешними врагами. Это прежде всего сведения из работ различных авторов, являвшихся свидетелями происходивших событий или писавших свои труды на основе первоисточников. В сборнике использованы также записи о борьбе дагестанских народов с иноземными завоевателями, имеющиеся в арабоязычных рукописях, надмогильных плитах и камнях, вмонтированных в стенах мечетей, минаретов, жилых домов и т.д., различных хронографов, выявленные, переведенные и изданные в основном сотрудниками (А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов и др.) отдела восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН (ныне центр востоковедения).

В сборнике использован и ряд исследований ученых кавказоведов и дагестановедов, которые специально посвящены борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей или в которых затрагиваются многие вопросы этой проблемы. Это прежде всего труды таких известных ученых XIX века, как А.-К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари, написанные на основе разнообразных первоисточников. Среди работ ученых-дагестановедов отметим прежде всего исследования известных дагестанских арабистов А.Р. Шихсаидова и Т.М. Айтберова, тюрколога Г.М.-Р. Оразаева, которые проделали весьма большую работу по выявлению, переводу и изданию арабоязычных и тюркоязычных источников, отражающих героическую борьбу дагестанских народов с иноземными завоевателями; это специальные исследования профессо-

хачкала, 1996; Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала, 1999.

¹ Ганиева А.М. В поисках легендарного героя. Махачкала, 1986; ее же. Предания и легенды о богатыре Шарвили // Дагестанская народная поэзия. Махачкала, 1982.

² Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.

³ Халипаева И. Мифологическая проза кумыков. Исследования и тексты. (Монография). Махачкала, 1994.

⁴ См.: Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала, 1999.

ров В.Г. Гаджиева, М.-С.К. Умаханова, Н.А. Сотавова и Г.Х. Ичалова; труды профессоров Р.М. Магомедова, С.Ш. Гаджиевой, М.Р. Гасанова, а также статьи А.И. Тамая, А.Н. Козловой и других ученых. Среди использованных в сборнике исследований и труды известных дагестанских фольклористов Х.М. Халилова, А.А. Ахлакова, Ф.О. Абакаровой, А.М. Аджиева, М.Р. Халидовой, А.М. Ганиевой, И.А. Халипаевой, Ф.А. Алиевой и др. В сборнике использованы также произведения и статьи литературоведов, писателей и поэтов А.Ф. Назаревича, Р. Фатуева, А. Абу-Бакара и др.

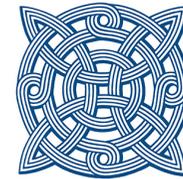
Все материалы сборника расположены по тематическим циклам, связанным с борьбой дагестанских народов с теми или иными иноземными завоевателями. Причем, это определенные исторические периоды или вехи истории народов Дагестана, которые связаны с войнами или походами сасанидов, арабов, монголо-татар, Тимура, Сефевидов, турок, Надир-шаха и т.д. В каждой из пяти глав сборника публикуются материалы о войнах и походах в Дагестан одного или нескольких из указанных завоевателей. Источники в основном даются в начале глав или же среди других материалов, учитывая при этом время (годы) описываемых в них событий.

Каждая глава начинается с краткой характеристики периода или тех завоевательных войн и походов, которые велись и совершались определенными внешними завоевателями.

Материал глав располагается хронологически последовательно. Но в отдельных случаях, когда в одном источнике даются события и факты, относящиеся к разному времени, они в основном не разделяются и даются последовательно как записаны в источнике. И в таких случаях, естественно, нарушается хронологическая последовательность, так как в следующем источнике нередко также даются отдельные события и факты аналогичные предыдущим, но не в такой последовательности и не до того периода доведенные, как в предыдущем источнике.

Ряд преданий, легенд и героико-исторических песен имеют по два и даже более вариантов. В сборнике в основном даются наиболее распространенные варианты материалов. Лишь в отдельных случаях приводятся и другие варианты, полагая, что и они будут интересны читателю.

Ввиду многочисленности публикуемых в сборнике материалов нет возможности анализировать и перечислять их. Все материалы содержатся в работах, перечисленных в списке использованных источ-

ников и литературы. По той же причине и ограниченности листажа не дается анализ и перечень публикуемых материалов, а также подробное описание событий, которые были связаны с борьбой дагестанских народов с внешними завоевателями в тот или иной период, и во вступительных статьях к главам сборника.

Примечания и комментарии к материалам сборника даются в основном в их конце, а сноски – построчно. Причем, они приводятся без особых изменений, т.е. так, как даются они в материалах, уже изданных другими исследователями. В отдельных случаях, когда в этом имеется необходимость, даются и комментарии составителя.

В конце публикуемых материалов указывается источник или работа, откуда они взяты. В тех же материалах, которые собраны или изданы ранее составителем сборника, эти сведения не даются. Не всегда даются и заголовки к издаваемым материалам, в чем нет необходимости, если иметь в виду, что многие из преданий и легенд небольшие по объему. И, кроме того, во многих случаях и в самих публикуемых в сборнике материалах, собранных и изданных другими исследователями и составителем, отсутствуют их названия.

Предлагаемый на суд читателя сборник – это первая работа, где сделана попытка собрать воедино и издать по возможности, если не все, то хотя бы наиболее известные, интересные, собранные исследователями, поэтами и писателями предания, легенды и героико-исторические песни, посвященные борьбе дагестанских народов с внешними завоевателями с древнейших времен до середины XVIII века. Поэтому составитель не исключает, что в нем могут быть какие-то недостатки.

Составитель надеется, что материалы сборника вызовут интерес не только у исследователей – историков, фольклористов, литературоведов, аспирантов и студентов исторических и филологических факультетов университетов, а также учителей и учащихся техникумов, колледжей и школ Республики Дагестан, но и широкого читателя.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава I.

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Все эпохи, все периоды истории полны борьбой народов Дагестана с иноземными завоевателями за свою свободу, независимость своей родины. Предания и легенды отразили эту борьбу дагестанских народов. Наиболее древние из них связаны с Александром Македонским, с его походом на Кавказ и строительством Дербентской крепости. Будучи в составе Кавказской Албании, народам Дагестана на рубеже двух эр пришлось вести тяжелые войны с римлянами и парфянами. В 60-е годы до н.э. албаны участвовали на стороне армянского царя против легионов римского полководца Лукулла, а затем Помпея. В 69 г. до н.э. Лукулл осадил столицу Армении Тигранакерт. На помощь армянскому царю Тиграну II пришли отряды албан и иберов. Объединенные силы оказали врагу упорное сопротивление, и в 67 г. до н.э. римляне вынуждены были уйти из Армении. В 66-65 гг. до н.э. албанский царь Оройз во главе 40-тысячного войска выступил против Помпея. Хотя албаны потерпели поражение и вынуждены были признать над собой протекторат римской империи, римлянам не удалось включить Албанию в состав своей империи. Вскоре Помпей выступил против Иберии. Албаны выступили на помощь своим соседям, в результате чего Помпей прекратил военные действия. В 65 г. до н.э. Помпей с главными силами снова вторгся в Албанию. Албанские войска, составляющие 60 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников, возглавлял брат царя Оройза – Козис. В ожесточенном бою албаны потерпели поражение, после чего был заключен мир. Албаны сорвали план Помпея двинуться к берегам Каспийского моря. В 37-36 гг. до н.э. в Албанию вторгся военачальник Канидий Красс. Но мужественная борьба албанов заставила его вскоре покинуть их страну. В 34 г. до н.э. римские

легионы под руководством Антония вновь вторглись в Закавказье. Походы римлян продолжались и в последующие времена. В середине I в.н.э. римский император Нерв (54-68 гг.) решил предпринять наступление на Албанию, но осуществить план ему не удалось. В 90-х гг. н.э. римляне напали на Албанию и дошли до Каспийского моря. Но им не удалось овладеть Албанией, население которой отстояло свою независимость.

В I в.н.э. кавказским народам пришлось вести борьбу и против усилившейся Парфии. В 34 г. н.э. албаны вместе с иберами во главе с их царем Фарсманом выступили на стороне Армении. Они разгромили войска парфян, в чем большую роль сыграла иберийская и албанская пехота, состоявшая, по свидетельству римского историка Тацита, из горцев, которые «привыкли к тяжелым условиям существования и поэтому» были «гораздо выносливее парфян»¹.

Со II в.н.э. на просторах Евразии начались первые движения кочевых и полукочевых племен, являвшиеся началом «великих переселений народов». Так или иначе кочевые племена (сарматы-аланы, савиры, гунны) либо проходили через Дагестан, либо оседали в его приморской части

В начале III в.н.э. в Иране воцарилась династия Сасанидов. Довольно быстро подчинив себе обширные области Передней и Средней Азии и захватив Северный Иран, Сасаниды двинулись в Закавказье и дальше на север. На захваченных землях Сасаниды строили укрепления, брали под свой контроль горные перевалы Восточного Кавказа и в районах важнейших стратегических узлов размещали ираноязычных переселенцев, потомки которых известны под названием татов.

Ряд из приведенных событий и отражен в первой главе сборника.

Борьба дагестанских народов за свою независимость с иноземными завоевателями, материалы по которой помещены в данной главе сборника, явилась предметом изучения дагестанских исследователей Р.М. Магомедова и А.Р. Магомедова (История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961; История Дагестана. Махачкала, 1994), М.Р. Гасанова (История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. Махачкала, 1997; его же. История Дагестана. Учебное пособие. Махачкала, 2000). Не обойден этот вопрос и в

¹ Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, Лен. отд., 1969. С. 170.

коллективном обобщающем труде «История Дагестана. Т.1.» (М.: Наука, 1967).

□ □ □

Одна из ниточек в стране «Металла неба»

Железным находкам в могильнике на берегу реки Аракс почти три тысячи лет. Но еще за тысячу лет до этого украшения из железа появились в пирамидах египетских фараонов. Это было метеоритное железо. Не случайно железо в Новом Царстве называли «Металлом неба».

Железо на территории СССР раньше всего найдено на Кавказе. Но одни ли только нити «Металла неба» увязывают Кавказ с древним Египтом? Случайно ли, что в Дагестане бытовало предание о том, что аварские и кумухские ханы ведут род от египетских фараонов?

Одно из преданий об этом записал в прошлом веке А. Руновский.

«Каким образом фараоны зашли в Дагестан и утвердились в Аварии, предание не говорит; известно только то, что ханы казикумухские происходят от аварских ханов и что учение Магомеда, разлившись по Кавказу и унося за собой все царственные там династии, оставило в прежних условиях одну лишь династию фараонов».

□ □ □

Легенда о скифах

Существует предание, говорящее о том, что современный Дагестан был заселен в VII веке до начала нашей эры. Это заселение связывают с вторжением скифов в Закавказье.

Предание повествует о том, что скифы многочисленными ордами вторглись в Грузию и Армению, опустошили эти страны, забрали много пленных и вернулись в Северное Причерноморье. Из пленных народов «скифы образовали на Северном Кавказе два царства – одно на Тереке до западной оконечности гор под владычеством Уобоса – сына царя скифов, а другое – на востоке под управлением двоюродного брата царя». Из подданных первого возникли осетины, а на востоке, где построили Хунзах, произошли народы Дагестана.

Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С.5 – 6.

□ □ □

О походе Александра Македонского на Кавказ и строительстве Дербентской крепости

Шейх Низами Ганджинский в *Искендер-наме* пишет, что Александр по прибытии своем в Албанию, жители которой были огнепоклонниками, во время охоты достиг города Барды, развалины которого находятся близ Куры, в Карабагском уезде. Основание этого города персидские историки приписывают Фаридуноу. Городом владела женщина по имени Нушаба. Она доставляла в лагерь Александра все нужные припасы и тем самым изъясляла ему свое усердие. Александр, наслышавшись много о ее красоте и уме, приехал к ней под видом посланника, но она узнала его и, оказав ему все почести, радушие и гостеприимство, взяла с него слово покровительствовать ей и ее народу. Александр возвратился в свой лагерь, а на другой день Нушаба со своими девицами приехала к нему, и, пируя, осталась ночевать в его шатре. Дружественные отношения их еще более упрочились любовной связью.

Отсюда Александр направился к Эльбрусу (Кавказ) и через Ширван достиг Дербентского прохода, где тогда еще не было города и имелась только крепостца на очень крутой горе, очень богатая, в которой жила небольшая шайка разбойников. Александр неоднократно требовал сдачи этой крепости и, получив отказ, приказал взять ее приступом. Однако она была так неприступна, что сорок суток войско Александра ничего не могло с ней поделать и разбойники сдались только доведенные до крайности.

Александр назначил им содержание и другое место жительства, а крепостцу приказал подправить и оставить в ней гарнизон войск.

В это время жители края принесли Александру жалобу на то, что дикие обитатели Кипчака обижают их и поэтому они попросили его возвести против набегников преграду. Александр вызвал работников и приказал возвести в Дербентской теснине каменную стену: когда он возвращался, ему на первом переходе сказали, что вблизи есть прекрасная крепость, называемая Сарир, где хранятся престол, корона и могила Кей-Хосрова, и что владетель крепости его потомок. Александр пошел на крепость Кей-Хосрова Сарир, которая называлась также и воротами (*баб*). Эмир Сарира вышел ему навстречу, а Александр, осмотрев золотой престол, пещеру, горы и много других чудесных предметов, возвратился на равнину, где в течение целой недели

проводил время в охоте. Потом через Рудбар, близ Сальяна, он отправился на город Халхал, а оттуда в Гилян и далее в Рей.

Во время устройства им городов в Мавераннахре (Туркестан) им было получено известие, что русы вместе с другими кипчакскими народами, несметными толпами, сухим путем и морем вторглись в Дербент и его окрестности, совершая убийства и опустошения; что они разорили Барду и взяли в плен Нушабу со всеми ее девицами. Александр с многочисленным войском прошел через Хорезм в Кипчакские степи, где красивые женщины ходили с непокрытыми лицами, и остановился на обширной равнине, близ большой реки.

Контал, князь русов, имевший более чем 900 тысяч войск, собранных среди семи народов – русов, айсу, партасов, печенегов, аланов, илаг и хазар, встретил его и между ними произошло упорное и кровопролитное сражение, продолжавшееся несколько дней. Александр вышел победителем, а Контал с десятью тысячами воинов был взят в плен. Александр освободил Нушабу и других пленных с их имуществом и, заключив с Конталом мир, наложил на него дань. Затем он отпустил его со всеми пленниками, а сам возвратился назад.

Квинт Курций в истории Александра¹ упоминает о некоторых из этих событий, излагая их в другом порядке. Он говорит о взятии с трудом какой-то крепости, быть может это была Дербентская. Нушаба вероятно была царицей амазонской, с которой Александр имел любовную связь в своем лагере. Большой рекой могут быть Волга или Дон; а скифы – объединенные семь народов, участвовавшие в походе Контала, потому что все северные народы древними назывались скифами.

В *Дербент-наме*² и других источниках упоминается о построении Дербентской стены Александром. В народе она и поныне называется Седди Искендер (Александрова преграда). Даже Коран, если повнимательнее вникнуть в смысл его, подтверждает это. Вот эти слова: «А когда он (Зул-Карнайн) дошел до заката солнца, то увидел, что оно закатывается в источник зловонный (*тагрубу фи'айнин хами'атин*) и нашел около него людей. Потом он следовал по пути. А когда дошел он до восхода солнца, то нашел, что оно восходит над людьми, для которых мы не сделали от него никакой завесы. Они сказали: «О, Зул-Карнайн, ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие на земле; не установишь ли нам для тебя подать, чтобы ты устроил между нами и ими преграду?». Он сказал: «То, в чем укрепил меня мой господь, лучше; помогите же мне силой, я устрою между вами и ними

преграду. Принесите мне кусков железа». А когда он сравнивал между двумя склонами, - он сказал: «Раздувайте!». А когда он превратил его в огонь, сказал: «Принесите мне, я вылью на это раскаленный металл». И не могли они взобраться на это [преграду] и не могли пробить в ней отверстие»³.

По объяснению многих толкователей и историков, Зу-л-Карнайном был Александр Македонский, царь южной Европы и Персии, или Запада и Востока, который завоевал Африку и Кипчакскую степь. Говорят, что корона его была *двурога*, может быть он носил два пера в знак власти над двумя странами. *Айн* между прочими значениями означает на арабском - «течение воды» и его можно принять за Западный океан, где поблизости тропика Рака воды океана имеют течение и климат жаркий. На это сказание ал-Корана намекает поездка через знойные и бесконечные степи Африки, в храм Юпитера Аммоны. Дикие обитатели бесплодных Кипчакских степей не имели ни больших жилищ, ни лесов, ни гор, которые бы укрывали их от солнца.

Третий путь должен быть между западом и востоком, в направлении к северу, ибо на юге находится океан, следовательно, путь сей лежал к кавказскому краю. Есть здесь две преграды или две цепи гор - армянских и азербайджанских, или же два моря - Каспийское и Черное. Народы, жившие вблизи или между ними, должны быть обитателями южной стороны Кавказа, которые из-за множества языков и местных наречий или же по причине неведения не понимали греков. Гоги и Магоги - полудикие племена севера из рода Иафета. Некоторые производят гогов от тюрок, а магогов от горцев. В пояснении к Библии, изданной Библейским обществом, сказано, что от Магога, сына Иафета, произошел народ скифский, живущий на склонах гор Кавказских, где находился также и город Магог, названный Ярополем. Гог - это имя одного из внуков Израиля. Царь волхов также назывался Гогом.

По изъяснению св. Иеронима и других, магоги были скифами, обитавшими близ берегов Каспийского моря, а гоги жили немного дальше, к северу. Воздвигнутой преградой является Дербендская стена, на которую было употреблено много железа. Дербенд и теперь еще называется Демир-Капу (Железные ворота). Два противостоящие предмета есть Каспийское море и Кайтагские горы, или же два моря - Каспийское и Черное. Ахунд Мухаммад Багир в своей книге говорит, что некто пришел к Али, наследнику Мухаммада, который спросил: «Откуда ты?». И тот отвечал ему: «Из Дербенда». Али спросил: «Не

из того ли Дербенда, который называется Баб ал-Абваб и построен Зу-л-Карнайном?». И тот ответил утвердительно.

Если согласиться с тем, что Александр был в Армении и Гиляне и владычество его простиралось от Венецианского моря до реки Ганга и от Южного океана до морей Черного и Каспийского, то поход в Закавказский край, входящий в число его завоеваний, нисколько не удивителен, тем более, если сопоставить их с чудесными преданиями древних о Кавказских горах, которые считались пределом населенной части земли. Также нет ничего невероятного и в том, что Александр Македонский построил какую-то преграду для удержания тогдашних своих владений от набегов северных дикарей или в принятии им каких-либо других мер против северян.

Свидетельства многих мусульманских и армянских историков, подтверждение самого Корана, если не в освященном, то в историческом плане, как древней книги, писанной для всемирного сведения; остатки самой стены, сохранившиеся доныне предания в народе и другие обстоятельства, равно и показание Квинта Курция о походах Александра на Кавказ, хотя и без географической связи - все это достаточно убеждает в действительности походов Александра в эту страну⁴.

Несогласие некоторых мусульманских духовных толкователей и историков в этом отношении происходит потому, что они, не имея полных сведений, сплетают в своем воображении обстоятельства, еще более запутывающие достоверность исторических преданий. В подтверждение этому укажу на некоторые:

Катиб Челеби в *Джсихан-нума*, печатной турецкой географии, утвердительно говорит, что Зу-л-Карнайн не Александр Македонский, а государь Йеменского Химьяра, современник Авраама, который, посетив восток и запад, основал преграду в конце вселенной, находящейся в неизвестной стране на северо-востоке. Относительно же Дербендской стены он говорит: «Не может быть, чтобы ее возвел Искендер. Она построена Ануширваном для отражения хазар и тюрок, производивших опустошения в Ширване, Армении и Азербайджане, с которыми персидские цари вели частые войны. Впрочем, другие писатели полагают, что эту стену сперва построил Исфандийяр, сын Гиштаспа⁵. Автор *Нузхат ал-кулуб* приписывает постройку стены Сохрабу, отцу Гиштаспа, а Ануширвану - только ее восстановление⁶. Станным является мнение Катиба Челеби: безо всяких доказательств он весьма решительно говорит, что считает мнение имама Фахра ал-Дина Рази⁷

казия Бейзави⁸ и других ученых толкователей Корана ошибочным в том, что Александра они называют Зу-л-Карнайн, а Дербендскую стену преградой против Йаджуджей и Маджуджей (Гогов и Магогов), не думая впрочем, что если первоначальную постройку стены можно отнести до Ануширвана к Исфандийяру, то точно также можно отнести возведение стены и к Александру. Если в самом деле стена эта была построена царем Химьяритским, то Александр мог вторично восстановить ее потому, что между ним и Авраамом пространство во времени составляет более 1500 лет. Можно предполагать еще и то, что каждый из этих царей строил в ущельях и горах только некоторые из укреплений или восстанавливали их один после другого, а существующая стена уже после была воздвигнута Ануширваном. Различных ди-карей северных стран, производивших ужасные опустошения, Катиб Челеби не хочет принимать за Йаджуджей и Маджуджей только потому, что они не имеют некоторых сверхъестественных признаков, приписываемых им некоторыми писателями в аллегорическом смысле. Оставляя здесь видимую стену, он указывает на воображаемую неизвестно где-то, которая нигде и не существует.

¹ Квинт Курций Руф. История Александра Великого. Сохранившаяся книга. С.289 – 290.

² В Дербенд-наме (с. 5, 19) действительно говорится о возведении Александром Македонским Дербендской оборонительной стены. Однако как автор Дербенд-наме, так и А.Бакиханов ошибаются хотя бы потому, что Александр Македонский на Кавказе не был (комментарии З.М. Буниятова)

³ См. Коран. XVIII. 83 – 97.

⁴ Квинт Курций Руф. Указ.соч. С. 290.

⁵ Катиб Челеби. Джихан-нума. Стамбул, 1175 г.х. (на турец. яз.). С. 392.

⁶ Хамдаллах Казвини. С.156.

⁷ Фахр ад-Дин ар-Рази (1159 – 1210) – знаменитый философ.

⁸ Абдаллах ибн Умар ал-Бейзави (ум. 1291) – комментатор, автор единственного исторического сочинения *Низами ат-таварих*, где изложены события от сотворения мира до 1275 г.

А.-К.-А. Бакиханов. *Гюлистан-и Ирам/ Ред., коммент., примеч. и указат. академика АН Аз.ССР З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. С. 36 – 40, 217 – 218.*

Александр Македонский у Железных ворот

Однажды царь Александр Македонский со своей конницей подошел к Дербенту. Люди царя пришли к правителю города и сказали: «Мы послы царя всех царей. Он послал нас сказать, чтобы ты подчинился ему и платил дань. Если ты рассердишь царя, он разрушит Железные ворота и убьет тебя».

Правитель Дербента отказался подчиниться царю всех царей. Войска Александра Македонского пошли на приступ, но взять город никак не могли.

Царь царей отошел от города, но один из мудрых стариков сказал ему на совете: «Возвращайся, и, если ты будешь сильным, ты войдешь в крепость».

Так и вышло. Александр Македонский взял Дербент и приказал привести правителя города. «Разве ты не знал, – сказал завоеватель, что все цари на всей земле, все рыбы во всех морях платят дань Александру?». Правитель Дербента ответил: «Я знал, что земля, воды подвластны царю, но я не знал, что и небеса должны подчиняться тебе».

Этот достойный ответ так понравился Александру, что он отпустил пленника, поставил его своим наместником у Железных ворот и повел войска на новые земли.

Магомедов Р.М. *Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 12 – 13.*

□ □ □

Страбон о походе римского полководца Помпея (106-48 гг. до н.э.) на иберийцев и албанцев и его сведения об Албании

Помпей «совершил поход на иберийцев и албанцев до морей по обеим сторонам – Каспийского и Колхского...»

«Эта гора (Кавказ – Б.А.) возвышается над обеими морями – Пантийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера – сарматские равнины ... местные жители называют Кавказ Каспием, может быть от имени [племени] каспиев...»

«Албанцы больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам; однако они не дики и поэтому не очень воинственны. Они живут между иберийцами и Каспийским морем; на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберийцами...»

«Войска они выставляют более многочисленное, чем иберийцы. Именно они вооружают 60000 пехотинцев и 22000 всадников, со столь многочисленным войском они выступили против Помпея. Кочевники помогали албанцам, так же как и иберийцы, в войне с чужеземными и по тем же причинам. Впрочем они нередко нападают на них, так что мешают земледельческим занятиям. Албанцы вооружены дротиками и луками; они носят панцири и большие продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей подобно иберийцам. К области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо и море. Проход из Иберии в Албанию идет через безводную и каменистую область Камбисену к реке Алазонию...»

Их цари также замечательны. Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем. Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношения друг с другом...»

«... Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Теофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гелов и легов живут между амазонками и албанцами...»

«Наиболее высокими частями настоящего Кавказа являются самые южные его части – у Албании, Иберии, страны колхов и гениохов. Там обитают племена, которые... одни занимают вершины гор, другие же обитают в лесных долинах, питаются большей частью мясом диких животных, дикими плодами и молоком. Зимой вершины гор недоступны...»

«... Согласно Эратосфену, известный грекам путь вокруг этого (Каспийского – Б.А.) моря вдоль берегов албанцев и кадусиев составляет 5400 стадий, а вдоль анариаков, мардов и гирканов вплоть до устья реки Окса – 4800 стадий...»

«... При вторжении в Мидию вместе с Антонием Артавазд (сын Тиграна, царь Армении – Б.А.), выставил на смотр, кроме прочей конницы, еще 6000 покрытых броней лошадей, построив их в боевой порядок. Любителями такого рода конницы являются не только мидяне и армяне, но и албанцы, так как и они пользуются на войне покрытыми броней лошадьми...»

Страбон. География в 17 томах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Под общей ред. проф. С.Л. Утченко.

Ред. перевода, проф. О.О. Крюгер. М.: Наука, 1964. С. 467, 472, 475, 476, 477, 479, 480, 499.

□ □ □

Плутарх – древнегреческий писатель и историк (ок.45-ок.127)

«Помпей»

«... Помпей вступил в Армению по приглашению младшего Тиграна¹, который уже ранее отложился от отца и *теперь* встретил Помпея у реки Аракса, которая берет начало из одной местности с Ефратом, но впадает, повернув к востоку, в Каспийское море...»

... Поручив *Афранию*² охрану Армении, сам *Помпей* должен был продолжать поход против Митридата³ через земли племен, живущих вокруг Кавказа⁴. Главнейшие между ними – албаны и иберы: последние живут на *западном* склоне к Московским горам и Понту, а албаны – на *восточном* склоне к Каспийскому морю. Эти *последние* сначала согласились на *просьбу* Помпея пропустить его *через свои владения*; но когда зима *застигла* войско в *их* стране и у римлян наступал Кроновский праздник⁵, *то албаны* в числе не менее сорока тысяч человек напали на них, перейдя через реку Кирн⁶. Река эта берет начало в Иберийских горах⁷, принимает текущий из Армении Аракс и впадает двенадцатью устьями в Каспий... Помпей, хотя и мог воспрепятствовать переправе врагов *через Кирн*, но спокойно допустил их переправиться, а потом напал на них и обратил в бегство с огромным уроном; но когда царь их прислал послов с *просьбой о помиловании*, он простил эту обиду, возобновил мир и пошел против иберов, которые не уступая

¹ Сын Тиграна Великого, утвержденного властью Помпея правителем Софены и Гордиены, отторгнутых от владений его отца.

² Один из сторонников и ближайших помощников Помпея, ставший при его поддержке консулом в 60 г., управлявший от его имени Испанией в 55 г. до н.э. и участвовавший на его стороне в битве при Фарсале в 48 г.

³ Митридат IV – сенатор (132 – 63 гг. до н.э.) – царь Понтийского эллинистического царства – государства на южном берегу Черного моря.

⁴ В 65 г. до н.э.

⁵ Римляне называли его Сатурналиями.

⁶ Река Кирн, идентичная с Киром (или Кором) Страбона, отождествляется с современной Курой.

⁷ Горы в Армении (Мосхийские горы).

первым численностью и будучи еще более воинственными, сильно желали угодить Митридату и отразить Помпея. Иберы не покорялись ни мидянам, ни персам, избежали даже и македонского владычества вследствие поспешного удаления Александра из Гиркании. Однако Помпею удалось в большой битве нанести и им такое поражение, что девять тысяч было убито и более десяти тысяч взято в плен. Таким образом Помпей открыл себе путь в Колхиду; у Фасиса встретил его Сервилий¹ с эскадрой, охранявшей Понт.

Преследование Митридата, удалившегося к народам, жившим по Босфору и Меотиде, само по себе сопряжено было с большими затруднениями; а сверх того было донесено Помпею, что албаны снова восстали. С гневом и жаждой мести обратившись против них, он с трудом и опасностью переправился назад через Кири, который варвары на большом пространстве оградили частоколом; имея в виду предстоящий ему длинный и затруднительный путь по безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков и двинулся на неприятелей; у реки Абанта² он встретил шестьдесят тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы в боевом порядке, но с плохим вооружением и большей частью в звериных шкурах. Ими предводительствовал брат их царя, по имени Косис. Когда дело дошло до рукопашной схватки, он бросился на Помпея и ударил его копьем по складке панциря; но Помпей нанес ему смертельный удар копьем. Рассказывают, что в этом сражении помогали варварам и амазонки, спустившиеся с гор у реки Термодонта, так как после сражения римляне, снимая доспехи с убитых варваров, находили амазонские пелты³ и полусапожки; однако женского трупа не видели ни одного. Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними живут еще гелы и леги. Амазонки проводят с ними ежегодно по два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта, а затем удаляются и живут сами по себе⁴.

После этого сражения Помпей двинулся было к Гирканскому и

¹ Публий Сервилий.

² Река Абант (Авас) — в западной части Албании, упоминается у Кассия Диона... наряду с рекой Камбисом. Обычно идентифицируется с рекой Алазанном (современная Алазань).

³ Щиты.

⁴ В другой версии этого рассказа гелы и леги имеют лишь топографическое значение, а амазонки сожительствуют с племенем гаргареев, обитая при этом не на реке Термодонте, а на Северном Кавказе.

Каспийскому морю, но вследствие множества ядовитых пресмыкающихся отказался от этого намерения, не дойдя трех переходов до моря, и возвратился в Малую Армению...

[В триумфе Помпея] надписями на несомых впереди досках были обозначены земли и народы, над которыми он имел триумф. То были: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, албаны... В шествии были ведены пленные: ... сын Тиграна Армянского¹ с женой и дочерью, самого царя Тиграна супруга Зосима..., сестра, пятеро детей и скифские жены Митридата, заложники албанов и иберов...»

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М.: Л.: Изд. АН СССР, 1947. № 4 (22). С. 341 — 343, 344.

«Антоний»

«... Полководец Антоний Соссий² совершил много подвигов в Сирии, а Канидий³, оставленный им в Армении, победив армян и царей иберов и албанов, дошел до Кавказа...»

Там же. С. 344.

□ □ □

Корнелий Тацит⁴ об участии албан на стороне Иберии

«... иберы вторгаются с большим войском в Армению и овладевают городом Артаксатой. Узнав об этом, Артабан⁵ поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он дает ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наемников; Фарасман⁶ со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи⁷

¹ Наследовавший Тиграну II в 55 г. до н.э. сын его Артавазд.

² Гай Соссий (или Сосий), квестор в 66 г. и претор в 49 г. до н.э., являлся одним из ближайших соратников Марка Антония на востоке; в 38 г. до н.э. он был правителем Сирии и Каликии; в 34 г. он добился триумфа, а в 32 г. — консульства.

³ Марк Антоний Канидий — римский полководец.

⁴ Тацит — римский историк (ок. 58 — ок. 117 гг.)

⁵ Артабан — царь парфян.

⁶ Фарасман — царь Иберии.

⁷ Скептух — жезлоносец; вождь, сановник у восточных народов.

которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы – хозяева этой страны – быстро пропустили по каспийской дороге¹ сарматов, двинувшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного – между морем и оконечностями альбанских гор, воспользоваться которым, однако, препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно дующих в одном направлении ветров вода в эту пору заливают низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит ее назад, и, после того как она уйдет в море, обнажается береговая полоса мелководья.

Между тем усиленный отрядами союзников Фарасман вызывает на битву не имевшего вспомогательных войск Орода, и так как тот от нее уклоняется, тревожит его, кидается с конницей на его лагерь, препятствует заготовке корма для лошадей; и не раз он окружал вражеский стан заставами, как бы облагая его осадой, пока парфяне, не привыкшие к такому бесчестью, не обступили своего царевича и не потребовали, чтобы он повел их в сражение. Но они были сильны только конницей, а Фарасман располагал и хорошей пехотой. Ибо иберы и альбанцы, обитая в лесистых горах, привыкли к тяжелым условиям существования и поэтому гораздо выносливее парфян... Итак, после того как оба войска изготовились к бою, парфянский полководец в речи к воинам напомнил о владычестве на Востоке, о славе Арсакидов, о том, что их враг – безвестный ибер с войском наемников; Фарасман же говорил, что, не зная над собой парфянского ига, чем к большему они будут стремиться, тем большую славу принесет им победа, а если обратятся в бегство, то тем больше позора и опасностей навлекут на себя; он указал при этом на грозный боевой строй своих и на раззолоченные отряды мидян, говоря, что здесь мужи, там добыча.

Но сарматов воодушевила не только речь полководца: они сами убеждают друг друга не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашной схваткой. Отсюда – несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой ловкостью на скакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было бес-

¹ Т.е. как предполагается, вверх по течению Терека, через Дарьяльское ущелье, затем вдоль Арагвы, до ее слияния с Курой, и далее тем путем, который и ныне ведет из Грузии в Армению.

препятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, как это обычно в конном бою, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором тел и оружия. И вот уже альбаны и иберы хватают парфян, стаскивают их с коней, заставляют биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отставшие от них пехотинцы. В разгаре боя Фарасман и Ород, которые сражались среди передовых и бросались на помощь дрогнувшим и поэтому были заметны, узнают друг друга; с громким боевым кличем они устремляются с оружием один на другого, и Фарасман, упредив противника, рассек шлем Орода и нанес ему рану. Но, увлеченный вперед конем, он не смог повторить удар, и храбрейшие из воинов успели заслонить раненого; поверив, однако, ложной вести о его гибели, парфяне пришли в замешательство и уступили победу врагу...»

Тацит Корнелий. *Сочинения в двух томах. Т.1 Анналы. Малые произведения/ Изд. подготовили А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев.* Л.: Наука, Лен. отдел., 1969. С. 169 – 171.

□ □ □

А.-К.-А. Бакиханов о походе Помпея на Албанию

Судя по количеству войск, выступивших, по свидетельству Плутарха¹ и Страбона² из Албании против Помпея, можно заключить, что Албания в 65 г. до н.э. была сильным государством. Помпей, первый из римских полководцев разбил Митридата – царя Понтийского и покорил Тиграна – царя Армянского³. Первого из них, удалившегося на северо-восточные берега Черного моря, Помпей хотел преследовать через Кавказ, для чего просил у албанцев и иверцев разрешения пройти через их земли и получил его. Однако из-за наступления зимы он был вынужден расположиться на зимовку на берегу р. Куры. Албанцы числом 40 тысяч хотели внезапно напасть на него. Помпей не препят-

¹ Плутарх. Помпей. С. 282 – 284.

² Страбон. География. С. 219 – 221.

³ Тигран II Великий – царь армянский. Длительное время вел войну с Римом. В 66 г. до н.э. потерпел поражение и признал себя вассалом Рима

ствовал им переправиться через реку, но, когда они появились на другом берегу, он разбил их наголову, и Оризий, царь Албанский, принужден был просить мира, в чем ему не было отказано.

Помпей, продолжая свой путь, дошел до Колхиды, но, получив известие, что албанцы вторично ополчились против него, возвратился тем же путем и, пройдя безводные степи, находящиеся между Курой и Араксом, встретил албанцев, имевших 60 тысяч пеших и 12 тысяч конных воинов, на берегу реки Абазы, разбил их вторично и убил своею рукою Козиса, сына албанского царя, который руководил сражением. Перейдя через Аракс, Помпей хотел преследовать албанцев до берегов моря, отстоявшего от места сражения на три перехода, но его остановило множество бывших там ядовитых змей и он возвратился в Малую Армению.

В начале царствования римских императоров албанцы, союзники иверийских царей, вмешивались в споры парфян и римлян за Армению. Тацит¹ пишет, что император Тиберий² назначил Митридата, брата Фаразмана, царствовавшего тогда в Иверии, царем армянским, но Артабан, царь парфянский, сам притязал на Армению и воспротивился этому. Фаразман с албанцами, помогая Митридату, привел к нему на помощь сарматов через Дагестан, Ширван и ущелье Карабагское (выше Ганджи) и дело кончилось для них успешно. Многие области персидские находились под властью парфян, которые, если и не повелевали Албанией, то по крайней мере имели на нее большое влияние.

Чамчиан³ пишет, что царь армянский Арташат, сын Санатрука, в 88 году н.э. сражался в степи Албанской (Муган) с объединившимися аланами, дагестанцами, горцами и с частью иверцев, разбил их и взял в плен Сатена, сына царя Аланского, а часть его войска перешла на левый берег Куры. Царь аланский запросил мира. Дочь его Сатеник, явившись на берег реки, сказала через переводчика Арташату: «Мудрый и могущественный царь! Убиением брата моего ты поселишь вечную вражду между двумя сильными государями. Арташат переправился на левый берег, разговорился с ней и, пленившись ее красо-

тою и умом, послал к отцу ее своего полководца Сумбата с просьбою выдать за него Сатеник. После бракосочетания Сатен был освобожден и оба царя возвратились в свои владения. Спустя некоторое время царь аланский умер и престолом овладел один из его полководцев. Сатен прибег к помощи Арташата, который отправил на помощь Сумбата с войском. После сильного сражения похититель престола бежал к тюркам и, преследуемый за Дербендом, потерял много воинов убитыми и пленными. Остальных воинов Сумбат переселил в Армению, а Сатен утвердился на наследственном престоле. В подтверждение сказанного мы видим близ города Казикумука деревню и гору, называемые Сумбат...

После смерти Хосрова, когда в Армении произошли беспорядки, Ардашир Сасанидский овладел оной и старался уничтожить потомство Хосрова, но Артаваз один из армянских сановников, увез Тиридата, сына Хосрова в Кесарию. Тиридат был весьма силен и храбр, поступил в военную службу, обрел себе славу и с помощью римских войск снова завладел Арменией. В 289 и 290 гг. Тиридат покорил Иверию, Агван (Ширван) и Маскат (вероятно часть Табасарана, Кюринского владения и верхнюю часть Кубинского уезда). Он послал Сумбата, из потомков Сумбата I, просить в супруги у аланского царя его дочь Ешкен. От нее впоследствии родился Хосров II. Албанцы вторично возмутились, и Тиридат выступил снова. Многочисленное с обеих сторон войско выстроилось в степи Муганской и в очень жестокой битве старший предводитель армянских войск Артаваз был убит. Тиридат, озлобленный этим, бросился в ряды сражающихся. Мужественный Катаргун, родом из алан, царь Баслаский, накинул на него аркан, но Тиридат перерубил его, самого Катаргуна убил, и албанцы были рассеяны. Преследуя их, Тиридат покорил Алан, Баслас, Гаптах и Гун, которых по случаю их взаимного смешения принимают за один народ. Взяв у них заложников, он возвратился.

Бакиханов А.-К.-А. Указ. Соч. С. 41 – 43.

□ □ □

¹ Корнелий Тацит (ок. 58 – ок.117) – римский историк. См. Летопись. С. 209 и сл.

² Тиберий (42 г. до н.э. – 37 г. до н.э.) – римский император.

³ Чамчиан М. История Армении. Венеция, 1784. Т. III. С. 132. Сведения свои Чамчиан заимствовал у М. Хоренского, Ф. Бузанда и Моисея Каганкатвази.

¹ Сумбат (Сумбат) – Сумбатль (Сумматул, Сумбатул) – село в Кулинском районе Республики Дагестан.

О походах Сасанидских царей на Кавказ и строительстве Дербентской стены

Автор *Дербенд-наме* сообщает, что каждая война между тюрками и персами оставляла в Ширване, Армении и Азербайджане свои гибельные следы. Кубад, царь персидский, сын Фируза из династии Сасанидов [488-531], заключил мир с хаканом, царем хазарским, который имел 400-тысячное войско и жил в своей столице на берегу Волги. ... Кубад, женившись на дочери хакана, отправил к нему посла и просил согласие на построение стены, которая бы разделяла их государства, на что хакан дал свое согласие.

Кубад знал из истории, что Дербенд – место святое, здесь находилась стена Искендера Зу-л-Карнайна. Некоторые историки уверяют, что эта стена почти на милю вдавалась в Каспийское море и тянулась до Черного моря. Кубад приказал расчистить фундамент старой стены и возвести на нем новую. Он протянул ее выше Табасарана и поставил на некоторых местах железные ворота. После этого он возвел южную стену Дербенда и расположил там город, и все это выполнялось в течение семи лет. По окончании строительства, когда Кубад убедился, что хазары, несмотря на свою силу, не смогут перейти через эту стену, он возвратил дочь хакана к отцу, чтобы не смешивать крови своей и не дать повода к притязаниям на персидский престол.

Некоторые историки уверяют, что эту стену начал строить Ездигерд, сын Сасанида Бахрама, а Ануширван сын Кубада только завершил ее постройку. Кубад и Ануширван переселили сюда разные племена из Персии и основали в этом краю много городов и селений. Ануширван при жизни своего отца долгое время находился здесь; и прежде чем возвести Дербентскую стену, которая называется также и хазарской, он поправил разрушенные места Алгонской стены, построенной Исфендияром сыном Гиштаспа, начиная от моря и до горы и поставил в ней ворота, названные Аланскими. Он и сам имел здесь свою резиденцию. Затем, с позволения отца, он построил 360 крепостей и городов по обеим сторонам Дербенда, от Алгона до Аграна (ныне деревня Чильюрт на Сулаке) и, заселив их многими племенами из разных персидских областей, разделил эту страну на семь округов:

1. *Гюльбах*, в котором находился город Агран, что на правом берегу Сулака (Койсу); крепость Сурхаб, в Кизил-Яре (Кизляре), ниже Андреевой деревни, Кичимаджар в Чумлу, выше той же деревни; Улумаджар, названный впоследствии Татартоп...

2. *Владение Туманшаха*, в котором были крепости: Семендер, ныне *Тарки Энджи*, развалины которой видны и поныне, в трех милях отсюда на берегу моря, *Кейван*, между Тарками и Андреевой деревней; город *Бах* на правом берегу Сулака (Койсу), крепость коего находилась к северу, на противоположном берегу вместе с некоторыми другими крепостями, расположенными до владения Гамри (Кичигамри – сел. в Сергокалинском районе – состав.). Ануширван оставил в них гарнизоны из племени Тумана, оставленного им там же, и из их среды избрал правителя по имени Туманшах. Город Агран (Ихран – состав.), где Исфандияр воссел на золотой престол, был сделан столицей края. Местному правителю были отданы серебряный рудник близ устья Терека и медный рудник при Агрane. Горячие ключи на левом берегу Сулака (выше Чильюрта) и теперь называются Гельбахскими водами.

3. *Кайтак* имел несколько крепостей и своего эмира. Ануширван переселил сюда много жителей из Гиляна и Кашана. В этом же округе находился *Зирих-Геран*, нынешние Кубачи.

4. *Нагорный Кумук*, ныне Казикумук и магалы Акушинские и некоторые *Аварские*. Сюда он назначил эмира со званием *Филаншаха*. *Табасаран*, жители которого составляли лучшее войско Дербентского округа. Они переселены из Табаристана и Исфахана. Эмир их именовался *Гиджран-шах*.

6. *Маскеты*, ниже Табасарана и Нагорного Кумука. Его жители состояли из аланов и были малочисленнее других. Эмир их был назван *Бутюн-шах*.

7. *Шабран и Мускур* (восточная часть Кубинского уезда), где были города *Шабран*, *Багдад-Гергер*, находящийся на расстоянии одной мили от него, и *Абат*. В *Мускуре-Кясран* и в трех милях, не доходя до Дербенда, *Сул* или *Цур*, со многими другими городами и селениями. В *Мускуре*, в *Кюринском* владении и в *Ахта*х он поселил некоторое число жителей из *Фарса* и поставил над ними эмира из своего дома. Когда Ануширван устроил таким образом пограничные дела и возвратился, то хакан овладел Гельбахским округом и оставил в городе Агрane эмира своих войск. Говорят, что до Ануширвана в том же самом порядке построил много городов и крепостей и Исфандияр, который разделил их тоже на семь округов. Жители окрестностей Аграна были им переселены сюда из *Хорасана*. Местопребыванием этого эмира также был Агран.

В *Ахты-наме* сказано, что эмир *Шахбани* из рода Сасанидов с 60

семействами и с 300 воинов из Фарса был отправлен Ануширваном для постройки крепости на том месте, где теперь деревня Ахты. Возле нее и поныне видны остатки крепости Шахбани. Истратив 1500 золотых монет, он построил на горячих Ахтынских водах баню и назначил за купание пошлину¹.

В 560 г., когда Ануширван после 30-летнего царствования был назван Справедливым, почетные жители округа собрались в бане и попросили Шахбани уговорить Ануширвана снять с них пошлины. Шахбани отправил к Ануширвану, который тогда был в Азербайджане, своего сына шаха Асана. Асан возвратился с удовлетворением народной просьбы. После этого, спустя 15 лет, Шахбани умер и ему наследовал его сын Шах-Асан, правивший 12 лет...

Умар ибн ал-Варди в *Харитат ал-аджа'иб* (древней арабской географии)² говорит, что Баб ал-Абваб (Ворота ворот) это город к северу от Персии, со многими фруктовыми садами. Построен он Ануширваном на берегу Каспийского моря и преграждает путь хазарам. Абваб (ворота) находятся в ущельях Кайтакских гор: Баб Сул (Сул), Баб-Алан, Баб Сабран, Баб Лазика, Баб Седжасы, Баб Сахиб Сарир, Баб Филан-шах, Баб Каруман-шах, Баб Иран-шах и Баб-Лизан-шах. А так как Дербенд на большой дороге был важнее всех укреплений, то он назывался Баб ал-Абваб. Его стена тянется до высокой горы, на которой много укреплений.

Абу-л-Хасан ал-Мас'уди говорит, что на этой стороне есть триста городов и жители каждого из них говорят на особом языке, не похожем на другой. Ибн Хаукал пишет: «Я сначала этому не верил, но наконец убедился, что в числе многих владений этого края есть владение Ширваншаха, которое занимает большое пространство и имеет много построек и селений, жители которых не подчиняются властям. Царство Ширваншаха основано Ануширваном».

Авторы книги *Раузат ас-сафа*, *Хуласат ал-ахбар* и многие другие историки говорят, что на дочери хакана женился Ануширван, а не Кубад, как сказано выше, и не отсылал ее к отцу, а имел от нее двух сыновей, Нушизада и Ормуза...

После смерти Ануширвана в 578 г. (44 год хиджры) на персидский престол взошел Хормуз [Хормизад – 579-590]. Его называют *Тюрк-заде* (рожденный от тюрка).

Автор *Раузат ас-сафа* пишет, что при Хормузе хазары, пройдя через Дербенд, разграбили Армению и Азербайджан. По словам д'Анвиля, это случилось в 626 г. вследствие происков императора

Ираклия. В *Грузида* и других книгах сказано, что народ, притесняемый злоупотреблениями Ормуза, возмутился и стал чеканить монеты от имени его сына Хосрова Парвиза, который, опасаясь отца, удалился в Азербайджан.

... После Ануширвана о Ширване ничего особенного неизвестно, кроме того, что, пользуясь беспорядками в Персии, хазары производили частые набеги и опустошения до тех пор, пока не появились арабские войска и постоянными победами не подчинили своей власти этот край.

¹ Согласно извлечению А.Ф. Десимона, Шахбани был племянником Ануширвана. По его поручению Шахбани изыскал местонахождение Ахтынских горячих вод. Близ них он основал село и устроил бани, наложив подать на тех, кто пользовался ими, с тем, чтобы весь доход поступал в казну Ануширвана. А когда Ануширван стал шахом, то по просьбе жителей он освободил их от этой подати / Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С.Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 3. С. 381; см. также: История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 364; А.-К.-А. Бакиханов. Указ.соч. С. 219.

² Умар ибн ал-Варди (1291-1349) – арабский литератор, поэт, факих и грамматик.

Бакиханов А.-К.-А. Указ. соч. С. 43-47, 219.

□ □ □

Об основании Ахты Сасанидами, завоевании хазарами Южного Дагестана и походе сюда Абу-Муслима

Многолюднейшие селения горных обществ лежат по правому берегу Самура, главное из этих селений Ахты весьма многолюдно и расположено в живописной долине при слиянии речки Ахтычая с Самуром. В 5-ти вер. От Ахты вверх по Ахтычаю есть горячие серные минеральные воды весьма высокой температуры: в VI веке они уже были известны персам, которые построили близ их баню и крепостцу: остатки последней и теперь еще видны на крутой горе по левую сторону речки Ахтычай.

По преданиям народным первым владельцем страны, где ныне Ахтинский округ, и основателем самого селения, был Шах-Баня, племянник персидского пади-шаха Кубада сасанидской династии, и двоюродный брат наследовавшего ему сына его Нуширвана.

Из древней рукописи, полученной от ахтынского жителя старика Абдула-эфенди¹, видно, что Нуширван в бытность еще царевичем, проживал в Дербенте, и, услышав много хорошего о минеральных водах, близ Ахты находящихся, отправил упомянутого родственника своего Шах-Бану с несколькими нукерами (прислужниками) отыскать воды и испытать их. Получив же от Шах-Бану одобрительное сведение об открытых им водах, отправил туда 60 семейств из персов и 300 чел. воинов, которые близ самых вод основали деревню и устроили бани, наложив на пользующихся оными подать, с тем, чтобы весь доход поступал в казну Нуширвана. Когда же последний сделался шахом, то почетные жители нынешнего селения Ахты прибегнули к правителю своему Шах-Бану с просьбою о сложении с бань подати, говоря: «что вероятно Нуширван, – если он только правосуден, – не откажет им в исполнении их просьбы, в особенности когда узнает о скудости земли их», и действительно Нуширван, по представительству брата своего Шах-Бану, избавил их от подати и заслужил от потомства название царя справедливого. По смерти Шах-Бану владение селением Ахты поручено было сыну его Шах-Сану, который управлял им 12 лет.

Вскоре после этого Каган царь казарский завоевал Дербент и часть вольных обществ. В городе Микраге (ныне деревня), находящемся на правом берегу Самура, он оставил наместником одного из своих соплеменников, по имени Самсама, назначив к нему в помощники Эмир-Каги, который был родом из Дамаска; на левом берегу Самура против города Кыла-Кюри (теперь деревня)... для большего обеспечения Самсам основал город Тарса, населив его жителями с Кавказской области. Самсам этим не удовольствовался и простирал виды свои на округ Ахтинский, которым владел тогда также из рода Нуширвана, некто Дервиш-аи. Много раз Самсам подходил с сильною ратью под с. Ахты и держал его в осаде, но Дервиш-Аи, подкупив владетеля Тарса и пригласив на помощь других своих соседей, заставил Самсама обратиться в бегство. С тех пор владетели Ахты и Микрага были врагами непримиримыми.

В половине VIII столетия, когда арабы во второй поход против горских народов покорили своему владычеству часть Южного Даге-

¹ Рукопись эта снята одним ученым магометанином Рефи Ширванским в 712 г. эгире (в 1296 г. по р.х.) с ветхой тетради, писанной еще в 318 г. эгире (в 902 г. по р.х.).

стана, сестра предводителя арабских войск Абу-Муслима, Юмюл Маминад, пришла с войском в вольные общества и, взяв город Кыла-Кюри, обратилась к Микрагу. Владетель Ахтинский Дервиш-Аи, не переставая питать злобу к своему сопернику, узнав это, немедленно явился к арабской победительнице с покорностью и предложением услуг своих действовать общими силами против Самсама. Семь месяцев Микраг был в осаде и упорствовал, но Дервиш-Аи открыл наконец к нему путь изменою, склонив на свою сторону любимца Самсама Эмир-Кяга: врата города были отворены и Самсам был лишен жизни, а из жителей пощажены только те, которые приняли магометанскую веру, упорные же идолопоклонники были все истреблены. Эмир-Кяга сделался начальником Микрага с окрестными селениями Кыла-Кюри и Курушем; а Юмюл Маминад, по желанию брата своего Абу-Муслима, вышла замуж за Дервиш-Аи и поселилась в городе Шах-Бану, который был тогда переименован в Ахты или Ухты, что значит сестрин-

С этой эпохи в вольных обществах распространилась вера Магомета.

Деспиш А.Ф. Исторические сведения о бывших вольных общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ... // Материалы по истории Дагестана и Чечни. С. 380 – 382; История, география и этнография Дагестана. XVIII – XIX вв. С. 363 – 365.

□ □ □

Песня о Минкюллю

Когда Минкюллю пас свои стада, к нему подошел незнакомец и предложил сходить домой. Его три «брата» – собаки предупреждают, чтобы Минкюллю не оставался дома более трех дней, ибо тогда может случиться беда. Пастух клянется следовать советам овчарок, поручает им отары и уходит. Незнакомец, оказывается, был подослан врагами, которые воспользовавшись отсутствием хозяина, угоняют овец. Минкюллю, ничего не подозревая, идет к своей невесте Айханым (по некоторым вариантам – к молодой жене) и задерживается там на четвертый день. Айханым была ясновидящей: она сказала Минкюллю о случившемся. Пастух побежал к отцу, попросил у него коня, кольчугу, лук, саблю, но отец отказал. Возмущенный Минкюллю садится на своего коня и скачет за врагами. По пути он встречает одну за другой

израненных в бою богатырских собак, шилом «латает» им распоротые врагами животы, и они устремляются вместе с ним в погоню за врагами. Нагнав врагов, Минкюллю истребляет их всех, кроме одного, который и ранит героя в колено. Самая отважная из собак по просьбе Минкюллю извещает Айханым о случившемся. Она подоспела тотчас же и вынула стрелу из тела Минкюллю. Но герой все же умирает. После этого Айханым приложила кинжал рукояткой к груди жениха (мужа), острием – к своей груди и легла на кинжал. Минкюллю превратил своих овец в свиней, а собак – в волков (мотивация: чтобы собаки и овцы не достались отцу), от которых и произошли в мире свиньи и волки.

Аджиев А.М. Историко-типологический анализ образов и сюжета кумыкского эпоса о Минкюллю // Поэтика фольклора народов Дагестана. / Сборник статей/ Махачкала, 1981. С. 5 – 6.

□ □ □

Лезгинский героический эпос «Шарвили»

Время создания лезгинского героического эпоса восходит к началу нашей эры. В нем дана широкомасштабная панорама борьбы лезгиноязычных народов с чужеземными завоевателями. Эпос состоит из 20 сказов. В 1990 году (январь-февраль) семь сказов эпоса были опубликованы на лезгинском языке в газете «Коммунист». В том же году (март-апрель) два первых сказа и введение к эпосу были опубликованы на русском языке в газетах «Дагестанская правда» и «Комсомолец Дагестана». Продолжается публикация последующих глав на русском языке в журнале «Женщина Дагестана» и «Советский Дагестан». Авторы данной книги, занимающиеся сбором, обработкой и переводом эпоса на русский язык предлагают читателям третий сказ эпоса. Он посвящен одному из первых подвигов Шарвили – освобождению Ковара (Къевара) – так в древности лезгины называли Дербент.

СКАЗ ТРЕТИЙ

ОСВОБОЖДЕНИЕ КОВАРА

1. ДНИ ЛУНЫ

Шарвили любил с друзьями
Вацракар¹ водить упрямо

За аулом, над рекой
Светлым лунным вечерком.

Чтобы все могли чудесить
Народился новый месяц
И, повиснув между звезд,
Стал на свой обычный пост.

Быстро из ветвей кизила
Полумесяц смастерили
И вокруг игрушки той
Закружились чередой.

В шерстяных чухах² джигиты
В такт шагают деловито,
А напротив, ставши в ряд,
Девы напевают в лад

Песнь обрядовую, чтобы
Из сердец изгнавши злобу,
Из людских, богиня Мен³
Принесла счастливый день.

– Мен, о милая ~~Меня~~,
Усмири свою гордыню,
В облаках не хоронись,
Да над нами наклонись.

Нашей радости помеха
Злые козни Алапеха,
И поэтому в ответ
Выплесни молочный свет

Освети весь мир на радость,
Ведь нам многого не надо:
Наши не ввергал бы в грех
Души злобный Алапех.

А потом крылатой песне
На лужайке стало тесно.
И вонзились в небеса
Молодые голоса.

И поют самозабвенно
Девы о сокровенном,
Хор джигитов их словам
Вторит, уловив едва.

«Рипе кюль»⁴ танцуют пары
Среди них и сын Даглара⁵,
Принаряженная сплошь
Веселится молодежь.

В стороне костер огромный,
Освещает мир он темный,
Щедрый всем от предков дар
Этот праздник Вацракар.

2. ГОРЕЦ

По извилюстой дороге
Мчится всадник одинокий.
Очень скоро, знает он,
Упадет усталый конь.

Весь израненный и бледный,
Одолов подъем последний,
Не имея больше сил,
Он к лужайке подскочил.

Подошли к нему джигиты,
Видят плащ на нем расшитый
Золотом и серебром.
И почуяли нутром

Что известие худое
Нынче он принес с собою.
Отвели его к костру,
Там опомнится к утру.

Но успел промолвить всадник,
Ртом хватая воздух жадно:
– Передайте Шарвили,
Что в Ковар враги пришли.

То не воины простые, –
Валят толпами густыми
За войсками племена,
Им не знают имена.

И не ведают пришельцы
Страх. Наши земледельцы

Иль от стрел мгновенно мрут,
Или в ужасе бегут.

А ведь их вождь косматый,
Кровоопийца бородатый.
Слышали звериный рык? —
Так ужасен их язык.

В пламени земля Ковара,
Сможет только сын Даглара
Драться против той орды,
Нас избавить от беды.

3. КЛИЧ ШИРВИЛИ

Всяческой хвалы достоин
Этот полумертвый воин,
Он до цели доскакал, —
Тихо Шарвили сказал. —

Наступило наше время
И неведомое племя,
Захватившее Ковар,
Наш почувствует удар.

У Ковара нет защиты,
И поэтому, джигиты,
Нам нужна большая рать.
Как бы восточку послать

В горы всем дружинам
вольным.

Житием своим довольным,
Чтобы на исходе дня
Дожидались здесь меня?!

Скоро стражники отважно
Развели костры на башнях.
Вслед за тем во все концы
Ускакали и гонцы.

Отцвела заря, к полудню
На лужайке стало людно:
По тропинкам к Шарвили
Добровольцы потекли.

Вот, одетые в овчину,
Чабаны несут дубины,
Косы взяли косари,
Дровосеки — топоры.

Воины стоят с мечами,
Луки спрятав за плечами.
И охотники пришли,
Зов услышав Шарвили.

На конях сидят джигиты,
Копья точат деловито.
Разве пощадит врага
Мести крепкая рука?!

Беспокойно конь волшебный
Бьет копытом. Он враждебный
Чует дух издалика,
Где кровавая река

По земле течет Ковара.
И доволен сын Даглара
Ратью храброю своей,
Как себе он верит ей.

В это время у Самбура⁶
Старый Кас-Буга⁷ с чунгуром⁸
Появился. Он щепнул
Золоченую струну:

— Развеваются тараты⁹
И блестят на солнце латы.
Здесь — бесстрашный, удалой
Всадников и пеших строй.

Трудная у вас задача.
Да сопутствует удача
Вам. И дух родной земли
Пусть поможет Шарвили!

Быстротечною рекою,
Изогнувшейся дугою,
Потекла Ковар спасать
Вниз по склону эта рать.

4. НАШЕСТВИЕ

Кто не слышал о товарах
Града славного Ковара?
Кто откажется любить
Томных той страны девиц?

Некогда сомкнулись дружно
Берег Каспия жемчужный
И крутые горы здесь,
Породив густую смесь

Языков, культур, народов.
Проходили дни и годы,
Головы слетали с плеч.
Но забыть родную речь

Не могли совсем коварцы.
Ибо, говорили старцы,
С незапамятных времён
Город этот заповеден

Племенами гор высоких.
Избегая битв жестоких,
Сильный получил удар
Вновь изнеженный Ковар.

И теперь святые храмы
Превратились в кучу хлама,
И коварская стена
Северная снесена.

Оживленные кварталы
Пустырями ныне стали.
Наступает враг и вот
В ужасе бежит народ.

И нельзя умилосердить
Кровожадных иноземцев,
И заметны их следы,
Словно знак большой беды.

Шарвили послал дозорных
Чтобы выведать проворно

Велика ли вражья рать,
Как получше бой начать.

Ведь в бою не только сила,
Но и хитрость приносила,
Как говаривал народ,
Воинам победы плод.

5. ИЗГНАНИЕ ВРАГА

«Мало у меня джигитов, —
Мыслит Шарвили сердито. —
Их от смерти убережь
Мне поможет верный меч».

Вот стоят друг против друга,
Вспениваясь многоруко
Два безжалостных врага,
И до смерти два шага.

Ждут они сигнала к бою,
Одержат любой ценою
Верх готовы над врагом.
Тишина царит кругом.

Не спешит начать, однако,
Шарвили сегодня драку.
На рожон не стоит лезть,
Если выход лучший есть.

Он, в седло садясь привычно,
Чужеземцам крикнул зычно:
— Эй, рабы зловонных брюх,
По округе ходит слух.

Дескать, ваш непобедимый,
Уважаемый, любимый
Всеми главный пехлеван
Нынче хвост прижал, болван.

Коль не спрятался трусливо,
С ним разделался бы живо
Я. Но если победит
Ваш прославленный джигит,

Рать моя уйдет покорно,
И тогда весь край наш горный,
Начиная с дня сего,
Станет данником его.

Согласились кровопийцы,
И огромный, желтолицый,
Воя, точно ураган,
В поле вышел великан.

Желтый лик страшнее смерти,
Нагоняет страх на сердце.
Узкий свой прищуриль глаз
К Шарвили сей дикобраз

Направляется беспечно.
Он надеется, конечно,
Выбить дух из удалца,
Щелкнув по лбу наглеца.

Горячится конь ретивый,
Шарвили нетерпеливый,
Он врага не станет ждать
Сам привычен нападать.

Наконец, пришел грозный
Палицею виртуозно
Завертел над головой,
Начиная жаркий бой.

И пошла земля комками,
Задрожав под их ногами.
Бьют копытами скакуны,
Забияки-драчуны.

Обнялись в единоборстве
Равные в своем упорстве
Статный юный пехлеван
И косматый великан.

Пот – ручьем, одежда в клочья,
Полны ненавистью очи.
Копья сломаны и в бой
Меч пускает наш герой.

Ослеплен сияньем ярким,
Вышел из-под взоров парки
Желтолицый великан,
И от двух смертельных ран,
Испутив свой дух поганый,
Он упал на поле бранном.
Но, узрев такой исход,
Чужеземный тот народ,

Зазывая от обиды,
Вздыбив лошадей сердито,
В бой пошел, решая спор,
Нарушая договор.

Шарвили не знал: насильник
Верит в собственные силы,
Ну а тут он понял сам,
Грош цена его словам.

Отрезвленный вероломством
Незнакомому потомства,
Он в сердцах рванулся в бой,
Разбивая вражий строй.

Вот дерутся гаргарейцы¹⁰,
На врагов бросая сети.
Здесь джигиты из Ути
Перекрыли им пути.

Там отряд воюет турецкий,
Меж врагов шныряя юрко,
И кюринцы-смельчаки
За коварцев очаги

Жизнь свою отдать готовы.
Молчалив цахур суровый,
Но его короткий меч
Славную заводит речь.

Слева с копьями шабранцы
Потеснили голодранцев,
Рубятся, сомкнув уста,
Не жалеют живота.

Где же он, их вождь косматый,
Кровопийца бородатый?
Ищет Шарвили его –
Обнаружить нелегко.

Далеко его берлога,
Наш герой туда дорогу
Прорубает сквозь ряды
Вражьи воинов. Следы

Оставляя от ударов
Своего меча. От кары
Предводитель не уйдет,
Все равно его найдет.

Вот и он. Охрана рядом,
Перебитая отрядом
Из Гиюра, полегли,
Словно спать сюда пришли.

Враг повержен на колени,
Обращается в смятении
К Шарвили: – Пощады жду,
Сам полез в твою узду...

Гнев и ярость враз иссякли
Видит горец, этот дряхлый
Чужеземец, сын степей,
Не опасен он теперь.

Кто повержен, тот – убитый.
Не коснется меч джигита
Сдавшегося в плен врага,
Суть смешного дурака.

– Рать моя тобой разбита,
Прикажи своим джигитам
Бой сейчас же прекратить,
Мы готовы вам служить.

– Так и быть – сказал
с презреньем
Победитель. Враг
с кряхтеньем,

Робко встав с сырой земли,
Поклонился Шарвили.

Отступил назад, оскалясь,
Миг, и пятки засверкали,
И пошла трусливо вспять
Желтолицая та рать.

А потом Ковар стеною,
В десять юков¹¹ высоту
Шарвили опять обнес,
Мир коварцам он принес.

Вот и все. И на равнине
Делать нечего отныне
Победителю. И он
Воротился в отчий дом.

Здесь в заботах повседневных
И беседах душевных
Мирно дни его текли, –
Любят люди Шарвили.

¹ Вацракар (Вацран йикъар) – буквально: Дни луны. Театрализованное представление в играх.

² Чуха – верхняя горская одежда, род черкески.

³ Мен – богиня Луны, Алапехь – бог мрака.

⁴ «Рипе кюль» – название лезгинской народной песни.

⁵ Сын Даглара – Шарвили. Отца Шарвили звали Дагларом.

⁶ Самбур – старинное название реки Самур.

⁷ Кас-Буба – волшебник и певец.

⁸ Чунгур — музыкальный струнный инструмент.

⁹ Тараты — боевые знамена.

¹⁰ Гаргарейцы, ути (предки удинов — древние народы Кавказа.)

¹¹ Юк (юк1) — мера длины равная 1 м.

Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. (Краткий научно-популярный очерк). Махачкала, 1990. С. 53 — 57.

□ □ □

Лезгинская эпическая поэзия о Шарвили

Подвиг

В давние времена у лезгин был прославленный богатырь Шарвили. Он жил в лесах, в селах и горах. Иногда он воевал на морях, в самых опасных местах.

Однажды, когда он возвращался, захотел немножко отдохнуть. Он посмотрел по сторонам: кругом ни души не было, и где-то из долины он услышал топот коня.

Вскоре к нему подъехал всадник огромного роста, поздоровался с Шарвили и сказал:

«Брат мой, что ты здесь стоишь, идем со мной, будешь гостем». Шарвили пошел с ним. Его угостили, а за угощением он услышал поющий голос Кас-бубы, в песне своей он призывал народ защитить свою родину от напавших врагов, он призывал невест и матерей благословить на ратный подвиг своих сыновей и возлюбленных.

«Когда родина в опасности, не до любви бывает. Глазам спать некогда, маленькие дети в люльках и то не засыпают».

Так пел он несколько дней, ходил по аулам: Ахты, Шабран, Цахур.

За короткое время 60 тысяч молодых людей вооружились и приготовились к бою. В это время прискакал огромный Шарвили на своем чудо-коне с поднятым в руке мечом. Глаза его горели гневом, он обратился к войску со словами:

— Мои друзья! Наша родина в опасности, и чтобы защитить ее, необходимо приложить все усилия.

— Мы готовы защищать свою родину до последней капли крови, — ответили собравшиеся войска. — Для этого мы здесь и собрались.

В это время Шарвили крикнул: «Товарищи, держите свои сердца крепко», — и с этими словами они тронулись в путь.

Сокращая поля, расстояния они дошли до войска Луклула. Они

истребили врагов, подобно снопам, которые лежали в поле. В этой войне всех врагов уничтожили лезгины.

Затем Шарвили отправился к главнокомандующему Луклулу. От удара с левой стороны, Луклул вскрикнул.

Долго они воевали и через некоторое время они дошли до одного хребта.

Оттуда Луклул крикнул своим громовым голосом, отчего лезгины испугались, но через некоторое время Шарвили, в свою очередь, крикнул своим голосом.

От его голоса горы, долины стали рассыпаться и превращаться в равнины, а меч свой он занес на Луклула, но враг остался жив, который ответно ударил Шарвили. Но Шарвили, огромный, как дом, стоял и не шелохнулся. Потом Шарвили схватил свою шашку и ею ударил Луклула. Удар Шарвили его задел — враг собрал все свои силы и быстро скрылся. Так победил Шарвили.

Ганиева А. В поисках легендарного героя. Махачкала: Даг-книгоиздат, 1986. С. 114 — 115.

□ □ □

Лезгинский богатырь

... Однажды на свадьбе Шарвили слушал песни, в разгар свадьбы приезжают семеро всадников к Шарвили и все стоят, опустив головы. Шарвили спрашивает: «Что случилось? Почему вы стоите, опустив головы? Пока'я с вами, вы головы не опускайте».

Вестники сказали, что на страну напало войско иноземцев. Многие села уже разорены, многие уничтожены и взяты в плен.

Услышав это, волосы Шарвили стали дыбом, как столбы. А сам стал раздуваться и еще больше увеличиваться. Постепенно он стал подобен горе. Люди рядом с ним казались детьми, впервые вставшие на ноги, а кони были подобны котяткам.

Узнав, что на его сторону напал враг, он не мог сдержать себя и ударил землю ногой так, что земля задрожала и нога до колена вошла в нее.

Сначала Шарвили сам один хотел идти и расправиться с врагами, но когда понял, что его одного все равно народ не пустит, он взял свою семиметровую шашку и семипудовый меч и позвал смельчаков. На клич Шарвили стали стекаться все молодые люди всех городов и сел.

Молодежи вокруг Шарвили собралось столько, что игле, подброшенной в небо, негде было бы упасть.

Все долины и горы были черным-черны от людей. Все ждали одного только слова Шарвили, чтобы двинуться на врага. Шарвили же ждал прихода мудреца лезгин Кас-бубы.

Войско благословил Кас-буба и сам во главе с Шарвили направился на врага по южной стороне.

Укорачивая путь, укорачивая расстояние, днем отдыхали, ночью шли, так войско прибыло к местам, которые были захвачены врагом и истреблены им.

Увидев это, Шарвили сказал главнокомандующему войском врагов: «Мужчина тайно не нападает. Если ты мужественный человек, выйди на площадь, поборемся, посмотрим, кто кого победит».

Но враг на площадь не вышел. Он знал, что Шарвили его шею, как шею цыпленка, свернет.

Тогда Шарвили предлагает, чтобы богатыри обоих войск состязались. «Даже таким образом можно меньше пролить крови, - подумал он». И на этот раз враги не поддержали предложение Шарвили. Увидев это, Шарвили сказал: «Или ты уйдешь в ту страну, откуда пришел, или я твоё войско уничтожу, как мух».

Царь вражеских войск не согласился освободить осажденные города и приказал своему войску наступать. Тогда Шарвили на белом коне, с мечом и шашкой стал уничтожать врагов, как мух. Семь дней шла война. Поля покрылись головами убитых, ущелья переполнились кровью. На седьмой день Шарвили увидел, как враг с оставшейся горсткой воинов убегает в ту сторону, откуда пришел.

Так закончилось сражение Шарвили. В лезгинских селениях снова наступил мир и тишина, веселые дни и свадьбы.

Ганиева А. Указ. соч. С. 121 - 122.

□ □ □

Защитник народа

В очень давние времена на границе гор, расположенных по дороге от Ахтов до Кураха, проживал известный богатырь Шарвили. Хотя ему было и много лет, у него не было собственного дома. Шарвили подчинялись животные и лесные лани. Когда он хотел пить молока, он доил их и пил столько молока, сколько ему было необходимо. Говорят, Шарвили много лет оказывал помощь лезгинскому народу. Когда

народ попадал в беду, они звали его по имени «Шарвили», - и он всех лезгин защищал от врагов, от их гнета, разбоя, грабежа. И сейчас, когда нашим сельчанам бывает плохо, они вспоминают богатыря Шарвили.

Ганиева А. Указ. соч. С. 130.

□ □ □

О крепости «Келез хев»

Известный богатырь Шарвили попал в очень трудное положение. Иноземцы пришли и по Самуру наводнили своими войсками все селения и города, долины, стремясь все выше и выше в сторону верховьев реки.

Метался Шарвили на своем богатырском коне со своим чудесным мечом из селения в селение, из города в город: невозможно было уничтожить все войско врага, которому не было конца и края. Они брали города и села приступом, имея осадные машины (каменеты) и другое важное оружие. Малочисленное местное войско было быстро сметено врагом. Шарвили быстро понял, что, если бы была в каждом селении и городе боевая крепость, враг так быстро не мог бы углубиться в сердце страны. Днем ведя войну, за ночь он построил крепость силами народа в Ахтах.

На горе, возвышающейся возле селения, построил огромную крепость с бойницами. Население Ахтов ждать врага отправилось к крепости, где имелся запас провизии и воды на целый год. Тем временем Шарвили отправился в Мискинджи, Микрах, Гулар, Чепер и другие города, до которых враг еще не дошел. Там построил крепости, ввел в них войска. После этого он пошел на помощь народным войскам, сдерживающим наступление врага. Трудно было своевременно остановить или повернуть назад врагов, так как войска у них были многочисленными и хорошо обученными.

Лезгинское войско пятилось назад по самурской долине день за днем. В течение одного года враги дошли до Ахтов. Лезгинские войска во главе с Шарвили семь лет держали врага у крепости Ахты, не дав ему двигаться дальше. Помогали и войска других народов Дагестана и Яхула.

А на восьмой год враги, истощенные в длительных боях, не выдержали трудностей и ушли прочь из Дагестана. С тех пор гора над

Ахтами, на которой некогда стояла крепость Шарвили, называется («Шарвилидин Келез хев») – «Холм Шарвили».

Ганиева А. Указ. соч. С. 130 – 131.

□ □ □

О поражении предводителя вражеских войск

В каждом селении Лезгинии есть небольшая крепость, которая называется крепостью Шарвили.

Как только нападал враг, народ вооружался и боролся с врагом, но когда силы бывали на исходе, они уходили в крепость и до последнего защищались от врагов. И часто такие войны кончались победами над врагом.

Однажды, вражеские войска, подобно саранче, напали на лезгин. Лезгины до смерти сражались за каждый клочок земли. Уничтожали многих врагов, но их число будто удваивалось. Туго приходилось лезгинам. Предводитель вражеских войск был человек с лицом дикого зверя. Он жаждал человеческой крови. Чем больше он видел кровь, тем больше он ей радовался.

Этот кровопийца наступал на Кюре. Он уничтожил много сел, чтоб народ обратить в рабство. Вскоре об этом узнали в Ахтах.

Шарвили со своими семью богатырями пошел навстречу ему. Он решил сначала мирно поговорить с ним и с этой целью послал ему письмо, в котором сообщил, что лезгины никогда не были рабами, поэтому лучше будет, если он по-хорошему уйдет. На это предводитель войск отвечает, что он преданный воин своего народа и что он приказывает всем селам сдаться, а самому Шарвили сдаться в плен лично ему.

Разозлившийся Шарвили на своем коне, с собакой и со своими богатырями напал на вражеские войска, и предводитель войск в жалком состоянии вынужден был что-нибудь предпринять. И он пошел на хитрость. Долго он думал и гадал, и наконец вместе со своими соратниками придумал: привлечь Шарвили на свою сторону с помощью красивой дочери. Но эта хитрость ему тоже не удалась.

Шарвили сказал, что он никогда не будет зятем врага. Тогда предводитель стал искать предателя среди местного населения, и обещал тому, кто подскажет, как убить Шарвили, дать столько золота, сколько будет весить он сам.

Один предатель отправляется к богатырям и нанимается у них в

повара. Он вскоре узнает, что у Шарвили пятки уязвимы и доносит это врагам, за что получает обещанное золото. Враги же стали думать, как бы подступиться к Шарвили: то они приглашали его в гости, то выходили на состязание с ним, пытались свалить его на землю, но ничего у них не получалось. Тогда они решили, чтобы все воины стреляли только в пятки, но Шарвили был обут в обувь, сделанную из семи слоев буйволиной кожи. Тогда предводитель, пытаясь ударить его пятки мечом, кинулся на Шарвили, но Шарвили схватил его меч и бросил его в небо, а самого предводителя – на его же войско. На месте, куда он упал, остались мельчайшие куски.

Лишившись предводителя, войско его сдается в плен. Шарвили отпустил воинов...

Ганиева А. В поисках легендарного героя. С. 133 – 134.

□ □ □

Жестокий падишах

Жил-был один падишах. О злодеяниях этого падишаха было известно всему миру. Он стены своего дворца построил из голов убитых им людей. Чтобы прославиться на весь мир, он беспощадно разорял города и села.

Прошло много времени. Почти не было страны, на которую не нападал жестокий падишах. Наконец он решил направить свой огонь на горцев. Через некоторое время он убедился, что горцев подчинить ему не так-то легко и что смелость горцев проявляется во всем. Горцы – мужественный народ. Но несмотря на это Кара-Мелик все же смог разорить города, села, сжигал детей и женщин, угонял их скот.

Тогда собрались представители всех народов – старейшины из Кумуха, Грузии, Армении и т.д. Все они знали и помнили, что у лезгин есть богатырь Шарвили, который не раз прославился победами над врагом.

Старейшины отправили к Шарвили трех представителей с письмом. Джигиты передали Шарвили письмо, в котором было написано, что враги бесчинствуют в горах, что все джигиты просят его помощи.

Шарвили взял свое оружие, сел на коня и отправился вместе с посланцами. Вскоре в долинах Шахдага раздались звуки зурны, этим сообщали о подготовке к наступлению Шарвили.

Затем раздался крик Шарвили, извещающий о начале наступления.

Войска врагов во главе с Кара-Меликом все еще бесчинствовали в горах, сжигали села, издевались над населением как только могли.

Однажды сидит Кара-Мелик, довольный своими победами, а ему говорят, что в село прибыла группа лезгин на белых конях; а во главе их стоит богатырь Шарвили. Услышав имя Шарвили, все вскочили и стали убегать. Страх дикий был вызван тем, что Кара-Мелик уже однажды встречался в сражениях с Шарвили и при этом потерял одно ухо и часть головы, а Шарвили со своими джигитами вернулся к себе на родину без единой царапины.

Вспомнив это, испугавшись Кара-Мелик вместе со своими войсками быстро скрылся в неизвестном направлении.

Ганиева А. Указ. соч. С. 136 – 137.

□ □ □

Прославленный богатырь

Давным-давно у лезгин, говорят, был прославленный своей силой и мужеством богатырь Шарвили. Его не брали ни кинжалы, ни ружья. Если у него появлялась рана, то она заживала – точно ее и не было. Когда он шел по дороге, соловьи и птицы садились ему на плечи. Пока откроешь и закроешь глаза, он мог подняться на вершину горы Шахдаг и спуститься.

От удара его меча камни и хребты гор превращались в куски. От звука его голоса у врагов разрывались сердца.

Шарвили всегда вел войны в защиту своего народа против врагов. И враги никак не могли его победить. Он мог в бою заменить сто тысяч бойцов. Ни разу в своей жизни он не проявлял слабости. Но однажды силы врагов настолько увеличились, что земля и небо (от их количества) стали черными, а друзей у Шарвили было немного. Сколько бы он не истреблял врагов, их не становилось меньше. Шарвили весь был покрыт ранами. Из его ран лилась кровь ручьями, и раны не заживали. Шарвили обратился к земле и небу, но ни земля, ни небо не могли ему помочь. Наконец он ослаб и упал. Когда он умирал, он позвал друзей и сказал: «Когда враги нападут на Лезгинию и вам будет нужна помощь, подойдите к горе Келе и крикните три раза – Шарвили, Шарвили, Шарвили, и я приду к вам на помощь». С тех пор, как только враги нападали на Лезгинию, народ звал на помощь Шарвили. Шарвили не умер. Он жив, он стоит за народ как крепость.

Когда старики слышат со стороны горы щебет птиц, они говорят: «Это голос Шарвили раздаётся», и долго прислушиваются к голосам птиц.

Ганиева А. Указ. соч. С. 137.

□ □ □

Песня о защитнике народа

Наш Шарвили, наш богатырь!
Защищал ты нас храбро
От черноносых гиен.
Добился ты этого дорогой ценой.
Страдали мы от этих извергов,
Из дома выходить не могли.
С наступлением сумерков они охраняли ворота.
Бросались на нас в солнечный день.
По дороге ходить невозможно было.
Собери народ, собери одиноких
Из всех домов, превращенных в пленников.
Спасибо тебе, нашему храброму сыну,
Узнавший о горе нашем.
Страдающему нужно помочь
В первую очередь, будь мужественным.

Ганиева А. Указ. соч. С. 145.

□ □ □

Завещание богатыря

В Ахтах был один богатырь,
Для бедняков – руководитель,
Для богачей – их жирных шей душитель.
Для Лезгинии – гордость,
Для внешних врагов
Был он большая печаль.
Когда он свершал над ними суд,
Шарвили был нашим храбрецом.
Пришли враги однажды:
«На землях лезгин повеселимся», –

Говорили, думали, мечтали.
Внешние враги коварны,
Много было вражеских войск,
Все были разрублены мечом
Шарвили – в семь аршин.
Семь потоков крови ручьями
Протекало в ахтынскую речку.
Мало было у нас силы.
Разрушены были все места.
Прекрасные, как цветы, невесты
Превратились во вдов вдруг.
Шарвили, подобный горе,
Свалился он в конце концов.
Ни одной слезинки не упало из глаз,
Из тела полились потоки крови,
Погиб в этой битве
Наш богатырь – молодой парень.
Враги в это время
Не успели наш хлеб сделать общим,
При смерти был Шарвили,
Дорогому народу он оставил завещание:
«Хотя меня и не будет,
Не высохнут ваши кипящие родники,
Меня похороните на холме Келе,
Когда вы попадете в беду,
По имени окликните меня
(Только три раза), встану я,
Сяду на своего коня,
С собакой,
С мечом в семь аршин
Пойду в ту сторону, куда нужно,
Если вы даже меня не увидите в своих рядах,
Но увидите мои дела,
Могучая, крепкая рука
Уничтожит врагов и оставит всех на поле».

Ганиева А. Указ. соч. С. 146 – 167.

□ □ □

Шарвили (В сокращении)

Гром гремит, небо рвется,
Вспышки режут темень –
Дождь льет, дождь льет
Набухает семя.

Человек, коль ты смел,
То за громким словом
Следуй честностью дел,
Словно дождь за громом.

День придет, год уйдет,
И снега, и грозы...
Сколько вод утечет
Чистых, точно слезы!

По лугам, по лесам
Шествует Шарвили.
Видит край свой он сам
В радости и силе:

Горцы пашут, пасут
Тучные отары,
Гордость в сердце несут
Молодой и старый.

Падал в ноги ручей,
Стлались травы шелком,
Соловей на плече
У Шарвили щелкал.

Ни джейран, ни олень
Не бежали в чашу,
И – ни пули весь день,
Ни стрелы свистящей.

Как хлеба высоки
Стали в поле горном!
Счастлив будь! Сорняки
Сам ты вырвал с корнем!

Не насытится взор,
Хоть смотри веками

На веселие гор,
На зацветший камень!...

Но чернеют вдали
Туч глухие стены¹,
И цветы полегли
Мертвые, как сено.

Струи в чистом ключе
Задышали тяжело,
Соловей на плече
Застонал протяжно.

Тьма ползет на Шагдаг,
Тучи – дымом черным:
Надвигается враг
Из-за цепи горной.

Край лезгин не велик,
Войском небогат он,
Но кипит, но бурлит
От горячих схваток.

Словно тысячи пчел,
Стрелы в небо взмыли²,
«Враг умрет, коль пришел»,
Так сказал Шарвили.

И подьмет он меч,
Кровью закаленный,
Взмах – и головы с плеч
Катятся по склонам.

А его не берет
Ни стрела, ни сабля.
На лице его пот,
Крови – нет ни капли.

Меч ему жжет ладонь,
Раздирает кожу, –

Он идет сквозь огонь,
На огонь похожий!
Бой кипит – дней не счесть!
Вдруг во вражьем стане
Долгожданная весть:
Сам Шарвили ранен!
Боль бы можно унять –
Только знак зловещий:
День проходит, и опять –
Кровь из раны хлещет!
И невинная кровь
С вражеской смешалась,
Хлынув сотней ручьев,
В глубь земли впиталась.
Тех боев до сих пор
Горы не забыли:
Жаркий мак наших гор –
Это кровь Шарвили.
И от ярости серп
Превратился в саблю,
Стал оружием хлеб,
Крепостями – сакли.
На подмогу пришли
Горцы сел соседних,
И над стоном земли
Грянул бой последний.
Пар кровавый взвился
И пополз туманом,
Звон железа, свинца,
Грохот непрестанный!
Все трещало подряд,
В бездну мир катился.
Громычал в мире ад,
Чтобы рай открылся.
Меч заветный сечет –
Вражьи орды взвыли,

Но... течет и течет
Кровь из ран Шарвили.
Видит враг, что герой
Раной обессилен,
И зовет он на бой
Одного Шарвили:
«Для чего нам губить
Зря невинных горцев,
Если можно решить
Бой единоборством!»
И отважный лезгин,
Край любя свой горный,
Встал – один на один –
С трехголовым Черным³
Кровь стучала в виски
И гудела в жилах.
Трав целебных пучки
К ранам приложил он...
А враги все жужжат
В пустоте бахвальства:
«Мы не знали преград
От стены китайской!»
Обойти ход судьбы
Враг решил украдкой:
Словно слон, на дыбы
Черный встал пред схваткой.
Вот трехглавый дракон
Три руки заносит,
Миг – и, кажется, он
Вниз Шарвили сбросит.
А Шарвили глядит:
Нет, не Черный страшен,
Страшен дым, что висит
Вдоль сожженных пашен...
И Шарвили рванул
Черного за гриву.

С треском шею свернул,
Что тянулась криво.
Камни в небо взвились,
Задохнулись травы...
Три руки обвились,
Словно три удава,
Вкруг лезгинского льва.
Но вскричал Шарвили:
«Что, жива, голова?
Наглotalась пыли?...»
Дым столбом! Тьма кругом
Кровь ползет, рыжая...
Был трехглавым дракон,
Стал дракон трехшеим.
Средь спаленной травы
На уступе горном
Рядом три головы
С безголовым Черным!
Но взметнулись клинки,
Снова стрелы кружат –
Наступают враги,
Уговор нарушив...
Скупа ты на слезы и крики,
Земля моя; край мой суровый,
Но нынче от скорби великой
Рыдаешь ты снова и снова.
Шли толпы прощаться
с Шарвили,

Как малые дети, рыдая,
Смолкали, едва подходили,
Сойдясь боевыми рядами.
А раны Шарвили сочились,
И кровь уходила из тела,
И маки в горах распустились,
И кровью заря заалела.
«Мужайтесь, – промолвил
Шарвили,
На жестком чарпаре⁴ слабея, –
Мы родине храбро служили
И смотрим на смерть, не робея.
Друзья, с миром идите!
Живите в покое и силе.
А в горе – придите, придите
К моей незаросшей могиле
И трижды меня позовите:
Шарвили!
Шарвили!
Шарвили!
И выйду оттуда я снова,
Призыву народному внемля,
Пойду против смерти и злобы
За вольную горскую землю...»
Умолк он. Печально упали
Лучи к изголовью чарпара...
И в полном молчанье стихали
Могучего сердца удары...

¹ Туч глухие стены – тучей надвигался враг.

² Взмыли – взлетели на воздух.

³ Черным – драконом.

⁴ Чарпар – деревянная кровать, лежанка.

*Дагестанская литература. Хрестоматия. Махачкала, 1975.
С. 143 – 147.*

□ □ □

Третий этап – от 20-х годов VIII в. до середины того же века, продолжительностью около 40 лет. Это этап сильных военных действий на Северном Кавказе и успехов арабского оружия, но вместе с тем и активного участия народов Дагестана в борьбе за свою независимость.

Шихсаидов А.Р. *Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата VII – VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 12 – 13; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 150 – 157.*

□ □ □

Арабские войска под руководством разных полководцев доходили в различные районы и регионы, начиная с Южного и кончая Северным и Средним Дагестаном. Поэтому среди всех народов Дагестана сохранились различные предания и легенды, отражающие события, которые связаны с распространением среди них ислама как следствие походов арабских войск в различные районы и населенные пункты.

По арабским походам в Дагестан и распространению мусульманской религии среди его народов сохранилось много источников. Однако в сборнике издается только отрывок из работы Мухаммеда-Рафи «Тарих Дагестан» в переводе с арабского и с комментариями А.Р. Шихсаидова, которая написана в сущности на основе имеющихся источников, в особенности описаний арабских историков, географов, путешественников и других авторов, и еще ряд источников. Широко представлены здесь также предания и легенды, собранные как составителем, так и другими дагестанскими исследователями. Всем этим материалам и посвящена вторая глава сборника.

Но прежде чем остановиться на указанных материалах и источниках, отметим, что завоеваниям арабов в Дагестане и распространению здесь ислама посвятили свои работы ряд дагестанских ученых, среди которых особенно большая заслуга проф. А.Р. Шихсаидова, который сделал очень много для изучения указанных вопросов, издал ряд работ по ним и прежде всего большую монографию «Ислам в средневековом Дагестане (VII – XV вв.)». (Махачкала, 1969). Им же написаны соответствующие разделы в коллективных работах «Очерки истории Дагестана. Т. 1.» (Махачкала, 1957) и «История Дагестана. Т. 1.» (М.: Наука, 1967).

□ □ □

Глава II

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Арабские походы в Дагестан

VII – VIII вв. – период упорной борьбы народов Дагестана против военных и экономических притязаний Арабского халифата. Походы арабов в Дагестан имеют три периода, и они связаны с теми или иными целями и с разными арабскими полководцами, возглавлявшими эти походы.

Исследуя арабские завоевания, походы арабов в Дагестан и распространение здесь ислама, известный дагестанский ученый-арабист А.Р. Шихсаидов пишет, что в целом, согласно источникам, было три этапа в восточнокавказской политике арабов, вернее, в арабо-восточнокавказских отношениях.

Первый этап – от первых арабских походов до конца 50-х годов VII в., т.е. этап хронологически незначительный (около 20 лет), но характерный попытками укрепиться в Дербенте, и при этом глубокими рейдами севернее Дербента, имевшими пока еще характер разведки или «предупредительной» войны.

Второй этап – от начала 60-х годов VII в. до начала 20-х годов VIII в., примерно 60 лет, характеризуется отсутствием условий для реализации завоевательных планов арабов, попытками их сохранить за собой Дербент, неудачами в столкновениях с дагестанцами и хазарами. Частые нападения хазар фактически свели на нет итоги первого похода.

Конец VII – начало VIII в. «было временем наибольшего проявления арабского государства» (Заходер Б.Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 32), когда в правление Абдалмалика (685 – 705) было покончено с распрями, подавлены восстания, положение в халифате стабилизировалось.

Ат-Табари первый поход арабов в Дагестан относит к 22/642-3 г. и писал, что возглавлять этот поход халиф Омар поручил Сураке ибн Амру, а помощниками его выступают Абдаррахман ибн Рабиа (брат Салмана), Хузайфа ибн Асид, Букайр ибн Абдаллах Хабиб ибн Маслама.

Во время этого похода был завоеван ал-Баб (Дербент), жители которого, «Арминийи и Армана» получили от имени Сураки ибн Амра охранную грамоту следующего содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это то, что пожаловал (а'та) Сурака ибн Амр, амил повелителя правоверных Омара ибн ал-Хаттаба – Шахрбаразу и жителям Арминии и ал-Армана. Он представляет им безопасность (аман) их жизни и имущества, религиозной общины (милла), если они не будут совершать вредных поступков и не выступят [против]. Что касается жителей Арминии и ал-Аббаба – пришлых издалека (тура) и оседлых (тунна) и тех, кто вокруг них, то он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (джиза), кроме призыва в войско (хашр), а призыв в войско – это замена их повинностей. [Если] в ком-либо из них не будет нужды и он остается на месте, то на нем то же, что и на жителя Азербайджана по части повинностей, указания пути (дилал) и стоянки воина в течение [одних] суток. Но если они собраны [в войско], то [все] это снимается с них, если же оставлены [на местах], то берется с них. Засвидетельствовано Абдаррахманом ибн Рабиа, Салманом ибн Рабиа, Букайром ибн Абдаллахом. Написал и засвидетельствовал Марзи ибн Мукаррин».

Шихсаидов А.Р. *Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата VII – VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 9.*

□ □ □

А.Р. Шихсаидов пишет: «Казалось бы «мирный договор» с жителями такой крупной административной единицы как Армения, куда входил ал-Баб, должен был обеспечить здесь безопасность контингента арабских войск. Однако из текста ат-Табари мы узнаем также, что в целом итоги этого похода были для арабов малоутешительными, ибо перед самым 24/644-5 г. сообщается о том, как «в дни отошли от рели-

гии (кафара) жители Армения, и Муавия приказал Хабибу ибн Масламе идти на ал-Баб, а в 24/644-5 году совершается один поход в Азербайджан и Арминийа». Но сопротивление местного населения продолжалось. В 30/650-51 г. арабские войска опять были отправлены «в поход на ал-Баб в помощь Абдаррахману ибн Рабиа». Хотя ат-Табари и не пишет об акциях населения Восточного Кавказа против арабских военных сил, четыре следующих один за другим похода арабов в район Дербента в течение каких-нибудь восьми лет, явно свидетельствуют об этом. Косвенно об этом свидетельствуют и данные ал-Куфи, который обрисовал нестабильную обстановку, непрочность позиции Халифата в Арминии (т.е. на Восточном Кавказе и в Закавказье), когда за короткий период правления халифа Османа (644 – 656), сменилось по крайней мере четыре наместника Арминии.

Более подробно о походе 25/645-6 г. сообщает ал-Куфи. По его данным, правитель Сирии, Джазиры и пограничной области при халифе Османе Муавия и завоеватель Азербайджана в 24/644-5 г. известный полководец Валид ибн Укба направили сначала Хабиба ибн Масламу и Салмана ибн Рабиа в Арминию IV, против Византии. Затем халиф направляет Салмана на завоевание восточных районов Кавказа (восточных областей Арминии). После завоевания Бардаа, Джурзана, Ширвана и Маската, Салман «направил послов к владыкам гор (мулук ал-джибал) ...К нему прибыли владыка (малик) ал-Лакза, владыка Филана и владыка Табаристана (Табасарана – А.Ш.). Все они доставили ему деньги и подношения и согласились ежегодно вносить известную контрибуцию». (Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Бунятова. Баку, 1981. С. 10 – 11).

Далее Салман вступает в ал-Баб, в котором находилось, как пишет ал-Куфи, трехсоттысячное хазарское войско. Однако и это выступление кончилось неудачей. В районе Баланджара хакан «во главе 300-тысячного войска повернул назад, на мусульманов, и сражался с ними до тех пор, пока они не были все перебиты. Говорит (автор): были убиты Салман ибн Рабиа ал-Бахили и все, кто был с ним». (Там же).

В «Книге завоеваний стран» ал-Балазури так описывает поход Салмана: «Передают, что Салман ибн Рабиа ал-Бахили двинулся, по приказу (халифа) Османа в Арран и занял Байлакан по мирному договору, по которому он гарантировал его жителям жизнь, имущество и стены их города, обзавяв их вносить джизью и харадж. Потом Салман прибыл в Барда... Жители города закрыли перед ним ворота и ему

пришлось возиться с ними несколько дней. Он совершал набеги на селения его (т.е. на прилегающие к городу селения), на пашнях которых урожай уже был снят. И они (вынуждены были) заключить такой же мир [т.е. на тех же условиях что и Байлакан]. ...И заключили с ним мир владетели Шаккана и Шабирана с условием вносить подать. Заключили с ним мир [также] и жители Хайзана, Царь Ширвана и остальные владыки (малики) гор, жители Маската, Шабирана и города ал-Баба». Ал-Йакуби пишет о «мире», который заключили «царь лакзов, жители Шабирана и жители Филана».

Шихсаидов А.Р. *Указ. соч. С. 10 – 11; Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Бунятова. Баку, 1981; Баладзори. Книга завоеваний стран. Текст (араб.) и перев. / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927.*

□ □ □

В 31/651-652 г. «Хабиб ибн Маслама завоевал Арминию», и это, как пишет А.Р. Шихсаидов, означало, что Баб ал-адваб оказался, наконец, в итоге пятого похода, в руках арабов. Когда в 32/652-653 г. арабы начали поход в Хазарию, то Абдаррахман ибн Рабиа уже был правителем ал-Баба. Баб ал-абваб уже воспринимается арабами как опорный пункт для дальнейшей агрессии на север и в горные районы Дагестана.

Эта ориентация военных сил видна из того, что в 32/652-653 г. Салман ибн Рабиа назначен «над проходами Баланджара (фурадж)», т.е. над проходами, ведущими на Баланджар, точно так же как раньше Абдаррахман был назначен над «проходами ал-Баба»...

От 653 до 722 г. ни ал-Куфи, ни другие авторы не дают известий о крупных походах арабов в Дагестан, не считая кратких сообщений о том, что в 89/707-708 г. Маслама ибн Абдалмалик «совершил поход на тюрок, достиг ал-Баба в области Азербайджана и захватил там крепости и города», а в 91/709-710 г. он же «совершил поход на тюрок и достиг ал-Баба из области Азербайджан». Оба эти сообщения принадлежат ат-Табари. Ибн ал-Асир также пишет о походе Масламы против тюрок (хазар) «со стороны Азербайджана» в 88/706-707 г. и о его же походе «против тюрок со стороны Азербайджана, пока достиг ал-Баба, он завоевал [много] городов и крепостей и установил на них катапульты».

Ибн Асам ал-Куфи также дает очень важное сообщение: замест-

ник Арминийи, Джазиры и Азербайджана «Мухаммад ибн Марван вызвал сына своего брата Масламу ибн Абдалмалика, передал ему войско и приказал идти походом на город ал-Баб, чтобы сразиться с хазарами, которые там находились. В городе засело 80000 хазар, и город был взят только с помощью одного хазарина, который указал тайный ход в цитадель. С богатой добычей Маслама вернулся к своему дяде, и этим не замедлили воспользоваться хазары: они пришли вторично, заняли город ал-Баб, как это было и раньше». (Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 14 – 15).

Шихсаидов А.Р. *Указ. соч. С. 11 – 12.*

□ □ □

А.Р. Шихсаидов пишет, что Ибн ал-Асам ал-Куфи, Балами и ат-Табари сохранили обстоятельное описание третьего этапа, причем ат-Табари, с одной стороны, а Ибн Асам ал-Куфи – с другой, характеризуют его с разных точек зрения. Для ат-Табари важны хронологическая последовательность событий, демонстрация многочисленности арабских вторжений и походов. Для ал-Куфи и Балами характерна не фиксация всех событий, а выделение и подробное сообщение наиболее важных из них.

По данным ат-Табари, действия на Северном Кавказе выглядят следующим образом:

- 103/721-722 – вторжение «тюрок» в ал-Лан.
- 104/722-723 – поход Джарраха на Баланджар, разгром «тюрок».
- 105/723-724 – поход на ал-Лан, пока не дошел до Баланджара и за Баланджар.
- 106/724-725 – поход Джарраха на ал-Лан.
- 110/728-729 – Маслама ибн Абдалмалик совершил поход против «тюрок».
- 111/729-730 – «тюрки» совершили поход в Азербайджан.
- 112/730-731 – Сеид ибн Амр разгромил в Закавказье три «тюркских» отряда.
- 112/730-731 – Маслама ибн Абдаллах, следуя за «тюрками», прошел ал-Баб.
- 113/731-732 – успешный поход арабов в страну хазар.
- 114/732-733 – Маслама «запер ал-Баб после того, как нанес поражение хакану».
- 117/735 – Марван послал отряды против хазар и против туманшаха.

120/737-738 — поход Исхака ибн Муслима ал-Укайли против туманшаха, поход Марвана в «землю тюрок»

121/738-739 — поход Марвана на Сарир.

126/743-744 — отправка Исхака ибн Муслима ал-Укайли против жителей ал-Баба...

В обработке ат-Табари знаменитый поход наместника Армении и Азербайджана Джарраха приобрел такую форму:

«Год 104/722-723. В этом году ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками, эмир Арминии и Азербайджана, совершил поход в землю тюрок, захватил Баланджар, разбил тюрок, утопил их и все их потомство в воде. Мусульмане захватили столько пленных, сколько хотели. Ал-Джаррах захватил крепость (хисн), прилегающую к Баланджару и изгнал всех жителей.

Год 105/723-724. Рассказ о событиях этого года. Среди событий этого года — поход ал-Джарраха ибн Абдаллаха ал-Хаками на ал-Лан. Он дошел до городов и крепостей, [расположенных] позади (мин вара) Баланджара. Он захватил часть [их], изгнал часть населения его и захватил большую добычу...

Год 112/730-731. В этом году тюрки прошли через ал-Лан и встретил их ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками с воинами из Сирии и Азербайджана, и [не успело полностью] собраться у него войско. И погибли смертью храбрых мучеников ал-Джаррах и те, кто был с ним в мардж Ардабила («поле Ардабиля»).

Ахмад ибн ал-Асам ал-Куфи описывает поход Джарраха более обстоятельно: узнав о выступлении Джарраха, хазары оставили город ал-Баб и «укрепились в своей стране». Малик Лакза известил хазар о сроке выступления арабов. Арабы захватили Баб ал-абваб, послали карательный отряд в землю Хайдак (в тексте Хадак). Преодолев сопротивление местного населения, арабы захватили Хасин, Баруфа (Таргу) и Баланджар, затем направились в Азербайджан.

Самое обстоятельное описание принадлежит Балами: «топонимическая номенклатура порой там уникальна, неизвестна ни одному другому источнику, выступления горцев против завоеваний или арабской власти показаны более полно. Вот отрывок Балами о жестоких карательных экспедициях арабов: с наступлением утра Джаррах «... позвал одного из своих приближенных, дал в его распоряжение три тысячи воинов и сказал ему: иди в сторону земли (замин) Хида, разоряй [там] все, что встретишь, убивай каждого, кто вздумает оказать сопротивление вам и вернись ко мне до восхода солнца. Потом он позвал

другого человека, дал в его распоряжение две тысячи воинов и сказал ему: иди в землю Йарси и в Дарвак и также вой и разоряй.

Сам Джаррах с остальной частью армии отправился в сторону земли (замин) Нахраван, в шести фарсах от Баб ал-абваба. К утру [оба отряда] вернулись с десятью тысячами крупного рогатого скота и овец и тремя тысячами невольников».

Далее идет обстоятельный рассказ о сражениях с хазарами, о победе Джарраха над ними, взятии города Хусайн, Б.р'у (Таргу), Баланджара после ожесточенных боев. Завершается текст сообщением о вторжении хазар в Азербайджан, поражении и гибели Джарраха.

Ал-Балазури также пишет о походе Джарраха, его известия чрезвычайно важны. Они раскрывают участие многих народов Дагестана в антиарабской борьбе, о рейде Джарраха в земли Гумика. Кстати, вместо Хасина он называет Хамзин. (Баладзори. Книга завоеваний стран. С.16).

Много походов в Дагестан совершил Маслама. Халифа ибн Хай-йат добавляет к этому ценное известие о том, что в 107/725-726 г. при наместничестве Масламы, ал-Харис ибн Амр ат-Тан совершил поход на рустак Хашдан (Хайдак?) и страну ал-К.р (Лакз?). Именно Маслама, захватив после многодневной осады Баб ал-абваб, предпринял меры, рассчитанные на укрепление города как важного опорного пункта для дальнейшего вторжения в земли Дагестана и Северного Кавказа. Баб ал-абваб превращался в город с арабским населением, которое должно было составлять социальную опору халифата на Восточном Кавказе. «...Маслама приказал разделить город на четыре четверти (квартала): четверть для жителей Палестины, четверть — для остальных жителей Сирии и Джазиры». Далее он назначил Карира (?) ибн Сувайда «правителем Баб ал-абваба и приказал ему превратить башни города в амбары для пшеницы, ячменя, оружия...» (Китаб ал-футух ли-Аби Мухаммад ибн Асам ал-Куфи. VIII. С. 69).

В «Дербент-наме» сохранились яркие страницы, повествующие о сражениях горцев с арабами, о расправах над местным населением во время походов Масламы (в тексте: Абу Муслима) в горные районы Дагестана. После того, как Маслама восстановил Баб ал-абваб «... и укрепил его, он отправился в вилайат Кумук, сражался с его жителями, нанес им поражение, убил его правителя (кабир)... Зетем он вернулся в вилайат Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима, обложил хараджем тех, кто принял ислам, убил тех, кто не принял ислам и разделил их имущество среди участников сражения, назначил

хакима над ними из своей родни. Затем он отправился в вилайат Табасаран, сразился с ними ожесточенно, нанес им поражение и убил их правителя (кабир), пощадил тех, кто принял ислам, взял имущество тех, кто не принял ислам, и убил их, разделил имущество среди воинов». (Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. «Дербент-наме» // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 36 – 37).

□ □ □

А.Р. Шихсаидов подчеркивает, что Дагестан оградил Закавказье от хазар, а Нижнее Поволжье – от арабских нашествий. Отмечается также мнение Д.М. Данлопа и М.И. Артамонова о решающей роли хазар от вторжений арабов к Волге и Дону и мнение В.Ф. Минорского, отмечавшего решающую роль арабов, разгромивших хазар и отвлекших тем самым их внимание от славян.

Наиболее полно и четко борьба дагестанских народов против арабских войск прослеживается во время походов арабского полководца, впоследствии халифа Марвана (744 – 750) во внутренние районы Дагестана.

Халифа ибн Хаййат пишет: «Год 114/732-733. В этом году [халиф] Хишам ибн Абдалмалик отстранил Масламу ибн Абдалмалика от [правления] Армений, Азербайджаном и Джазирой и назначил туда Марвана ибн Мухаммада ибн Марвана.

Ат-Табари писал о многочисленных походах арабов в горные районы Дагестана. Это походы 117/735 г. на Туман, 120/737-738 г. – на завоевание «крепостей туманшаха и разрушение его земли», 121/738-738 г. – на Сарир.

О походе арабов 117/735 Халифа ибн Хаййат писал так: «Год сто семнадцатый. В этом году Марван, наместник Армении и Азербайджана, послал в горы Кабка два отряда. Один из этих отрядов захватил три крепости ал-Лана, а другой – напал на туманшаха, который оказался под властью Марвана ибн Мухаммада. Последний послал его к [халифу] Хишаму ибн Абдалмалику, который вернул его к Марвану, а тот вернул [туманшаха обратно] в его владения (мамлака)».

Ал-Куфи сообщает, что Марван выступил во главе 120-тысячного войска из Сирии, захватил земли Азербайджана и Арминии, приказал войскам, находившимся в Баб ал-абвабе «начать вторжение в страну хазар с целью достижения города Самандара». Сам же Марван вторгся в Баб ал-Лан, «где убивал, брал в плен и сжигал», и направился в Самандар, захватил его, затем город ал-Байда, где находился хазарский

хакан, который «принял ислам и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников».

После этого Марван возвращается в Баб ал-абваб вместе с «40 или более тысяч пленных безбожников». Весной следующего года он вторгся в «земли Сарира», где крепость ал-Б.лал, которая сопротивлялась целый месяц. Наконец 8-тысячному отборному отряду удалось ворваться в крепость. Все защитники крепости были убиты, «затем он распределил их жен, детей и имущество между своими воинами и приказал разрушить стены крепости и сравнять их с землей».

Защитники крепости Амик (Кумух?) также «сражались с ним, но Марван одержал над ними победу и перебил их воинов. Он пленил их жен и детей и разрушил их крепость». Преследуя малика Сарира, Марван достиг крепости Дж.р.х (Хайрадж-Хунзах), «осадил ее, но несколько дней никак не мог овладеть ею ни прямо, ни хитростью». Только через год крепость была взята хитростью, и правитель Сарира запросил мира. Крепость Туман также запросила мир. Защитники крепости Хамзин «вступили с ним в сражение. Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много убитыми». Затем и эта крепость была захвачена, а защитники все были убиты. Хамзин-шах бежал, укрепился в другой крепости. И только после того, как арабские «конники разрушили 300 их селений», он вынужден был заключить мир. «После этого Марван ибн Мухаммад стал покорять одну крепость за другой, пока не покорил все крепости стран ас-Сарир, Хамзин, Туман, Синдан, а также и те, до которых добрался. Затем он вернулся в Баб ал-абваб».

Весной следующего года Марван пригласил к себе правителей (малик) Ширвана, Лайзана, Филана, Табасарана и других владетелей, только царь лакзов отказался прибыть к нему, но также вынужден был бежать из крепости. (Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. С.48 – 60).

Походы Марвана получили обстоятельное освещение и в сочинениях Халифы ибн Хаййата: «Год сто двадцать первый (поход Марвана ибн Мухаммада из Арминий). В этом году выступил Марван ибн Мухаммад из Арминий, а Марван был ее наместником (вали). Он прибыл в крепость Сарира (кал'а байт ас-Сарир), убивал и пленял [там]. Затем он прибыл во вторую крепость, убивал и пленял. Затем он вошел в Гумаск, крепость, в которой резиденция правителя (байт ал-малик), где жил и малик Сарира. Потом правитель бежал [оттуда] и вошел в укрепление (хисн) Хан.зад.дж, где [находится] золотой пре-

стол. Марван осаждал эту крепость «и зиму и лето» и [правитель Сарира] заключил с ним мир... После этого Марван вступил в землю Туман, правитель (малик) которой заключил с ним мир, в землю Зарубукран (у ал-Балазури (с. 207) Зирикиран), правитель которого заключил мир. Затем Марван вступил в Хумрин, правитель которого отказался заключить мир, потому он сражался месяц [завоевая] крепость за крепостью. Он разрушил страну Хамрин, [только после этого] Хамрин попросил мира, и [Марван] заключил мир. Затем Марван вступил в земли М.с.дар, насильно добился мира, спустился [в] Киран, и заключили с ним мирный договор Табаристан (Табасаран) и Филан» (Тарих Халифа ибн Хайят. Ч. II. С. 367).

На основе всего приведенного А.Р.Шихсаидов пишет: «Все приведенные выше данные из истории третьего этапа рисуют напряженную военно-политическую обстановку на Кавказе, когда столкновения носят систематический характер, когда 20 – 30 годы VIII в. выделяются как время наибольшей военной активности, время ожесточенных арабо-хазарских схваток и не менее ожесточенных схваток дагестанских народов за сохранение своей политической независимости».

Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 13 – 18; **Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи.** Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981; *История Дагестана.* М., 1967. Т. I. С. 150 – 156.

□ □ □

Они пришли как завоеватели

Известный автор XIII века Вардапет Гевонд в своей “Истории халифов” пишет: «Сулейман собрал многочисленное войско, поручил его начальнику своему Меслиму (Маслама) и отправил его к воротам Каспийским. Достигши места своего назначения, войска Меслима сразились с войсками гунскими, занимавшими город Дербент. Они разбили гуннов и прогнали их, разрушили стены и башни крепости. Меслим с большим войском прошел проход Чора, грабя страну гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу. Жители той страны при виде хищников, устремившихся на них, тот час дали знать царю хазарскому хагану».

Много интересного материала о походах арабов в Дагестан и борьбе дагестанцев с ними содержится в работе Мухаммеда Аваби Акташи «Дербент-наме» (см.: **Мухаммед Аваби Акташи.** Дербент-

наме / Переводы с тюркского и арабского языков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Комментарии Г.М.-Р. Оразаева, Махачкала, 1992).

□ □ □

Маслама сказал: «Поклонитесь моему мечу»

Широко известный на Востоке Абу Хамид ал-Гарнати (1080 – 1170) побывал в 50 – 60-х годах XII века в Дербенте и в других населенных пунктах западного побережья Каспийского моря. В книге «Подарок для сердец и собрание диковинок» он пишет:

«В странах Дербенда Баб мин ал-Абвab имеется народ, называемый табасарсалан. В нем (в Дербенте) – 24 волости. В каждой волости есть главный начальник, подобный эмиру. Они мусульмане. Обратились они в ислам во времена Масламы ибн Абу ал-Малика, когда послал его Хишам ибн Абу ал-Малик, в то время, когда возложено было на него халифское достоинство. И он (т. е. Маслама) завоевал Баб ал-Абвab, и обратились в ислам при содействии его многие народы, так, например, Лакзан, Филан, Хайдак, Зуклин, Гумик, Дархах. Среди этих народов насчитывается 70 народов, у каждого народа язык. А когда вознамерился Маслама уйти, после того как он поселил в Дербенте 24 тысячи домов из арабов из Могула, Димима, Химса, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табасаранцы: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, снова отпадут от религии эти народы, и мы будем бедствовать в соседстве с ними». Тогда извлек Маслама меч свой и сказал: «Мой меч да будет среди вас! Правьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет от религии из этих народов ни один». Затем они сделали для меча его нечто подобное часовне в скале и поместили меч внутри ее на холме, там, где он (т. е. Маслама) расположился лагерем, и он (меч) в настоящее время остается в этой стране. Поломничают к нему люди. Если кто-либо направляется к нему, то, если случится зимнее время, не возбраняется одеваться в голубые и другие одежды, а если случится во время жатвы, то возбраняется, чтобы посетил его кто-либо кроме как в белой одежде. Ибо если он посетит его не в белой одежде, наступает частый дождь и гибнут посевы и портятся плоды. Так предписано среди них».

Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 33 – 34.

□ □ □

В книге «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.)», опубликованной О.Г. Большаковым и А.Л. Монгайтом в Москве в 1971 г., указанные события даны в такой редакции: «В стране Дербента Баб ал-Абваба есть народность, которую называют *табарсалан*, у них двадцать четыре *рустака*, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру. Они – мусульмане, принявшие ислам во времена Масламы ибн Абд ал-Малика, когда Хишам ибн Абд ал-Малик, став халифом, послал его и он завоевал Баб ал-Абваб. И приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе *лакзан*, и *филан*, и *хайдак*, и *заклан*, и *гумик*, и *дархах*. Всего этих народов – семьдесят народов, и у каждого народа свой язык.

А когда Маслама захотел уйти, после того как поселил в Дербенте 24 тысячи семей арабов из Мосула, Дамаска, Химса, и Тадмора, и Халеба и других городов Сирии и Джебзире, то сказали ему табарсаланцы: «О эмир! Мы боимся, что когда ты уйдешь от нас, то эти народы отпадут от ислама и мы будем бедствовать из-за их соседства».

Тогда извлек Маслама свой меч и сказал: «Меч мой будет среди вас, оставьте его здесь, и, пока он будет среди вас, никто из этих народов не отпадет». И сделали они для его меча в скале что-то вроде *михраба* и поставили его внутри него, на холме, где [Маслама] стоял лагерь. Он и сейчас находится в той земле, люди совершают к нему паломничество. Тому, кто направляется к нему зимой, не запрещается надевать синие одежды или иных цветов, а если направляется во время жатвы, то не разрешают никому посещать его в каких-либо одеждах, кроме белых; а если кто-нибудь посетит его не в белой одежде, то идет обильный дождь, и губит посевы, и портит фрукты. Это дело у них хорошо известно.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу /1131 – 1153 гг. / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1971. С. 49 – 50.

□ □ □

Мухаммад-Рафи о завоевании Дагестана арабами

...[Это] история ислама в Дагестане – да продлит всевышний Аллах [существование] ислама до Судного дня! – и объяснение генеологий правителей [*салатин*; ед. ч. *султан*] Дагестана, владетелей вели-

кого государства, и аргумент относительно корней [у *сул*, ед. ч. *асл*] народов Дагестана – да дарует им всевышний Аллах в благочестии счастье!

Знайте, что Дагестан был прекрасной страной, обширной для его обитателей, сильной [перед] чужим, радующей глаз, обильной богатствами [жителей] из-за их справедливости. В нем [было] много селений, большое число городов и три области [*нахийя*]: Авар¹, Равнина (Сахл) и Зирихгерен².

Жители Дагестана были [раньше] неверными, порочными людьми [из населения] области войны (*дар ал-харб*)³. Они поклонялись идолам, били наделены мужеством и богатством... В каждом селении находились правители негодные, порочные (*фаджируна*), охваченные неверием и грехом. В каждом городе (балда) были преступные и грешные эмиры, которые «приказывают неодобряемое и удерживают от одобряемого». Владыкой (малик) в городе [области] Авар, называемом ат-Танус⁴, – а он сильнейший из городов Дагестана своей мощью, источник неверия – был неверующий сильный титан, негодный, носитель зла, ~~наказия~~ несчастья, по имени Сурака, с титулом *нусал*⁵ – это их обычай ~~давать~~ такое прозвище и обозначать этим именем своего владыку, – сын Сиртана...

Это начало повествования. Было пять человек из наиболее достойных потомков Хамзы и Аббаса, трое из них – из потомков главы мучеников Хамзы, а именно шейх Ибрахим Абу Исхак, шейх Ахмад и шейх Али, а двое – из потомков повелителя правоверных Аббаса – шейх Ахмад и шейх Насираддин. Они своего выхода и переселения вместе со своим обществом (*джамаат*) оставили [свои] жилища и прошли [многие] переходы, пока не достигли превосходной стоянки, то есть Кустантиний⁶, и пребывали в ней два года. Затем они отправились оттуда с пятью тысячами воинов в Хиндустан, где пребывали также некоторое время.

Затем они отправились оттуда и шли, пока не достигли Ширвана, где оставались в течение двух лет, готовя военное снаряжение: метательные орудия и тараны, кунфары⁷, канаты для катапульта и другие средства войны – с целью вести джихад⁸ против неверных жителей южных гор, то есть Дагестана. [А горы] Дагестана, поистине, являются областью войны.

Их принятый обычай и привычный известный порядок по части управления был таков, что по всеобщему согласию, без споров и противоречий старшего по возрасту, будь он самым низшим [положе-

нию] или высшим, избирали султаном или эмиром, чтобы он был помощником и пособником, следуя в своем светском и религиозном управлении славному шариату, и последовал по мере возможности делам пророка избранного Мухаммада – да благословит его Аллах и да приветствует! И был назначен над ними и над теми, кто правил ими [раньше], правитель (*султан*), один из потомков Хамзы, араб, корейшит, – их эмиром и вали. Они беспрекословно подчинились ему во всех делах.

Этот правитель стал брать доходы со всех владений, вилайатов, областей. Имя этого правителя было Шамхал. Он назван [так] в начале их переселения по имени деда, который родился в селении Хал, в одном из селений Шама, – как это принято называть новорожденного по имени места рождения. Он был сыном Амирхамзы, сына Султанахмада, сына Ханмухаммада, сына ал-Вали, сына Хала, сына Фаридуна, сына Амирсултана, сына Султаналибека, сына Абдалазиза, сына Аглаба, сына Амирджуфана, сына Амирмухаммада, сына Гази Абу-л-Фатха, сына Муслима, сына Абдалмалика, сына Ибрахима, сына Исхака, сына Мансура, сына Касима, сына Йакуба, сына Умара, сына Насиба, сына Сулаймана, да будет доволен им Аллах.

... Они вышли и отправились в полном согласии в эту обитель войны на слонах, верблюдах, скакунах. Когда жители Дагестана узнали об этом, то собрались вместе, войска проклятых неверных Дагестана и воины негодных урусов⁹, которые в согласии с дагестанцами поврону делили добро, зло, важные дела, у города Джур¹⁰ с намерением отразить ислам, защититься от войск [мусульман] и нанести вред мусульманам принуждением и силой. Мусульмане послали храбрых воинов, чтобы они следили за войсками проклятых неверных и разузнали их положение. А когда они установили наблюдение за неверными и тайно выяснили их положение, то узнали, что [эти неверные] храбрее их. Тогда охватил мусульман страх за [возможные] потери в случае сражения. Поэтому они решили разбить отряды неверных легчайшим способом – они пошли на хитрость: каждая группа их изготовила горячую еду, [смешанную о ядом, а это была трава (хашиш), разрывающая внутренности того, кто съедает ее. Когда неверные напали на мусульман, последние притворно обратились в бегство, бросив пищу, смешанную, с ядом, и когда неверные нашли еду] и съели ее, то тут же умерло из племени (*таифа*) неверных семьсот тысяч человек, ибо их внутренности были разорваны ядом.

Неверные были поражены с помощью Господина миров. И вели

мусульмане сражения, битвы, борьбу и споры в Дагестане, [добиваясь] награды от Аллаха. Они разорили Хайдак, [предали смерти эмиров неверных и эмира вилайата Хайдак]. Они убили из числа храбрых и сильных эмиров их вилайата, султана по имени Гаданфар ал-Гаррар. Они (мусульмане) взяли в плен их жен, детей, после того как предали смерти их храбрецов и знатных людей (*ай'ан*). [Затем они разграбили все имущество неверных с помощью Аллаха. Мусульмане поселились в этой области] с радостью и в спокойствии. Престол Гаданфара с гордостью и достоинством занял один из потомков шейха Ибрахима Абу Исхака – эмир Чуфан, сын Султаналибека, а он числился в ханской и хаканской генеологии в десятом колене, а шейх Ибрахим был в девятнадцатом колене. Он был первым, кто занял [престол] в вилайате Хайдак; он основал в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией (*дар ас-салтана*) город Кала Курайш, расположенный на скале, [над] ущельем, при реке¹¹. Затем [мусульмане] заключили с эмирами вилайата Гумик открыто договор, а когда прошло немного времени, нарушили этот договор тайно и обманным путем, предали неверных мечу, разгромили их, подчинили их селения, овладели их городами и обратили их жителей в ислам. Затем они двинулись к южным (чит.: северным) горам, я имею в виду Авари. Владелец Авари Байар сын Сураки, с титулом нусал, бежал вместе с некоторыми из родственников, близких и их семей в область Туш¹², а они его райийаты. Мусульмане вели многочисленные войны, совершили много джихадов в горные области вдоль и поперек и добились огромных успехов. Потомки и внуки их удалились в область Гирим¹³, разрушили там много селений и овладели [принадлежащими] им землями и пастбищами. [Мусульмане] опустошили сильнейший из городов (*билад*) Дагестана, резиденцию его владельца – город, называемый Хумз¹⁴, посредством принуждения и насилия, и убили многих воинов и их помощников, пленили их жен и детей, забрали их имущество и богатство. После того как [жители Авара] приняли ислам, престол [их владыки] занял с радостью и достоинством [один] из потомков шейха Ахмада [по имени] Масумбек, а он входит в хаканскую генеологию. [Затем] обосновался там шейх Абу Муслим [в качестве] их имама, вали и хакима – а он был достойнейшим из их ученых.

Таким образом мусульмане подчинили все области жителей гор, то есть Дагестан: частью – пленением, мечью, убийством и разрушением, частью – исламом (букв.: «замирением»), поселением [мусульман] и хорошим обращением. Затем они обосновались во всех частях

страны. У них был общепринятый обычай назначать в каждое селение или город, который они разрушили и которым они овладели, одного из своих эмиров и одного из своих правителей (*вали*) и поселять часть [мусульман] среди них, чтобы превзойти [числом] местных жителей. Шамхал обосновался и поселился в городе Гумик и брал харадж¹⁵ с земель, джизйу¹⁶ – с зиммиев¹⁷, десятины (*аш'ар*) – с путешественников, закят¹⁸ – с мусульман. Ему покорились все жители Дагестана, от низших [о положению] до высших – добровольно или силой. И подчинился ему весь народ [Дагестана] – и дальние, и ближние. [Шамхал] брал одну пятую часть хараджа себе, а остальные четыре пятых делил поровну между ними (своими воинами). Было установлено не брать из хараджей мирских (*дун'авийа*) и сборов (*русум*) султанских ни мискала¹⁹, ни частицы горчичного зерна – с их (представителей «рода» шамхала) сыновей, внуков, потомков [вообще], вплоть до конца времен, до исчезновения знатных (*ай'ан*) среди раййатов и низших из сотворенных...

Когда прошло некоторое время, Амирсултан, сын Байараббаса, сына проклятого Сураки, бежавшего от ислама к неверным, носивший титул нусал, живший в Туше, попросил войска, чтобы добиться [вновь] места своего отца, занять престол своих предков и достичь их степени. Он собрал войско, начиная от Цумтал²⁰ и кончая Аришти, и пришел с этим войском тайком, темной ночью в вилайат Хумз. Тут он советовался с теми, кто оставался в стране его отца. Они стали соучастниками его коварного плана, спрятали воинов в своих селениях, укрыли их в домах тех жителей, которые оставались среди мусульман, ложно приняв ислам, дожидаясь момента, когда представится возможность убить Амирахмада, сына Чуфана, сына Султана, сына Масумбека, который занимая в это время престол предков Амирсултана. Они выделили храбрецов, чтобы убить Амирахмада...

В ту ночь Абу-л-Муслим, сын Йусуфа, сына шейха Абу-л-Муслима, увидел сон, будто неверные победили мусульман там, то есть в городе Хумзе, и там случилось большое несчастье. Его ошеломило видение, и [наутро] после восхода солнца он бежал в Гумук. Неверные [действительно] убили эмира мусульман Амирахмада в следующую ночь до рассвета, отрубили ему голову и выставили ее над крепостью. В этот день они убили всех мусульман, живших здесь, и добились своей цели.

Амирсултан занял престол своего отца, подобно тому как занимали его древние предки. Его народ отклонился [от ислама], и началась

война между ними и мусульманами. Вражда и распри продолжались четырнадцать лет. [Наконец] исчерпались их средства к существованию, их жизнь сделалась трудной, они устали воевать, войны им опротивели. Тогда они уверовали, приняли ислам. И стали невозможными война и столкновения между мусульманами, и они нашли между собою мир в исламе. И вселил великий Аллах в их сердца ислам – да продлится их пребывание в исламе и да приблизит их к милости их Господа, а сиденья их – к трону его. Так свершилось определение судьбы сообразно с тем, что было сказано: «Дела зависимы от времени», был заключен мир между ними, и время пошло, как положено.

¹ Арабская историческая и географическая литература IX – X вв. знает только Сарир, отождествляемый в основном с территорией современной Аварии... Подробно о Сарире см.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 132 – 137; *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI – XI вв. (Серир) // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 123 – 124.

² Зрихгеран впервые упоминается у арабского автора ал-Балазури в связи о событиями VI в. (Балазури. *Китаб Футух ал-булдан ли-имам Ахмад б. Йахйа б. Джабир ал-Багдади аш-шахр би-л-Балазури.* Ат-табака ал-ула. Каир, 1319/1901 (на араб. яз.). С. 204-208).

³ Так в первые века ислама назывались земли, не вошедшие в состав мусульманского государства, которые еще предстояло «замирить».

⁴ Сел Тануси [Тануси], близ Хунзаха. По преданию – резиденция аварских правителей (нуцалов) до возвышения Хунзаха. Арабская историческая и географическая литература IX – X вв. не знает Тануси и сообщает о Хунзахе...

⁵ *Нусал* – титул феодальных правителей Аварии. На аварском языке произносится нуцал.

⁶ Константинополь.

⁷ *Кунфара* [мн. ч. *канафир*] – М. Алиханов-Аварский замечает: «Кенафир означает теперь мортиру, поэтому нам кажется более вероятным предположить, что ... арабы называли этим именем какую-нибудь камнеметную или вообще метательную машину» (*Тарихи Дербент-наме.* С. 170).

⁸ *Джихад* (араб.: усиление, отдача всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама) – одна из главных обязанностей мусульманской общины. Первоначально под джихадом подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Это значение стало основным для немусульман и получило у них название «священная война» (у многих мусульманских народов – газават).

⁹ М.А. Казембек (*Derbend-Nameh.* С. 666 – 667) обратил внимание на это известие, свидетельствующее «о древних связях русов [русских] с жителями Армении и Дагестана...», и связал это известие с походом Святослава против хазар в 965 г.

¹⁰ Имеется в виду Чога, или Чора (Джора), раннесредневековых армянских авторов...

¹¹ Калакорейш – ранняя столица Кайтагского уцмийства. Сохранились развалины селения (в 6 км от Кубачи), в том числе и фрагменты штучкового михраба XII – XIII вв.

¹² Тушетия – область Грузии на границе с Дагестаном.

¹³ Крым.

¹⁴ Хунзах.

¹⁵ *Харадж* (араб.) – один из видов налога в средневековых мусульманских государствах, поземельная подать, взимавшаяся в виде доли урожая или в твердых ставках (натурой или деньгами) с определенных площадей. Первоначально харадж, так же как и джизью, брали только с немусульман; однако он сохранялся и при переходе земли во владение мусульман, и при принятии землевладельцами ислама.

¹⁶ *Джизья* (джизья) (араб.) – подушная подать, которую мусульманское государство взимало с живших на его территории иноверцев как плату за оказываемое им мусульманским государством покровительство.

¹⁷ *Зимми* (ахль аз-зимма) (араб.: люди, находящиеся под покровительством) – одна из категорий населения в средневековом арабо-мусульманском государстве. К ней относились христиане, иудеи, а также сабии зороастрийцы, которым разрешалось сохранять свою религию; им гарантировалась жизнь, свобода и неприкосновенность имущества. За это зимми должны были платить особый налог – джизью наряду с поземельным налогом – хараджем. Под покровительство не могли быть взяты идолопоклонники и многобожники.

¹⁸ *Закят* (закат) (араб.) – предписываемый шариатом налог на имущество и доходы, который теоретически идет на нужды общины и распределяется среди бедных и неимущих мусульман.

¹⁹ *Мискал* [араб.] – мера веса твердых тел, равная 4,68 гр.

²⁰ Цумтал – общество Цунта (Цунтлал), ныне Цунтинский район.

«Тарих Дагестан» Мухаммадрафи / Введение, перевод, комментарии А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 97 – 108

□ □ □

Для распространения ислама Абу-Муслим приходил с войсками арабов и в верхний Кайтаг. Но ему не удалось распространить ислам во всех селениях, в 10 километрах от селения Дзилебки находится местность под названием Варха, где, согласно преданиям, Абу-Муслим приказал построить оборонительную башню. Здесь пролегла граница между территориями, население которых исповедовало христианство и мусульманство. Местное население исповедовало также и иудейство, а ислам приняли жители только тех селений, куда дошли арабские войска.

□ □ □

Согласно преданиям, до распространения ислама жители Калакорейша, который назывался Уркмудзи, и окружающих селений исповедовали иудейство. Арабы пришли сюда из Мекки, Медины, Шама (Сирии) и распространили здесь ислам. Уркмудзи находился на защищенном месте, и в него можно было проникнуть только через одни ворота, куда вела единственная дорога по ущелью Жугьутла къаади (Ущелье евреев).

Арабы построили в Уркмудзи мечеть и пир, сделали его центром исламизма и стали распространять свою веру в других даргинских селах нынешнего Дахадаевского района.

Местное население оказало упорное сопротивление арабам. Поэтому последние убили многих жителей. Согласно преданию, 40 арабов, которые спрятались в пещере, умерли от голода. Их похоронили около селения Дибгалик. 140 лет пустовала территория вокруг селения Калакорейш, так как арабы уничтожили непокорное местное население. Потом появился Абу-Муслим с 124-тысячным войском и заставил дагестанцев принять ислам. Дибгаликцев, джурмачинцев, абдашканцев, амугинцев и других Абу-Муслим обязал быть сторожевыми. При появлении врагов ислама они должны были зажигать сноп, таким образом предупреждать Калакорейш об опасности. Абу-Муслим оставил в Калакорейше талхъана – уцмия из рода Мухаммеда. Из Аравии сюда каждые семь лет привозили продукты питания. Со временем Калакорейш стал центром уцмийства Кайтагского.

□ □ □

Согласно преданию, записанному нами в сел. Меусиша нынешнего Дахадаевского района, узнав о приближении арабских войск, меусишинцы подготовились к встрече с ними. Бой с завоевателями произошел в местности Келра-целда-ургала, рядом с бывшим поселением Кубай. В этом сражении было убито 40 родственников (или приверженцев) Мухаммеда, которых похоронили на поле боя. Затем на этом месте образовалось кладбище. Ныне это место находится в среднем квартале (Дайша) и называется Хобрелахъяб (Хивябрела хъяб). После этих событий меусишинцы и жители других даргинских обществ приняли ислам.

□ □ □

О разрушении города Хамур-Дарго

Раньше напротив нынешнего селения Кичи-Гамри на берегу реки Гамри-озень находился большой город под названием Хамур-Дарго, который тянулся по берегу реки на несколько километров. Городом правили местные талхъаны (беки, князья). Одного из них звали Гирей. Он жил в местности «Гирейтала Гиниз» («источник воды Гиреевых»). На другом конце города (место это называлось «КялгЯля къадди» — «ущелье крепости»), где находился дворец, жил его брат по имени Угъланбей-талхъан.

Вокруг города была крепостная стена со сторожевыми башнями. Однажды сюда со стороны плоскостного Дагестана пришли какие-то завоеватели, которые обманули сторожевых. Они прибили подковы наоборот и следы их конницы вели не в сторону города, а от города на плоскость. На самом же деле завоеватели пришли с плоскости и ждали пока войска хамурдаргинцев пойдут в погоню. Когда войска по тревоге сторожевых ушли в погоню на плоскость, завоеватели легко вошли в город и сожгли его. Город погиб очень быстро, так как он был построен в основном из дерева.

Завоеватели собрали детей и стариков и растоптали их своей конницей. Оставшиеся в живых хамурдаргинцы расселились в населенных пунктах, расположенных в основном недалеко от сожженного города: Башлы, Таргъу, Алходжакент, Утамыш, Мюрего. Некоторые из них ушли в Верхнее Дарго. Впоследствии они основали нынешнее селение Кичи-Гамри. Они дали селению старое название города, прибавив к нему кумыкское слово «кичи», что означает «маленькое». Первыми переселенцами были хамурдаргинцы, ушедшие в селение Усиша после разрушения города. Один из них пришел на место, где раньше был город, искал здесь вещи и нашел деньги. Он остановился на месте верхнего аула нынешнего селения Кичи-Гамри и построил здесь шалаш. Здесь же свила себе гнездо и ласточка. Увидев это, он решил остаться на этом месте. У этого переселенца было двое сыновей, которых звали ИштГал и Къасум. Они являлись основателями двух тухумов — «ИштГалхъали» и «Къасумхъали».

□ □ □

Разрушение арабами Шам-шахара

В древности на территории Дагестана находилось много городов. Сохранились предания о ряде городов в приморском и предгор-

ном Дагестане. Сохранились также остатки ряда городов. Остатки одного из таких городов в свое время были осмотрены проф. Р.М. Магомедовым и описаны еще в 1963 г. Речь идет о городе Шам-шахар, находящемся недалеко от сел. Губден на территории нынешнего Карабудахкентского района.

Р.М. Магомедов пишет:

«По пути мне попадались груды камней, много явных остатков былых построек и, возможно, крепостных стен, следы культовых мест и черепки битой посуды самого разного образца. Во многих местах обнаруживаются следы древних погребений. Я обратил внимание, что погребальные сооружения, как правило, подразделяются на два основных типа: 1) погребальные сооружения без насыпи, иногда покрытые огромными каменными плитами, видимо, для коллективного захоронения и 2) погребальные сооружения с каменными надгробиями в виде столбов или плит.

Все, что я увидел, наводит на мысль о том, что Шам-шахар — это одно из древних дагестанских городских поселений. Город этот расположен в 18 километрах от Каспийского моря и по размерам почти вдвое больше, чем городище Урцеки. Расположен город в живописной местности. Центром была, видимо, возвышенная часть города. Наверно, здесь был и храм, — не случайно местные жители называют это место «Киласила как», т.е. Церковный, храмовый холм.

По остаткам развалин можно судить, что дома здесь были большие и город был довольно населен. По следам оборонительных сооружений можно заключить, что город с трех сторон был защищен крепостными стенами, а с четвертой — естественными обрывистыми скалами. Местами крепостная стена тянется в несколько рядов. Следы крепостных строений здесь сохранились даже лучше, чем в Урцеки. Ширина крепостной стены — от полутора до двух метров. За стеной видны были места для загона скота. Таких загонных сооружений можно насчитать несколько, и они значительны по размерам.

Почти рядом с древним Шам-шахаром был расположен, видимо, и второй город. Границы его начинаются за обрывистыми скалами, через лощину, тянутся примерно на 700 — 800 метров. Город этот уже целиком горный. К нему ведет только одна дорога, — следы ее хорошо можно увидеть и сейчас. Город был обращен в сторону моря и сильно укреплен. Хорошо сохранились здесь остатки крепостной стены.

Вокруг обоих городов — следы заброшенных садов и одичавших виноградников.

...между Шам-шахаром и Джангой в лесистой местности сохранились развалины еще какого-то неизвестного города.

...памятники новых двух городов – одного времени с одной культуры с урцекским.

Еще до недавнего времени мы, за исключением Дербента, не знали о сколько-нибудь значительных городских сооружениях древности на территории Дагестана. А теперь – сразу три городища, и все они – в приморском Дагестане. Это наводит на мысль о том, что именно в Приморье раньше, чем в остальном Дагестане, зарождалась и развивалась его городская жизнь. Стихийные бедствия и войны разрушили эти города, стерли с лица земли. Но немые свидетели былой жизни оставались. Земля сохранила остатки жилищ, глиняных сосудов и предметов хозяйственного обихода. По ним можно восстановить теперь и картины жизни и быта исчезнувших городов.

Все это еще изучается, но что уже сегодня можно сказать о судьбах городов у Шам-шахара?

Прямых указаний об этих городах в письменных источниках не найти. У древнегреческого ученого II в.н.э. Птолемея можно узнать, в Кавказской Албании имелось 29 городов и многие из них были расположены по морскому побережью. Возможно, что и Шам-шахар и его спутники входили в число 29-ти птоломейских городов.

Когда нет письменных источников, обращаешься к устным преданиям. ...у губденцев сохранилось предание о том, что Шам-шахар некогда был заселен «народом армянской веры». Тут, видимо, речь идет о христианском населении времен Кавказской Албании, – в ее времена распространение христианства в горах шло именно через Армению. Потому-то, видимо, и жителей древнего Шам-шахара называют «армянами».

У губденцев сохранилось предание о том, что города, о которых я веду речь, разрушены во время нашествия арабов. Говорят, что завоеватели не раз шли войной на эти города, но взять их не могли. Лишь при арабском полководце Мерване эти крепости были взяты и сожжены. Вполне возможно, название Шам-шахар и возникло как память о сожжении арабами города. Не Горящий ли город – Шам-шахар? И не подтверждают ли это название толстые слои золы, уголь и обгоревшие куски дерева?

Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 55 – 59.

□ □ □

Давным-давно, еще когда Шамшахар был населен армянами, на эту землю напали враги и одолели жителей. Обитатели городища, вынужденные покинуть свою землю, перед уходом забили городской источник шерстяной пробкой, после чего вода иссякла, а вскоре и источник был забыт.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. С. 255.

□ □ □

О распространении ислама в Губдене

В 1961 г. в сел. Губден 80-летний А. Карабудахов рассказал Б. Гаджиеву, что «в Губдене, в Джанга и Ленинкенте жили армяне. Они жили долго, но как-то утром, вдруг взяв свои вещи, ушли, исчезли. Это случилось более 250 лет тому назад. Когда я был маленьким, на холме Хизри-Лабал имелась крепостная стена с бойницами, высотой до 5 метров. По ней могли ходить люди.

Укрепления имелись и в других местах. Камни разобрали люди. Когда пришел шейх Абумуслим, он силой обратил население в мусульманство».

Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991. С. 29 – 30

□ □ □

Селение Гапшима образовалось в результате объединения трех поселений (Шилла-бурхила, Жулсела-бурхила и Дехшала), к которым присоединились затем и более мелкие поселения (Чемаша, Вацараг, Урчихенкыла-кабка).

Первоначальное поселение [было] расположено выше нынешней Гапшимы на триста-четыре метра. Называют его просто «Кабкала кала» – горная крепость. Разрушенное поселение было обнесено стеной, существовали и башни. Остатки стен и башен сохранились поныне. В крепости до сих пор школьники находят маленькие выемчатые наконечники стрел из кремня. С северной стороны крепости, где подход к ней относительно более доступен, стена с бойницами выполнена циклопической кладкой из огромных каменных глыб. Там же внутри крепости имеются обжитые помещения – пещеры.

Существует предание, что во время вражеских нападений в Каб-

кала вместе с гапшиминцами укрывалось и население Шукты и Мегва. Осталось предание, рассказывающее о том, что однажды гапшиминцам пришлось обороняться от врагов, забрасывавших жителей крепости зажигательными глиняными сосудами. Трудно уточнить, кто именно были эти враги, но, очевидно, столкновение это имело место еще до изобретения огнестрельного оружия.

Укрепленное поселение Кабкала кала было обитаемо до тех пор, пока там была вода. Высохшие родники кала видны до сих пор. Когда вода почему-то исчезла, поселение вынуждено было перебраться вниз к реке. Однако крепость продолжала сохранять значение военного убежища. В более позднее время Кабкала кала служила удобным загоном для скота всего аула.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 108–109.*

□ □ □

Среди окружающих жителей распространено предание, что бутринцы среди верхнедаргинцев последними приняли ислам. Поэтому у соседей они получили прозвище «капур усала», что означает безбожники. До прихода арабов жители Бутри исповедовали армянскую веру. Столкновение между бутринцами и арабами произошло в местности Асияла-Къаб. Здесь имеются погребения и множество остатков человеческих костей. Позднее бутринцы стали ревностными мусульманами. Известно, что бутринский кадий силой оружия внедрял ислам в Харбуке и Маджалисе.

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 1. С. 154; полевой материал 1962 г.*

□ □ □

До арабского нашествия усишинцы были огнепоклонниками, поэтому, мол, во время свадьбы на пути следования невесты зажигают костры. Во время лунных затмений усишинцы также зажигают костры.

Говорят, что ислам среди усишинцев стал распространяться только после войн Тимура.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 155.*

□ □ □

Арабы приходили и в сел. Муги. После завоевания арабами селения здесь был поставлен правитель – амир. В самом ауле сохранились развалины крепости, где раньше жил амир.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 156.*

□ □ □

В нескольких километрах от сел. Цудахар в прошлом находились остатки поселений. Это местность Чихахражи, Губахражи, Булетарлабек и др.

Одно из преданий гласит, что обитатели этих поселений вместе с жителями других здешних аулов упорно воевали против арабов. Предводителем арабов предание считает Абумуслима:

Эти поселения продолжали существовать и после проникновения в здешние места ислама. Мало того, одно из преданий утверждает, что именно сюда переселились жители девяти из двенадцати (или четырнадцати) аулов и одного города, которые были расположены в районе нынешнего с. **Кадар** (остальные три села основали одновременно Губден, а небольшая часть жителей слилась с кадарцами и акушинцами). Существует несколько версий о причине этого расселения: нехватка воды, эпидемия, нашествие врагов. Наиболее вероятной нам кажется последняя, причем скорее всего этими врагами могли оказаться арабы, а затем дербентские газии, о непрерывных походах которых на север от Дербента повествуют многие письменные источники.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. С. 105.*

□ □ □

До нашествия арабов жители сел. Каракюре исповедовали христианскую веру и жили в пяти населенных пунктах: Армут-Куза, Яркиль, Чурухюр, Старалай-Хев, Каракюра. Вокруг аула был густой лес. Жители считали, что они происходят от армян.

Каракюринцы имели своего правителя Камкама. Он предводительствовал в войнах с арабами. Арабы разбили каракюринцев и разорили до основания все их селения. В борьбе с арабами погиб и Камкам.

Ислам был навязан силой, о чем говорит и то, что после Камкама правителем был уже мусульманин, которого звали Рази-бек. Это мусульманское имя.

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 1. С. 157 – 158.*

□ □ □

Как рассказывают в селении Каракюре, сюда приходили арабские войска. Предводителя их звали Абдурахман. Арабы оставили его здесь, чтобы жители Каракюре не отказались после их ухода от ислама. Он жил в Каракюре до самой смерти, здесь же был похоронен на кладбище.

□ □ □

Согласно другому преданию, до исламизации каладжухцы исповедовали христианство. Сюда приходили арабские войска во главе с Абу-Муслимом. Он стал строить в Каракюре мечеть. Арабы строили, а местное население ночью разрушало ее. В конце концов мечеть была восстановлена за одну ночь самими же каракюринцами, когда они решили принять ислам.

□ □ □

Р.М. Магомедов пишет, что он в сел. Микрах нынешнего Докузпаринского района слышал предание о насильственном обращении местного населения в ислам. К горлу человека арабы приставляли шашку и предлагали мусульманскую формулу вероисповедания, угрожая в противном случае перерезать горло. Попавшему в такое положение ничего не оставалось, как произнести непонятные слова — после этого его уже считали мусульманином.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II. С. 93.*

□ □ □

Основатель Микраха, живший после Самсама, не знал предела своему произволу. Но к моменту появления арабов селение было уже таким большим, что в местных преданиях Микрах и Каракюре именуется городами. Жители селения оказали упорное сопротивление арабам. Семь месяцев арабы осаждали его.

По одному из вариантов предания, все это случилось при Самсаме, причем он был убит во время обороны селения. После этого правителем сделался Эмир-Таги. Его арабы смогли уговорить, и селение добровольно прекратило сопротивление.

В те времена селение называлось иначе. Микрах, по преданию, — имя первого сельчанина, принявшего ислам. Впоследствии оно стало названием селения.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 92, 93.*

□ □ □

Согласно другому преданию, шесть месяцев арабские войска осаждали Микрах, который был окружен крепостной стеной. Наконец с большими потерями приступом они взяли крепость. Арабам помогли ахтынцы, постоянно враждовавшие с микрахцами за земли. С теми, кто отказался принять ислам, арабы жестоко расправлялись.

В Микрахе тогда правил Самсам, который после взятия селения арабами вынужден был принять ислам. Сын Самсама Тартасрар отказался принять ислам, за это арабы убили его. Говорят, что до сих пор недалеко от хутора Демиркент на небольшом бугре сохранилась могила Тартасрара.

□ □ □

Рассказывают, что на месте современного селения Тпиг Агульского района некогда был небольшой укрепленный населенный пункт, окруженный оборонительной стеной. В XII в. сюда пришли мусульмане и разрушили крепость в местности Кагла. Они же потом и восстановили ее, используя тот же камень. До принятия ислама тпигцы были язычниками.

После прихода арабов и исламизации были построены новые крепостные башни. Селение тогда располагалось за маленькой речкой. А в середине XII в. его перенесли на территорию нынешнего Тпига. Селение построили фактически на кладбище — здесь везде имеются захоронения.

□ □ □

Для распространения ислама в селение Фите приходили арабские войска во главе с Абу-Муслимом. Абу-Муслима сопровождал его соратник по имени Пир-Хашим. Его убили (по другой версии, умер своей смертью) и похоронили в Фите, там, где ныне находится здание мечети. Тогда здесь еще не было и домов. Местное население считало это место священным.

□ □ □

О борьбе кочхюрцев с Абу-Муслимом

Согласно преданию, в селение Кочхюр нынешнего Курахского района приходили войска Абу-Муслима. Первый раз, не сумев подчинить селение, он пришел повторно. Сражение началось в четырех километрах от селения в местности Бухтар и закончилось в самом селе-

нии. Было так много убитых с обеих сторон, что река Царцад-вац, протекавшая по селению, стала красной от крови.

Тогда не было ни ханов, ни беков, жили здесь свободные уздени. Во главе селения стояли кавха, предки Абдурахман-кавха. После принятия ислама была построена мечеть в Верхнем квартале (Вилимяхли). Селение тогда было большое, насчитывалось более 300 хозяйств.

□ □ □

В преданиях, бытующих среди жителей цахурских селений, воспоминания о нашествии арабов зачастую конкретизированы, связываются с определенным местным объектом. Рассказывают, что недалеко от селения Гельмец виднеется небольшая поляна, которую называют «Поляна неверных» («Хъалешин майдан»). Якобы на этом месте был когда-то небольшой аул, жители которого поклонялись камням, воде, огню. Но покой жителей аула был нарушен арабами, которые стали насильно насаждать среди них ислам. Жители аула воспротивились принятию новой религии. Тогда арабы разорили аул, не оставили камня на камне. Не жалели арабы ни детей малолетних, ни стариков. Выкрикивая: «Теперь поклонитесь огню!», они бросали всех аульчан в костер. Место, где был прежде аул, с тех пор и носит название «Поляна неверных».

Халидова М.Р. *Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 196.*

□ □ □

По преданию, бытующему в сел. Микик, тех, кто не хотел отречься от своей веры, арабы били камной, резали шашками. Самой страшной мучительной пытке подвергались микикцы, которых бросали в глубокие ямы, вырытые арабами в центре села, в них они «медленно умирали голодной смертью».

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 196.*

□ □ □

Сказание о битве при Анжи

В нартском эпосе кумыков, по-видимому, нашла отражение и более поздняя борьба народов против своих исторических врагов. В этой

связи большой интерес представляет во многом для нас загадочное произведение, условно названное нами «Сказанием о битве при Анжи». Записано оно преподавателем Даггосуниверситета С.М. Алиевым у различных сказителей из поселка Кяхулай г. Махачкалы. По словам собирателя, запись неполная, т.к. многое уже забылось и, самое главное, сказители, в большинстве своем люди религиозные, не хотели рассказывать о тех временах, когда их земляки-предки были «кяфирами», т.е. еще не стали мусульманами и активно боролись против арабов.

Следует отметить, что «Сказание» претерпело литературную обработку, о чем говорят и стиль произведения, и отдельные сюжетные коллизии, и свидетельства некоторых сказителей. По предположению С.М. Алиева, было два произведения о битве при Анжи¹: одно – книжное, правдиво описывающее исторические факты, и другое – устное, опирающееся на фольклор и художественно, в рамках эпического и мифологического творчества своеобразно отражающее те же исторические события. К такому выводу приводят исследователя вполне конкретные факты: записанные им устные сказания и обнаруженная им же книга «Анжи-наме». Книга была передана ему жителем Кяхулая П. Кадиевым. Как сообщает С.М. Алиев, книга написана кяхулаевцем Абукадирмурзой в 1780 г., но в ней использованы более ранние материалы.

Вот что пишет исследователь о содержании «Анжи-наме»: «Как видно из названия книги, в ней описывается история древнего Анжи, его культура, связи с хазарами, место города среди других дагестанских городов, борьба жителей Анжи за свободу своей родины, их верования, взгляд на мир. Повествование начинается с периода постройки города, кончается его разрушением в результате варварства воителей за религию. Жители Анжи многие месяцы не дают врагам войти в крепость, но и иноземцы не унимаются. Наконец силы жителей Анжи иссякают, женщины, старики попадают в тяжелое положение. Затем враги, укрываясь за сотни дубовых арб, приближаются к стенам города, проникают через стены, поджигают город, множество народа – стар и млад – гибнет. Оставшиеся в живых укрываются в одной крепости (укрепленном месте). Оттуда они ночью пробиваются в расположенные у Койсу (Сулак) и за нею города Ирган и Балх² и укрываются».

¹ Анжи – древний город, располагавшийся в районе нынешней Махачкалы I.

² Возможно, с названием «Ирган» связано происхождение названия древне-

ся там, но многих из них мусульманские войска уничтожают и сбрасывают в реку.

Разрушение Анжи в книге рассматривается как порабощение всего народа. Вместе с тем автор как важнейшую идею проводит идею объединения разрозненных маленьких бийликов (княжеств, феодальных владений – А.А.) и ясно подчеркивает, что с разгромом Анжи эта миссия ложится на Ирган и Балх. Далее С. Алиев цитирует слова Абукадирмурзы: «Если Анжи был силен, все вокруг были сильны; если нет – все кругом попадали в трудное положение. Этот город во всем опирался на Гельбах и Эндирей. Его люди были настолько багатуры (храбры, сильны – А.А.), настолько мужественны, что если у ворот (города) стояли сто человек, они могли бы остановить натиск тысячи врагов».

Для демонстрации высоких поэтических достоинств Алиев приводит следующую выдержку из «Анжи-наме»: «На утро второго дня со стороны обеих войск снова послышалась барабанная дробь, и оба войска двинулись друг против друга, обе стороны сразились подобно львам. У некоторых (воинов) головы падали на землю раньше, чем (их) сабли. На второй день поле усеялось головами, как бульжниками, словно дождевые воды, потекла кровь.

Анжи погрузился в печаль. С небес не идут дожди, хотя священники Анжи, возглавляя народ, совершают алгыш¹, не помогает.

Как видно из всего изложенного, значение «Анжи-наме» огромно для изучения истории и культуры народов Дагестана.

А вот о чем повествуется в «Сказании о битве при Анжи». Предводителем жителей Анжи был Карт-Кожак. У него было два сына: Темиш и Айбек. Оба они влюбились в одну девушку по имени Айкыз – сестру знаменитого батыра Исака, живущего в Грузии. Получив отказ от Айкыз, любившей Айбека, старший из братьев Темиш перешел на сторону врагов. Старый и ослепший отец именами всех богов – Тенгира, Алава, Аванчы – проклинает своего сына. Теперь его надежды связаны с Айбеком. Тот дает отцу страстную клятву верности родине и чести.

го дагестанского аула Ирганай. Есть сведения, что древний Эндирей назывался также Балхом.

¹ Алгыш – буквально «благословение», «благопожелание», «хвала». Здесь, очевидно, идет речь об обряде вызывания дождя, о магически-заклинательном ритуале.

Вскоре происходит кровавое сражение с завоевателями. «Черные войска» врагов пробили высокие крепостные стены и устали на город голодными и огромными глазами. Горит Анжи, горит и священный камень в Камари. Пламя пожара спалило тучи, дым душит каменные ущелья, но ни от Тенгира, ни от Алава нет помощи. И тут во все стороны мчатся гонцы с призывом помочь погибающему Анжи – с призывом, «который заставил бы проснуться и живых и мертвых». Гонцы спешат к Темирбеку в Язи, к горцам в Кази и Арак, к Исаку в Грузию, к биям Тамгара, к булканцам и др., спешат с вестью о том, что:

Кособокий камень спален огнем,

Пламя пожара спалило тучи.

Камень поклонения начал уже плавиться,

Сажа его окутала Хомрол.

Уста детишек на материнских грудях,

Душит их дым, пожелтевшие тела их ослабели,

И смотрят, уставившись, как совы,

Разрушители (громители), просунув головы сквозь пробоины.

Спешат вестники с наставлениями:

«Забудь зло, что таилось в прошлом, и придти (на помощь),

Узнав, друг ли враг, или враг ли друг,

Объединиться ради Камари,

Забыв прошлые обиды!»

Мчатся гонцы с призывом:

«Снять скорее бурки с вешалок,

Вынуть сабли луноподобные из ножен,

Как синие тучи навесить (бурки) на плечи,

И стянуть аргамаков (через) район Кадара...»

Однако помощи нет. Очевидно, союзники не успевают. Враг уже в крепости. Женщины, дети укрылись в Хомроле. Невеста Айбека молит Тенгира разбить вражьи войска, прогнав их ради гибнущих малышей, ради целующего землю несчастного старика, отца предателя Темиша. Она просит также известить о беде бога Авамчы, «жаждущего лесов».

Далее в тексте пропуск, но мы догадываемся, что бог Тенгир против жителей Анжи. Когда они послали чудесную птицу Бийдак с вестью к богу Алаву, который «прилип (прикован?) к скале и не может

оторваться от нее», Тенгир преграждает птице дорогу. Однако Бийдаяк все-таки сумела оповестить Алава и Аванчы, ибо они, возглавив всех нартов, устремляются на врагов. Тенгир перед ними воздвигает горы, напускает на них ветры, заливая дороги водой. Нарты преодолевают препятствия. Тогда Тенгир закрывает солнце, и все погружается в темноту. Но бог Аванчы собирает со склонов дубы, разводит костры, и воины находят дорогу. Тут на помощь подспекает и загадочный Сангар, поет песню и ею указывает путь нартам.

Разгорается битва. «И камни против врагов, и вода против». На 39-й день враги отошли назад. Однако Темиш указал жажущим врагам, где можно достать воду. И враги вновь пошли в наступление. Теперь им удалось овладеть городом. Темиш ликует, т.к. уверен, что Айкыз достанется ему. Предводитель арабских войск щедро одаривает Темиша и назначает его правителем Анжи. Оставшиеся в живых жители города укрылись в укреплении на труднодоступном склоне горы. Среди них и Айкыз (Айбек геройски погиб в бою). Враг, бессильный взять укрепление приступом, решил добиться своего голодом, жаждой, а также удушая дымом огромных костров. Волшебница Айкыз поняла, что ни боги, ни люди им уже не помогут, и потому она пишет врагам письмо, в котором говорит о желании защитников крепости сдаться, но для этого просит три дня отсрочки. В эти дни она тайными тропами выводит уцелевших в Ирган и Балх. На третий день Темиш входит в укрепление. Айкыз и он поднимаются на самый верх башни, где Темиш хочет овладеть девушкой. Айкыз крепко прижимает Темиша к себе и вместе с ним внезапно бросается с вершины крепости.

Так трагически заканчивается это замечательное кумыкское сказание о героической и самоотверженной защите родного города.

Итак, мы видим, что в сказании причудливо сочетаются древнейшие образы и мотивы с исторически реальными событиями. В отличие от «Анжи-наме», здесь повествование облачено в художественную форму героического эпоса, многое здесь воспринято через «призму» художественного видения.

В сказании наряду с реальными людьми фигурируют боги Тенгир, Алав, Авамчы, загадочные Сангар и Камари, сказочная птица Бийдаяк, нарты, дэвы. Последние три образа популярны в кумыкском фольклоре. Тенгир – языческое божество. Интересно, что в сказании он выступает против жителей Анжи, а также их помощников – богов Алава, Авамчы и др. С Алавом и Авамчы мы в сказании встречаемся впервые, и потому многое здесь пока остается неясным. С.М. Алиев

их характеризует как богов охоты и леса. Возможно, имя Авамчы связано со словом «ав», означающим «охота» (авчу – охотник). Слово «алав» в ряде тюркских языков означает «огонь», «пламя», т.е. не исключено, что Алав является богом огня. Сам этот бог, «прикованный» Тенгиром к скале и потому не могущий придти на помощь Анжи, напоминает Прометея и Амирани. Полагают, что богом охоты мог являться и Сангар. Имя Камари олицетворяет Анжи, с ним связан «священный» камень, которому поклонялись, молились жители Анжи. Созвучных этому имени слов множество: С. Алиев связывает его с третьим сыном древнего тюркского правителя Тёре по имени Камари; А.-К. Абдуллатипов полагает, что это божество могло представляться в образе женщины и связывает ее с богиней Камари из грузинского эпоса об Амирани; следует отметить, что слова, созвучные с Камари кумыкского эпоса и, возможно, связанные с ним, довольно распространены и в Дагестане: Гимринский хребет и одноименный аул; река Гамри-озень и одноименные аулы; наиболее древняя прослойка кумыкских феодалов на юге Дагестана – гамринские беки и др. Интересно также сочетание этого имени с хетто-хурритским богом Кумарби, тоже связываемого с камнем: он оплодотворяет камень, из которого родится каменный исполин Улликумми (ср. также: хетто-хурритское божество Алалу – кумыкское Алав, Дингир-Тенгир, а также бог Тейшуб – эпический герой из сказания Темиш)...

Топонимика сказания в целом совпадает с Тарками и его окрестностями. Так, упоминается в сказании Ташлы-кол – это лощина, балка над Тарками, Сангыз – поляна на западном склоне горы Тарки-тау и др.

В сказании упоминаются и другие населенные пункты и области: Грузия, Кадар, Кази (видимо, Казикумух, хотя определение «кази» – воитель за веру – прикреплялось и к другим населенным пунктам). Арак (по-тюркски – гора; под таким названием есть горы в нынешней Чечено-Ингушетии, Дагестане и др.). Однако в сказании большинство названий трудно поддаются толкованию: Язи (от названия древних племен «ясов» или «азов»?), Булкан, Там-гар, Кырай и т.д.

Аджиев А.М. Дальние дороги песни. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. С. 74 – 80.

□ □ □

Сказание о битве при Анжи¹

В незапамятные времена войска иноземцев подошли к городу Анжи с целью его захвата. Жители его многие месяцы сопротивлялись и не давали врагам войти в крепость, но и иноземцы не унимались. Наконец силы жителей Анжи стали иссякать. Враги, воспользовавшись этим и, укрывшись за сотни дубовых арб, проникли в город и подожгли его. Погибло множество народа – особенно, стариков, женщин и детей. Оставшиеся в живых укрылись в одной крепости. На утро второго дня со стороны обеих войск снова послышалась барабанная дробь, и оба войска вновь двинулись друг против друга, обе стороны сражались подобно львам. У некоторых воинов головы падали на землю даже раньше, чем их сабли. На второй день поле усеялось головами, как булыжниками, словно дождевые воды потекла кровь. Анжи погрузился в печаль. С небес не шли дожди, и хотя священнослужители Анжи (возгвляя народ, совершали алгыш², ничего не помогало. Правителем города Анжи в то время был князь – богатырь Карткожак. У него было двое сыновей: Темиш и Айбек. Старший брат предал свою родину из-за девушки, которая любила не его, а брата Айбека. Старый князь именем всех богов (Тенгири, Алава, Авамчы) проклял Темиша и отныне все свои надежды возлагал на Айбека. Старый отец, напомнив об обычаях предков, дал наставление сыну, напомнил и о покойной его матери. Айбек, будучи не в силах более слушать отца, решил дать следующую клятву:

Вырою глубокие колодцы
И доберусь до глинистой середины Сангыза³,
Твой ум залью в сталь
И невероятно пробивные стрелы сделаю,
Два дуба – твою опору скручу в один,
К нему присоединю Талкы⁴.
И во врага, пришедшего, раскалывая горы,
Я стану стрелять ими с именем Алава⁵.
Отец мой я клянусь тебе,
Пока на землю упадет камень твоего Амира⁶,
Того Эльбуза⁷ я разорву на части.
Пусть хоть небеса разверзнутся,
Я не спрячусь в укромном месте,
И не полезу на высокий шест, испугавшись,

Пусть мой счастливый день превратят в беду:

«Если жива Камари⁸, и я жив,
Если она умерла, то и я сгорю», –
Готов я отвечать всегда.

У стен города шли сильные бои, врагу (у которого было черное войско с конницей и пехотой) удалось пробить высокие стены, через пробоины жадно смотрели враги с глазами, как водоемы. Анжи горел, горел и камень Камари, пламя обжигало облака; лещину Ташлы-Кол⁹ душил сизый дым; не поступала помощь ни от Алава, ни от Тенгири¹⁰. К соседям были посланы гонцы с просьбой прийти на помощь:

Враг намерен напоить своих коней в Шаршаре¹¹,
Надеется на Айланче¹² сварить обед.
Пусть на вершинах гор так станут бить в звонкие колокола,
Чтобы звук их донесся до Кованых ворот¹³,
Чтобы ветер, который гуляет по берегу Терека, жуя траву,
Разворошил, растревожил все вокруг.
Так, чтобы пробудились мертвые и живые,
Зовите братья нам народы.
Пусть из Ташы¹⁴ поспешат Темирбек и другие.
Пусть быстро придут горские парни из Кази¹⁵
Пусть гонцы доскачут на места Арак¹⁶,
Пусть они забудут старые обиды и приедут,
Пусть ради Камари сплотятся, забыв старую вражду.
Пусть булканцы¹⁷ запрягут, оседлают своих коней,
Пусть спешат, уподобив Дулу¹⁸ своих тулпаров¹⁹,
Чтобы могли быстро доехать до нас!
Пусть поймут: до нас дошел многочисленный враг и обложил все кругом.
Докатился топот копыт вражеских коней, сделавших сумрачным мир!
Желая не оставлять в покое Камари, пока не затопчут в землю.
Оповестите: пришел дэв с глазами, как водоем
Хоть и поздно явился, но он приложился к груди матери нашей
Эй, люди, пусть бурки будут взяты с надгробных плит.
Пусть будут обнажены луноподобные сабли!
Набросив на плечи (бурки), как синее облако,
Окунув сизые ворсины в синий туман,

Вы направьте аргмаки в сторону Кадара²⁰!
Обогните в мгновение ока!
Я не должен отступить от решения,
Раздоби ты кремневые камни, ударь кнутом!
На дорогу ты брось искру, подобную пламени,
В лесах схвати (в руки) гадюк.
Чтоб ты был ветром-ураганом.
Бурый конь, с копытами, подобными месяцу,
Пусть разбрызгает подковами воды.
Князя тамгара²¹, обойдя свои земли, пусть быстро подспеют.
Пусть скажут слово о том, что стало понятно и ясно —
Над началом кюремет²² уже засел враг.
Почему на шум гусей свои не подают сигнала огнем?
Что же случилось с жителями Кырая²³
Они не откликаются на наши просьбы.
Если мы выпустим птицу Бийдаяк²⁴: она камнем падет на землю,
Ее крылья опалются большим пламенем,
Кривой камень²⁵ стал таять уже,
Его копоть охватил Хомуrol²⁶
Рты детей — на грудях матери,
От удушливого дыма ослабели их тела.
Как совы, смотрят враги,
Просунув головы через пробоины.
Стрела моя мажар²⁷, наберись сил, долети скорей.
Преврати две брови того врага в одну,
Застав его пожалеть о том, что он вышел из люльки.
Дела были очень плохи. Еще не подоспела помощь соседей. Враг уже вступил в крепость. Город начал гореть. Женщины, девушки, дети укрылись в Хомуrole. Невеста Айбека обратилась к Тенгири со следующей просьбой:

«Разорвав в клочья синие тучи, Тенгири,
Что если ты подынешь волны на море?
Кривые враги оцепили наши окраины,
Что если ты потрясешь их как следует?
За шестой Артлан тау²⁸ синий лес,
Что если ты дойдешь туда?
О лесах все думы Авамчы²⁹,
Что если эту весть (о бедах) доставишь ему?
В Хомуrole много маленьких рыдающих детей,

Что если ты станешь их опорой?
Для нашего отца белый свет темен
Из-за того, что Темиш отвернулся от Камари.
Ты всемогущ, о Тенгири,
Чтоб ты быстро взял душу Темиша»
Ради нашего отца, лизавшего землю согнувшись...
Еще раз пустил птицу Бийдаяк, говорят,
Ее распластавшиеся крылья опалились.
В третий раз сверкнула золотыми крыльями Бийдаяк, говорят,
Орел, ведущий в небе охоту,
С давних пор ожидает Сангара³⁰.
С неба за всем следил Тенгири. Он не давал жар-птице долететь до Алава, который был привязан к скале и не мог освободиться. Загремел гром, пошел дождь. Жара, пар, черная туча преградили путь жар-птице.

Бийдаяк — это птица...

Юго-восточные ветры жестоко бьют по лицу.

Бийдаяк — это птица...

Как огромная скала несется во Вселенной.

Бийдаяк — это птица...

Герои-нарты, покровительствуемые Алавом и Аванчи, пустились в путь. Тенгири воздвиг перед ними преграды из ветра, воды, послал засуху. Он закрыл лик солнца, и землю окутала тьма. Аванчи на склонах скал сложил дубы и разжег огонь. И все-таки они продвигались вперед. На помощь им пришел Сангар. Разгорелась битва. Все были против: и камни, и воды. На тридцать девятый день враг все-таки отступил.

Но Темиш показал врагам источник. Они вновь стали наступать и им удалось овладеть городом. Айбек героически погиб в бою. Темиш ликовал, так как был уверен, что Айкыз достанется ему. Предводитель войск щедро одарил Темиша и назначил его правителем Анжи. Оставшиеся в живых жители города укрылись на труднодоступном склоне горы. Среди них была и Айкыз. Враг, не в силах взять укрепление приступом, решил добиться своего осадой, ожидая, что голод, жажда, а также душный дым огромных костров сделают свое дело. Ясновидящая Айкыз поняла, что ни боги, ни люди им уже не помогут, и поэтому она написала врагам письмо, в котором говорила о желании защитников крепости сдаться, но для этого просила три дня отсрочки.

В эти дни она тайными тропами вывела уцелевших в Ирган и Балх³¹. На третий день Темиш вошел в укрепление. Айкыз и он поднялись на самый верх башни, где Темиш хотел овладеть девушкой. Айкыз крепко прижала Темиша к себе и вместе с ним бросилась вниз.

- ¹ Анжи – местное название современного города Махачкалы. Настоящее сказание связано с этим городом.
- ² Алгыш – буквально «благословение», «благопожелание», «хвала». Здесь, очевидно, идет речь об обряде вызывания дождя, о магически-заклинательном ритуале.
- ³ Сангыз – поляна с родниками на западном склоне горы Тарки-Тау.
- ⁴ Талкы – большой камень о приспособленном для обработки шкур бревном.
- ⁵ Алав – одно из языческих божеств (возможно, бог огня) помогающее народу в борьбе с иноземцами.
- ⁶ Амир – вероятно, одно из языческих божеств, а камень, о котором идет речь, должно быть, был священным для них.
- ⁷ Эльбуз – буквально опустошитель страны, а здесь, возможно, собственное имя вожака врагов.
- ⁸ Камари – одно из языческих божеств, связанных со «священным камнем». Возможно, Камари воплощает женщину, генетически связанную с богиней Камари из грузинского эпоса «Амирани».
- ⁹ Ташлы-Кол – лощина, балка, расположенная на горе Тарки-Тау, над аулом Тарки.
- ¹⁰ Тенгири – верховный языческий бог предков современных кумыков.
- ¹¹ Шаршар – буквально, водопад, но здесь старинное название родников в ауле Тарки в квартале Учулак (Уьч булак).
- ¹² Айланч – (или Айланмалар) – общее название поворотов дороги, ведущей на вершину горы на юго-восточном склоне Тарки-Тау.
- ¹³ Кованые ворота – возможно, имеется в виду Дербент.
- ¹⁴ Язи – название неизвестной нам местности.
- ¹⁵ Кази – по-видимому, имеется в виду Кази-Кумух.
- ¹⁶ Арак – в Чечне и в Аварии имеются горы с таким названием. Слово Арак на тюркском языке означает невысокие горы.
- ¹⁷ Булканцы – возможно, болгары или балкарцы.
- ¹⁸ Дул – возможно, сокращенное «дул-дул». Так звали волшебного коня легендарного полководца пророка Мухаммеда-Али.
- ¹⁹ Тулпар – крылатый конь, скакун.
- ²⁰ Кадар – даргинское селение, расположенное в теперешнем Буйнакском районе.
- ²¹ Тамгар – от слова «там», означающего в языке древних тюрков семью, скорей всего, от слова «тамга» – знак (Тамга+эр).
- ²² Кюремет – сооружение под землей, сделанное из камня, служит для стока воды или в качестве канализации. Здесь в смысле – тоннель.

²³ Кырай – дословно окраина, здесь в смысле какой-то отдаленной земли. Вероятно, и русское слово край происходит от тюркского кырай – окраина.

²⁴ Бийдаяк – жар-птица.

²⁵ Кривой камень – вероятно, этот камень, которому поклонялись предки кумыков, считающие его святым.

²⁶ Хомурул – здесь в смысле цитадель. Но слово хомура означает душистую траву, употребляемую в пищу жителями аулов Тарки, Кяхулай.

²⁷ Стрела мажар – стрела одного из древнетюркских луков. Слово мажар означает венгр, венгерский. Иначе данное слово – сочетание звучит как венгерская стрела. Этот образ встречается и в казак йырах и, вероятно, свидетельствует о древних контактах предков тюрков и венгров.

²⁸ Артлан тау – название далекой неизвестной нами горы.

²⁹ Аванчы – возможно, бог лесов из древних кумыкских верований.

³⁰ Сангар – вероятно, бог охоты. В других тюркских языках охотников по пороше называют сунаршы. Сангур, сунар (пороша), сонар – однокоренные слова. Слово сонар встречается не только в фольклоре, но и в литературе кумыков.

³¹ Возможно, с названием «Ирган» связано происхождение древнего дагестанского аула Ирганай. Есть сведения, что древний Эндирей назывался также Балхом.

Зап. С.М. Алиев у различных сказителей поселка Кяхулай // Альманах «Дружба» (кум. яз.). 1974. № 3. С. 98 – 103. Взято из книги: Халипаева И. Мифологическая проза кумыков: исследование и тексты. (Монография). Махачкала, 1994. С. 116 – 122.

□ □ □

История Ирхана, повествующая о борьбе с арабами

После завоевания Дербента, Табасарана и Хайдака мусульманские войска дошли до Анджэ. После [преодоления] стен и захвата этого города [мусульмане дошли] до Бахли Хадара¹, хотя здесь скопились неверующие из Авара и из других мест.

Мусульмане окружили [неверующих], напали на них, вступили с ними в сражение, но долгое время не могли овладеть Хадаром. Тогда мудрые люди из мусульман, посоветовавшись между собой, решили применить хитрость. Они отправили в Индию письмо и [своих] представителей, чтобы они доставили оттуда [ядовитую] траву. Те [отправившись] и вернулись, подошли к Хадару, трава была разделена на части, и были изготовлены из нее разного рода горячие блюда. Затем мусульмане послали шпиона, который [будто] бежал [к неверующим] и рассказал им о траве и о положении [мусульман]. Шпион рассказал

неверующим: «Они хотят уйти от вас, им очень трудно, [у них] большие разногласия». Узнав, что [мусульманам] не удается захватить крепости, [неверующие] обрадовались, были довольны этой вестью.

С наступлением вечера неверующие открыли ворота своего города и начали сражение с мусульманами. Мусульмане [ложно] обратились в бегство, бросив еду, смешанную с ядом. Неверующие, вступив в город вслед за убежавшими мусульманами, набросились на еду. Всякий, кто пробовал еду, падал мертвым, и погибло [таким образом] из них семь тысяч семьсот тридцать четыре человека. В тот же день мусульмане захватили Хадар, а неверующие бежали, пока не дошли до своих земель.

Затем состоялось сражение в Хиркасе², продолжавшееся целую неделю. Селение было взято, но оставался [не занятым] один квартал в верхней части селения, где укрылись их раисы и эмиры - *таватийал* и *арнахурал*. Мусульмане в течение двух месяцев не могли овладеть этим укрепленным кварталом. [Наконец] он был взят с помощью всевышнего Аллаха, господина миров. Мусульмане убили всех, кого там застали, за исключением тех, кто принял ислам.

Жители Ирхана³, поняв тщетность сопротивления мусульманам, убили своих эмиров и раисов, приняли ислам и послали своих представителей, добываясь покровительства мусульман, в ущелье Бухнаб. Султан же их бежал из Ирхана в область Килбах⁴, думая, что они (жители Килбаха) будут заодно с ним. Но в местности Ахалл произошло сражение с мусульманами, в котором он был убит. Мусульмане бросили его [труп], как и [трупы] его сподвижников, в реку.

¹ Хадара – речь идет о сел. Кадар (Къадар) Буйнакского района, которое соседи аварцы называют Гъадар...

² Хиркас – современное сел. Аркас в Буйнакском районе.

³ Ирхан – сел. Ирганай Ундуккульского района, которое по аварски называют Рихъуни, а по кумыкски – Иргъанай. В арабских текстах иногда пишется в форме Ихран вместо Ирхан. М.А. Казембек в своих комментариях к «Дербент-наме» писал, что Ихран – это самостоятельная крепость или город, получивший имя правителя, и что Ирганай – это искаженное название Ихрана (С. 432 – 433, примеч. 19). М. Алиханов-Аварский отождествлял, однако, Ихран с Хунзахом (Тарихи Дербент-наме. С. 32).

⁴ Килбах – Гелбах.

История Ихрана / Введение, перевод, комментарии
А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Ора-

заев Г.М.-Р. *Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 166 – 168.*

□ □ □

Об истреблении язычников в ауле Аракани

(По старинной рукописи. Копия снята в 1925 г. Инкачилавом)

«Затем захватили мусульмане Хадар в тот день, и бежали кяфиры, пока не достигли своих мест. Затем в течение недели шла война в Хиркаса, вследствие чего было захвачено это селение, в то время как оставался один квартал в верхней части селения, где обосновались старшины их и эмиры их, по имени Тавабил и Арнахурал. И не могли мусульмане захватить этот укрепленный квартал в течение двух месяцев. Затем они захватили его с разрешения великого аллаха и с помощью владыки двух миров. Они убили всех, кто был в нем, исключая тех, кто принял ислам. Затем, когда жители города Ихрая узнали о желании сражаться с мусульманами, они убили своих эмиров и старшин. После того они приняли ислам и послали своих представителей...»

Магомедов Р. *Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969. С. 195 – 196.*

□ □ □

Предания об утверждении ислама в Дагестане имеют, как правило, традиционную жанровую схему: изображение мирных жителей, исповедующих иную религию, проникновение врага хитростью в селение, уничтожение местного населения или принятие им ислама.

По преданию, бытующему в Хунзахе, особенно упорное сопротивление оказали арабам жители квартала Самилал, не желавшие отказаться от прежней веры ради новой религии. Они заняли надежную оборону. С двух сторон квартал Самилал был окружен пропастью, и враги никак не могли подступиться к нему. Тогда сподвижники Абу-Муслима пошли на хитрость: они перекрыли воду, поступавшую в Самилал. В этом же квартале было небольшое озеро, которое так и называлось «Озеро Самилал». Недалеко от него, на видном месте, сторонники Абу-Муслима положили отравленную еду. Измученные жаждой и голодом самилалцы набросились на еду, и многие из них умерли. Покорить немногих оставшихся в живых жителей квартала

Самилал уже не представляло большой трудности для сторонников новой мусульманской религии.

Халидова М.Р. *Мифологический... С. 196 – 197.*

□ □ □

Центром доисламского правителя Аварии Сураката был Тануси.

Гибель величия Тануси здешние предания связывают с проникновением во владения Сураката арабов. Аварцы оказывали пришельцам упорное сопротивление, и попытки арабов захватить Тануси оканчивались ничем.

Тогда арабы прибегли к хитрости. Перед боем они приготовили отравленную пищу и разложили ее в своем лагере. Завязав бой с войском Сураката, арабы притворно обратились в бегство, бросив лагерь. Воины Сураката, увидев готовую к употреблению пищу, не удержались от соблазна подкрепиться. Большинство из них умерли. Силы аварцев резко уменьшились, и арабы смогли захватить Тануси – столицу Сураката.

Данная легенда опять-таки основана на «бродячем сюжете»: ее можно услышать и в других местах Дагестана. Маловероятно, что она излагает исторический факт: скорее, здесь отражена народная оценка арабских завоевателей как противника опасного не столько силой, сколько коварством.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Вып. 1. С. 78.*

□ □ □

Из рассказов о доисламских ханах Аварии мне стало известно, – пишет Р.М. Магомедов, – что сына Сураката звали Баяр-Аббасом. Когда арабы одолели Аварию, он бежал в Грузию, набрал там войско, напал на арабов и истребил их. Так с переменным успехом борьба длилась в течение сорока лет, пока мусульмане в конце концов не взяли верх. В это время прекратило свое существование династия Сураката на аварском престоле.

Что касается Тануси, то здесь при введении ислама применялось принуждение, что побудило многих жителей покинуть столицу, и с тех пор она навсегда превратилась в обычный маленький аул.

...Воюя против сторонников династии Сураката, Абумуслим-шейх расположился близ Хунзаха. Там же остановились люди из Шама (Сирии). Когда мусульмане победили, их стабильный лагерь, есте-

ственно, превратился в резиденцию их наместника, а затем и в центр ханской династии. Поэтому не имело смысла восстанавливать разрушенный и обезлюдевший Тануси. С того времени он утратил свое значение.

Там же. С. 78–79.

□ □ □

О борьбе аварцев против Абумуслима и его газиев

Одно из преданий гласит о том, что во время правления Сураката-Хана в Хунзахе, ункратлинцы исповедовали христианство. В его правление в Аварское княжество вторгся отряд газиев во главе с Абу Муслимом. Хунзахцы не хотели принять ислам, и в местности «Ачисал» произошло крупное сражение между ними и арабскими войсками. В сражении пало много воинов с обеих сторон. Правивший Суракат погиб, а его сын Байар бежал в Тушетию и жил в изгнании в верховьях **Андийского Койсу**. Газии, превратив Хунзах в свою базу, совершали походы на окружающие общинные земли. Ислам среди горцев прививался плохо. Через 24 года сын Байара Амир-Султан собрал войско из жителей верховьев Андийского Койсу и с помощью своих тайных старожилов в Хунзахе напал на газиев. Они (газии) были изгнаны, престол вернулся к роду «нуцалов», а горцы отказались от ислама. Однако в последующем нуцал Амир-Султан принял ислам и стал ярым поборником распространения мусульманской веры в Ункратле и в верховьях Андийского Койсу. Все средневековые укрепления христиан, оказавших сопротивление, были разрушены и сожжены отрядом шейха Абу Муслима. Ислам, который поддерживался нуцалом, по-видимому, не господствовал безраздельно в нуцальстве, а сосуществовал с христианством. Но нуцалы усиливают натиск на общины, жившие в бассейне Андийского Койсу. К концу XV в. владения нуцала уже достигли ункратлинских и ботлихских земель, включая Салатавию, а на юге и востоке они располагались по берегам Андийского Койсу.

Мухаммад Баадаса. *История селения Саситли. (Историко-этнографический очерк). Махачкала, 1994. С. 6 – 7.*

□ □ □

Первого проповедника ислама в Согратль, по преданию, прислал из Кумуха сам легендарный Абу-Муслим. Согратлинцы, однако, убили этого посланца. Но через некоторое время они все же были вынуждены принять ислам. Якобы из-за того, что они приняли ислам добровольно, Абу-Муслим не поставил над ними «хана» – таким путем согратлинское общество сохранило независимость.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала, 1977.*
С. 38.

□ □ □

Батлаич, как и другие аулы, оказал упорное сопротивление исламу, и, по преданию, боролся против арабов в течение двенадцати лет. Наконец после жестоких боев арабы захватили Батлаич, перебили половину жителей и подчинили оставшихся своему ставленнику Амир-Ахмеду. Между тем на горе Акару-меэр все еще держался сын Сураката. Через год аварцы восстали против арабов, и житель Батлаича из рода Кизамил-Омар убил Амир-Ахмеда в местности Карчик, в четырех километрах от Батлаича. (Позже труп наместника был перевезен в Хунзах и похоронен в месте «Самилазул хЮр»). После избавления от арабского наместника аварцы смогли вернуться к прежней жизни.

□ □ □

По преданию, когда арабы бились с **батлаичцами**, в арабский лагерь явился некий Нусил-бетер, руководивший боем из с. Кудали. Он предложил Абу-Муслиму свои услуги с целью помочь завоевать Батлаич, но попросил за эти права обложить батлаичцев данью: по мерке зерна с каждого двора. Абу-Муслим согласился, и Батлаич был захвачен. Дань же эта, по преданию, взималась очень долго.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 85*

□ □ □

У жителя сел. Унцукуль Г. Магомедалиева (1882 г.р.) было записано следующее предание. Абу-Муслим приходил с арабскими войсками для распространения ислама в Хунзахе. Уже тогда Хунзах был крупным населенным пунктом аварцев. Хунзахцы не хотели принимать ислам и в местности Ачисал произошло крупное сражение между ними и арабскими войсками. В этом месте тогда было селение Халха.

В сражении пало много воинов с обеих сторон. Кровь погибших ручьем текла до селения Голотль.

После этого сражения хунзахцы вынуждены были принять ислам. Абу-Муслим остался здесь. Он завещал похоронить его там, где останется пущенный на волю его осел. Так и сделали. Отпущенный осел Абу-Муслима остановился в селении Халха. Там и был похоронен Абу-Муслим.

□ □ □

Старожилы селения Хуштада Цумадинского района рассказали предание о распространении ислама среди багулалов. Житель сел. Хуштада Рутия из-за вражды ушел в Кумух. Тогда хуштадинцы не были еще мусульманами. Рутия в Кумухе принял ислам и стал вводить в Багулал кумухские войска. Сыновья Рутия стали улемами (учеными).

Исламизация хуштадинцев произошла после 700 лет хиджры (т.е. в XIV в.). С принятием ислама Хуштада стала опорным пунктом ислама в Багулале. Тиндинцы 27 лет не принимали ислам. Чтобы покорить их, арабские завоеватели лишили их возможности пользоваться водой и работать на своих полях. Наконец тиндинцы уступили и приняли ислам.

По другой версии, раньше здесь было несколько поселений. Это Шугри, Эреси, Карах, Хажигор, Бекала и Гарох, которые объединились из-за постоянных нападений грузин, гидатлинцев и других воинственных соседей. Для распространения ислама сюда пришли гидатлинцы. Первым населенным пунктом, жители которого вынуждены были принять ислам, было поселение Шугри. Мусульмане только хитростью смогли добиться успеха: одели одного мужчину в шкуру медведя, и тот стал бродить по полю, на виду у сельчан. Мужчины поселения Шугри побежали на «медведя». И тогда гидатлинцы ворвались в селение, в котором никого не осталось, и покорили шугринцев. После шугринцев ислам приняли и жители других поселений.

□ □ □

В селении Мокок местный знаток прошлой истории У. Магомедов сообщил предание о распространении ислама в ряде обществ Западного Дагестана.

Из Хунзаха арабские войска во главе с Абу-Муслимом направи-

лись в другие аварские селения. Пришли они и в Цунту. Местное население не хотело принимать ислам и приготовилось дать отпор арабам. Бой с арабскими войсками произошел в местности Бери (на территории нынешнего Кидеринского участка). Тогда там была крепость. Мусульмане не смогли победить местное население и ушли на территорию нынешнего Цумадинского района. Здесь они стали обращать в ислам жителей Нижнего и Верхнего Хваршини, сел Метрада и Циха-лах. Потом Абу-Муслим ушел в Хушет, там он был ранен. Затем возвратился в Хунзах, где и умер от ран.

□ □ □

До принятия мусульманской веры алмакцы исповедовали христианство. Распространение ислама связывается с Абу-Муслимом, который якобы был в этих местах с большим арабским войском. В результате кровавых столкновений местное население было обращено в мусульманство.

Согласно преданию, на запрет, по мусульманскому обычаю, есть свинину и пить вино один из жителей Алмаха (по другой версии это было в сел. Зубутли) из тухума Харайчу ответил, что он примет ислам лишь тогда, когда съест 50 сушеных туш кабанов, заготовленных впрок. Когда у него кончились свиные туши, тогда он и принял ислам.

Последними из салатавцев ислам приняли зубутлинцы.

□ □ □

В селении Ириб нынешнего Чародинского района Абу-Муслима называют шейхом. Он пришел сюда во главе войск из Хунзаха. Ислам ирибцы приняли не добровольно, он был навязан местному населению силой оружия: здесь в лесистой местности Миилиб произошло сражение ирибцев и мусульман. Встречающиеся здесь захоронения с арабскими надписями свидетельствуют о кровавых событиях тех далеких лет.

□ □ □

Утверждение ислама в Гагатле

Предание связывает утверждение ислама в Гагатле с деятельностью некоего Али сына Маммада сына Бака-Маммада сына Шамхала. А этот Шамхал прибыл в Дагестан вместе с Абу-Муслимом и был послан в Анди для распространения ислама и наведения порядка. Таким

образом, Али является (по разным версиям) внуком или правнуком легендарного Шамхала.

Часть гагатлинцев считается потомками Али. От него ведут свою родословную тухумы «хъачилал», «гъажикулал», «муртазалилал», игравшие в прошлом главенствующую роль в Гагатле и называвшиеся обобщенно «шамхалал». Кстати, местная письменная хроника XVIII в. отмечает существование в Анди около XVI в. местного феодала Алибек-шамхала, именовавшегося также Дугру. Кроме них здесь были более мелкие тухумы «юлу-килал» (или «вагъамадул» — потомки Юлука), «бичоннал», «абичулал», «хирчилал». Имеется также многочисленная группа «магъов» — потомков грузинских военнопленных.

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. II. С. 266.*

□ □ □

Аул Чох основан в 1300 году. Из Мисрия (иначе Шам - так называют татары Месопотамию) прибыли князь Абу-Муслим и проповедник Магомет с многочисленным войском для распространения магометанства. В то время горцы были армянского вероисповедания (говорят об этом есть надпись на камне недалеко от Гунибского моста). Абу-Муслим и Магомет распространили магометанство сперва в Казикумухе, а потом пришли туда, где теперь находится Чох. На этом месте в то время было 12 аулов; из них то и образовался один аул Чох. Самое слово «Чох», по-русски «много», указывает, что этот аул составил из многих. Абу-Муслим и Магомет построили здесь великолепную мечеть, которую разрушили Боголал и Чумалал (дикие народы, подвластные Шамилю, евшие сырое мясо)...

Абу-Муслим и Магомет поставили князей в Табасарани, в Ахтах и Тарках (Таргу); нынешние князья потомки тех. Абу-Муслим, оставив в мечети саблю и значок, отправился в Хунзах, где и умер. Тело его покоится в великолепной гробнице; там татары приносят жертвы...

В мечети есть место для омовения, устроенное четырехугольником из тесаного камня, с ключевой водою; омывшись, идут в мечеть молиться. После молитвы читают коран в мечети или идут домой и читают там. Через несколько времени мулла выходит с шацкою, а лучший ученик с флагом (это — шашка и флаг, оставленные Абу-Муслимом, распространителем магометанства); тогда выходят и другие жители. По прочтении молитвы шествие направляется на холм;

там один из знатных аульцев бросает кувшин; мулла размахивает шашкою, и все остальные бросают камнями, стараясь попасть в кувшин; если кувшин разбивается на мелкие куски, будет урожай.

Обряд размахивания шашкой имеет особенное значение. Недалеко от Чоха есть аул Ругжа; когда мулла махает шашкой, то он оборачивается к Ругже, потому что ругжинцы приняли магометанство после всех. Ругжинцам этот обряд очень не нравится: рассказывают, что они однажды прислали быка и разные подарки чохинцам, чтобы они не совершали этого обряда. Чохинцы подарки приняли, но не перестают делать то же и теперь. После этого молодые люди обязаны идти поздравлять стариков. Три дня потом пируют.

Каранаилов О. *Аул Чох // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 2, 9.*

□ □ □

По преданию, предки чохцев были христианами-армянами (т.е. армянского толка).

Рассказывают, что Абумуслим, местопребывание которого находилось в Хунзахе, двенадцать раз приводил чохцев к исламу, и двенадцать раз чохцы возвращались к своей прежней вере, пока, наконец, не приняли ислам окончательно и не стали его ревностными распространителями.

Такая же история повторилась с ругуджинцами: они убили миссионера, поставленного Абумуслимом, и отказались от мусульманства. Тогда Абумуслим приказал чохцам выделить из своей среды знатных людей и послать их в Ругуджу, чтобы уговорить «нечестивцев». Чохцы послали двух стариков, но оба они были убиты ругуджинцами. Тогда чохцы объявили тревогу и пошли на Ругуджу. Произошел бой, в результате которого ругуджинцы покорились и приняли магометанство. Абумуслим в награду дал чохцам знамя и меч. Он же, говорят, приказал, чтобы чохцы ежегодно, в день уразы-байрама выносили знамя, с гордостью потрясали мечом, обращая свой взгляд в сторону Ругуджи, и разбивали глиняные чашки. Эти действия надо было якобы понимать так: ругуджинцы покорились только мечу, который крошил их, а камни, бросаемые в глиняные чашки, — это проклятье жителям Ругуджи.

Абумуслим, чтобы навсегда подчинить себе ругуджинцев, приставил к ним своего человека, чохцев он поселил на своих землях.

Род ругуджинских князей Амир-Али идет от этого ставленника Абумуслима. Некоторые жители Чоха, Османовы, Гаджи-Магомед и Шарапи и другие, также считали себя потомками миссионера Абумуслима.

Ругуджинцам не по душе было исполнение указанного обряда. Ежегодно они предлагали чохцам корову с условием, чтобы те не требовали от них в данном году исполнения обряда.

Обычай грозиться в сторону Ругуджи после молитвы в большой мечети сохранился до XIX века. Сам кадий несколько раз, обращаясь в сторону Ругуджи, потрясал мечом, а аульский глашатай бросал с крыши глиняные горшки, собравшиеся старались разбить их на лету. Чем больше чашек разбивалось в воздухе, тем считалось лучше: по поверью следовало ожидать богатого урожая. Упавшие неразбитые чашки якобы предвещали несчастье.

Чохский обычай не нравился ругуджинцам, и в дни праздника все ругуджинские муталимы, учившиеся в чохской мечети, обычно уходили из Чоха. Однажды ругуджинцы послали своих людей к Шамилю с жалобой на этот обычай. Шамиль приказал чохцам прекратить проведение обряда, но те продолжали это делать тайно. Когда Шамиль, будучи в Чохе, узнал, что обряд этот все еще проводится, он потребовал объяснений у чохского алима Абдулкадира. Тот ответил, что чохцы машут мечом не в сторону ругуджинцев, а через Ругуджу в сторону Тушетии.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. С. 32 — 33.*

□ □ □

Древние известия о союзе дагестанцев и руссов

В X веке много судов древних руссов плавало в Каспийском море. Руссы предпринимали походы и сушей, со стороны Северного Кавказа. Присоединив алан (осети), они вышли в Дагестан. Когда руссы подошли к Дагестану, дагестанцы присоединились к ним и выступили в поход как их союзники. На судах все они достигли реки Куры, разгромили мусульманские войска Марзбана и овладели азербайджанским городом Барда.

Магомедов Р.М. *Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963. С. 70.*

□ □ □

О совместных выступлениях дагестанцев и войск русских против арабов, двинувшихся на Кавказ, на слонах, верблюдах и быстрых лошадях, говорится и в сочинении восточного летописца Мухаммеда-Рафи.

Вот это место:

«Когда обитатели Дагестана узнали об этом, то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками Русь, которые всегда поровну делили с ними добро и зло. Они, с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред, появились около города, называемого Чур. В то время мусульмане отправили сотню человек из числа храбрейших, чтобы разузнать о делах и положении войск неверных. Когда они увидели их и рассмотрели их положение, то узнали, что неверные были гораздо сильнее, чем они сами. Посему мусульмане устрашились дурных последствий ведения войны с ними и решились одолеть их неверные войска более легким способом. Для сего придумали они хитрость: каждое семейство (общество — Б.А.) изготовило что-нибудь из теплой пищи и смешало ее с ядом; когда неверные напали на них, они бросили отравленную пищу с небольшою частию своего имущества и сами обратились в бегство. Неверные, найдя теплую пищу, съели ее, и семьсот тысяч человек из числа их умерли на месте, так как их внутренности были истерзаны действием яда. Так неверные были поражены при помощи Господа, Творца создания».

Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис, 1871. Вып. V. С. 18 — 20.

□ □ □

Об этом же можно прочесть у А. Руновского:

«На одном из пунктов западного побережья Каспийского моря отряду абассидов, следовавшему по Кумыкской области на север, готовилась встреча с несметным множеством язычников, собравшихся сюда из разных стран света, в том числе и из России для недопущения правоверных распространить учение пророка».

Когда это увидели арабы, сознавая неизбежность своего поражения, собрались на совет. На совете было решено изготовить в большом количестве различные яства и отравив их ядом растений, отдать на разграбление варварам, сделав вид, что войско пророка предалось бегству.

На другой день совет был приведен в исполнение, и дагестанцы и

руссы, заметив в неприятельском стане движение, не усомнились принять его за приготовление к бегству. Поэтому, желая воспользоваться паническим страхом неприятеля, они поспешили сделать на лагерь нападение, но не найдя в нем никого, остановились перед покинутой врагом добычею и тотчас же устремились на нее с обычной им алчностью. Отравы не замедлила произвести действие, и в тот же день язычники умерли все до одного человека».

Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 71 — 72.

□ □ □

О распространении ислама в Дагестане

В Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН (Ф. 1. Оп. 1) под номером 531 хранится фотокопия сборника исторических материалов, переписанного Муслимом из сел. Урада в 1313/1895-96 г. На листах № 16, 17 данного сборника имеются следующие памятные записи.

Дата исламизации Дагестана руками Абумуслима и разрушения крепости Анджи — 114/732-33 год.

Дата исламизации Кубачи и убийства Хасана Правдивейшего аш-Ширвани — 705/1305-306 год.

Дата исламизации гидатлинцев (хид) — 808/1405-406 год¹...

Памятные записи, представленные А. Гайдаросмановым

Дата исламизации Дагестана от руки Абумуслима и разрушения крепости Анджи (в тексте: Канджэ) — 114/732-33 год.

Исламизация Кубачи и убийство Хасана Правдивейшего — в 795/1392-93 году.

Памятные записи из сборника № 2646

Дата исламизации гидатлинцев — 880/1475-76 год. Ибрахим — то есть Удурат, от рук которого по божественной щедрости произошла

¹ Верная дата — 880/1475 — 76 г.

их исламизация – отправился в хаджж в том же (году). Женили его зимой 890/1485 года.

Айтберов Т.М. Памятные записи из сборника № 531 // Письменные памятники Дагестана XVIII – XIX вв.: Сбор. стат. Махачкала, 1989. С. 136, 137.

□ □ □

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава III

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ В XIII-XIV ВВ.

В первые века второго тысячелетия дагестанским народам пришлось отстаивать свою свободу от сельджуков (одна из ветвей кочевых тюрков-огузов, переселившихся из Средней Азии). Государство сельджуков включало в себя Среднюю Азию, Иран, Ирак и другие земли. Ими был захвачен также Юго-Восточный Дагестан с городом Дербентом. Но власть сельджуков здесь была недолговечной. Раздираемое феодальными распрями, государство сельджуков распалось, что было ускорено совместной борьбой грузинского, азербайджанского и дагестанского народов.

Но уже в самом начале XIII в. дагестанским народам пришлось столкнуться с еще более могущественным завоевателем – Монгольской империей. В 1220 г. монгольская армия под руководством полководцев Джэбе и Субудеем вторглась в Азербайджан и оттуда направилась к Дербенту. Завоеватели встретили здесь упорное сопротивление, и они вынуждены были пройти мимо города по территории внутреннего Дагестана и отсюда выйти в северокавказские степи. Хотя монгольские войска проникли во внутренний Дагестан, им не удалось подчинить Дагестан. Они встретили здесь упорное сопротивление.

Второй поход в Дагестан монголо-татары совершили в 1239 г. Опять они пришли с юга. На этот раз им удалось захватить Дербент. Отсюда завоеватели проникли в различные регионы и села Дагестана. Сохранились сведения о походе завоевателей в Кази-Кумух. Они избрали маршрут: Дербент-Хив (или Курах) – Рича – Чирах – Гумик. На своем пути – везде завоеватели встречали сопротивление местного населения. Ричинцы почти месяц сопротивлялись монголам. Героически защищались от завоевателей и жители Центрального Дагестана.

О пребывании монголо-татар в 1239-1240 гг. в Дагестане свиде-

тельствует топонимический материал. Об этом говорят также много преданий и легенд, сохранившиеся до наших дней в памяти народа.

И в следующие годы монголо-татары проникли во внутренний Дагестан. Но владычество их в Дагестане было кратковременным.

В середине XIII в. единая Монгольская империя распалась на ряд фактически независимых государств-улусов, наиболее примечательными из которых были Джучидская Золотая Орда и государство ильханов – Хулагидов. Отдельные районы Дагестана входили в сферу влияния этих двух государств и являлись ареной ожесточенных схваток между ними. Пограничным пунктом был Дербент, которому обе враждующие стороны придавали огромное значение. С середины XIII до начала XIV в., почти в течение 80 лет, Дербент и прилегающая к морю полоса служили как бы мостом, через который проходили войска Золотой Орды и Хулагидов. Иногда их войска проникали и во внутренний Дагестан. Часть Южного Дагестана входила в состав государства ильханов.

Во второй половине XIV в. в Средней Азии на месте монгольских улусов сложилось государство Тимура. Но еще сильной оставалась Золотая Орда во главе с Тохтамышем, потомком хана Джучи – старшего сына Чингис-хана. Он был препятствием претворению планов Тимура подчинить Золотую Орду, захватить Иран, Закавказье. Интересы Тимура и Тохтамыша столкнулись именно на Восточном Кавказе, на стыке их владений.

Тохтамыш неоднократно совершал через территорию Дагестана набеги на Закавказье. Так было в 1386 г., когда 90-тысячная армия Тохтамыша через территорию Дагестана (Дербент, лезгинские общества) прошла в Закавказье.

В конце XIV в. войска Тимура и Тохтамыша сталкивались неоднократно. В 1395-1396 гг. Тимур в ответ на разорительное вторжение Тохтамыша в Азербайджан прошел Дербент и, преследуя Тохтамыша, ворвался на территорию Дагестана. Жестокость тимуровских войск первыми ощутили на себе народы Южного Дагестана и Кайтага, правитель которого (уцмий) был сторонником Тохтамыша.

За упорное сопротивление кайтагцев, оказанное ему, Тимур разграбил и уничтожил десятки сел и много людей и отсюда продолжил преследовать Тохтамыша по низменному Дагестану и прошел через Тарки на Сулак. В сражении, происшедшем на р. Терек, Тохтамыш был разгромлен.

Разграбив и разорив северокавказские земли, весной 1396 г. Тимур двинулся к югу и продолжил завоевания в Дагестане. Это был самый разорительный и жестокий поход, результатом которого было массовое уничтожение городов и сел Дагестана, десятков тысяч людей. Покорив земли между Тереком и Сулаком, Тимур совершил поход на Салатавию и другие аварские общества («на подножие горы Аухар»). Учинив кровавую расправу над жителями аварских обществ, завоеватели вернулись на плоскость и, оставив обоз в Тарках, двинулись в Центральный Дагестан. Через Карабудахкент – Губден, территорию нынешнего Сергокалинского, Буйнакского, Левашинского районов, Тимур достиг главный пункт своего похода – Ушкудже (современное селение Усиша Акушинского района), являвшееся центром верхнедаргинцев и христианства здесь.

Ушкуджинцы оказали завоевателям упорное сопротивление. Они не смогли его взять сразу. Поэтому Тимур, осадив его, послал войска в разные районы Центрального Дагестана. Он разгромил войска правителей Кази-Кумуха и Аварии, которые шли на помощь ушкуджинцам. К его возвращению Ушкудже было взято, разграблено и сожжено, население уничтожено, из убитых завоеватели сделали холмы. После этих кровавых злодеяний Тимур двинулся в крепости и села даргинцев и других народов Дагестана – Муги, Мекеги, Нижние и Верхние Мулебки, Герга, Доргели, Балу, Пилаул и т.д., которые также после упорных боев были взяты и разрушены. После этого Тимур возвратился к обозу в Тарки, совершил поход в Кубачи и Кайтаг и отсюда пошел в Дербент, где приказал укрепить крепость, после чего ушел из пределов Дагестана в Ширван.

Указанные события нашли отражение в источниках, преданиях, легендах и в героико-исторических песнях народов Дагестана, которые публикуются в третьей главе сборника.

Вопросам, материал по которым публикуется в данной главе, посвятили свои исследования Р.М. Магомедов, А.Р. Шихсаидов, Б.А. Алиев, Р.С. Шихсаидова, Г.Х. Ичалов, Х.Х. Хизриев и др. Нашли они соответствующее место в коллективных трудах – «Очерки истории Дагестана. Т. I» (Махачкала, 1957), «История Дагестана. Т. I» (М.: Наука, 1967), «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I» (М.: Наука, 1988. Т. I).

□ □ □

Дербент во времена крестовых походов

Французский король Людовик IX, получивший прозвище Святого, известен Седьмым крестовым походом на Восток. Один из послов Людовика к монгольскому хану побывал в 1254 году в Дербенте. В его донесении мы читаем:

«Прежде чем добраться до Железных ворот, мы нашли один замок аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил эту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных ворот, которые соорудил Александр Македонский. Этот город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада. Таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимости гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок. В ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земли считались за настоящий рай земной».

Магомедов Р.М. *Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 13.*

□ □ □

Широко отразилась в народных преданиях борьба народов Дагестана с татаро-монголами, которые, начиная с 20-х годов XIII в. в течение двух столетий неоднократно вторгались в Дагестан. Нашествия эти всегда носили грабительский характер.

От военных действий особенно сильно страдал Южный и приморский Дагестан. Ареной постоянных кровавых стычек был Дербент. В 1222 году татаро-монголы осадили его, но город оказался неприступным. Защитники сражались на смерть. Опьяненные успехами, монголы и не представляли себе, что на их пути встанет город, который нельзя будет захватить. Они решили обойти неприступную крепость, оставив ее в тылу, и продвинуться дальше. Но обходной дороги монголы не знали. Тогда они пошли на хитрость, предложив местному

правителю Ширван-шаху послать к ним несколько человек для заключения мира. Он прислал десять человек из вельмож. Монголы убили одного из них, а другим сказали: «Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, а в противном случае мы вас тоже убьем!» (Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой. М.: Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 228–229).

□ □ □

Ибн-ал-Асир писал: «Покончив с Шемахою, татары хотели пройти через Дербент, но не смогли и отправили посла к Ширван-шаху, дербентскому правителю, говоря ему, чтобы [он] отправил к ним посла для заключения мира. Он послал десять человек из лучших своих знатных людей, а они (монголы – Б.А.) взяли одного и убили, остальные сказали: «Если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вас пощадят, а если не сделаете этого, мы убьем и вас». (Ильминский. Выписки из Ибн-ал-Атира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 год // Уч. зап. Академии наук. СПб., 1854. Т. II. Вып. 4. С. 658).

Оставшиеся в живых девять парламентариев вынуждены были провести монгольских завоевателей через Кавказские горы.

□ □ □

Ибн-ал-Асир писал: «Пройдя Дербент-Ширвана татары вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских племен (таифа), ограбили и убили много лакзов-мусульман, и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов, состоящих из многих народностей».

Ибн-ал-Асир. *Тарих-ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 142*

□ □ □

После поражения от татаро-монголов в 1223 г. кипчаки задумали проникнуть в Дербент. В начале они обратились к владельцу Дербента Рашиду с просьбой предоставить им убежище. После отказа его пропустить их через город, кипчаки все же обманым путем овладели им. Об этом Ибн-ал-Асир писал: «... большинство же их (кипчков – Б.А.), собравшись, направились к Дербенту-Ширвана. Они послали к

его владетелю по имени Рашид и сказали ему: «Татары захватили нашу страну и разграбили наше имущество; мы пришли к тебе, чтобы расположиться в твоей стране. Мы твои рабы и тебе завоеваем области, и ты наш султан».

Ибн-ал-Асир. *Тарих-ал-Камиль.* С. 145

□ □ □

Это была хитрая уловка, и кипчакам удалось овладеть городом. Рашид вынужден был бежать в Ширван. Кипчаки прорвались через дербентский проход в Азербайджан. Бесчинства кипчаков в Дербенте и Южном Дагестане, Азербайджане и Грузии привели к тому, что против них поднялись народы этих стран.

Ибн-ал-Асир писал: «Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие, почувствовав смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен». Кипчаки были изгнаны.

Ибн-ал-Асир. *Тарих-ал-Камиль.* С. 148.

□ □ □

Из «Летописи» Себастаци

В году 669 армянского летоисчисления (1220) 20 тысяч татар вышли из страны Чина и Мачина, пошли через долины страны Агвани и дошли до области Гугарк. Разоряя все на своем пути, они достигли Тбхиса, но быстро вернулись обратно, ибо их преследовал грузинский царь Лаша.

Лаша и Иване выступили против татар, но те [уклонились] и хотели со всем своим имуществом пройти через Дербент в свою страну, а войска туток, которые были в Дербенте, не пропустили их, тогда они (татары – Б.А.) пересекли труднопроходимые места Кавказских гор и ушли. Предводителем их был Субэдэ-багатур.

Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М.: Изд. вост. лит., 1962. С. 23.

□ □ □

Из «Летописи» Степаноса Епископа

В году 739 (1290) прибыло большое войско в город Дербент под предводительством Тода-Мангу. Аргун выступил против врага на берегу реки Спитак, но, не приняв сражения, те отступили.

Армянские источники о монголах. С. 40.

□ □ □

Выдержки из «Истории» Давида Багишеци

В году 670 (1221) пришли с северо-востока татары; по словам некоторых, они были из страны Чина и Мачина, другие считают их варварскими племенами, пришедшими из местности, лежащей за воротами Дербента, а третьи считают их скифами с самого дальнего севера, и все эти племена называются татарами, согласно пророку – варварами-скифами, которые были многочисленны. Их царя называли Чангзхан (Чингис-хан – Б.А.). После его смерти на царский престол возвели его младшего сына Октай-хана (Угэдэй – Б.А.). Он собрал несметное количество войск, которых называли мугал-татар, состоявших из хазаров, гуннов и многих других племен, и разделил их на три части. Первую направил на юг, вторую – на северо-запад, командующим которой назначил своего сына, а третью направил на северо-восток, назначив над ними командующим Чармагана, человека, знающего свое дело и имеющего опыт в войнах, приказав им разрушать и уничтожать все страны и государства, а сам предался наслаждениям. И войска его ушли, разрушили все и уничтожили власть народов. Полководец Чармаган, появившийся с северо-восточной стороны, напал на султана Джелал-ад-дина, который властвовал в Хорасане, разгромил его войско, обратил его в бегство и подряд разрушал все области Персии: Рей, Испаган, Атрапатакан – и таким образом с многочисленным войском дошел до страны Албании.

Зиму они провели в плодородных и плодоносящих местах Мугана в стране Албании, отдохнули, собрались с силами сами и дали отдых лошадям, весной пошли дальше и разрушили всякие страны. Свершилось предсказание великого Нерсеса: «Народ стрелков разрушит все страны». Ой, горе нам!

И это продолжалось не один год, не 10, не 20, не 30 лет, а тянулось долгое время, как пожар, охвативший лес; пришли [они] и страны

всех народов забрали себе. Они ели без различия мясо лошадей, крыс и мышей. Они гордились своим ханом. И когда все это удалось великому полководцу Чармагану, он выбрал себе военачальника и сопредседателя Искрар-нуина ..., который был главнокомандующим всеми татарскими войсками и которого впоследствии убили мулхеты, [а вместе с ним] многих других главарей.

Они появились в 670 (1221) году и до 683 (1234) года захватили и подчинили себе эти страны. Они захватили много пленных...

Там же. С. 103-104.

□ □ □

[Правитель Армении Сулейман] «захватил Дербент и приказал разрушить стену [городскую]. И когда разрушили [стену], нашли камень, на котором было написано; «Я, император Манквон, построил сию городскую башню на свои деньги. Впоследствии она будет разрушена сынами Измаила и [снова] построена на их деньги». Увидев этот камень, они перестали разрушать и снова начали закладку [стен]».

Киракос Гандзакец. *История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1976. С. 71.*

□ □ □

В 669 (1220) году, когда грузины еще гордились победой, одержанной над мусульманами, у которых они отторгли множество армянских *гаваров*, нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им на пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу...

Быстро продвинувшись до Тифлиса, они повернули обратно, пришли в Агванк, к границам города Шамхор...

Таким образом, повсюду встречая беззаботных, они истребляли [население] и разорили многие местности...

Тогда царь грузинский Лаша и великий военачальник Ивана, собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан, ибо там находилось войско неприятеля. Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку

ку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращенные в бегство [татары] и, окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан.

В другой раз собрал царь грузинский войско, еще более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары], взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они переправились через Кавказские горы по непреступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур.

Киракос Гандзакец. *Указ. соч. С. 137-138.*

□ □ □

Второй поход в Дагестан монголо-татары совершили в 1239 г. Завоеватели взяли Дербент и жестоко расправились с его населением. Город был превращен в стоянку монгольских завоевателей и переименован в «Тимур-кахалка», что значит железные ворота.

Рильом де Рубрук, путешественник XIII в., посланный французским королем Людовиком IX к монгольскому хану Менку, писал: «Это — город (Дербент — Б.А.), восточная оконечность которого находится на берегу моря, ... выше [города] нет никакой дороги из-за непроходимых гор, ... дорога лежит единственно прямо по середине города... Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями. Но Татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною».

Гильом де Рубрук. *Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 186-187.*

□ □ □

О мужественной борьбе лезгин против монгольского нашествия повествуют предания об осаде аула Рича, Чирах. Куфические надписи, обнаруженные на стене мечети Рича, свидетельствуют о прибытии монгольских войск в это селение и о борьбе жителей его с завоевате-

лями. Одна из надписей гласит о приходе войск татаро-монголов в сел. Рича, о сражении жителей этого селения. По преданию в сел. Рича монголы пришли по ущелью, которое впоследствии стало называться «Магъу дере», т.е. «Монгольское ущелье». Жители заранее подготовились к сражению, им на помощь пришли и другие селения. 25 дней враг не мог покорить горцев; наконец силы горцев иссякли, врагам удалось ворваться в крепость и захватить ее.

Много ричинцев погибло в этой битве, а оставшихся в живых монголы собрали в местности под названием Убратт и растоптали конницей. После этого монголы сожгли все селение.

Упорное сопротивление монголам оказали и жители селения Чирах. На его месте сохранились могилы, которые местные жители называют «могилами шахидов».

□ □ □

О походе монголов в Дагестан в 1239-1240 гг.

Еще в середине XIX в. известный русский востоковед-эпиграфист Н.В. Ханьков дважды издал надпись о приходе татарских войск в селение Рича. Имеется также сообщение известной исторической хроники «Тарихи Дагестан» о приходе в Кумух «турок» во главе с Каутаршахом.

□ □ □

Арабский автор XIII в. Ибн-ал-Асир писал, что весной 1239 г. Кукдай завоевал Дербент и окрестные страны на севере от города.

Первое известие, помогающее установить один из пунктов монгольского маршрута после захвата Дербента, — это куфическая надпись из сел. Рича, изданная Ханьковым сначала в газете «Кавказ» (1850, № 52), в статье под названием «Археологическое известие», а затем в «Journal Asiatique» за 1862 г. (арабский текст и французский перевод):

«Истинно, войска проклятых татар — да оставит их без помощи аллах — пришли в Бабилькист Рича, когда оставалось десять дней до конца месяца раби'аль-авваль. И сражались с ними жители Рича до середины раби'аль-ахир в шестьсот тридцать седьмом году. Затем приказал Сабадж ибн Сулейман построить эту крепость в ме-

сяце зу-ль-хиджа, один из месяцев шестьсот тридцать седьмого года».

Двадцатое число месяца раби'аль-авваль 637 г. хиджры соответствует 20 октября 1239 г., а середина (если взять 15-й день) раби'аль-ухра 637 г. хиджры — 14 ноября 1239 г. Следующая дата, указанная в надписи, т.е. месяц зу-ль-хиджа 638 г. хиджры, падает на октябрь — ноябрь 1240 г.

Сообщение приведенной надписи подтверждается и дополняется текстом другого памятника эпиграфики из того же селения:

«Эта соборная мечеть Бабуль-кист Рича разрушена войсками татар, когда разрушен был (город (?)) Рича в месяце раби'аль-ахир, один из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Затем приказал эмир славнейший, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже венца мира и религии Адам сын Адб-ал-Мелика сына Мухамеда, да простит аллах его — приказал (он) построить эту мечеть в месяц раби'аль-авваль, один из месяцев шестьсот сорок восьмого года»...

Раби'аль-ахир 637 г. хиджры соответствует ноябрю 1239 г., раби'аль-авваль 641 г. хиджры — июнь 1250 г. Конец этой надписи, как видим, рассказывает о восстановлении разрушенных монголами зданий в 1250 г., т.е. через десять лет после монгольского нашествия.

Таким образом, обе надписи из сел. Рича посвящены одному и тому же событию, а именно прибытию монгольского войска в сел. Рича, борьбе ричинцев с завоевателями и разрушению селения. Надписи эти не дают, однако, возможности судить о дальнейшем пути татаро-монгольских войск. Все же есть основание предполагать, что путь монгольских войск из Рича лежал на северо-запад, по направлению к Кумуху.

Две надписи из сел. Кумух могут подтвердить это. Вот содержание первой надписи:

«Разрушение Гумука турками, имею в виду Крым — в понедельник в начале (месяца) рамазан во время Наджм уд-дина, и погибло смертью воителей за веру все войска Гумика, за исключением тысячи тридцати трех (воинов)».

Вторая надпись дает точную дату разрушения Кумуха:

¹ Khanikoff N. Memoire sur les Inscriptions musulmanes du Caucase Journal Asiatique, août 1862. P. 126.

«Разрушение Гумика турками во время Надж уд-дина – год шестьсот тридцать семь».

Эти две надписи позволяют установить дату прихода татар в Кумух и разрушении селения – второй день начала месяца рамазан 637 г. хиджры, что соответствует 8 апреля 1240 г.

Значит за короткий срок после пребывания в сел. Рича и разрушения его (октябрь-ноябрь 1239 г.) монголы пришли в Кумух и подвергли его такому же разрушению.

Из всего приведенного выше можно установить, сто татаро-монгольские войска, захватив весной 1239 г. Дербент, осенью того же года захватили сел. Рича, перезимовали здесь и весной следующего года, т.е. 1240 года прибыли из Рича в Кумух, который был захвачен после ожесточенной борьбы.

Мы имеем, таким образом, три основных пункта маршрута татаро-монгольских войск: Дербент, Рича, Кумух. Из Дербента в сел. Рича можно попасть через Белиджи – Мамраш – Касумкент. От последнего пункта до сел. Рича ведут две дороги. Одна – через пункты Алкадар, Хив, Друштул, Тпиг, т.е. вдоль р. Чирахчай, другая же идет южнее, через Икра, Курах, Усуг, т.е. вверх по течению реки Курах, сливающейся с Чирахчаем за Касумкентом. Трудно установить, какой из названных двух путей избрали монголы при движении в сторону Рича. Более благоприятным для передвижения войск был второй (вдоль реки Курах). В то же время представляет интерес тот факт, что первый путь (т.е. вдоль р. Чирахчай) имеет местное название «мугъу-дере», которое можно перевести как «монгольское ущелье»...

Что касается пути от Рича до Кумуха, то определить его не трудно. Единственная дорога, соединяющая эти два селения проходит вдоль рек Чирахчай и Кули, через пункты Чирах, Хосрех, Вачи, Шовкра.

Исходя из изложенного можно установить более подробный маршрут татаро-монгольских войск при походе 1239-1240 г. по внутреннему Дагестану: Дербент – Белиджи – долина р. Гюльгеричай до современного Касумкента – сел. Рича – и далее по долине р. Чирахчай и Кули через селения Чирах, Хосрех, Вачи – на Кумух.

Можно предположить, что путь через внутренний Дагестан был известен монголам до 1239 г. Еще при первом походе (1222 г.) монголы, как на это впервые обратил внимание Б. Маллачиханов, проникли из Закавказья на Северный Кавказ именно по нагорному Дагестану, в

обход пути, проходившего через Дербент и прибрежную полосу Дагестана...

□ □ □

Судя по сообщению «Тарихи» кумухские и кайтагские правители, жившие раньше в дружбе, поссорились между собой, и правитель Кайтага заключил союз с Саратаном, «сыном царя аварского». Последний обратился за помощью к «султану Каутар-шаху» из «страны турок». Каутар-шах не замедлил выступить против мусульманского Кумуха, и объединенные войска Каутар-шаха, Саратана и «князей хайдакских» совершают нападение на Кумух «во вторник первого рамазана, в дни Нажмуддина».

И месяц рамазан и имя Нажмуддина уже упоминалось в кумухских надписях, относящихся к апрелю 1240 года. Очевидно, что в «Тарихи-Дагестан» речь идет о тех же событиях, которые упомянуты в надписях из Кумуха.

... «Тарихи-Дагестан» дополняет надписи подробностями о событиях, связанных с захватом Кумуха, особенно сообщением об упорном сопротивлении кумухцев. Сухая констатация фактов, данная в надписи, оживляется ярким рассказом автора «Тарихи» о судьбе мусульманского Кумуха и его жителей: «Они (обитатели Кумуха) сражались с великим мужеством, и семьдесят юношей пали мучениками. Эти (т.е. монголы – А.Ш.) заняли укрепление выше мечети (называемое) Кекели и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении (т.е. все были убиты), оба князя, Саратан и Каутар, опустошили Кумух в субботу в месяце саффар и все князья кумухские, происходившие от Хамзы, рассеялись по разным частям света (ССКГ. Вып. V. С. 27). После этого, как сообщает автор «Тарихи», Каутар-шах и Саратан «возвратились в свою землю».

Власть монголов в горах не утвердилась и в последующее время. Свидетельствуют об этом не только указанные выше надписи (о восстановлении зданий), но также сообщение Рубрука, относящееся к 1253 г. о том, что аланы и черкесы борются против татар и что «некие Саррацины, именуемые Лесгами (имеются в виду дагестанцы – А.Ш.), равным образом не подчинены [Татарам]». (Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны П. Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 111, 186).

Шихсаидов А. О пребывании монголов в Рича и Кумухе

Эпиграфические памятники о пребывании монголо-татар в сел. Рича

- 1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах! Аллах! Аллах!
- 2) Пришло войско татар, – да не будет им от Аллаха большого предела.
- 3) в Баб ал-Кист Риджу, когда оставалось от месяца.
- 4) раби ал-аввал десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи.
- 5) до середины раби ал-ахира года тридцать семь
- 6) и шестьсот (т.е. шестьсот тридцать седьмого). Потом построить эту крепость приказал Сабадж.
- 7) б. Сулейман в месяце зи-л-хиджжа, (одном) из месяцев года.
- 8) шестьсот тридцать восьмого.

Шихсаидов А.Р. *Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник.* М.: Наука, 1984. С. 43.

Надпись была обнаружена в 1848 г. Н.В. Ханыковым и им же опубликованы тексты, французский и русский переводы. Л.И. Лавров издал новый перевод. Приведенный текст издан А.Р. Шихсаидовым.

Каменная плита с приведенным текстом вмонтирована в стену минарета ричинской пятничной мечети. Текст содержит 8 строк.

Приведенный в тексте тарих – «Когда оставалось ... 10 дней» раби ал-авваб 637 г. х. – 20.X 1239 г. Середина раби ал-ахира 637 г. х. = ок. 15.IX 1239 г.

Зу-л-хиджжа 638 г.х.=13.VI–11.VII 1241 г.

Шихсаидов А.Р. *Указ. Соч. С. 42.*

О пребывании монголов в Дагестане и о борьбе с ними местного населения повествует также вторая надпись, вмонтированная в стену той же ричинской пятничной мечети. Полный текст с переводом был

опубликован Л.И. Лавровым в 1958 г. и впоследствии перепечатан им же. Фотография опубликована А.Р. Шихсаидовым и Д.М. Атаевым.

Текст содержит также 8 строк:

- 1) Эту соборную мечеть Баб ал-Кист Риджи разрушило
- 2) татарское войско [в то время], когда разрушили Курд Риджу в месяце
- 3) раби ал-ахир [одном] из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Потом, поистине,
- 4) эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира
- 5) и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Мухаммад – да продлит Аллах [его правление]!
- 6) приказал построить эту мечеть в месяце раби ал-аввал [одном] из месяцев года.
- 7) шестьсот сорок восьмого, и да благословит Аллах Мухаммад и весь его род и да помилует Аллах, того, кто помолится о милосердии к нему
- 8) после его смерти.

Раби ал-ахир 637 г.х.=31.X–28.XI. 1239 г.

Раби ал-аввал 648 г.х.=3.IV–2.VII 1250 г.

Шихсаидов А.Р. *Эпиграфические памятники Дагестана...* С.44-45.

О борьбе ричинцев с монголо-татарами

В сел Ричи монголо-татары пришли по ущелью, которое получило название Магу-дере. что значит «Ущелье монголов». По пути в Рича они разрушили селения Дуруштул, Гоа, Дулдуг, Хутхул, Зулер-хур. В местности Архатачар находились ворота в аул. Другого пути в сел. Рича не было. К этим воротам и вышли жители Рича, чтобы оказать сопротивление врагу. Ричинцы оборонялись мужественно, и монголо-татары простояли здесь почти месяц, но все же завоеватели сумели войти в селение. По преданию, они подкупили двух караульных из местных жителей и они открыли ворота в селение. Завоеватели окружили селение, чтобы никто не ушел. Но ричинцам удалось подняться на труднодоступную гору Хажи-жаяр, которая находится перед селением, и укрепиться там. В селении остались только старики и дети,

которых не успели вывести. Монголо-татары собрали стариков и детей в местности Убратт и растоптали их конницей. Тела погибших сбрасывали в большую яму, которую выкопали рядом с селением. Затем завоеватели собрали запасы урожая ричинцев и сожгли их. Сожгли они и селение, в том числе и мечеть. Но мечеть частично уцелела. Впоследствии она была отстроена – об этом говорит надпись, которая сохранилась на стене мечети. И поныне видны следы пожара, сохранились обгорелые столбы. После всего содеянного завоеватели ушли из Рича.

□ □ □

О пребывании монголо-татар в сел. Чирах

В 6 километрах к северу от современного селения Чирах, было расположено селение, которое также называлось Чирах. Когда пришли монголы, жители укрепились в сельской мечети. Но завоеватели разрушили мечеть, как и само селение, а жители вынуждены были построить селение на новом месте. Через несколько лет монголо-татары разрушили и это новое селение чирахцев. После этого оставшиеся в живых жители Чираха поселились на новом месте и построили селение на месте современного Чираха. На месте первого селения сохранились могилы, которые местные жители называют могилами «шахидов».

□ □ □

О борьбе чирахцев с монголо-татарами (вариант второй)

В шести километрах от современного селения Чирах раньше находился большой населенный пункт, который также назывался Чирах. Ныне там ферма Карпала.

Уничтожив селение Рича, монголо-татары пришли в Чирах. Но селение было защищено мощными оборонительными сооружениями. Поэтому завоеватели долго не могли его взять. В конце концов им удалось прорваться в аул. Защитники укрепились в большой мечети, и монголо-татары никак не могли взять мечеть. Тогда они схватили старуху, та под угрозой смерти указала врагу путь.

По другой версии монголо-татары проникли в селение благодаря предательнице. Она сообщила, что все мужчины собираются в джума-

мечети на молитву, и поэтому в это время легко можно проникнуть в аул через тайный ход. Завоеватели так и сделали. Ворвавшись в селение, они окружили мечеть, взяли ее и уничтожили всех, кто там находился. Убили они и предательницу.

Захватив и разрушив это селение, монголо-татары пошли дальше и осадили другое крупное селение, расположенное на берегу реки Ричахе. Захватить его не стоило большого труда, так как оно было ослаблено постоянной враждой с соседями.

Те, кому удалось спастись, образовали современное селение Чирах. Первые дома были построены на непреступной скале, где ныне старая часть селения – Баршил. После заселения этой части стали заселяться и строить дома на территории вокруг скалы.

□ □ □

Борьба какинцев против монголо-татар

Монголо-татары пришли в Кака и разрушили селение. Приходили они и в другие лезгинские аулы. Старожилы рассказывают, что в селении Лакун нашли захоронение полководца монголо-татар, который якобы был убит в сражении с местным населением.

□ □ □

О борьбе Салатавии с монголо-татарами

Во главе монголо-татарских войск, пришедших в Салатавию, стоял предводитель по имени Ханзак. Завоеватели жестоко расправились с местным населением, которое оказывало им сопротивление. Они убивали мирных жителей села, забирали людей, зерно, скот.

□ □ □

В табасаранском предании «Битва с монголами» повествуется о героической борьбе табасаранцев с татаро-монголами в местности «Сенгра», расположенной недалеко от аула Фурдаг. О начале кровопролитного сражения в нем пророчески возвещают явления природы. «Перед сражением сверкнула молния, прогремел гром и прошел проливной дождь. Фурдагцы смело бросились на вражеские войска. Местность Сенгра покрылась трупами, потекли ручьи крови и образова-

лись озера». А вражеские войска все пребывали и пребывали, и число их с каждым часом, с каждым днем все увеличивалось.

Узнав о беде фурдагцев, на помощь им поспешили жители соседних джамаатов Ляхля, Кувиг, Уртил и др. Но монголы ворвались в аул Фурдаг, связали детей и стариков и живыми бросили в глубокие ямы, а остальных, собрав в местности «Сенгра», растоптали конями.

Халидова М.Р. *Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 201–202.*

□ □ □

В предании лакцев «Сестра семерых братьев», записанном Х.М. Халиловым, говорится о событиях 1240 г. Татаро-монголы после покорения селений Южного Дагестана весной направились в Кумух через Хосрех и Кули. Защитники крепости Тамус, которая расположена недалеко от селения Хосрех, оказали врагам отчаянное сопротивление. По преданию, сестра и семь братьев сорок дней защищали крепость. Монголы схватили сестру, которая пошла в село за солью. Они разожгли большой костер и пригрозили братьям, что сожгут ее, если те не сдадутся. Тогда пленница протянула руку к костру и сказала, обращаясь к братьям: «Я вытерплю любые муки, не сдавайтесь врагу». Рука ее тут же обуглилась, но ни один мускул не дрогнул.

Предание заканчивается характерным устойчивым приемом – выражением восторга предводителя татар: «Раз так мужественна девушка, что говорить о воинах-мужчинах».

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 202*

□ □ □

Сходно по содержанию и другое лакское предание «Девушка и хан». Сестра, узнав, что брат находится в плену, пошла к монгольскому хану. Он сидел около разожженных костров. Люди проходили между этими кострами, чтобы очиститься от дурных помыслов. Сестра, также совершив этот ритуал, предстала перед ханом. Она стала умолять хана, чтобы он отпустил ее брата. Хан решил проверить мужество и самоотверженность горянки:

– Хорошо, я отпущу твоего брата, но я должен поставить на тебе клеймо, чтобы ты не забыла об этом.

Боясь, что хан раздумает, сестра вмиг схватила горящее полено и приложила его к руке. Кожа на ее руке мгновенно обуглилась.

– Вот клеймо, – невозмутимо сказала девушка хану.

Восхищенный мужеством и выдержкой девушки хан отпустил не только брата, но ее земляков-пленников.

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 202; РФ Института ЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 432.*

□ □ □

Об ожесточенной битве с татаро-монголами в селе Кумух повествует предание о сорока юношах, которые укрылись в крепости «Бургахъала» («Крепость на хребте»). Они поклялись, что умрут, но не сдадутся врагу. Ни высокие стены крепости, ни круглые башни ее не спасли отчаянных храбрецов. Сорок дней, сорок ночей сражались юноши, пока не пал последний защитник крепости.

Захватив Кумух, монголы жестоко расправились с местным населением. Правитель и его семья были уничтожены, селение разграблено, пленные убиты.

Достоверность событий, изображенных в предании, подтверждается и в летописи, составленной Мухаммедом-Рафи. (См. ССКГ. Вып. 5. С. 27).

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 203*

□ □ □

В 1240–1249 гг. татаро-монголами был вновь предпринят поход во внутренний Дагестан, в результате которого они дошли до Аварии. В героическом предании об осаде татарами крепости Наказух воссоздана картина разорения, насилия, грабежей, чинимых врагами. Монголы «черной лавиной покрыли землю». Повсюду, где они проходили, «сгорала земля», «птицы и звери уходили с тех мест». «Черными тучами покрывалось небо», «стоны и плач», проклятия и мольбы осиротевших, замученных и растерзанных людей раздавались вокруг. Жители селения Наказух укрылись в крепости. Крепки были ее стены и велика была ненависть ее защитников к врагу. Рушились стены – вырастали новые, гибли люди, но на их место становились другие, полыхал пожар, но крепость стояла.

Монголы никак не могли понять, кто помогает осажденным, кто дает им силу, воду. Силу им давала родная земля, а вода в крепость поступала из-под земли.

В поисках родника враги пошли на хитрость: они накормили ло-

шадей солью, не напоив водой. Измученных жаждой лошадей повели вокруг стен крепости, и они нашли источник родника. Монголы перекрыли воду и таким образом вынудили защитников крепости сдаться.

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 203–204.

□ □ □

Памятные записи о приходе в Кумук тюрков в 1240 г.

Разрушение Гумука руками тюрков – в понедельник в начале рамадана в эпоху Наджмаддина. Мученически пали все воины Гумука за исключением тысячи тридцати трех; в 307/920 году¹.

Эту крепость, то есть крепость, которая была над мечетью Кикули², построил Кавтар, сын Булуха. В ней присутствовали³ семьдесят юношей. Они взяли имущество, дух, тело и дали клятву сражаться за путь, указанный Аллахом ...

Айтберов Т.М. *Памятные записи из сборника № 531 // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв.: Сбор. стат. Махачкала, 1989. С. 135.*

¹ Чаще это событие датируется 637/1240 г.

² Ныне это место называется Чичули; расположено оно в верхней части Кумука.

³ Можно иначе: «объявили себя мучениками».

□ □ □

Вторая запись из сборника № 2646

Дата разрушения Гумука первый раз – войском тюрков – понедельник, начало рамадана во время Наджмаддина. Они пали мучениками за исключением 530 мужей в 637/1240 году; за исключением тысячи тридцати трех в шестьсот тридцать седьмом году.

Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 137.

□ □ □

Эти события описаны в «Тарих Дагестан» Мухаммада-Рафи так: ... когда прошло много времени (после походов арабов в Даге-

стан и распространения ислама – Б.А), между эмирами Гумука и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия усилиями сатаны – наиболее заклятого из врагов, упрямство разъединило их, ибо исчезла добродетель людей и распространилась ложь, зло и порок. В этих расправах не осталось места ни благоразумию, ни здравому смыслу.

Затем оставшихся в живых во время этих распрей потомки главы мучеников [сайид аш-шухада] Хамзы и повелителя правоверных Аббаса, из числа султанов Хайдака и из моря ханских генеалогий, – [а именно] Мухаммадхан, Амирхан и Амирхамза – бежали, жалуясь и умоляя о помощи, к аварским правителям и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. [В это время] между ними (правители Авар) и [эмирами] Гумука начались страшные войны и сатанинские распри. Аврский владыка [малик ал-авари] отправил послания и послов из красноречивых и мудрых людей к султану Кавтар-шаху, в страну тюрков [вилаят ат-турк], жители которой [приняли ислам еще в правление амира правоверных ал-Омара ал-Фарука ан-Наки, «различающего добро и зло, чистого»]. Они обязались быть между собой в дружбе и добрососедстве, оказывать взаимную помощь в борьбе с врагами. Договор этот был основан на дружбе, согласии, братстве. Кавтар-шах взял в жены своему сыну Султан-Кайдаку благоразумную дочь аварского правителя, а прелестную дочь, свою он выдал замуж за сына царя – Сиртана. И это было согласно договора. Эти два брачных союза были заключены одновременно, и оба царевича стали посредством этого родственного союза как бы братьями, принадлежащими одним родителям, – во всех делах, как в совершении зла своим врагам, так и в совершении добра своим друзьям.

Затем пошел Кавтар-шах на Гумук с [войсками] тюрков с восточной стороны, а Сиртан с войсками вилайата Авар совместно с султанами Хайдака – с западной стороны, и дошли они до Гумука в понедельник, в начале месяца рамадан, во время [правления?] Наджмаддина. И сражались [жители Гумука], и пали мучениками в крепости, что над мечетью ал-Кудали, семьдесят юношей, которые пожертвовали имуществом, душой и телом и поклялись сражаться на пути всевышнего Аллаха. И сражались юноши в крепости в месяце сафар, а они [«тюрки», войска аварских и хайдакских правителей] разрушили Гумук в субботу. Эмиры [Гумука], что из потомков Хамзы и Аббаса, рассеялись по частям света, по окраинам вилайатов, а султаны Хайдака снова обосновались на своих землях, на своих престолах. Гумук был взят руками недостойных по происхождению.

После этих событий Кавтар-шах и Сиртан вернулись [каждый] в свои земли и вилайаты. Дела потомков Хамзы и Аббаса стали такими, как было [уже] упомянуто, а дата этих [событий] – семьсот восемнадцатый год по хиджре пророка (1318-19) – да благословит его Аллах и да приветствует! Они (эти потомки) имели на руках старые тексты и древние исторические записи. Так обстояло дело. [Таким образом], все правители горных районов происходят из рода детей Хамзы и детей Аббаса, исключая только султанов Авара, которые из рода султанов урус. И нет в их стране (Авар) ни одного коренного мусульманина. В других дагестанских вилайатах население представляет собой смесь коренных мусульман и тех, среди которых распространен ислам.

«Тарих Дагестан» Мухаммадрафи / Введение, перевод, комментарии А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтбеков Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 104–105.

□ □ □

Борьба гумбетовцев с монголо-татарами

Из Салатавии монголо-татары пришли и в Гумбет. Аргвани и другие гумбетовские села попали под гнет монголо-татар. В Гумбете имеются тухумы монголо-татарского происхождения. Аргванинцы, как и жители других сел, оказывали завоевателям сопротивление. Тогда враги разрушили многие села Гумбета, уничтожили множество людей, разграбили их имущество.

□ □ □

Монголо-татары приходили в Дагестан и после похода их в 1239–1240 гг.

По сообщению армянского историка Киракоса Гандзакеци в 1256 г. «великий полководец ханского рода Хулагу приказал всему татарскому войску, расположенному на Востоке, главою которого был Бачу-ноин, собраться со всем имуществом своим и скарбом, покинуть земли и поселения свои в Мугани, Агванке, Армении и Грузии и двинуться к стране ромеев, чтобы завладеть их богатой страной. Пришел он туда с такой огромной массой людей, что, говорят, якобы месяца одного едва хватило, чтобы они переправились через реку Джехун.

Выступили также с неисчислимыми войсками некоторые родственники его из улуса Батгя и Сартаха и, пройдя через Дербендские ворота, пришли сюда. Это были знатные люди, стоящие во главе государства».

Киракос Гандзакеци. История Армении. С. 226–227.

□ □ □

И в 60-е годы XIII в. монголо-татары несколько раз проходили через Дербендские ворота.

Киракос Гандзакеци. Указ. соч. С. 236–237.

□ □ □

По сообщению Степаноса Епископа, «В году 739 (1290) прибыло большое войско и город Дербенд под предводительством Тода Мангу ...»

Из «Летописи» Степаноса Епископа // Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М., 1962. С. 40.

□ □ □

О приходе монголо-татар в сел. Санчи.

Из Дербента войска монголо-татар двинулись на Кайтаг. Они пришли в сел. Санчи. Тех, которые оказывали сопротивление, они привязывали к хвостам лошадей и убивали, а также одевали на голову ярмо и сажали в ямы глубиной до 3 метров, которые назывались «зиндан».

□ □ □

О приходе монголо-татар в сел. Карацан

Когда монголо-татары пришли в сел. Карацан, жители его встретили завоевателей с оружием в руках. Между ними и завоевателями произошел бой. Вражеское войско сильно поредело. Убитые были похоронены на кладбище, которое ныне называется Гуддир-хярбе (нижнее кладбище). Там до сих пор много надгробных памятников. Сейчас на этом месте густой лес.

□ □ □

О приходе монголо-татар в сел. Уркарах

Монголо-татары дошли и до сел. Уркарах. Захватив селение, завоеватели взяли скот, богатство и ушли, оставив здесь своих приверженцев.

□ □ □

Борьба харбукцев с монголо-татарами

В Харбуке сохранилось предание о том, что отряд монгольского полководца Ногай через хребет Лес спустился к поселению Красная вода (Хинтгин шин), находящемся в 6 км к западу от нынешнего Харбука. Но жители харбукских поселений объединились и встретили врага в местности «Шинтта мура хъяб» (Перевал сенокоса Шандана). На помощь харбукцам пришли и жители соседних селений. Перед началом боя состоялся поединок. Объединенный отряд даргинцев выставил на поединок самого храброго воина из поселения Красной воды по имени Белсмук, а монголы своего воина Лугая. Белсмук победил Лугая, сразив его копьем. После этого началась жестокая схватка, в которой даргинцы одержали победу. Монголы бежали с поля боя. С тех пор дорога, которая находится на этом месте, носит название «Лугайла кьячлив» (Поворот Лугая).

Является ли Ордынский полководец Ногай и Лугай, напавший на харбукские поселения, одним и тем же лицом неизвестно.

Юсупов Х., Муталимов М. *Харбукцы: история и культура. Махачкала: Юпитер, 1997. С. 31.*

□ □ □

Из «Сборника летописей» Рашид ад-дина

Фалдаллах ибн Абу-л-Хейр Рашид ад-дин родился около 645 (1247) г., вероятнее в Хамадане, в западном Иране. При монгольских правителях Ирана, начиная с Абака-хана (1265–1282), он состоял в должности врача, при Газан-хане (1295–1304) был фактически (официально им было другое лицо) везиром с 697 (1298) г. В этой должности он находился и при Улджейту (1304–1316); при Абу-Саиде, в 717 (1317) г. был смещен и в следующем году казнен по обвинению в отравлении Улджейту. Главное сочинение Рашид ад-дина «Сборник летописей» – «Джами-ат-теварих» – состоит из двух частей: 1) «Тарих-

и-Газани» – история монголов и 2) всеобщей истории. Источниками для истории монголов Рашид-ад-дину послужили прежде всего устные рассказы представителей монгольской аристократии, в том числе Болод-чингсанга (Пулад-чжэенсяна), представителя великого хана при дворе Хулагидов, и самого Газан-хана; им были использованы монгольская «Золотая книга» («Алтай дептер») и сочинение Джувайни, пользовался он и официальными документами. Получал он сведения и от послов; наконец, о ряде событий он мог говорить как участник и современник. «Сборник летописей» – исторический свод совершенно необычайного для средних веков размаха, он охватывал историю всего тогдашнего культурного мира от Западной Европы до Индии и Китая.

Ниже мы приведем отрывки из «Сборника летописей», имеющие отношение к Дагестану.

□ □ □

2. Из истории Чингиз-хана

Рассказ о прибытии Джебе и Субадая в область Ирака, Азербайджана и Аррана; об избиении и грабеже, произведенных ими в этих странах.

Когда султан Джалаль-ад-дин бежал из Нишапура и направился в Газнин, то Джебе и Субадай отправили посла к Чингиз-хану (с такою вестью): «Султана Мухаммеда не стало, а сын его Джелаль-ад-дин бежал и ушел в ту сторону; в настоящее время мы, освободив сердце от их дел, в силу подлежащего исполнению указа (Чингиз-хана) по мере возможности постараемся в один-два года завоевать страны, которые находятся впереди, и через Дербенд Кипчакский можем притти в Монголию, к сроку, назначенному указом Чингиз-хана...

После разрушения Хамадана они (монголы – Б.А.) пошли к Нахичевану, овладели им и произвели избиение и грабеж. Наконец, атабек Хамуш явился с изъявлением покорности; ему дали деревянную пайзу и алюю тамгу. Отсюда они отправились в Арран и, взяв сперва Серав, совершили избиение и грабеж, также (взяли) Ардебиль, а оттуда пошли к городу Байлекану и, взяв его силой, перебили малых и больших. После этого они двинулись к Гандже, которая была самым большим из городов Аррана, овладели также ею и совершенно разорили ее. Оттуда они направились в Грузию; те (грузины), снарядив войско, приготовились к бою. Когда они сошлись друг с другом, Дже-

бе с 5000 человек скрылся в засаде, а Субадай с войсками выступил вперед. При первом натиске монголы показали тыл, а грузины пустились в погоню; (тогда) Джебе вышел из засады, они (монголы) окружили их и в один миг убили 30000 грузин. Оттуда они направились в Дербенд Ширванский, по пути осадой взяли город Шемаху, произвели всеобщее избиение и забрали много пленных. Так как проход через Дербенд был невозможен, то они послали к Шарван-шаху (сказать): «Пришли несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Он прислал 10 человек из старейшин своего народа: одного они убили, а другим сказали: «Если вы укажете нам дорогу через это ущелье, то мы пощадим вам жизнь, если же нет, то вас также убьем». Те из страха за свою жизнь указали (путь), и они (монголы) прошли. Когда они пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы) сообщая с кипчаками сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем...

[Во второй половине XIII в.] «между ними (Хулагу и Беркаем)¹ появилась вражда и озлобление, которое с каждым днем усиливалось. ... Ногай, который был военачальником его и родственником (убитого) Тутара, он (Беркай) отправил вперед мстить за кровь его (Тутара) с 30000 всадников. Пройдя Дербенд, он (Ногай) расположился в виду Ширвана. Хулагу-хан, узнав об этом, приказал выставить войска из всех областей Ирана. В месяце сикисиндж, соответствующему 2-му числу шавваля 660 г. (20.XIII.1262), он (Хулагу) двинулся из Алатага; отправив в авангарде Ширамун-нойона, (сам) с Самагар-нойоном и Абатаем в зу-л-хидже 660 г. (17.X.–14.XI.1262) прибыл в Шемаху. Войско Беркай ударило на Ширамуна, произвело чрезвычайное избиение и утопило Султанчука в реке. В среду в исходе зу-л-хидже 660 г. (17.X.–14.X.1262) прибыл Абатай-нойон, в одном фарсах от Шабрана ударил на войска Беркай и убил множество из них. Ногай бежал. Узнав о бегстве неприятеля, Хулагу-хан во вторник, 6 мухаррама 661 г. (20.XI.1262) выступил в поход из пределов Шемахи, чтобы сразиться с Беркаем... В пятницу, 23 мухаррама 661 г. (7.XII.1262) состоялось повеление, чтобы вся армия, вооружившись, двинулась в путь. При восходе солнца они (войска) прибыли к Дербенду Хазарскому. На стене Дербенда находился неприятельский отряд, но его прогнали с этой стороны ударами стрел и, отбив у неприятеля стену, завладели Дер-

¹ Беркай – внук Чингиз-хана (брат Батыя); Хулагу – внук Чингиз-хана (7-й сын Орды-сына Чингиз-хана).

бендом. (Затем) стали биться по ту сторону Дербенда, и поражение постигло неприятелей. Они бились до конца субботы 1-го числа сафара (15.XII.1262 г.). Ногай со своим войском внезапно обратился в бегство, а войска Хулагу-хана остались победителями. На помощь им (Хулагу) послал Абакан-хана с огромным войском. После бегства Ногай Ширамун и Абатай сказали ему (Абаке): «Не угодно ли царевичу возвратиться к отцу, а мы со всею поспешностью отправимся в погоню за врагом». Но по усердию и мужеству своему он (Абака) не согласился (возвратиться). От Хулагу-хана же вышел приказ, чтобы Илькай-нойон, Тудан-бахадур, Бату, Салджидай, Чагай, Буларку и Дугуз двинулись по пятам неприятелей и овладели ставками воинов Беркай, и согласно этому повелению они ... переправились через реку Терек ... Первого реби 1 ... (13.I.1263) на берегу реки Терек с раннего утра до конца дня происходило жестокое побоище. Так как к неприятелю (Беркаю) постоянно подходила помощь, то наше войско показало тыл и стало переходить реку Терек, которая замерзла. Вдруг (лед) переломился, и множество войска утонуло. Абакан-хан благополучно прибыл в Шабран и (там) остановился, а Беркай, с войском, пройдя Дербенд, вернулся в Шемаху ... На другой год распространился слух, что Ногай собирается выступить из Дербенда. Хулагу-хан послал туда шейха Шерифа Тебризи чрез горы Лезгистана для слежки (за неприятелем). Он вошел в лагерь Ногай, его схватили и отвели к Ногаю ...

□ □ □

10. Из истории Газан-хана

Когда¹ высочайшие знамена (Газан-хана) прибыли в те пределы (Ширана и Лезгистана) и приблизились к Дербенду, то царь улуса (Джучи), Токта, обратился в бегство, а находившиеся поблизости к этой стороне царевичи и эмиры его, полагая, что высочайшие мирзавоевательные знамена Газана направились в ту сторону, обратились в бегство и отправились на ту сторону рек...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Воллиным. М.: Л., 1941. Т. II. С. 31–33; 74–75; 78–79

□ □ □

¹ В реби II 701 г. – 4.XII.1301–1.I.1302.

Из «истории Вассафа»

Шихаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазлаллах родом из Шираза в Южном Иране, известный под почетным прозвищем «Вассаф-и-хазрет» — «панегирист его величества», находился под покровительством Рашид-ад-дина; никаких других биографических данных о нем не сообщается. Сочинение его написано под влиянием сочинения Джувейни и Рашид-ад-дина, источниками послужили также устная традиция и рассказы очевидцев. События охватывают начиная с Чингиз-хана и до 723 г. (1323), т. е. до Хулагидов.

Ниже приводится текст, содержащий сведения о Дагестане.

В то время, когда государь-завоеватель мира Чингиз-хан сделался владыкою и повелителем царей и царств мира и разделил края и страны между четырьмя сыновьями (своими) — Туши, Чагатаем, Угедеем и Тулуем — и назначил им становища и юрты в четырех странах света так, как было решено умом и найдено правильным его безграничной проницательностью, — подробное исчисление округов и областей изложено в «Тарих-и-джехангушай», — Чигатаю были отведены пространства становищ от пределов окраин уйгурских до границ Самарканда и Бухары; обычное местопребывание его всегда находилось в окрестностях Алмалыка, Угетай, который в благополучный век (своего) отца должен был быть преемником султанства (Чингиз-хана), пребывал в пределах Эмиля и Кубака, столицы ханства и центра государства. Юрт Тулая находился по соседству и в сопредельности (с владениями) Угетая, а земля в длину от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинского он предназначил старшему сыну, Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капу (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войска его (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов). Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, стали проявляться, одна за другой, причины раздора и поводы к озлоблению. Зимой 662 г. (4.XI.1263–23.X.1264), когда ювелир судьбы (мороз) превратил реку Дербендскую как бы в слиток серебра, ...то войско монгольское (которое было)... многочисленнее дождевых капель, по приказанию Берке-огула точно огонь и ветер прошло по этой замершей реке. От ржания быстроногих (коней) и от бряцания (оружия) воинов поверхность равнины земли наполнилась грохотом ударов грома и

сверканием молнии. Распалив огонь гнева, они дошли до берега реки Куры. Для отражения искр злобы их Хулагу-хан выступил навстречу со снаряженным войском. После боя и сражения он обратил их в бегство и затем повел войско в погоню (за ними). В Дербенде Бакинском они снова расстелили поле битвы и уперлись стопами нападения. Из войска Берке не уцелел ни великий, ни малый, и (почти) весь народ был перебит; остальные, потерпев поражение, обратились в бегство. Хулагу-хан не дал (своему) войску позволения вернуться, и они (его воины) без стеснения стали переправляться через поверхность замерзшей реки...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 80-81.

□ □ □

Вторжение царевича Узбека и бесовского войска его в Арран

В середине зимы 718 г. (5.III.1318–21.III.1319) во время пребывания (султана **Абусайда**) на зимовке в Гаубари, по воле господней в течение неотвратимого рока, царевич Узбек, сын Тоглука, внук Токтая, появился из пределов Саксина и Кипчака с огромным и бесчисленным войском, пустив вскачь боевых коней и обнажив сверкающие мечи; за каждым человеком следовало 3 коня (улаг). Прежде чем было получено известие, они, как ревуший поток и яростный лев, задумав опустошение, прошли Железные ворота (Дербенд-и-аханин). Охранение этой окраины поручено было эмиру Тарамтазу с личной тысячей (хазаре-и-хассе). Так как племена легзан¹, — да дарует аллах неоднократно победы над ними, — из-за скверных намерений и дурных наклонностей имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему (Тарамтазу) не дали знать о прибытии этой неожиданной армии. Вот почему он не устоял против превосходства многочисленного (неприятельского) войска, поневоле убрался восвояси и отправился в орду.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 86–87.

□ □ □

¹ Лезгины.

Из «Избранной истории» Хамдаллаха Казвини и продолжений к ней

Хамдаллах ибн Абу-Бекр Мустафи Казвини родился около 680 (1281/82) г., был близок к Рашид ад-дину и управлял по поручению последнего финансами Казвина и соседних округов. Год смерти его неизвестен. Одно из главных сочинений Хамдаллаха Казвини «Избранная история» – «Тарих-и гузиде» – составлено в 730 (1329–30) г. и посвящено сыну Рашид ад-дина, везиру Гияз-ад-дину Мухаммеду. Оно представляет собой всеобщую историю обычного для персидских сочинений типа. Описаны события до XIV в.

Ниже приведен текст, имеющий отношение к Дагестану.

Описаны столкновения между Беркай-ханом и Хулагу-ханом, которые часто происходили на территории Дагестана.

... Беркай-хан отправил войско для войны с Ираном, Хулагу-хан выслал против них огромную армию с эмиром Ширамуном, Абаем и Самагаром, и сам с несметным войском отправился вслед (за ними). Они сразились, войско Беркай было разбито и, обратившись в бегство, ушло к Дербенду. Хулагу, вслед за ним, прошел через Дербенд. Снова сразились в Дешт-и-Кипчаке, и войско Беркай (опять) обратили в бегство. Эмир Илькай вслед за ними перешел через реку Терек и совершил бесчинства в зимовье Беркай. Беркай сам выступил против них и много их перебил. Иранцы, разбитые, бежали к Дербенду...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 90–92.

□ □ □

2. Из продолжения «Тарих-и-гузиде», составленного Хамдуллахом Казвини

... в конце лета 34 г. ханского¹, которое было в начале 736 г. хиджры (21.VIII.1335–9.VIII.1336), в Султанию пришло известие о том, что царь Узбек из потомства Туши-хана, сына Чингиз-хана, направляется из Дешт-и-Хазар в это царство (Иран) ... царь Узбек с большим войском и несметным снаряжением и оружием прошел через Дербенд

¹ Т.е. по эре Газан-хана, которая началась 12 или 13 реджеба 701 г. (13 или 14 марта 1302 г.).

Ширванский. В то же время склонность ума тянула некоторых с этой стороны к нему, и он, в надежде на это, дошел до реки Куры... [В конечном итоге войска Узбека потерпели поражение и бежали], они добрались до Дербенда и, довольствуясь своим царством, говорили: «Мы как были, а богатство излишне».

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. II. С. 93.

□ □ □

Из продолжения «Тарих-и-гузиде», составленного Зайд-ад-дином

786 г. (24.IV.1384–11.V.1385)... Войско Тохтамыш-хана, пройдя Дербенд и область Ширван, прибыло в Тебриз...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 97.

□ □ □

Из «Истории Шейх-Увейса»

Это сочинение «Тарих-и-Шейх-Увейс» («Истории Шейх-Увейса») – неизвестного автора содержит всеобщую историю от сотворения мира до Шейх-Увейса из династии Джелаиридов (правил Ираком и Азербайджаном в 757–776 (1356–1374) гг., которому посвящено.

Ниже приводится текст, имеющий отношение к Дагестану.

... Когда стала известна смерть счастливого султана Улджейту, Узбекхан возымел в душе желание завладеть Ираном. Он высказал (это желание) и с огромным войском двинулся в этот край. Пройдя Дербенд, он прибыл в Ширван; (здесь) они занялись грабежом, пока не дошли до берега Куры. Племена (илькуни), находившиеся по ту сторону реки, не смогли переправиться (через нее); они попали к ним в плен. С этой стороны отправились к берегу реки султан Абу-Саид и эмир Чупан со всеми (другими) эмирами. Оба войска расположились по берегам реки, вступили в бой и сражались стрелами. Наконец, Узбек повернул обратно в 718 г. (5.III.1318–21.IV.1319). (Когда) до Абу-Саида дошло известие (об этом), он отправил вслед (Узбеку) нескольких эмиров, а они проводили (его) за Дербенд. После этого они верну-

лись и остановились в Карабаге Арранском... В месяце 719 г. (21.П.1319–11.П.1320), так как Абу-Саид еще был мал, Чупан забрал его государство в свои руки, решил отомстить Узбеку, собрал войско и двинулся в Ширван. Оттуда он разделил войско на две части; некоторые эмиры отправились из Дербенда к берегу реки Терек, а эмир Чупан со своими сыновьями пошел через Грузию. Узнав об этом, Узбек с своего места обратился в бегство...

В 743 г. (6.VI.1342–25.V.1343) Узбек-хан умер. Преемником (его) сделался Динибек, у которого было два других брата: Джанибек и Хызрбек. Джанибек начал восстание против (своего) брата (Динибек), между ними произошло сражение, (в котором) Динибек был разбит и взят в плен. Джанибек казнил его и сел на отцовский престол; он погубил также Хызрбека... Он царствовал 16 лет, и в течение его господства государство стало очень процветающим... он позарился на Иран. Он отправился в Чагатайское государство и подчинил себе ту страну. Спустя некоторое время, прибыв к себе на место, он просидел там... не более трех дней, сделал приготовления к (дальнейшему) пути, перешел через реку Терек и прибыл в Дербенд, а оттуда в Ширван... [Джанибек победил, но, пройдя Дербенд, захворал и умер].

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 99–103.

□ □ □

Из «Продолжения сборника летописей»

Рашид ад-дина. Составлено из различных сочинений.

Автор – Хафиз-и-Абру

25 мухаррама 714 г. (11.V.1314) прибыли¹ для мирных переговоров послы Узбека из Дербенда; начальником их было лицо по имени Гейхату, с 4 старшими эмирами и 150 конями (улаг).

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 139.

□ □ □

Рассказ о возмущении царей краев и о прибытии войска царя Узбека на берег реки Куры и обращении (его) в бегство

В один из месяцев 718 г. (5.Ш.1318 – 21.П.1319) со стороны Деш-и-Кипчака дошла молва, что царь Узбек с бесчисленным войском по Дербендской дороге направился в этот край (Иран)... Государь (Абу-Саид) и эмиры двинулись в Карабаг. Эмир Чупан направился через Грузию, а эмир Эсен-Кутлуг пошел в Тебриз; оттуда они выступили в намерении двинуться в Арран... В это время со стороны Дербенда сообщили, что царь Узбек назначил Гейхату в авангард войска, вслед (за ним) пройдя через Дешт-и-Хазар, прибыл в Дербенд с бесчисленным войском и большой армией. Перед тем со стороны султана Абу-Саида отправили в те края с несколькими кошунами людей Тарамтаза, который услышав молву о (наступлении) неприятельского войска, увидел, что не имеет возможности противостоять ему и, вернувшись в орду Абу-Саида, доставил известие, что войско неприятельское пришло в полном блеске и могуществе. Войска султана Абу-Саида большею частью разошлись (по домам) и при султани находилось не более 1000 всадников, да еще другая тысяча, (состоявшая) из слуг, погонщиков мулов и верблюдов и тому подобных; откочевав, они пришли к берегу реки Куры. Он (Абу-Саид) отдал приказание всем разбить палатки на берегу реки по прямой линии в длину, чтобы в глазах неприятеля показаться многочисленными. Неприятельское войско, в громадном количестве и полном многолюдстве, расположилось на той стороне реки и все, что было на том берегу реки, подверглось ограблению и разорению. В это время эмир Чупан, узнав, что войско Узбека расположилось напротив султана, с крайнею поспешностью, покинув мысль о Хорасане, двинулось к берегу реки (Куры) и с 2 туманами всадников, как сверкающая молния и стремительный поток, прибыл к берегу Куры в том намерении, чтобы, по прибытии (туда) тотчас же переправиться через реку. Когда войско Узбека узнало об этом плане, то на него напали страх и ужас: «Султан Абу-Саид, расположившийся против нас с своим войском, противостоял нам; (что же будет с нами), особенно теперь, когда эмир Чупан прибыл с 20000». Не видя возможности остаться на месте, они (войска Узбека) ушли обратно к Дербенду. Эмир Чупан, переправившись через реку, двинулся по пятам беглецов, многих перебил, а некоторых, взяв в плен, доставил к государю (Абу-Саиду). Одним словом, войско Узбека потерпело пол-

¹ К султану Уджейту, в Султанию.

нейшее поражение, а эмир Чупан победоносно и торжественно вернулся в орду султана Абу-Саида.

Рассказ о походе Чупана на улус царя Узбека

С тех пор как Узбек, пройдя Дербенд, прошел во владения Ирана, эмир Чупан по крайнему усердию и рвению, которые были присущи ему, постоянно промышлял об отомщении (ему) за это дело. Непомерная гордость и спесь подстрекали его непременно сделать набег на тот край и согласно изречению «природе (человеческой) необходимо возмездие» совершить поход в те пределы. Наконец в 725 г. (18.XII.1324–7.XII.1325) он повел огромное войско в земли Узбека. Большинство эмиров сопутствовали и сопровождали Чупана в этом походе. Он пошел к Дербенду через Грузию, а оттуда вступил в улус Узбека. Они (войска Чупана) дошли до берегов Терека и не пощадили никого из деревень, городов и кочевников тех мест; они убивали, грабили и брали в плен. После (такого) разорения и грабежа он (Чупан) победоносно и торжественно вернулся восвояси.

...В последние месяцы 735 г. (1.IX.1334 – 20.VIII.1335) пришло известие, что царь Узбек из рода Туши-хана, сына Чингиз-хана, направился из Дешт-и-Хазара в Арран и Азербайджан. Так как к заповедям миродержания принадлежит (правило) спешить с исправлением и устранением ущербов государства раньше укрепления и одоления врага, то счастливый султан Абу-Саид с эмирами и войсками направился в область Арран. Время для зимовья еще не наступило и вследствие болезнетворного климата у большей части войска здоровье расстроилось. Царю через несколько дней там приключилась болезнь, и благословенное здоровье уклонилось от благополучия... Птица духа этого благочестивого и праведного царя вылетела из клетки тела и устроила (себе) гнездо в высшем раю. Это событие произошло в местности Карабах 13 реби I 736 г. (31.X.1335). При таком положении царь Узбек с огромными полчищами и несметными военными припасами прошел через Дербенд Ширванский и дошел до берега реки Куры. Жители владений Абу-Саида, ниоткуда не видя спасения, потеряли надежду на сохранение имущества и семьи и решились погибнуть и умереть.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 142–143.

□ □ □

Из «книги побед» Низам-ад-дина Шами

Низам-ад-дин Абд-ал васи Шами, родом из Шама или Шенб-и-Бузани, пригорода Тебриза жил в 795 (1392/93) г. в Багдаде, при взятии которого Тимуром поступил на службу к последнему. Тимур в 804 (1404–402) г. поручил ему составить историю своего царствования. Сочинение Низам-ад-дина «Книга побед» – «Зафар-наме» – содержит чрезвычайно краткое введение по истории монгольского государства до Тимура и подробную историю последнего до конца 806 (1404) г. Основными источниками работы явились официальные описания отдельных походов Тимура, а также, может быть, официальные документы и устные сообщения участников. Последующие авторы широко использовали труд Низам-ад-дина Шами.

В нашем сборнике мы приводим отрывки из работы Низам-ад-дина Шами, изданной в 1941 г. в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды», подготовленном В.Г. Тизенгаузенем еще в начале XX в. Это были собственно различные материалы, которые дочь В.Г. Тизенгаузена Ю.В. Тизенгаузен в 1908 г. передала в Азиатский музей Академии Наук, куда еще в 1902 г. перешла большая часть его библиотеки. Ю.В. Тизенгаузен в 1938 г. передала Институту востоковедения еще некоторые сохранившиеся у нее бумаги отца. На основе всех этих материалов и был составлен сборник.

Ниже приведем текст сочинения Низам-ад-дина Шами, касающийся похода Тимура в Дагестан в 1395 и в 1396 гг.

Рассказ о походе Тимура на Дешт-и-Кипчак через Дербенд

Так как со стороны войск царя Тохтамышца несколько раз происходили неподобающие действия, Тимур обратил высочайшее внимание на отражение зла их. Сначала он послал Шемс-ад-дина Алмалыки, а это был человек мудрый, опытный, умный, благоразумный. Сладкими словами приятными сердцу речами, соблюдая (правила) начинания и прекращения речи, он достиг цели; слова его оказали сильное действие на сердце царя и эмиров, и он (Тохтамыш) склонился к миру и дружбе, обласкал его (посла) и отправил обратно. Когда он (посол) прибыл, Тимур дошел (уже) до реки Самур и выстроил рядами войска на краю горы Эльбурз, а от этого места до берега реки

5 фарсах¹; они показывали вооружение (джебе) в таком порядке и блеске, что в течение веков не указывали подобного этому. Так как они (золотоордынцы) несколько раз говорили о дружбе, закладывали основание мира и не соблюдали верности этому, то он (Тимур) не обратил внимание на слова их и с храбрым войском и свирепой ратью, именитыми эмирами и счастливыми царевичами направился в ту страну. Двигаясь с победой справа и с одолением слева, с покорным миром и послушной судьбой, они прошли через Дербенд и дошли до области кайтагов, которые были сторонниками Токтамыш-хана. Он (Тимур) признал необходимым подавить их. Обратив внимание на уничтожение и искоренение их, он так напал на их стороны и края, что из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один; все те области они разграбили. В это время Токтамыш-хан послал посла по имени Уртак. Когда он подошел близко и увидел многочисленность войска, то вернулся и сообщил царю, что эмир Тимур идет с огромным войском. Токтамыш-хан, назначив Казанчи в авангард, послал его вперед с большим войском. Они (посланные) пришли и остановились на берегу реки Кой², а войско Тимура, дойдя до местности Дарки³, стало лагерем. Тимур лично с отборными войсками, пройдя ночью, утром настиг Казанчи, погнав его с войсками, которые были при нем, и омочил степь и равнину кровью их. Когда Казанчи увидел эту мощь, величие, смелость и отважность, то (только при помощи) тысячи уловок и хитростей вынес душу с поля (битвы) и обратился в бегство. Тимур, преследуя (его), перебил много людей и без числа воинов. Выступив оттуда, он достиг берега реки Сундж⁴. Токтамыш-хан также дошел до реки, остановился и приказал войску занять оборонительное положение, выставив щиты и заслоны. Тимур мощно и уверенно, ударив в литавры и затрубив в рога, вступил в бой. Токтамыш-хан, увидев, что дело таково, не признал разумным стоять и бежал, оставив поклажу и обоз. Погнавшись (за ним), Тимур перешел через реку Терек. Токтамыш-хан, дойдя до реки Каурай, остановился и собрал войска. Тимур, во второй раз спустившись по берегу реки, отправился к Джулату⁵ дал там войску провиант (алуфе) и устроил

¹ Фарсах – ар. мера расстояния, около 6 км.

² Кой – река Койсу.

³ Дарки – Тарки.

⁴ Сундж – р. Сунжа.

⁵ Джулат – местность в Сев. Осстии у слияния Терека с Малкой.

(ему) новый порядок. Вдруг пришло известие, что Токтамыш-хан, вторично устроив войско, идет по берегу реки Терек, и что на этот раз он решился на бой и намерен сражаться. Тимур повернул обратно и пошел ему навстречу, построив правое и левое крыло, выслал вперед авангард и на другой день, подойдя к войску врага, стал лагерем. Оба войска провели ночь друг против друга... Когда при помощи бога, войско победило врагов, Тимур двинулся и, дойдя до местности Каурай, стал лагерем. Оставив там обоз и выделив (отборное) войско, он выступил в набег (илгар), отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идила¹, которую Турки называют Туратур, и вслед за врагами дошел до области Укек. По пути он перебил множество врагов и прижал вражеский иль к берегу моря... Большую часть области врагов взяли (в плен), а некоторые, боясь мечей, бросились в воду. Токтамыш-хан с небольшим числом людей бежал, вошел в лес и спасся из их когтей. Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи. ...Победоносное войско, дойдя до города урусов по имени Карасу, разграбило его со всей областью. Мирза Мираншах и Джеханшах-бахадур в погоне за врагом направились направо и многие из эмиров последовали за ними. Они завладели всеми областями их (врагов), которые были направо и главным у которых был Бек-ходжа, – Сараем, Урусом и Урусчуком – и, все разграбив, забрали бесчисленное имущество, мулов, лошадей, верблюдов, быков и баранов и взяли в плен красивых женщин и девушек. Тимур направился к городу урусов по имени Машку² и, сделав набег на все те области, разграбил (их); воины взяли бесчисленную добычу... Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома... Он выступил оттуда, а от Азака до Кубани³ – это область черкесов – луга, которые были по дороге, все они сожгли... После ...: трудностей и тягостей в продолжение 8 дней они дошли до Кубани и несколько дней простояли там.

Рассказ о посылке Тимуром мирзы Мираншаха и Мирзы Мухаммед-Султана против черкесов⁴

В 798 г. (16.X.1395–4.X.1396), который турки называют годом мыши, Тимур дал разрешение Мирзе Мухаммед-Султану, мирзе Ми-

¹ Идиль – Итиль.

² Снизу прописка: Маскау.

³ Куман.

⁴ Другой заголовок: Другие события, которые произошли во время этого похода.

раншаху и эмиру Джаханшах-бахадuru и послал их на черкесов. Мирзы и эмиры отправились и дошли до черкесов, ограбили их, взяли много добычи, вернулись оттуда и встретились (с Тимуром). Тимур, вознамерившись идти на Бурагана, велел вырубить леса и сделать дорогу. (При этом походе) они попали к горе Эльбурз, на горе нашли много крепостей и без числа больших областей, много сражались с врагами веры и взяли бесчисленную добычу из имущества неверных. Они стали там лагерем... Выступив оттуда, они отправились на Кулу и Тауса. Все эти были области эльбурзцев, и крепости их были на вершинах гор, а дороги (к ним) крайне трудны и тяжелы... Крепость же Тауса имела особенно прекрасное высокое строение и приятный климат; стрела не достигала снизу до верху крепости... Многие из области Иркувун были убиты, Кулу и Тауса взяли в плен и, не доставив к Тимур, убили по пути. Много людей было убито и в конце концов роза желанного распустилась на ветвях победы. Тимур выступил оттуда, намереваясь идти на Пулада. По дороге он один день простоял в местности Балкан, снова выступил и дошел до Пулада. Написав письмо, он с братом Удурку послал к Пуладу и сказал: «Следует, чтобы Удурку в скорости пришел к нам, в противном же случае – ведь вот мы уже пришли с большим войском и бесчисленной армией». Прочитав письмо, Пулад сказал: «Удурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока останется один вздох от духа, буду защищать его». Когда Тимур услышал эти слова, то приказал, чтобы победоносные войска прорубили лес на 3 фарсаха пути и, превратив (его) в степь, открыли дорогу. А Удурку занял крепость Капчигай и ущелье и начал игру жизнью. Тимур подошел и начал бой; после большого сражения он вошел в крепость, убил без числа людей из его (Пулада) области и сжег их дома. С правой стороны, от великого Мираншаха от подножия горы Эльбурз прибыл к его величеству гонец и сообщил, что великий мирза, преследуя Удурку, стеснил его и скоро схватит. Тимур тотчас выступил, прошел через гору Эльбурз и стал лагерем в местности Абаса. В этом месте, взяв Удурку в плен и связав, привели к его величеству. Завоевав между тем много областей, он повернул обратно, прибыл к обозу и стал лагерем, а все войско остановилось среди Беш-тага. Тимур, отправившись в набег (илгар), завоевал всю область Симсима. Мухаммед, сын Кыр-бека, собрал свою область и явился к его величеству, а некоторые другие люди области и иля бежали и вошли в неприступные места... Тимур лично отправился

против них, начал бой, завоевал все те крепости и приказал, чтобы жителей их, связав, бросили с крепости вниз. И еще в горах он взял бесчисленные области и ... покорил – даже нет, уничтожил – врагов в таких местах, где Рустем, сын Дастана, оказался бы не в силах... Спустившись оттуда, он сделал набег на предгорье горы Аухар, и войско привезло много добычи, корма и пищи. Оттуда он пошел обратно через Бешкенд и украсил эту область благословениями справедливости и благоденствия. Жители этих местностей (уже) раньше покорились, пришли, получили пожалование (суюргал)... После этого Тимур произвел набег на область Чудур-казак и приказал, чтобы (ее) разграбили. Оттуда он пришел в местность Бугаз-кум и провел там зиму. Вся область Мамукту¹, покорная и подчинившаяся, пришла к его величеству. Затем на островах были области, которые, сделав воду завесой и крепостной стеной, отсиживались; их называли «рыбаки». Отправив войска в набег (илгар), он приказал, чтобы оно напало на них. Согласно приказу оно (войско) прошло по льду и всех подвергло разгрому и грабежу, Тимур, выбрав (отборное) войско и отправляясь в набег (илгар), выступил и правильными решениями и верными распоряжениями завладел Хаджи-тарханом и Сараем. Все постройки Сарая он разрушил и сравнял с землей. Мирза Пир-Мухаммед-бахадур и эмир Джаханшах-бахадур, снарядив войско, отправились в Сарай, разграбили всю внешнюю (бируни) область и снова вернулись к Тимур... Выступив оттуда, он прошел через местность Тарки и дошел до местности Ушкуджан, разослал в разные стороны войска, чтобы делать набеги, а сам стоял в той местности, пока не прибыли войска из окрестных мест с награбленным и добычей (улджай). У области Гази Кумуклук и войска Аухара² был обычай, что они (каждый) год и месяц сражались с неверными; (поэтому) у Тимура было на уме помочь им и оказать поддержку в войне с неверными. В это же время, изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому, на что надеялись от них. Тимур, выбрав 500 всадников в полном вооружении, сделал на них набег и погнал, а Шаукала³, который был предводителем их, Мубашшир-бахадур, в силу своих стараний и мужества, взял и принес его голову к его величеству⁴. (Тимур)

¹ Все области кумуков.

² У области кумуков и войска аваров.

³ Шамхала.

⁴ Взял и привел к его величеству.

приказал привести тех, кто остался в живых, и спросил у них: «Что было причиной того, что вы бросили войну за веру и даже стали помогать неверным». Они признали скверным свой поступок и просили у его величества эмира сострадания и милости. Он простер полу прощения над их преступлениями и протянул подол милости над их злодеяниями. Он дал им всем почетные одежды, удостоил милостями и подарками и приказал: «Возвращайтесь и скажите своим вельможам и эмирам, что если они, подобно вам, признают свою вину, придут к нам и расскажут в своих злодеяниях, то мы их обласкаем и утвердим за ними область». Они ушли, а победоносное войско взяло местность Ушкуджан, сделало набег на его область и устроило холм из убитых. В это время эмиры гази-кумуков, ходжи и вельможи их пришли к его величеству и признали свою вину. (Тимур) обласкал их, простил, дал их эмирам почетные одежды и украшенные драгоценными камнями пояса, а остальных знатных и простых удостоил милостей и подарков, устроил пиры и отпустил всех обратно обласканными, получившими почет и довольными. Он поставил условие, чтобы они по прежнему порядку постоянно вели священную войну с неверными и сильно побуждал их к войне за веру. Все они, веселые и довольные, ушли обратно. Стремление их к священной войне с неверными увеличилось, и они укрепились в вере. Затем была крепость по имени Нергес; (войско Тимура) там также много сражалось, много народу было убито и в конце концов (ее) взяли. Некоторые из них, уйдя на склоны горы, устроили там себе укрепленные места. Войско тотчас село на коней и отправилось. Прибыв (туда), некоторых из храбрых воинов посадили в ящики и на веревках спустили к ним. В конце концов взяли также и ту крепость. Крепость Мика и крепость Балу, обе также были взяты; взяли также крепость Деркелу и оттуда, повернув обратно к обозу, покорили также область Зирих и область Килан, а люди области Кайтаг пришли и просили пощады. После этого (Тимур) приказал, чтобы крепость Дербенд отстроили и сильно укрепили. Оттуда он пошел обратно, и пришел в местность Ширван. Тамошний князь (мелик), Шейх-Ибрахим... после того как он в этом походе проявил мужество и самоотверженность, сделал царские приготовления, устроил великий пир и преподнес девятки (докуз). Выступив оттуда, (Тимур) дошел до берега реки Куры и стал лагерем. Он удостоил Шейх-Ибрахима царскими одеждами, бесчисленными милостями, золотом и драгоценными камнями, шапкой и поясом и по-прежнему передал ему управление

теми владениями. Несколько дней в той местности на троне счастья он занимался удовольствиями и наслаждениями...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 118–120, 121–125.

□ □ □

Из «Книги побед» Шереф-ад-дина Йезди

Шереф-ад-дан Йезди, родом из города Йезда, находился при дворе Шахруха (1404–1447) и его сына Ибрахим-султана (был правителем Фарса с 1415 г., умер в 1435 г.) После смерти Шахруха Шереф-ад-дин поселился в Тафте, около Йезда, где и умер в 1454 г. «Книга побед», законченная в 1424/25 г. в Ширазе, была, по словам Шереф-ад-дана, первоначально составлена Ибрахим-султаном при помощи секретарей и затем обработана в чрезвычайно высоком и цветистом стиле Шереф-ад-дином; весьма вероятно, однако, что роль Ибрахим-султана в составлении «Зафар-намэ» сильно преувеличена Шереф-ад-дином. Источниками «Зафар-намэ» явились: 1) «Зафар-намэ» Низам-ад-дина Шами, план сочинения которого был полностью принят Шереф-ад-дином; 2) описания и дневники отдельных походов, использованных и Низам-ад-дином; Шереф-ад-дин, однако, заимствовал из них многие детали, опущенные его предшественником; 3) стихотворная хроника, составленная уйгурскими писцами Тимура на тюркском языке уйгурским письмом и, по-видимому, называвшаяся «Тарих-и-хана»; 4) устные сообщения современников и участников походов Тимура. Труд Шереф-ад-дина является самым полным сводом данных по истории Тимура. Однако эти данные излагаются с большой долей тенденциозности; в частности, нередко поражения Тимура превращены в победы.

Ниже мы приводим тексты из книги «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (т. II), которые имеют прямое отношение к Дагестану.

Когда кончилась зимняя пора, когда по миру разнесся слух о наступлении армии весны и задвигалось войско зелени и трав, то в начале 789 г. (22.1.1387–10.1.1388), соответствующего году зайца, победоносное знамя могучего Тимура выступило в Берду. Одновременно с этим пронесся слух, что Токтамыш-хан, возмущившись, отправил войско через Дербенд... Под дурным влиянием и соблазнов и худых советов... Токтамыш-хан сошел с правильного пути и, покинув дорогу

дружбы и расположения к Тимуру, обратился к возмущению и восстанию, сделался врагом и, снарядив огромное войско, отправил его в Азербайджан. Когда довели до высочайшего сведения весть (о том), что по ту сторону реки Куры видели отряд какого-то чужого войска, Тимур отдал приказ Шейх-Али-Бахадуру Ику-Тимуру, Осман-и-Аббасу и нескольким другим эмирам и воинам перейти чрез реку Куру и разузнать о положении дела... Когда эмиры, которые отправились ранее, перейдя через реку Куру, подошли к неприятельской армии, то выяснилось, что это войско Токтамыш-хана... Нападая справа и слева, славные храбрецы силою счастливой руки и ударами молниеносного меча стали истреблять врагов. Так как у неприятелей нога стойкости ушла с места¹, то они обратились в бегство; победоносное войско, преследуя их, загнало их за Дербенд и многих из них взяло в плен. Этих пленных Мирза Мираншах, связав, отправил ко двору Тимура...

Сборник материалов... С. 151-152.

Рассказ о походе Тимура с войском против Токтамыш-хана во второй раз

В конце зимы (797 г. = 27.X.1394 – 15.X.1395), когда армия зелени по приказу султана весны, придя в движение, победоносно выступила в степь и от блеска прибытия справедливого царя весны совершенно распалось основание несправедливого войска зимы, укрепляющее мир мнение Тимура пришло к решению повести войско в сторону Токтамыш-хана и снова наказать его, чтобы он в другой раз не выдвигал ноги самообольщения из пределов своей силы и мощи... Тимур в воскресенье 7 джумади 1 797 г. (28.II.1395) поднял знамя выступления... Пройдя Дербент и прибыв в Дешт-и-Кипчак к Токтамыш-хану, он (Шемс-ад-дин Алмалыги – Б.А.) представил ему письмо Тимура и в красивых и красноречивых выражениях изложил слова его величества. Это сильно подействовало на ум Токтамыш-хана, и он, высказав готовность помириться, хотел рукою добрых отношений уцепиться за полу извинения, от всей души поставить ногу повиновения на путь согласия и сделать так, чтобы пыль вражды между (ними) исчезла. Эмиры его, вследствие крайнего невежества и упорства, оказали сопротивление, внесли смуту в это дело и рукою спеси и прахом несча-

¹ Они не могли выдержать натиска.

ствия наполнили источник счастья благодетеля¹ и глаза собственного благополучия Токтамыш-хан вследствие речей этих несчастных, сойдя с пути истины, ушел в пустыню гордости и самообольщения, посеял семена горя и смятения, и в ответе своем на письмо Тимура написал грубые выражения. Затем, надев на Шемс-ад-дина Алмалыги халат, он отослал его назад². Когда последний прибыл к реке Самур в царский стан и, исполнив обряд целования земли, представил письмо Токтамыш-хана, Тимур чрезвычайно разгневался на тот неприличный ответ и отдал приказание о смотре войска и приведении в порядок армии.

Рассказ о смотре, который Тимур сделал победоносному войску

Река Самур протекает у подошвы горы Эльбурза и оттуда до моря Кулзум³ пять фарсахов. Согласно приказанию войска, двинувшись в совершенном порядке, выстроились в линию таким образом, что крайний фланг (канбул) левого крыла находился у подошвы горы Эльбурза, а крайний фланг правого крыла на берегу моря Кулзум. Такого значительного по численности и многолюдству войска никто не видел со времени Чингиз-хана, а по части великолепия и снаряжения никто не читал и не слышал подобного в рассказах о царях Аджема⁴... Когда они прошли через Дербенд, то у подножия горы Эльбурза оказался народ из числа сторонников Токтамыш-хана, который называли кайтаг... Тимур отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных. Войско, подобное судьбе, внезапно бросилось на них и так потрепало края и стороны их, что из тысячи не спасся и один, всех ограбили и деревни их сожгли. Токтамыш-хан отправил послом к Тимуру человека по имени Уртак. В это время он подошел к стану царскому и когда увидел многочисленность победоносной армии, то, пораженный и испуганный, с полной поспешностью вернулся и уведомил Токтамыш-хана, что Тимур с громадным войском, устроив свой авангард и центр, уже подошел. У Токтамыш-хана при этом известии пошел из головы дым смущения, и он отправил Казанчия с большим войском в

¹ Т.е. Токтамыш.

² Адб. здесь следует Низам-ад-дину.

³ Т.е. Каспийского.

⁴ Т.е. древнего Ирана.

качестве авангарда¹. Когда Тимур со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился там лагерем, до сведения его довели, что авангард Токтамыш-хана (под начальством) Казанчия остановился на берегу реки Хой². Тимур лично с отборным войском ночью отправился в поход и утром, как ветер переправившись через реку, напал на них, ударами сверкающего меча истребил презренных врагов, обагрил поверхность степи и равнины кровью неприятелей и зеленью (?) меча заставил на побеге счастья распусться бутону победы. Оттуда миро-завоеватель с победоносным войском своим двинулся дальше и, придя на берег реки Сундж, остановился, а Токтамыш-хан, собрав свое войско на берегу реки Терек и выставив вперед туры арбы и...³ укрепил свою позицию и приготовился к бою..., войско его (Токтамыш-хана – Б.А.), бросив (заградительные) окопные щиты (чапар) и обратясь в бегство, отступило. Тимур с войском, найдя брод, перешел через реку Терек, а Токтамыш-хан, дойдя до реки Курай, остановился и занялся собиранием остатка своего войска. Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов... В это время сторожевые посты доставили известие, что Токтамыш-хан вторично привел войско и по берегам реки идет вслед за победоносным войском. Тимур, устроив правое и левое крыло, центр и фланги победоносного войска, повернул назад и двинулся на них вверх по реке. Когда расстояние между обеими сторонами стало близким, во вторник 22 джумади II 797 г. (14.IV.1395), соответствующего году свиньи, они расположились одна напротив другой...

На другой день в среду утром, войско с обеих сторон с громкими криками пришло в движение... храбрецы войска (Тимура – Б.А.) подобно судьбе, каждый на своем месте, отдали долг храбрости и мужества и благодаря счастливой судьбе несравненного Тимура сразу разбили войско неприятелей, всех их рассеяли и разогнали. Токтамыш-хан с царевичами Джучиева рода, эмирами и нойонами, показав тыл, обратились в бегство и много воинов их было убито....

[Преследуя Токтамыш-хана войска Тимура переправились через Итиль]. В тот день несчастным, с одной стороны, угрожали удары

¹ Послал Каранчи с авангардным войском для охраны переправы через реку Кой-су.

² Койсу.

³ Непонятное слово.

губителя-меча, а с другой – волны-кровопийцы Итиля. Большую часть их взяли в плен, а немногие из них бросились на плотках в воду и переправились на ту сторону Итиля. Токтамыш-хан бросил ханство, дом и все, что имел, явное и скрытое, и, опасаясь за жизнь свою, с несколькими людьми бежал, ушел в сторону Булара¹, в лесистую местность... Победоносная армия и в этот раз ограбила большую часть Дешт-и-Кипчака.

[Ограбив и разорив многие места, войска Тимура дошли до Азака, а оттуда пошли к Кубани, где простояли несколько дней, затем] ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу и, благополучно возвратившись, удостоились чести целования ковра.

[Освободившись] от дел с областью русских и черкесов, [Тимур] «повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных, [войска Тимура] направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов². На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, (Тимур)... с целью джихада взшел на гору Эльбурз. В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры и во всех делах победоносное войско (его)... одержало победы многих из тех неверных, предав мечу джихада, отправили в огонь гонимы, разорили их крепости...

Тимур, снова оставив обоз, двинулся... к крепости Кулы и Тауса. Они также принадлежали к племенам обитателей Эльбурза. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, ... в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела не долетала до нее. Тимур ... приказал сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив их на первый уступ горы, несколькими храбрецам забраться по ним наверх, втащив лестницы, поставить на второй уступ, взойти наверх, снова втащив, поставить на третий уступ горы, на котором находится крепость. Те храбрецы, простившись с жизнью и обнажив мечи, один за другим взобрались по лестницам. Другая группа смельчаков, решившись пожертвовать жизнью, наверху той же горы опоясалась канатами, концы канатов прикрепили к вершине горы и с огненными мечами спустились до места, находившегося против крепости. Оба отряда согласованно сверху и снизу

¹ Т. е. Польша.

² Осетины.

нападали (на крепость). Сколько ни бросали (из крепости) стрел и камней и сколько ни гибло храбрецов, другие верующие смельчаки, благодаря счастливой судьбе могущественного Тимура, храбро принимались за это дело. Жители крепости, видя эту небесную и земную беду, сверху и снизу спускающуюся и поднимающуюся, оробели и растерялись. Храбрецы победоносного войска овладели таким образом этой крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней. Взяв Кулу и Тауса, которые были предводителями той крепости, они убили их. Оттуда победоносное знамя двинулось к крепости Пулада, в которой укрылся Утурку, один из старших эмиров Джучиева улуса. По дороге они один день провели в местности Балкан... Откочевав оттуда, они благополучно отправились (дальше). Чтобы вызвать предлог, (Тимур) написал Пуладу письмо и отправил его с братом Утурку¹. Содержание письма и послания таково: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, если же нет, то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». Когда это письмо пришло к Пуладу, то он из-за уверенности и неприступности своей крепости ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, и пока (у меня) душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его». ...Крепость находилась в чрезвычайно недоступном ущелье, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, мечом джихада уничтожило многих из этих заблудших. Утурку бежал и ушел в ущелье горы Эльбурз. Победоносное войско Тимура разграбило и сожгло дома их и взяло бесчисленную добычу. В это время кто-то принес известие, что три отряда неверных, убежав, взошли на склон горы и стоят (там). Тимур двинулся против них, и войска, подобные судьбе, вступив в бой, взяли их в плен и сожгли всех этих обреченных в ад. С правого крыла мирза Мираншах прислал известие: «Мы гонимся за Утурку и вошли в горы Эдьбурза в местности Абаса»². Тимур благополучно выступил в поход, прошел через перевалы и ущелья горы Эльбурза и расположился в Абасе. В этом месте, схватив и связав, Утурку привели ко двору Тимура, и был издан приказ, чтобы его в оковах держали в заточении. Победоносное вой-

¹ Брат Утурку находился при дворе Тимура.

² Аяса.

ско, ограбив многих жителей этих мест, под сенью победного знамени отправилось назад и прибыло в высочайшую орду. Могущественный Тимур со своими победоносными войсками несколько дней пробыл в Баш-таке и окрестностях его.

Рассказ о походе Тимура на Симсим и крепости неверных, которые были там

Тимур-завоеватель стран с победоносными войсками быстрым походом (алгар) двинулся на Симсим и, благополучно прибыв туда, благодаря возрастающему счастью овладел всем этим улусом. Мухаммед, сын Гаюр-хана, повязавшись поясом повиновения и послушания, пришел со своим илем к подножию высочайшего престола и, удостоившись чести целования ковра, вступил в число слуг двора. Другая группа жителей этих мест бежала и, укрывшись в горах, ушла в такие недоступные места, куда и пеший с трудом мог добраться. Тимур лично отправился против них, и когда взошел на те горы, победоносное войско, отважно вступив в бой, овладело всеми этими крепостями. Жителей тамошних, по приказанию Тимура, связав, сбросили с горы. В той горной области они взяли много владений... (Тимур) благодаря своему счастью и умным распоряжениям, взял в плен и уничтожил неприятелей и овладел крепостями. Один-два дня огонь гнева его так пылал, что сжег и сухое и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их. Спустившись оттуда, он сделал набег на подножие горы Аухар, и воинам досталась большая добыча. Оттуда Тимур повернул назад и направился к Бешкенту... Отправившись оттуда, Тимур напал на область Чутур-казак. Предав всех заблудших, живших в этих великих горах, сожигающему зло мечу, бойцы за веру победоносного войска разорили иль чутур-казакский, овладели большой добычей и захватили также множество меду. Оттуда (Тимур) прибыл в местность Бугаз-кум и расположился на зимовье. Все жители Мамкуту и Гази-кумук покорно и в полном подчинении прибыла ко двору Тимура, заявили о рабском служении и послушании и удостоились царского благословения. Среди островов было много мест, на которых люди, полагаясь на воду и сделав ее себе укреплением, проявляли пренебрежение и упущение в изъявлении (готовности) службы и подчинения. Людей этих называют балыкчиян, то есть рыбаками. Тимур отправил в быстрый поход (илгар) отряд для истребления их. Так как было зимнее время и реки покрылись льдом толщи-

ною более чем в два гяза¹, то удалцы прошли по льду, напали на все эти острова, овладели ими, ограбили тех (людей) и забрали в плен, затем победоносно вернулись и прибыли в высочайший стан.

Рассказ о нападении победоносного Тимура на Хаджи-тархан и Сарай

Когда Омар-и-Табан, один из слуг Тимура, который согласно приказу занимался управлением Хаджи-тархана, заметил проявление враждебности со стороны тамошнего старшины (калантар) Мухаммеда доложил об этом у подножия высочайшего трона, то Тимур обратил высокое внимание на разрушение и уничтожение Хаджи-тархана и Сарая, оставив мирзу Мухаммед-султана, мирзу Мираншаха, эмира Хаджи-Сейф-ад-дина и других эмиров при обозе, а сам отправился в набег (илгар)... подойдя близко к Хаджи-тархану, Тимур с немногими людьми из своих приближенных, утром, прежде победоносного войска, поскакал к Хаджи-тархану. Правитель тамошний, Мухаммеда, поневоле вышел навстречу, и его величество отправил его с мирзой Пир-Мухаммедом, эмиром Джеханшахом, эмиром Шейх-Нур-ад-дином, Тимур-ходжа-и-Ак-Бугой и с войском по направлению к Сарая. Тимур вошел в Хаджи-тархан и после раскладки (хавале) денег² за пощадку и получения их, все что в нем было одушевленного и неодушевленного (имущества) подверглось разграблению. Упомянутый царевич и эмиры переправились через реку Итиль по льду и согласно приказанию отправили Мухаммеда под лед, где он сделался добычей рыб. Победоносное войско взяло Сарай и, подложив огонь, сожгло его. Племена и кочевники тех местностей они по большей части ограбили, погнажи (перед собой) и привели их. Разрушение Сарая было мстью за дерзость, которую дештские войска проявили в разрушении Зенджир-сарая, ибо они в то время, когда Тимур был занят завоеванием Фарса и Ирака, напали на опустевший Мавераннахр и разрушили дворец Казан-Султан-хана, известный под именем Зенджир-сарай; поэтому-то Сарай таким образом был перевернут вверх дном. Выселив всех жителей Хаджи-тархана, город сожгли, и Тимур с войском вернулся на зимовье...

¹ Гяз, перс. мера длины, значение которой колебалось по месту и времени от 0,7 до 1 м.

² Т. е. выкупа.

Рассказ о возвращении Тимура из Дешт-и-Кипчака и северных стран

Когда все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены, когда подобные небосводу войска, сделав набег на области и места того края — (земли) Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся, — выказали свою силу и полную власть, ... Тимур-завоеватель в начале весны 798 г. (16.X.1395—4.X.1396), соответствующего году мыши, благополучно выступил из зимовья Бугаз-кум и направился в сторону Дербенда и Азербайджана. Переправившись по льду через реку Терек и придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже¹. По прибытии (туда), победоносное войско окружило Ушкудже, расположилось там, и войны поспешили отправиться во все стороны громить и грабить. В это время Шаухкл² Казикумукский и Аухарский с 3000 человек шел на подмогу жителям Ушкудже, не смотря на то, что у них прежде было обыкновение постоянно вести газават против северных этой местности. Узнав о приходе их, сторожевые посты правого крыла довели об этом до сведения Тимура. Он с 500 отборными всадниками в полном вооружении пошел им навстречу. Те расположились за холмом и пустили лошадей на пастбище. Тимур сам один взошел на вершину холма, осмотрел и, поспешно спустившись с него, сообщил (об этом) победоносному войску. Удалцы бросились на них и, предав мечу большую часть, разграбили их. Мубашшир-бахадур добрался до Шаукала, который, страшась за жизнь свою, пешком взошел на гору. Знаменитый удалец (Мубашшир) одним ударом стрелы заставил его упасть с этой вершины. Отрезав ему голову кинжалом злобы, он принес ее к Тимуру. Некоторых из них взяли в плен и привели живыми. Тимур с упреком спросил их: «Прежде вы, приверженцы ислама, всегда воевали с неверными; что стало теперь, что вы, отступив от этого, шли к ним на помощь». Они все сознали свою вину, осудили свой дурной поступок, смиренно и униженно стали умолять о прощении и помиловании и просили пощадки. Милость царская простерлась на них, и он (Тимур), проведя черту

¹ Ускиша — Усиша.

² Шаухал — огнепоклонник, титул феодального владетеля.

прощения по спискам преступлений их, пожаловал всем халаты и подарки и дал позволение вернуться в свои места с тем, чтобы они общили своим старшинам (калантар) и вельможам (бузург) следующее: «Если вы искренне и твердо идете по пути веры, то немедленно приходите, выкажите раскаяние в своем дурном поступке, дабы я всех удостоил милости и ласки и укрепил за вами (это) владение». Когда Тимур вернулся в победный лагерь, войска ... (уже) взяли Ушкудже, всех тех неверующих убили мечом джихада, из убитых сделали холмы и опустошили всю их область. В это время старшины (калантары) казикумукские и аухарские вместе с тамошними казиями и вельможами (акабир) прибыли ко двору Тимура, признали свою вину и проступок, калялись и просили прощения и выполнили обычай подчинения и службы. Тимур ... обласкал их разными милостями – почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями – и дал им такое наставление: «Вы по прежнему порядку должны всегда воевать с врагами веры и держать обнаженным меч мести для утверждения ислама, твердо помнить неоспоримый текст: «воюйте по пути аллаха»¹, начертать на доске мыслей изречение: «убивайте их, где встретите»² и ни в коем случае не пренебрегать достижением этой заслуги». Утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад. Благополучно выступив оттуда, он направился к крепости Нергес и по прибытии туда взял ее с бою. Победоносные воины ... разграбив крепость, сравняли ее с землей. Большая толпа неверных ушла на склоны и в пещеры горы и укрылась в норах и расселинах, находившихся среди высоких гор. Тимур направил силу и могущество на истребление их и отдал приказание уничтожить их. Несколько удальцов с военным снаряжением сели в ящики, и их спустили с вершины горы (до мест, приходившихся) против тех склонов и нор, где укрепились те заблудшие. Ударами дротиков и стрел они истребили тех несчастных и таким образом одолели всех неверных, укрепившихся на неприступных высотах, и ограбили все их добро и имущество, малое и большое, простое и драгоценное. «И был уничтожен до последнего народ бесчинствующей; хвала аллаху – владыке миров»³. Укрепления Мика, Балу и Деркелу они также взяли силой, сравняли с землей и предали грабежу все, что там было. Оттуда

¹ Коран, II, 205.

² Коран, II, 187.

³ Коран, VI, 45.

они благополучно, невредимо и с добычей возвратились к царскому обозу. Когда все крепости и области на той стороне горы Эльбурза, которая обращена к северу, ... были покорены и очистились от скверны присутствия неверных и врагов веры, победоносное знамя с торжеством двинулось дальше. Победоносные воины, веселые и счастливые, шли каждый с пятью-шестью стройными, как кипарис, и прекрасными, как розы, девушками в объятиях и с огромной добычей на арбах. Все жители и области Зирихгеран встретили царственный поезд подчинением и повинованием и поднесли ему множество брони и кольчуг. Милость царская удостоила их разных почестей и наград. Народ кайтагский также покорился и просил помилования; милосердие царское простерлось и на них. Под покровительством Божиим Тимур-завоеватель прошел через Дербенд Бакинский и приказал возобновить и укрепить тамошнюю крепость, что согласно приказанию и сделали... Правитель Ширвана (Ширванат) Шейх-Ибрахим, который в этом походе сопровождал его величество, несколькими днями ранее испросил разрешение, прибыл в Шабран и занялся устройством и приготовлением провианта (тузгу) и даров. Когда победоносное знамя прибыло туда, он (Шейх-Ибрахим) выполнил обычай приношения даров и обязательство службы. Тимур выступил оттуда и через несколько переходов, пройдя через Шемаху, остановился на берегу реки Куры. В этом месте Шейх-Ибрахим устроил соответствующий пир, преподнес приличествующие дары и выполнил обязанности хорошего слуги так, как постоянно (исходило) от этого счастливого друга державы. Поэтому царская милость удостоила его бесчисленных наград и возвысила его положение пожалованием ему личного халата и украшенного драгоценными камнями пояса. Главных из его приближенных и близких он (Тимур) также пожаловал приличествующими халатами и по прежнему укрепил за ними Ширван (Ширванат) с принадлежащими к нему (местностями) и приказал, чтобы он хорошо охранял Дербенд и следил за границей. Тимур-завоеватель несколько дней провел в этой приятной местности в наслаждениях и удовольствиях, в радости и весельи, благополучно выступил оттуда, и, перейдя через реку Куру, расположился в местности Ак-там...

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 151–152, 173–176, 178, 180–187.

□ □ □

О приходе иноземных завоевателей в Шибяхъша

Сел. Урахи (Сергокалинский район) образовалось в результате объединения жителей 7 поселений. Одно из этих поселений под названием Шибяхъша (Верхнее селение) находилось на горе Ганзе бяхъ (между образовавшимися впоследствии урахинскими хуторами Н. Махарги и Сугурбаши). Поселение занимало территорию в 150 метров длиной и 15-20 метров шириной. С двух сторон поселения, там, где были узкие места, шириной в 4-5 метров, находились крепкие ворота, через которые только и можно было попасть в поселение.

Сохранилось предание, что давно в Шибяхъша с целью захвата и разорения его, грабежа и покорения жителей приходили какие-то многочисленные завоеватели. Окружив поселение, завоеватели днем и ночью пытались взять его.

Жители Шибяхъша закрыли свои крепкие ворота, собрали много камней и каждый раз, когда враг пытался штурмом взять поселение, женщины, старики и дети со словами «Эй, непрошенные гости. Это от нас подарки», бросали их на врагов. Много завоевателей было убито молодежью поселения, вооружившимися луками со стрелами. Завоеватели, видя, что силой захватить поселение им не удастся, что они имеют дело с храбрым народом, который невозможно покорить силой, решили пойти на хитрость. Они подумали, что в верхней части поселения нет воды и, окружив его со всех сторон, в течение месяца держали в осаде. Однако и это им не помогло. Когда вражеские сторожевые ночью засыпали, молодые храбрецы поселения ходили с кувшинами за водой в местность «Шантела Гиниз» и обеспечивали ею сельчан. Мудрые же старейшины посоветовали всем сельчанам собрать в одном месте в верхней части поселения все масло и мед, которые имелись в их домах. Это место было видно завоевателям и отсюда жители поселения вылили все собранное. Издалека казалось, что здесь протекает целая речка. Враги, увидев это, удивленно стали говорить: «Оказывается в их селении имеется источник воды». Обозленные и ругаясь между собой из-за своего бессилия взять поселение, завоеватели вынуждены были прекратить осаду и уйти.

Исаев А. Сведения по истории урахинцев // Замана. 1 января 2000 г.

□ □ □

Аксак-Темир кумыкская легенда

У амира Тарагая родился сын с зажатой в руке сгустком крови. Тарагай отнес сына к шейху Шамсудину. Как ни пытался Шамсудин разжать руку ребенка – не мог. И тогда он назвал его Темир-Железный.

На седьмом году Темир, играя со сверстниками, повредил ногу и стал хромым. Товарищи прозвали его Аксак-Хромой.

Прошло двадцать лет. Воины подняли на белой кошме Аксак-Темира, и он стал прозываться Аксак-Темир-хан.

Прошло еще двадцать лет, и Аксак-Темир-хан завоевал себе славу великого амира – вождя, имеющего под своим началом несметные полчища войск, он стал Кутоуль-аридином – «Главой знающих».

Объявив себя джеханширом – властителем мира, Аксак-Темир, как испепеляющий смерч, пронесся по земле, разрушая города, уничтожая племена и народы. Всюду, где вступала его железная пята, оставались развалины. Где проходил Аксак-Темир, там умолкал смех детей и раздавались стоны; кровь и пепел покрывали землю, гарь и смрад отравляли воздух.

Воздвигая памятники из человеческих костей и черепов, Аксак-Темир добывал себе славу слезами детей и вдов.

Не ожидая, когда потомки прославят его имя в веках, он приказал завести «Историю подвигов». Ее писали самые мудрые из его приближенных и самые талантливые из его поэтов. Но потомки забыли «Историю подвигов» – они помнят дружбу, чего не может стереть из их памяти даже время.

Темиргое, Темир-Хан-Шура, Темир-Иол – вот следы пребывания железных полчищ «властителя мира», в Дагестане. Их не затемнили века. И все, что не записано в «Истории подвигов», записано в людских сердцах, умеющих равно хранить и доброе и злое, если что касается их родины.

Фатуев Р. Дыхание гор. Легенды. М., 1969. С. 5–6.

□ □ □

Золотой престол

...Аксак-Темир вел свои войска к подножью Эльбруса для встречи с Тохтамышем, ханом Золотой Орды, возмнившим себя соперником Железного Хромого...

...Куба и Шемахи выказали свою покорность, и Аксак-Темир, приняв от них дань, спешил продолжить свой путь к «Золотому престолу», как арабы называли Дербент.

Он хотел скорее вступить в эту «кавказскую Мекку», о которой не уставал спрашивать Кун-Сабира¹...

«Баб-ул-Аббаб – «Ворота ворот». Это имя города Дербента, или Дербент-Ширвана. Баб-ул-Аббаб расположен на Табасаранском море, он более велик, чем Ардебиль. Вокруг города есть каменная стена, простирающаяся по длине горы, через нее невозможно проникнуть в мусульманские страны. Кроме того, часть этой стены впадает в море и препятствует кораблям приближаться; ее построил Ануширван. Этот город – важная граница ислама, он окружен врагами различных племен».

Аксак-Темир еще в детстве слышал сказание о городе на море, построенном Искандером Великим, и мечтал побывать в нем, чтобы увидеть крепостные стены с тремястами шестьюдесятью башнями. Аксак-Темир спрашивал о Дербенте и шейха Ибрагима², также много знавшего об этом городе.

Когда враги приближались к Дербенту, – говорил шейх Ибрагим, – жители его зажигали на Дзыбе костры, видимые даже в Азербайджане. На защиту Дербента отовсюду стекались народы, запирались за его стенами и держали осаду. Взять Дербент так же трудно, как вычерпнуть воду из моря...

Необыкновенные рассказы о Дербенте только разжигали у Аксак-Темира нетерпение скорее овладеть им и назвать его своим.

Приближаясь к Дербенту, Аксак-Темир все чаще смотрел вдаль: не покажется ли пламя? Но огня не было. Вот уже близко стены города, а костров все не видно.

«Уж не выслал ли дербентский султан послов?» – подумал Кун-Сабир. Но послы не ехали. Аксак-Темир проявлял нетерпение и готовился к большому сражению...

Аксак-Темир, привыкший к изъявлению покорности только при одном своем появлении, был удивлен молчанием дербентского правителя. Три дня ждал он прибытия послов, но никто не являлся. Тогда он

¹ Кун-Сабир – поэт, ученый, летописец «Истории подвигов» Аксак-Темира.

² Шейх-Ибрагим – правитель (ширваншах) Ширвана.

послал Убайдулла¹ с пятью воинами к Баб-ул-Джигаду – «Воротам воинов за веру» – объявить свое решение дербентскому хану.

Воины подъехали к Баб-ул-Джигаду, скрестили копья и, положив на них щит, подняли на нем чауша². Чауш протрубил в рог. Глухое эхо разнеслось за стенами крепости. Никто не отозвался на призыв. Стены были пусты.

Чауш протрубил вторично. И – опять тишина. Похоже – город вымер.

Тогда чауш громко закричал:

– Слушай, Дербент, слушай! У ворот твоих стоит рожденный под счастливым сочетанием планет великий эмир, повелитель мира Тимур-Ленг, поставленный пастырем народов и венчанный на царство самим всевышним.

Чауш кричал, поворачиваясь из стороны в сторону:

– Слушайте слова, которые говорит вам воин за веру Ал-Молат, житель степей!... Неудержимый в гневе своем, Тимур-Ленг безграничен в своей доброте, ибо гнев и доброта воздаются тем, кто их заслужил. Не вызывайте Тимура-Ленга на гнев, не навлекайте на себя бед и несчастий. Поздно приносить раскаяние, когда будет пущена стрела возмездия. Откройте ворота вашего города, как и ваши сердца. Тимур-Ленг идет покарать дерзкого Тохтамыша, и никто не может служить ему препятствием. Не опасайтесь; Тимур-Ленг не обижает покорных!

Чауш замолчал. Над «Воротами воинов» неожиданно во весь рост встал худой старик с поднятым над головой луком. Он держал лук тетивой вверх, на тетиве висела сломанная надвое стрела.

По рядам войска пронесся гул голосов, Многие воины, подняв щиты плашмя, ударили по ним мечами. Гул перешел с долин на холмы, с холмов – в горы и дальше – в ущелья. Кони, заслышав звон металла, нетерпеливо задергали удила.

Аксак-Темир взошел на взгорье – взглянуть в сторону Дербента, Его острые скулы стали еще острее, а глаза – еще уже: он сдерживал в себе крик радости и торжества.

Среди криков явственно слышался грохот падающих камней, – дербентцы отваливали каменные глыбы от железных крепостных ворот.

¹ Убайдулла – начальник тысячных отрядов тимуровских войск

² Чауш – глашатай.

Убайдулла и посланные с ними воины, держа коней под уздцы, стояли около «Ворот воинов» с той и с другой стороны.

И вот железом окованные ворота, с тягучим скрипом распахнулись. Из ворот вышло трое дербентских старейшин, с зелеными чалмами поверх низких папах. Они несли обнаженную саблю и серебряное блюдо с куском хлеба, кистью винограда.

– Бог велик! – сказал Убайдулла и первый поклонился старейшинам.

Аксак-Темир въехал в Дербент через «Ворота воинов», приспустив повод и склонив голову на грудь. Проезжая, он увидел по бокам ворот две колонны с изображением львов, под колоннами – два широких камня с львицами, а над аркой – голову тигра. Он вспомнил рассказы Кун-Сабира о воинах, входящих в Дербент через Баб-ул-Джигад: «Кто прошел под ними, – говорил Кун-Сабир, – тому суждена удача».

Аксак-Темир всегда осмотрительный в своих поступках, на этот раз не смог преодолеть в себе желание скорее попасть в заветный город. Правда, дербентские старейшины объяснили: кто сидит на Золотом престоле, тот не может оставлять его даже для встречи такого человека, как он – Аксак-Темир. Так заведено с давних времен, и они – старейшины – просят не нарушать обычая. Аксак-Темир, привыкший во всем видеть хитрость и обман, все же согласился на просьбу старейшин.

Он оставил Мухаммеда и Шахруха¹ с войском; с ними остались и дербентские старейшины. Верхние и Нижние ворота – Баят-Капы и Дубары-Капы – он приказал открыть. Вот и все предосторожности, какие принял Аксак-Темир. Впервые он ехал сам к правителю завоеванного им города, не требуя, чтобы тот прибыл к нему. Убайдулла, хорошо знавший своего грозного повелителя, немало удивился такому решению.

Дорога от Баб-ул-Джигада до Нарындж-Кала – дворца дербентского властителя – была застлана слепящими глаза коврами.

По одну сторону Аксак-Темира ехал Кун-Сабир, по другую – шейх Ибрагим, позади – военачальники и среди них палач эмира Аранцула, с обнаженным мечом на плече, с орлиной головой на шлеме.

Дорога крутыми изгибами поднималась на остроконечную гору,

¹ Мухаммед и Шахрух – сыновья Тимура.

вершину которой обнимали зубчатые стены. Освященные полуденным солнцем, они горели ярким светом, словно корона, брошенная на зеленое поле.

Вдоль всей дороги – на оградах, на кровлях и крышах мечетей – всюду теснились люди в разнообразных одеждах. По ним можно было узнать кайтаков, табасаранов, аваров, кумыков, армян, грузин, персиян, – в одежде каждого была своя особенность. Среди мужчин стояли женщины в длинных, пропитанных маслом одеждах, с украшениями на головах: у одних на черной повязке висели монеты, у других – крупные бусы из цветных камней, у третьих – серебряная цепь. Кругом слышался сдержанный говор на десятках разных языков.

Кун-Сабиру, внимательно следившему за всем, показалось, что город до отказа набит людьми, – их так много, что им негде даже поместиться. Волы и кони, прижатые к стенам, не могли двинуться с места, и только ослы, не обращая внимания на людей, двигались среди толпы, увеличивая этим толкотню и суматоху, какая царила вокруг.

«Обрушить две тысячи стрел, и ни одна стрела не упала бы на землю», – подумал Аксак-Темир, глядя на толпы людей, и в душе у него зашевелилось что-то вроде досады на себя. К нему пришла победа, но не тем путем, каким он хотел бы. Но тут же Аксак-Темир вспомнил о Тохтамыше, и досада сменилась чувством удовлетворения и радости. «Мне еще будет нужна каждая стрела и каждый воин!» – подумал он, сжимая крепче коленями бока коню и наклоняясь вперед. Подъемы становились круче, и конь брал их рывками.

Изгибы дороги делались все меньше и меньше, и вот конь Аксак-Темира вышел на ровную площадку, выложенную большими гладкими плитами. Около остроконечной арки плечом к плечу стояла ханская стража в круглых каракулевых шапках с отброшенным назад цветным верхом. Кривые кинжалы и сабли, украшенные серебром и золотом, висели па каждом; одни держали копыя, другие – луки.

Аксак-Темир проехал по разостланным коврам к арке и, прежде чем трое воинов хана приблизились к нему поддержать стремя, уже стоял на ногах. Не глядя ни на кого, сильно прихрамывая, направился он к распахнутым настежь воротам Нарындж-Кала. Поднялся по ступеням на двор, красота которого поразила его. Белизна камня, каким были отделаны здания, фонтан, бассейн, высеченные на них узоры и надписи, цветущие розовым цветом деревья казались созданными волшебником, а не человеческими руками.

Когда же Аксак-Темир вошел в ханский дворец, что стоял налево

от входа во двор, он увидел, сколько богатств собрано под его сводами. Стража склонилась перед грозным амиром в низком поклоне и оставалась неподвижной, не смея поднять глаз даже тогда, когда проходили Кун-Сабир и шейх Ибрагим.

Аксак-Темир вошел в большой светлый зал.

Прямо перед ним на Золотом престоле восседал дербентский властитель ильхан Манучер Абу-Сеид, последний потомок третьей династии ширваншахов.

— О всемогущий амир Тимур! — воскликнул ильхан Манучер, вставая. — Взойди на Серир-ал-Догаб и возьми нас под сень своего меча! Тебе, рожденному под счастливым сочетанием планет, принадлежит этот престол. Воссядь на нем и выслушай нашу смиренную просьбу.

— И ильхан Манучер покинул престол.

Аксак-Темир, хромя больше, чем обычно, поднялся к стоящему на возвышении низкому золотому трону и сел на него.

Ильхан Манучер упал на колени.

— О Тимур! — воскликнул он. — Ты предназначенный самим всевышним управлять государствами и народами, сделай Дербент своей опорой в борьбе с врагами, идущими на тебя со стороны ночи!

Ильхан Манучер продолжал говорить льстивые высокие слова, каких Аксак-Темир слышал немало. Они никогда не смягчали его сердца. Стараясь не слушать, он с пристальным вниманием следил за всем, что делалось вокруг.

Ильхан Манучер говорил о прошлых властителях Дербента, о немеркнувшей в веках славе города:

— Наше смиренное к тебе обращение, о Тимур! Не предавай огню и разрушению Дербент, пощади его жителей, единых с тобой по вере и верных тебе по мыслям и желаниям... Пусть победное войско твое, о Тимур, пройдет через ворота одной стены и выйдет через ворота другой...

В глазах Аксак-Темира вспыхнули искры. Взгляд его пробежал по золоту персидской парчи, по спадающим складкам шелка, по драгоценному оружию, развешанному по стенам, по белым коврам, заглушающим людские голоса и шаги. Аксак-Темир наклонил голову и устремил взгляд на лежащего у него в ногах властителя Дербента.

— Встань! — глухо сказал Аксак-Темир.

Ильхан Манучер поднялся.

— Что тебе нужно от меня? — спросил Аксак-Темир.

— Не разрушай Дербента. Пройди из одних ворот в другие. Сохрани имущество и жизнь его жителей.

— Ни один камень не упадет с этих стен. Ни один ягненок не делается добычей. Мое войско войдет с востока и уйдет с запада.

Ильхан Манучер поклонился.

Но ты, Ильхан Манучер, сын Абу-Сеида, — продолжал Аксак-Темир, — развеявший славу ширваншахов по ветру, не будешь больше владыкой Дербента.

Ильхан Манучер вздрогнул. Тучное тело его осело, а жирное крупное лицо обмякло и сморщилось. Он поднял руку к бороде, но рука не дотянулась до нее — повисла плетью.

— Воин должен управлять Дербентом, а посмотри, кем сделался ты! — Аксак-Темир показал на парчовые занавесы. Ты торгуешь проходом через ворота Дербента, собирая дань с купцов. Роскошь убила в тебе воина, а корысть — совесть. Твоя сила не в тебе и не в твоих войнах, а в твоих стенах. Если ты, скрываясь за ними, не решился на защиту города, ты — ничтожен. Достаточно ста воинов, чтобы удержать тысячу, достаточно тысячи, чтобы удержать сто тысяч!

— О могучий амир Тимур! — воскликнул Манучер. — Твое имя одержало победу над Дербентом!

Аксак-Темир встал и, не слушая ильхана Манучера, обратился к шейху Ибрагиму:

— Подойди сюда.

Шейх Ибрагим вышел вперед.

— Займи Золотой престол, — сказал ему Аксак-Темир, указывая рукою на трон. — Ты — воин, ты сумеешь защитить его.

Шейх Ибрагим поднялся на возвышение и сел на трон.

— Теперь твое имя будет: шейх Ибрагим Дербенти! — И, повернувшись к ильхану Манучеру, Аксак-Темир добавил: — А ты, Манучер Абу-Сеид, сними со стен Дербента свое войско и приготовься к походу. При встрече с Тохтамышем я узнаю тебя.

Фатуев Р. *Дыхание гор. Легенды. М.: Сов. писатель, 1969. С. 8, 12–19.*

□ □ □

Вечные огни

Прежде чем продолжить свой поход Аксак-Темир посетил Друма-мечеть, сооруженную шейхом Абу-Муслимом. Сорок две арки

поддерживали своды Джума-мечети, – под ними могло собраться все население Дербента. Минбар был сделан из пальмового дерева, привезенного из Аравии, и украшен резьбой арабских резчиков.

Аксак-Темир поднялся на минбар и сказал:

– Дербентцы, слушайте! Не думайте, что стены вашего города предохранят вас от врагов. Нападайте сами, подобно быстрым кречетам, наступайте, как ястребы, свою добычу и терзайте с жадностью тигра тех, кого вы преследуете. Если вы, соединившись вместе и забыв о своих детях и женах, пойдете за мной, вы приобретете те богатства, какие никогда не будете иметь, сидя на одном месте.

На другое утро в Дербент через Южные ворота вошло войско Аксак-Темира. Как большая река, оно разлилось по трем руслам, чтобы выйти через Северные ворота на прибрежный простор.

Аксак-Темир стоял перед входом в Нарындж-Кала. Весь Дербент лежал у него в ногах, похожий на огромный колодезь. В небо возносились тонкие стебли одиннадцати минаретов, высокие мачты запертых в каменной бухте острогрудых кораблей. Огромный, покрытый известью купол Джума-мечети напоминал большой перевернутый котел.

Аксак-Темир смотрел вниз.

Вихри кремнистой пыли вздымались над головами всадников. Лес копий, словно степной ковыль под ветром, клонился то в одну сторону, то в другую. От ударов конских копыт о землю сотрясалась сама Нарындж-Кала.

Сколько у меня воинов? – спросил стоявшего рядом Кун-Сабира Аксак-Темир.

– Кто ответит тебе, повелитель? – вздохнул Кун-Сабир. Разве можно сказать, сколько в море капель?.. Твое войско, как и твоя слава, растет со дня на день.

Кун-Сабир говорил правду: Аксак-Темир, обративший весь свой народ в войско, увеличивал его после каждого похода. Пройдя из Багдада в Дербент, он четырежды умножил свои несчетные полчища.

Три дня проходило войско через Дербент.

Воины, проезжая мимо «Сороковника», поднимали вверх луки. Натянув тетиву, они спускали ее, отчего воздух звенел словно над головами всадников вился вой невидимых пчел.

– Сорок шехидов, что лежат под этими плитами, обратили в бегство шестьсот врагов, – сказал Аксак-Темир, глядя на ильхана Ману-

чера, хотя слова его относились ко всем. – Пусть эти сорок шехидов будут примером нам всем... – заключил Аксак-Темир, трогая коня.

После двух фарсахов пути войска Аксак-Темира приблизились к «Вечным огням».

Аксак-Темир знал: прежде чем попасть в Даг-и-Стан – «Горную страну», нужно проехать мимо немеркнувшего, исходящего из земли пламени. Целые века поклонялись этому огню живущие вокруг племена, считая его священным. Абу-Муслим пришел и приказал засыпать огонь песком. Но он загорелся вновь.

– Я заглушу пламя дьявола! – объявил Аксак-Темир. – Оно не будет смущать души слабых и колеблющихся.

Вдали показалась «долина вечного огня».

Впереди идущие войска в страхе жались к подножьям гор и холмов, обходя пылающую землю.

Аксак-Темир, подав Убайдулле знак рукой, направил коня к вечным огням.

Ярко-красные и лилово-синие языки пламени вырывались из земли, металась дымом, перебегая с одного места на другое, скручивались в жгут, устремлялась вверх и повисали в воздухе, похожие на огненных птиц. Ветер, идущий с моря, то стлал огонь по земле, превращая равнину в горящее озеро, то, изменив вдруг направление, гасил его, чтобы тут же раздуть с новой силой. Когда же временами наступало безветрие и тишина, огонь, разделившись на сотни отдельных струй, тянулся к небу, и тогда казалось – впереди вырастает огненный лес, среди которого стоит чье-то глиняное жилище. Это стояло полуразрушенное языческое святилище.

К нему-то и направил своего коня Аксак-Темир. Но как только конь приблизился к огню, он захрипел, изогнул шею и взвился на дыбы. Сколько ни старался Аксак-Темир заставить его идти дальше, конь упирался и не двигался с места. Аксак-Темир спешил и пошел между трепещущих языков пламени по сухой, в кривых трещинах земле.

На глиняных ступенях полуразрушенного копища дремал глубокий старик. Голова старика была обнажена, ноги – босы. Осевшая в морщинах копоть подчеркивала дряхлость его лица. Впалую грудь покрывала спутанная седая борода. Большой посох, поставленный между колен, возвышался над головою, словно копье.

– Кто ты такой? – спросил Аксак-Темир.

– У меня нет ни имени, ни прозвища, – ответил старик, с трудом разлепляя веки. Я страж этого огня.

– От кого ты можешь защитить этот огонь? – усмехнулся Аксак-Темир. – Ты же беспомощный старик!

– Огонь не нуждается в моей защите – он вечен, как та земля, на которой ты стоишь! – И, словно угадывая мысли Аксак-Темира, добавил: – Легче светила погасить на небе, чем этот огонь. Его хотели потушить аравитяне – и не могли. Не погасить его и тебе, Тимур!

– Аксак-Темир, давший обет уничтожить огнепоклонников, глядя на жреца, невольно поколебался в своем решении. «А что, если старик прав?» – подумал он.

– Исчезнешь ты, исчезнут твои сыновья, но огонь этот будет гореть, – продолжал старик тихо, но внятно. – Он вечен, как сама природа, и невидим, как воздух! – Старик поднял посох и ударил им о землю. В земле образовалась трещина. Старик поднес к ней кусок горящего войлока. Над трещиной вспыхнуло синее пламя. – Уничтожишь огонь в одном месте – он вспыхнет в другом. Разве этот огонь не похож на твоих врагов, Тимур?

Старик впервые за весь разговор поднял голову и оглядел Аксак-Темира. Тусклые глаза его не выразили ни удивления, ни страха, ни восторга; он как будто даже не видел Аксак-Темира, а поднял голову лишь за тем, чтобы тот его лучше слышал.

– Ты борешься всю жизнь, но жизни твоей мало, чтобы одолеть всех врагов, ибо ты сам создаешь их себе. Не начинай борьбы с огнем – на это мало будет пяти твоих жизней.

Аксак-Темир не помнил, чтобы кто-нибудь разговаривал с ним так, как этот немощный старик. В его речи, спокойной и медлительной, был вызов Аксак-Темиру, «рожденному повелевать». И он слушал старика-огнепоклонника, не находя слов для возражений. «Не этот ли огонь, что бушует вокруг, придает ему силы?» – подумал Аксак-Темир, глядя на извивающиеся в ногах огненные змеи.

– Солнце дает жизнь природе, – сказал старик, точно угадав мысли Аксак-Темира, – огонь дает жизнь человеку. Даже ты, Тимур, пришел к святилищу огня и стоишь в изумлении перед ним. Пораженный его силой, сам того не зная, поклонился ему.

– Ты лжешь старик! – вскричал Аксак-Темир. Его лицо, разгоряченное исходящим от огня жаром, пылало, а в глазах вспыхивали красные отсветы. – Не затем я пришел сюда.

Старик откинул со лба седую прядь и пристально посмотрел на Аксак-Темира.

– Не затем ли, чтобы разговаривать со мной? – спросил он, не повышая голоса.

Неслыханной дерзостью показали Аксак-Темиру слова огнепоклонника. Он уже протянул руку к мечу, но взгляд старика – насмешливый и равнодушный – остановил его. И впервые Аксак-Темир почувствовал свое бессилие перед человеком.

– Зачем ты хочешь убить меня? – спросил старик. – Убей огонь.

Аксак-Темир бессильно опустил руку.

– Нельзя погасить солнце, нельзя потушить огонь. Ты, Тимур, рожден нести смерть, а солнце и огонь рождены творить жизнь. И потому – что бы ты, Тимур, ни сделал – ты не победишь их!

– Замолчи, старик! – крикнул Аксак-Темир, наливаясь гневом.

– Я стерег этот огонь, дожидаясь тебя. Ты пришел. Я все сказал... – Старик склонил голову на грудь.

Стало как-то особенно тихо. Никто из приближенных Аксак-Темира не смел пошевеливаться. Не двинулся с места и Аксак-Темир.

Языки пламени зашевелились над землей.

– Ответь мне, старик, – после долгого молчания проговорил Аксак-Темир сдавленным голосом, – Ответь!

– Он мертв! – сказал Убайдулла, наклонясь над стариком.

Лицо Аксак-Темира передернуло судорога.

– Пусть каждый воин наполнит шлем землей и высыпет ее на этот адов огонь! – приказал Аксак-Темир, направляясь к коню. – Огонь не должен больше гореть!

Бормоча молитвы и произнося заклинания, воины Аксак-Темира засыпали подземный огонь. «Долина вечного огня» обратилась в большой холм.

К вечеру войско достигло гор. Поднявшись на их склоны, Аксак-Темир велел расположиться лагерем.

Среди ночи он вышел из шатра. Вдали горели костры.

– Почему мое войско разделилось? – спросил он Убайдуллу. – Не ильхан ли Манучер отстал?

– О нет, повелитель! – ответил Удайдулла. – Ильхан Манучер в нашем лагере.

– Разве позади нас не костры горят?

– Нет. Это горит вечный огонь.

Фатуев Р. Указ. соч. С. 19–24. См. также: *Дагестанская литература. Хрестоматия. 5. Махачкала, 1990. С. 62–65.*

□ □ □

Каменный мальчик

На другое утро Аксак-Темир вступил в Горную страну. Его встретила тяжелая тишина, нарушаемая шумом летящих птиц, роком бурных потоков да редким блеянием овец; одиноко бродивших по холмам и взгорьям.

Задолго до того, как в прибрежной равнине появились первые лучники, высматривавшие дорогу для идущего за ними войска, жители равнин, бросая насиженные места, уходили в горы, угоняя с собой скот.

Аксак-Темир находил брошенные дома, срубленные сады, вытопанные поля; даже колодцы и родники, священные для каждого человека, какой бы он веры ни был, и те оказались засыпанными.

Привыкший к покорности тех народов, на земли которых ступала его железная пята, он с удивлением слушал донесения начальников и не раз обращался с вопросом к ильхану Манучеру:

– Разве власть Дербента не распространялась на эти земли и народы?

– Они считают себя свободными и не признают властителей, даже сидящих на Золотом престоле, – ответил ильхан Манучер и как бы в оправдание добавил: – Ты видишь, они не хотят признать и тебя – властителя мира!

Чем дальше шло войско Аксак-Темира, тем пустынное становились земли, покрытые белым налетом соли, редким терновником и колючками, цепляющимися за копыта коней. Удивление Аксак-Темира перешло в ярость, – он отдал приказ убивать каждого жителя, как война, обнажившего меч.

После восемнадцати дней пути кони стали терять силы, а войско роптать: жажда мучила всех, а воды нигде не было. Рядом плескалось море, вызывая еще большую жажду.

Войско остановилось лагерем то на берегу бушующего моря, среди солончаков и бесплодного песка, то среди голых скал, без травинки и кустика.

Захватив с собой бурдюки, по трем разным направлениям разъехались отряды Убайдуллы, Мухамеда и Шахруха для поисков источника или речки.

Время шло, но ни один из отрядов не возвращался. Наконец вернулся Убайдулла. Все бросились ему навстречу, но караван был пуст: Убайдулла не нашел воды. Ни с чем вернулся и Шахрух, а за ним и Мухамед. Они не нашли ни речки, ни озера, из которых можно было бы наполнить бурдюки влагой.

Аксак-Темир приказал вызвать Убайдуллу, Мухамеда и Шахруха к нему.

– Не прошло и минуты, как перед его палаткой стояли сыновья и начальник войск, смиренно склонив головы.

Аксак-Темир каждого спросил: где он был, какой дорогой двигался, кого встретил в пути? У всех был один ответ: дороги трудны и опасны, никого из жителей им не удалось увидеть...

Рот Аксак-Темира скривился, между бровей легла глубокая складка; он вопрошающе смотрел на сыновей.

Вперед вышел Убайдулла.

– Властелин мой и повелитель, на одном из склонов, что видны отсюда, – Убайдулла показал на гору, что возвышалась в стороне, – я увидел пастушонка с десятью овцами. Я велел схватить его и привести ко мне, думая узнать от него о ближайшем источнике: ведь где-нибудь он поит же своих овец?

– И ты узнал? – нетерпеливо прервал Убайдуллу Аксак-Темир.

– Нет, повелитель.

– Почему? – удивился Аксак-Темир.

– Пастух не захотел указать источника. Он сказал: вода, так же как и земля, священна для тех, кому она принадлежит. Мы не хотим отдать врагу нашу землю, не дадим и воду.

– Что ты сделал с ним?

– Я хотел убить его, но потом решил взять с собой.

– Привести пастуха ко мне!

Не успел Аксак-Темир отдать приказание, как перед ним уже стоял пастушонок в косматой бурке, в большой бараньей папахе, с посохом в руке.

– И этот мальчишка не хочет отвечать? – засмеялся Аксак-Темир, взглянув на маленького пленника. – Не хочет, чтобы мои храбрые воины пили ту же самую воду, что пьют его овцы? А знает ли он, что

там, где нахожусь я, все принадлежит мне: и земля, и вода, и люди и скот? – И, обратившись к мальчику, спросил: – Тебе известно, перед кем ты стоишь?

– Известно, – ответил мальчик, – перед Темир-ханом.

– Знаешь ли ты, что я могу сделать с тобой все, что захочу?

– Знаю.

– Тогда укажи мне источник, из которого ты берешь воду.

– Источник так мал, что из него нельзя напоить твоё войско Темир-хан.

– О, я вижу, ты действительно не хочешь указать, где находится источник! – воскликнул Аксак-Темир. – Но я заставлю тебя отвечать!

– Меня уже заставляли, – сказал мальчик, сбрасывая с плеч бурку. Бешмет на пастухе был разорван, а его плечи и спина покрыты кровоподтеками. Аксак-Темир перевел взгляд на Убайдуллу.

Убайдулла чуть слышно проговорил:

– Хотел добиться ответа, но этот пастух оказался каким-то каменным!

– Каменным? – переспросил Аксак-Темир. – Ты скажешь, Убайдулла!.. Выверните ему руки, а будет молчать – разорвите арканами на куски! – не в силах больше сдерживать свое негодование, воскликнул Аксак-Темир.

Перед его глазами еще стоял мертвый старик с насмешливым взглядом выцветших глаз. И теперь маленький пастушонок издевался над ним, не желая отвечать.

Аксак-Темир повторил свое приказание, чего раньше он никогда не делал.

А мальчик, словно не слыша его слов, неторопливо поднял с земли бурку и набросил на свои окровавленные плечи.

Мухамед и Шахрух бросились выполнять приказание отца. Но не успели они коснуться пастуха, как он на глазах у всех превратился в каменное изваяние.

– Таш-Ол! – отшатнувшись, в один голос крикнули Мухамед и Шахрух.

Убайдулла взмахнул плетью, готовясь нанести удар, но так и замер с поднятой рукой.

Он действительно каменный! – в его голосе послышалось изумление.

Аксак-Темир отдал приказание сняться с лагеря.

Фатуев Р. *Дыхание гор. Легенды.* М.: Сов. писатель, 1969. С. 24-27. *Дагестанская литература...* С. 66-69.

□ □ □

Каменный мальчик

Потемнели небеса в тревоге,
Клубы дыма катятся, как выюки, –
То Тимур пирует хромоногий,
Вьючит наше горе, наши муки.

С родниками, что текут издревле,
Кровь смешалась, но исчезла жалость:
Горе матерей – воды дешевле,
Честь невест с речным песком сравнялась.

Разве можно горцам Дагестана
Позабиться с горькою годиною?
Разве можно горцам Дагестана
Не вступить в борьбу семьей единою?

У судьбы, как у арбы, – колеса,
Непрестанно времени круженье,
Высоко Тимур-хромец вознесся,
Началось теперь его паденье.

Хоть в аулах горских пусто ныне,
Хоть войска Тимура на вершине, –
Нет лесов, чтоб недругам укрыться,
Нет ключей, чтоб недругам напиться.

Терпкий дым окутал бездорожье,
Зной палящий давит нестерпимо,
Капля влаги – золота дороже,
Жизнь захватчиков – дешевле дыма.

Разметались вдоль долины горной
Недругов шатры, горя, как маки,
Разыщите горные потоки,
С восполненной кожейю вояки.

«Эй, гонцы, – сказал Тимур жестокий, –
Разыщите горные потоки,
Эй, верблюдов к родникам отправьте,
Войску воду в бурдюках доставьте!»

Если б в мире не было печали,
Слезы на глазах бы не блистали,
Если б не было воды бесценной,
Не было бы жизни во вселенной...

Жизни нет для воинов Тимура,
Стон в шатрах, сидит властитель хмуро, –
Нет воды! Верблюды – пред шатром:
С мертвыми вернулись бурдюками!

На колени перед грозным шахом
Пал вазир, сказал, объятый страхом:
«Смилуйся, о шах неумолимый,
Никого в ущельях не нашли мы!»

Только под утесом-великаном
Встретились мы с глупым мальчуганом
Мальчик пас последнего ягненка,
И спросили мы у пастушонка:

«Где тут к роднику лежит дорога?»
Он молчал, – скрестились наши взоры, –
Только голову он поднял строго,
Словно эти вековые горы».

– «Эй, вазир, – сказал Тимур, вскипая, –
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится.
Не открыл ты, где родник таится,
Почему же мальчика дурного
Не заставил ты сказать нам слово?»

– «О, владыка, смилуйся над нами,
Ты об этом мальчике послушай!
Мы беседовали с ним кнутами
И его же палкою пастушьей.

Но вели мы разговор впустую:
Он упал, но голову дурную

Высоко по-прежнему держал он,
О воде ни слова не сказал он!»

– «Эй, вазир, – оказал Тимур, вставая, –
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится,
Ты б огнем спалил мальчишке ноги,
Чтобы сразу вспомнил ум убогий,
Где вода желанная струится!»

– «Смилуйся, владыка с мощным станом!
Разговор вели мы с мальчуганом
Пламенем, железом раскаленным –
Не ответил ни слезой, ни стоном.
Может быть, тебе он слово скажет,
Золото ему язык развяжет?»

Перед шатром Тимура-падишаха
Мальчуган стоял, не зная страха.
Он воскликнул, не потупая взгляда:

«Падишах, мне золота не надо!
Если недруг золото предложит,
Сын родную мать продать не может,
Родину продать народ не может!»

Дерзко очи мальчика блистали, –
Приказал их выколоть властитель,
Дерзко речи мальчика звучали, –
Языка лишил его властитель.

Не вода забила ключевая, –
Это кровь горячая вскипела,
И, казалось, гордо умирая,
Землю Дагестана обагрив,
Говорит родник светло и смело:
«Пусть низвергнутся туман и тучи,
Чтоб враги не вышли из ущелий,
Пусть утесы наши станут круче,
Чтоб враги пробраться не сумели!
Пусть в теснине стану я скалою, –
Пред врагом обратный путь закрою!»

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

Если есть в душе твоей желанье
Горячей, чем пламени пыланье,
То всегда исполнится желанье —
И быстрее, чем пламени пыланье:
Пастушонок стал скалой в теснине, —
Та скала стоит у нас поныне!

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты, в бою погибнув, стань скалою!

Песни горцев / Вступит. статья и составл. Н.В. Кашиевой. Махачкала, 1990. С. 260–263. См. также: Поэзия Дагестана. Анталогия. Махачкала, 1971. С. 34–36; Дагестанская литература. 10. Махачкала, 1989. С. 15–18.

□ □ □

Железный колодезь

На этот раз переход был коротким: истомленные жаждой люди двигались с трудом.

Аксак-Темир, дважды пересекший Бет-Пак-Дала — голодную степь, испытывал в ней меньше мучений, чем здесь, в преддверье гор.

Всюду русла рек оказывались пересохшими, водоемы озер пустыми, а родники отведены или закопаны так, что найти их было нельзя. Караван верблюдов, направленный в Дербент к шейху Ибрагиму, все еще находился в пути.

— Будем рыть колодцы. И пока каждый не утолит свою жажду — останемся здесь!

Лишь только слова Аксак-Темира стали известны войску, в разных местах воины принялись рыть землю. Они хорошо знали, что такое безводье и что такое жажда в пути. Воспаленные глаза, растрескавшиеся губы и горло, почти не издающие звуков, — так бывало не раз в песках Усть-Урта!...

Воины, сняв с себя колчаны и луки, работали, как простые землекопы, выбрасывая землю лопатами из глубоких ям. Когда одни в изнеможении валились с ног, их сменяли другие.

И так в течение нескольких дней.

Наконец сухой песок сменился влажным. Воины удвоили усилия. Надежда на скорое появление воды затеплилась в каждом. Обкладывая стенки колодцев хворостом и закрепляя его шестами, воины спускались все ниже и ниже. И вот на дне одного из них скопилось немного влаги. Она просачивалась сквозь стенки по капле, наполняя вырытый в землю шлем.

Когда наполненный до половины шлем подали Аксак-Темиру, он сказал:

— По капле собрана сюда вода. Так по одному воину я собирал свое войско. Собирая его, я прилагал такой же труд, как вы прилагаете сейчас, собирая воду. И вы достигнете своего, ибо там, где вы наполнили сегодня один шлем, завтра наполните сто.

На седьмой день каждый получил свою долю живительной влаги. Кони и верблюды были напоены. Сухие, сплюснутые от жары бурдюки опять стали круглыми и полными. Рассохшиеся бочонки, весь путь оставшиеся пустыми, снова были замочены и наполнены водою. Аксак-Темир думал о будущем. Его ненависть к жителям Горной страны еще больше усилилась. Он искал случая отомстить им.

— Колодцы засыпать! — приказал Аксак-Темир. — Я не хочу, чтобы жители этой страны воспользовались добытой мною водой. Пусть воины поступят с колодцами так же, как они поступили с огнем.

Воины насыпали в свои шлемы песок и, проходя мимо колодцев, засыпали их.

— Темиргое! — сказал последний проходивший мимо желтого песчаного холма воин, бросая горсть песка, — Железный колодезь!...

Фатуев Р. Дыхание гор. С. 27–28.

□ □ □

Озеро Темир-хана

И снова войско Аксак-Темира в походе.

Холодный ветер, насыщенный солью, бьет в спину, погоняя коней, верблюдов, арбы — поставленные на колеса юрты, имеющие вид шатров.

Безводная волнистая долина, окаймленная с одной стороны голыми каменистыми кряжами, с другой — белой полосой рокошущего моря. Саксаул, терновник, держидерево да серые бугорки сухой земли, норы грызунов, — только это и оживляет пустынные просторы.

Движение войска похоже на переселение народов: едут войлочные дома, покрытые от дождя и сырости известью; верблюды тяжело ступают под кладью; сбившись, идут табуны необъезженных коней...

Аксак-Темир, часто въезжая на взгорья, обозревал свое войско — его нельзя было окинуть глазом: там войско поднималось на холмы, здесь — двигалось по низине, а дальше исчезало в синей дали; казалось, ему нет ни конца, ни края.

Сколько у меня воинов? — обратился Аксак-Темир к Убайдулле, как никогда уверенный в своей силе. — Ответь мне, Убайдулла.

— Их число несчетно.

— Я хочу знать его.

— Твои воины, повелитель, только по одному шлему песка всыпали на колодцы и вырос холм. Прикажи каждому взять по одному камню и положит у твоего шатра — ты узнаешь, сколько их...

Аксак-Темир, продолжая смотреть на проходящее войско, ничего не ответил Убайдулле. «Я сложу камни там, где они будут видны отовсюду, — подумал Аксак-Темир. — Пусть племена, населяющие эту страну, взглянув на камни, узнают о численности моего войска. Для них «Сложенный камень» будет всегда напоминать о моей силе!...»

Молча приняв решение, Аксак-Темир чуть тронул повод и послушный конь, угадав намерение своего седока, полетел вперед, навстречу ветру.

Аксак-Темир остановил коня лишь после того, как выехал в широкую долину, изрытую конскими копытами и исчерченную следами колес.

— Здесь сходятся все дороги, идущие в горы, — сказал Аксак-Темир. — Пусть воины снесут сюда по камню — я хочу здесь воздвигнуть им памятник.

Действительно, там, где остановился Аксак-Темир, земля была исполосана идущими со всех сторон колеями; сливаясь, все они шли в одном направлении — в горы. Сейчас же был разостлан зеленый ковер с райскими птицами и цветами, раскинут парчовый, шитый золотом шатер, укреплено остроконечное знамя с конскими хвостами. Рядом с шатром амира — шатры Мухамеда и Шахруха, Кун-Сабира и Убайдуллы, который вернулся к войску — передать приказание Аксак-Темира.

Первые воины брали камни по дороге, там, где шли. Вторым нужно было искать камни да полях, в пересохших руслах рек. Третьим приходилось откалывать от скал, чтобы взять себе осколок и нести

его к шатру Аксак-Темира. Каждый торопился взять камень, желая, чтобы он лег в основании горы, растущей у всех на глазах.

С грохотом падали камни один на другой. Уже идущие вторыми должны были подниматься на гору, чтобы положить свой камень сверху. Камни окатывались вниз, увеличивая гору вширь, а некоторые в своем падении достигали шатра амира.

Аксак-Темир сидел неподвижный, с желтым лицом, с глазами, устремленными на растущую перед ним гору камней. Что думал в это время грозный завоеватель, собравший под свое знамя сотни племен и народов, — кто скажет?.. Его зеленые глаза ничего не выражали: первый признак того, что Аксак-Темир, поглощенный самим собою, думает о своей славе и своем величии. Сердце его, не знающее ни сострадания, ни жалости, всегда наполненное одним стремлением — подчинить своей власти все живое, все обратить в свое достояние, даже сейчас, при виде горы камней — доказательства его силы, не смягчалось и не стало другим.

Тысячи воинов, проходя мимо, брошенными рядом с золотым шатром камнями воздвигали памятник не себе, а ему — амиру Темирхану.

Сюда к Аксак-Темиру прибыли первые разведчики, посланные вперед узнать, где находится войско Тохтамыша. От них Аксак-Темир услышал: Тохтамыш стоит лагерем за бурной рекой Терек.

Прежде чем выступить, Аксак-Темир собрал совет: как лучше поступить ему? Кун-Сабир предложил послать небольшую часть войска вперед.

— Пусть вступит в бой с Тохтамышем, — сказал он. — А потом подойдешь ты сам, амир. И пусть воины, сражаясь, кричат твое имя.

Совет Кун-Сабира понравился Аксак-Темиру, и он приказал амиру Дауд-Барласу, женатому на его родной сестре, выступить в поход. В помощь Дауд-Барласу Аксак-Темир дал Манучера Абу-Саида со всем его войском, а также триста десять багадуров, лично известных Аксак-Темиру своей храбростью.

На рассвете Дауд-Барлас выступил, имея при себе только хороших всадников с двумя, а то и с тремя сменными конями. За пять дневных переходов Дауд-Барлас достиг Терека и остановился на его берегах: Весь путь воины скакали на взмыленных конях и кричали:

— Слава Тимуру! Слава великому амиру!

Тохтамыш, введенный в заблуждение криками, решил напасть на войско Аксак-Темира сразу, не давая ему отдыха. С трех сторон нале-

тел он на Дауд-Барласа, воины которого успели пересесть на сменных коней, сбросить с себя луки и колчаны, чтобы они не мешали в сражении, обнажить мечи и вскинуть копьа.

Сражение началось не с единоборства двух самых сильных воинов, а с ударов сотни копий о кольчуги и панцири. Свистя, гикая и посылая проклятья, сшиблись всадники, как два стальных шквала, налетевших друг на друга.

Дауд-Барлас был в первом ряду и первый удар копьа принял на свою броню. Копье сломалось надвое. Меч Дауд-Барласа снес врагу голову.

Так началась битва между Тохтамышем и Дауд-Барласом. Кони, вставши на дыбы, били копытами и лезли друг на друга, как муравьи. Копья были оставлены, бились только мечами.

В золотой налобник ильхана Манучера ударила стрела и ослепила его. Ничего не видя, держа меч обеими руками, он рубил им, расчищая себе путь.

Тохтамыш теснил Дауд-Барласа к Тереку, стремясь сбросить его войско в реку. На одного воина Дауд-Барласа приходилось пять-шесть воинов Тохтамыша, который еще не всех бросил в бой. Его лучники, стоя на холмах и возвышенностях, посылали стрелы своим врагам. Много воинов Дауд-Барласа, потеряв под собою коней или вылетев из седла, сражались пешими. Они разили всадников сзади и сбоку, спарывали животы коням.

– Смерть Тимуру! Смерть хромой собаке! – кричали воины Тохтамыша, насаживая на пики головы врагов и размахивая ими в воздухе, желая нагнать страх.

Но устрашивать воинов Аксак-Темира, повидавших немало сражений, не так-то легко, – они не помышляли о бегстве и бились с тем же упорством, что и раньше.

Дауд-Барласу в шею попала стрела, он выдернул ее и, чтобы заставить своего коня идти вперед, вонзил стрелу в его голову. Конь, подминая под себя упавших воинов, врезался в самую гущу сражения, разбрызгивая хлынувшую из головы кровь.

Ослепленный ударом стрелы, ильхан Манучер не удержался при взмахе мечом и вылетел из седла. Не понимая, что произошло с ним, он лежал под горячим, трепещущим телом издыхающего в муках коня. Шум сражения удалялся, становясь все тише и тише. Манучеру показалось: он глохнет.

Попытался выбраться, но, обессиленный, не смог. До его слуха смутно доносились возгласы:

– Смерть колченогой собаке! Смерть Тимуру!..

Ильхан Манучер с трудом снял с головы шлем. Все звуки стали ближе. И вдруг его ухо, касающееся земли, уловило гул, – гул близился и нарастал. «Тимур!» – подумал Манучер, делая последние усилия подняться.

Дрожь пронизала землю, и гул переходил в грохот, ильхан Манучер собрал остатки сил и сбросил с себя конскую тушу. Ветер обдал его лицо, и грохот заполнил уши. Не видя, он чувствовал, как перед ним проносятся всадники.

Войско Тохтамыша, обращенное в бегство, гибло в мутных водах Терека от стрел и копий. Воины Аксак-Темира, перебравшись на бурдюках на другой берег, преследовали врага двое суток.

Аксак-Темир, как всегда после сражения, обошел поле боя. Дауд-Барлас он нашел с раздробленной головой в луже крови. Рядом стоял вонзенный в землю меч: Дауд-Барлас пытался, опираясь на него, встать.

– Ты достойно сражался, Дауд-Барлас, – обратился к нему Аксак-Темир, заметив, что он открыл глаза. – Я отмечу твой подвиг.

– Отметь их! – сказал Дауд-Барлас, показывая на дымящее кровью поле.

Возле двух издыхающих коней Аксак-Темир заметил сидящего на земле ильхана Манучера и подошел к нему.

– Почему ты не смотришь на меня? – спросил он.

– Потому, что я не вижу.

– Значит, ты не видел, как я одержал победу. Не видел, как надо сражаться! – воскликнул Аксак-Темир с досадой. – Не видел того, за чем был послан!

Ильхан Манучер отвернулся и сказал:

– Лучше быть ослепленным стрелой, чем славой!

Убайдулла взялся за рукоять меча.

– Не надо... – остановил его Аксак-Темир. – Теперь он безвреден для меня... – и пошел дальше. Поднявшись к своему шатру, он сказал: – Сегодня я уничтожил двух своих врагов: Тохтамыша, который при Ур-Тепе был плохо мною проучен, и Манучера Абу-Сеида, в котором я сомневался.

Восемь дней воины Аксак-Темира праздновали победу. Добыча

оказалась богатой. Кун-Сабир, предсказавший удачу, получил саблю Тохтамыша.

Аксак-Темир, прежде чем тронуться в путь, съездил к подножью Эльбруса.

— Кто был на Кавказе и не поклонился «Счастливой горе», тот не будет иметь удачи, — сказал Кун-Сабир.

Аксак-Темир, во всем доверяя только ему, выполнил его совет.

На девятый день войско Аксак-Темира, опьяненное победой, двинулось обратно.

Земля гудела под копытами коней, и встречный ветер свистел в поднятых копьях. Коней не гнали, а когда они оступались или сбивались с хода, выравнивали плетью. Жилы на конских шеях вздулись и дрожали от напряжения. На удилах звенели золотые монеты. Пыль вязала ноги коням, клубилась над головами воинов, оседала и тут же поднималась вновь. Воины слились в лавину — никто не мог выйти вперед или отстать. Там, где они проходили, луга и степи оставались вытоптанными дотла.

Вот Аتماга-Таш — камни, что были брошены на месте скрещенных дорог. Они поднялись так высоко, что заслонили собою солнце. Пыль и песок уже сравняли их, — теперь они походили на большую лысую гору, повисшую над прозрачным озером,

Бесчисленные потоки, спадающие с гор, по пути в море встретили неожиданное препятствие и, не успев еще пробить себе путь, превратились в озеро. Может быть, через несколько лет воды выйдут из берегов, но сейчас они лежали спокойные, недвижимые и чистые, как само небо.

Аксак-Темир слез с коня не на левую сторону, как обычно спешиваются всадники, а на правую, чтобы коснуться земли здоровой, более длинной ногой. Подойдя к сложенным камням, он остановился на том месте, где когда-то возвышался его шатер. «Это все, что останется после моего ухода, — подумал Аксак-Темир, — скала и озеро...»

И вдруг, словно вспомнив что-то, подал знак рукой. К нему подошел Убайдулла.

— Теперь я хочу знать, сколько погибло моих воинов, — сказал он, не глядя на Убайдуллу. — Пусть каждый подойдет и возьмет отсюда один камень... Аксак-Темир повторил: — Один камень — не больше — и бросит его на дороге, на расстоянии не ближе полета стрелы. Я хочу посмотреть, сколько воинов не вернулось из похода.

Убайдулла выполнил приказание своего повелителя: воины, про-

ходя мимо сложенных камней, брали по одному камню. И когда прошел последний воин, Аксак-Темир воскликнул:

Вот памятник погибшим. Аتماга-Таш!...

Через «Железные ворота» Аксак-Темир вернулся в Персию и оттуда прошел в Индию, чтобы и там посеять смерть, страх и нищету.

Насытившись кровью и страданиями людей, он двинулся на Восточный Китай. Это был его последний поход. Смерть победила Аксак-Темира и избавила народы от уничтожения.

Сыновья Железного Хромца в междоусобицах развеяли в прах его завоевания и славу.

В Дагестане в памяти народа живут названия мест, где прошел самый жестокий из всех завоевателей — грозный Тимур-Ленг: Темир-Хан-Шура — «Озеро Темир-хана», Аксак-Темир-Иол — «Дорога Темира», умошенная брошенными его воинами камнями, золотые пески Темиргое — «Железного колодца» — и голая скала над песчаной долиной Аتماга-Таш — «Наброшенный камень».

Среди ~~поселов~~ Кум-тор-Кала стоит и поныне Таш-Ол — «Каменный мальчик».

Фатуев Р. Указ. соч. С. 28–35.

□ □ □

Грозная эпоха нашествий полчищ Тимура порождала сюжеты огромной поэтической силы. В легендарном предании «О каменном мальчике» дается обобщенный образ смелого мальчика-пастушка. Вторгшееся в глубь Дагестана войско грозного Тимура страдало от жажды. При поиске источника посланцы Тимура натолкнулись на мальчика, пасшего овец. Они повелели ему повести их к роднику. Ни обещание подарков, ни страшные пытки — ничто не смогло заставить маленького горца подчиниться им. В предании вводится мифологический образ «святой скалы» — сверхъестественной силы, которая превращает горца пастушонка в каменное изваяние, спасая его тем самым от жестокой расправы Тимура.

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 208. Дагестанская литература. Хрестоматия для 4–5 кл. / Сост. С. Алиев, М.-Р. Усахов. Махачкала, 1978. С. 24.

□ □ □

А.-К.-А. Бакиханов писал:

«... послушаем рассказы дагестанских народов, сохранившиеся в древних записках и преданиях, сверенных большею частью с эпиграфическими памятниками и надписями.

Эмир Теймур, покорив кумыков, обитающих между Терекон и Сулаком, прошел по земле Мичикич, на город Алмак (ныне деревня в Салатавском округе), который имел семь тысяч домов, а ныне здесь всего сто домов. Он взял город после сильного сопротивления и разорил его. Оттуда по хребту Салатавских гор, который и поныне называется *Теймур-шах-йолу* (дорога Теймура), он подошел к укрепленным селениям Берк-Тоу, Алхаз-Тоу, Чубан-Тоу и Батмук (развалины которых существуют и поныне). Укрепившись в этих местах, салатовцы храбро защищались, но их личная храбрость не устояла против силы и искусства Теймура. Он разорил их укрепления, а жителей переселил в низменные места. Они впоследствии поселились в нынешнем Чиркее, который и получил свое название от находящихся здесь вонючих ключей (Чирк-аб).

Переправившись через Койсу и Сулак в Ахатли, Теймур осадил город Гадар, имевший от семи до восьми тысяч домов (ныне деревня в Шамхальском владении, около 400 семейств). Но так как Гадар был неприступен и взять его было трудно, то Теймур пошел на хитрость — он начал вести с осажденными переговоры и под видом подарков для раздачи в городе послал туда множество сундуков, в которых находились вооруженные воины. Вскоре начался приступ и через несколько минут, при помощи отправленных туда воинов, город был взят и разорен. На дальнейшем пути к Теймуру прибыл один из кумыкских эмиров по имени Гобден, одноглазый. Сидя верхом на быке, он сказал Теймуру: «Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого, за кого нас принимаешь ты, такой могущественный государь? Для чего ведешь с нами войну и что у нас есть такого, чтобы ты мог взять?»

Простота его понравилась эмиру Теймуру. Он подарил ему всю землю, занимаемую ныне деревней Гобден, куда этот эмир переселился со своим племенем. С тех пор деревня и получила свое название от его имени. Нынешние Карачи-беки в Гобдене, Карабудаг-кенте и в других деревнях являются потомками Гобдена.

Известнейшим памятником, оставленным эмиром Теймуром на Кавказе, является земляной вал и поныне называемый *Аксак Теймурун хори* (вал хромого Теймура), который начинаясь от Дербенда курганами, идет через магал Терекеме на Утемишское поле, откуда в виде

вала, ниже Буйнака и Тарков (Тарху), на Теймур-Куи (колодец Теймура) и через реку Сулак, ниже Андреевой, через Мичикич к Назрану и Карачаю. Оттуда другой Теймур-Куи тянется на Кубань, а по свидетельству некоторых — до самого Черного моря. Назначение этого памятника неизвестно, но можно полагать, что Теймур хотел определить им границы и вместе с тем показать свою силу и могущество. Устроив, по возможности, дела Дагестана, он прошел по горному хребту выше Буйнака и следы его пребывания здесь заметны и поныне.

По свидетельству историков, весной 789 (1396) г. Теймур возвратился в Дербенд и пошел дальше на запад по берегу Куры.

Бакиханов А.-К.-А. *Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указатели акад. АН АзССР З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. С. 80–82.*

□ □ □

Г. Алкадари пишет, что после Ширвана, «пробыв в тех краях значительное время, Тимур со своим войском двинулся в сторону Дагестана.

В 797 году Гиджры, соответствующем христианскому 1394 году, весной вступил в Дербент и завоевав эти края, он двинулся отсюда в страны при Терекке, а с ним было такое организованное и многочисленное войско, какого не наблюдалось раньше того никогда. Оттуда он отправился в Астрахань и Российские владения и, одержав в разных местах победы, снова вернулся в Дагестан через черкесские земли, причём, во всех попутных местах выявлял жестокость и насилие над обществами и племенами, не выражавшими ему повиновения и разорял их укрепления и селения. Автор «Гюлистан-Ирем» пишет, что царь Тимур, покорив группу кумыков, живших между реками Терекон и Сулаком, вторгся отсюда в Чечню и разгромил бывший там город Алмак, имевший семь-восемь тысяч домов. Оттуда он направил свои войска на Салатавию через горы, по дороге, которая теперь называется Тимуршахской, разрушил с бою укрепления, бывшие в местностях под названиями Берктау, Алхастау, Чофантау и Батлук; оставшихся в живых из их жителей выселил в другие места. В частности, поселив большинство их на место теперешнего селения под названием Чиркей, — он основал это селение, так как там до тех пор селения не было, а место это было пустое, известное под названием Чиркаб.

Историки пишут, что царь Тимур при своем возвращении в Дагестан, переправился через Койсу и напал на город с населением в семь-

восемь тысяч домов, стоявший на месте селения, теперь называемого Кадар. Но так как местность того города была недоступной, а его население было искусным в войне, то Тимур, не мог его взять, но схитрил, сделав вид переговоров о мире, и обманул тамошних старейшин. Он предпринял действия, как будто посылает им в подарок товары в сундуках, а в сундуки посадил вооруженных людей, причем, когда их кое-как переправили через городские ворота, те изнутри открыли дорогу бывшим снаружи, а те снаружи вторглись внутрь, завладели городом и тот час же разрушили и разгромили город и перебили его население. После того город этот, не приходя в прежнее состояние, превратился в небольшое селение.

Пишут также, что когда Тимур-шах воевал с бывшим в тех краях кумыкским населением, один из вождей кумыкского племени по имени Губден, бывший кривым на один глаз, был осажден со своим отрядом и, не находя другого выхода из беды, известил шаха, что мол «я тебя самого хочу видеть». Ввиду этого Тимур-шах послал ему ответ, чтобы этот вождь Губден пришел и повидал его. Тогда Губден сел верхом на быка и, прибыв к шаху, сказал в форме шутки, что, мол, «я кривой имею тебе хромому задать один вопрос: что мы за люди, и что из себя представляют наши владения и наши богатства, чтобы такому завоевателю и могущественному царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами? И что именно ты можешь пожелать от нас получить?» Тимур-шаху понравились его слова. Он его одарил, отряд его пощадил, даже его самого сделал владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден, заставил там основать это селение и поселил его там. И селение то названо его именем. Оставшиеся там теперь неродовитые беки относятся по происхождению к потомкам того Губдена. Также и неродовитые беки теперешнего селения Карабудахкент относятся к потомкам того же лица по имени Губден.

Из следов пребывания Тимура в Дагестане, и рассказов о нем заслуживает внимания, между прочим то, что в Терекемейском магале есть холмы, которые, проходя мимо Тарки, доходят до места, называемого Тимуркою, а оттуда продолжают далее, а именно в сторону Эндери. И молва, как бы называя эти холмы именем Тимура, гласит, что их соорудил из земли Тимур-шах, когда проходил в тех местах с войском туда и обратно. В общем после такой прогулки по Дагестану Тимур в 798 Гиджры 1395 христианской эры, отправился из Дербента

в Ширван, а оттуда в Грузию и Персию и больше не имел случая вернуться в эти края.

Алкадари Г. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 29–30.

□ □ □

Чиркейская старина

На Салатавии располагались 10 аулов. Сюда в 1396 г. пришел Тамерлан и уничтожил девять аулов. Только Бекюрт-росо не подчинился среднеазиатскому завоевателю. Аул находился на высокой скале, куда вела только узенькая тропа. Чтобы захватить аул, Тимур пошел на хитрость. Часть его людей надела на себя волчьи шкуры и имитировала нападение на скот мятежного аула. Видя это, бекюртовцы все как один выбежали из села, чтобы спасти скот от «волков». В это время другая группа воинов спокойно вошла в аул и принудила его жителей подчиниться воле завоевателей.

Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991. С. 116.

□ □ □

Тамерлан и Темир-Хан-Шура

... В 1396 году, возвращаясь в Среднюю Азию, после неудачного столкновения с русскими княжествами у Ельца, Тамерлан вторгся в Дагестан. Пройдя между Терекком и Сулаком, он покорил кумыков и подошел к горам Салатавии.

Есть предположение, что через реку Сулак его войска переходили близ того места, где ныне стоит аварское селение Чиркей. Подтверждением этой мысли может послужить то, что около развалин Нового Чиркея – в 30 км от Буйнакса – можно найти древнее кладбище. На нем, как гласит предание, погребены киргизы, бывшие в войсках Тамерлана. В могилах, покрытых насыпями из бульжного камня, находили железные предметы вооружения, кости погибших людей и лошадей.

Некоторое время, говорят, полководец стоял лагерем на берегу Сулака, посылая в горы против непокорных горцев карательные отряды. Как воспоминание об этом в памяти людей сохранилось название дороги хромого Темира – «Аксак-Темир-йолы» – путь от Чиркея до хребта Анчи-Меэр...

Местные жители предполагают, что их селение Чиркей возникло уже после пребывания здесь Тамерлана (т.е. более 500 лет назад). ... Двигаясь далее на юг, говорится в ... хронике, войска подошли к речке Шура-озень и остановились лагерем на правом, возвышенном бере-гу ее.

На вершине довольно высокой скалы Тамерлан приказал разбить свой шатер. Часть войска весной того же 1396 г. прошла через земли нынешнего селения Кумторкала (ныне Коркмаскала – Б.А.) и, захватив крепость Капчугай и кумыкские аулы, лежащие дальше к югу, также примкнула к основным силам. Чем объяснить, что именно этот пункт Дагестана облюбовали завоеватели?

Для этого имелось несколько причин.

Каменная глыба, на которой была стоянка полководца, занимала господствующее положение над окружающей местностью. Обрываясь на северо-запад прямыми стенами, она была труднодоступна. У подножия ее, где сейчас находится городской сад... средняя школа № 2 и начало (ряда – Б.А.) улиц..., в камышах шумело озеро. На окружающих холмах зеленел строевой лес. Вода тоже была рядом – в Шура-озени. Кроме того, со скал, высящих близ речки, стекало несколько холодных родников.

На расстоянии 7-8 выстрелов из лука находились покоренные аулы – Кафыр-Кумух, Муслим-аул и, несколько далее, Нижнее Казанище.

Жители их должны были кормить солдат и поставлять фураж для конницы.

Но основная причина, на наш взгляд, заключалась в другом: боясь углубиться в совершенно незнакомые горы и, встречая отчаянное сопротивление со стороны племен, населяющих Дагестан, Тамерлан, будучи опытным полководцем, не мог не позаботиться о своем тыле.

Потому-то у преддверия гор, там, где ныне стоит Буйнакск, была создана основная база – стоянка войск. Отсюда был совершен ряд набегов. В частности, известна история осады древней крепости Кадар¹.

Гаджиев Б. *Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961. С. 10–11*

□ □ □

¹ Тамерлан, говорят, не сумел сходу взять крепость, пошел на хитрость. Он преподнес кадарцам подарки в сундуках, но в них оказались воины, которые открыли ворота и этим дали возможность ворваться основным силам в крепость и покорить ее.

О взятии Тимуром Кадара

... Гадар (или Кадар), большой аул, расположенный на одиноко стоящей горе и знаменитый тем, что умел всегда (даже во время Ша-миля) отстаивать свою независимость. Раз, впрочем он был взят обманом, как это рассказывает местная легенда, несколько напоминающая легенду о взятии Трои. Было это очень давно, когда в Кадаре было 7777 домов. Пришел один сильный хан и осадил аул, но никак не мог его взять. Тогда он захотел узнать, велико ли население Кадара. С этой целью он подкупил одну женщину, которая жила на самой окраине аула. Женщина эта вывесила перед своей саклей штаны о трех штанинах. Мимо шедший старик увидел такой необычный предмет и остановился в изумлении. «Ни в одном из 7777 домов, сказал он, не видал я ничего подобного». Женщина передала узнанное им число домов хану. Тогда хан пустился на хитрость. Он объявил кадарцам, что готов заключить с ними мир и вступить в брак с дочерью местного бека. Кадарцы поверили и вступили в сношения. Хан снарядил подарки невесте и послал их на 7777 ослах. Каждый осел нес два сундука и его вел под узды незоружный человек. Но в сундуках были спрятаны воины, которые, по приходе на площадь, были выпущены проводниками и овладели аулом. – В то время, по преданию, кругом Кадара были многие селения, а сам аул имел железные ворота, которые теперь находятся, будто бы в Дербенте...

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенный при содействии Императорского Русского Географического Общества // ИИРГО. СПб., 1884. Т. XX. Вып. 4. С. 385–386.

□ □ □

Кадар

... Кадар занимает плоскую часть Харкаских гор; в нем несколько сот дворов, из которых три четверти заняты жителями, остальные покинуты семействами, поселившимися на хуторах. Рассказывают, будто бы, во время управления деулеров, Кадар служил границей между владениями деулеров – Харкаских и Дербентских: Харкаским деулерам принадлежало все пространство от Гимр до Кадара, Дербентским – от Кадара до Дербента. Старый Кадар своими постройками

ми походил на Дербент; полагают, что Кадар и Дербент построены деулерами, хотя в Кадаре нет теперь никакого следа старых построек; в Дербенте же до настоящего времени целы стены, которые построены из тесаного камня, каждый величиною в кубическую сажень: только деулеры, по поверию, могли поднимать эти камни и пригонять в стены.

После управления деулеров, в Дербенте возвысился Ахсак Темир, пасший некогда кадарских телят. Ахсак Темир семи лет, лишившись отца и матери в Кадаре, поселился у своей бабушки; она обратилась к обществу, чтобы оно дало сироте – Ахсак Темуру средства к пропитанию; общество поручило ему пасти кадарских телят, за что платило зерновым хлебом по числу голов скота. Однажды, когда Ахсак Темир пас телят, мимо проезжал один житель Дербента, возвешив на арбе на продажу дыни, и стал спрашивать Ахсака, сколько он получает за каждого теленка и сколько телят в стаде. На ответ Ахсака он заметил, что в Дербенте выгоднее караулить огороды. Ахсак Темир немедленно бросил стадо без всякого присмотра, сел на арбу и поехал в Дербент. Кадарцы сожгли дом бабушки, а бабушку посадили в яму (в тюрьму), где она и умерла. Ахсак Темир в Дербенте караулил огороды, за что ему платили дынями и арбузами, которые он продавал на базаре; но там как у него, так и у других торгующих каждый раз растаскивали большую часть товара, а жаловаться было не кому, так как власть хана была очень слаба. Пользуясь этим, Ахсак Темир поселился на кладбище и стал брать деньги за каждого покойника, иначе не позволял хоронить. Через несколько времени умерла ханская дочь; Ахсак Темир потребовал деньги и от хана. Хан очень удивился, потребовал к себе Ахсак Темира для объяснений. Ахсак Темир рассказал ему обо всем подробно. Хан, заметив, что это человек необыкновенный, назначил Ахсака Темира своим визирем. По смерти хана Ахсак Темир женился на ханше и завладел Дербентом; сделавшись правителем, он заставил своих подданных рыть подземный ход от Дербента до Кадара. По окончании работы он послал своего приближенного сказать кадарцам, что хочет почтить своих односельчан и послать в подарок на каждый дом по сундуку, наполненному дорогими тканями с тем, чтобы они открыли сундуки тогда, когда получат приказ. Ахсак Темир в каждый сундук посадил по вооруженному воину, которые должны были напасть на Кадарцев, когда они откроют сундуки; в то же время лучшая часть войска должна была войти в Кадар подземным ходом. Войска эти напали ночью и разрушила Кадар; с тех пор Кадар-

цы расселились по хуторам. Ахсак Темир приказал перевести в Дербент все материалы от кадарских построек, а также, будто бы, железные ворота, которые донныне находятся в Дербенте. От подземного хода есть следы в разных местах: в Кадаре, в Гели, в Карабудахкенте, в Каякенте, и далее – на пути к Дербенту.

Г.М. Дебиров. Дагестанские предания и суеверия // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 28–30.

□ □ □

Осада Кадара

Другой вариант предания о взятии Кадара Тимуром записан Р.М. Магомедовым. Ниже мы приводим его с анализом Р.М. Магомедова. Он пишет: «Кадарское общество считалось одним из многолюдных и крепких даргинских обществ. В его состав входили села Карамачи, Чанкурбе и другие, уничтоженные во время нашествия. Жили кадарцы вольной общиной, не было у них ни князей, ни беков. В те времена Кадар считался неприступным городом. Расположен он был на холме в скалистой местности, добраться до которой можно было только по узкой горной тропе, но она была укреплена мощной стеной с башнями. У самого входа в город находилась площадка под названием «Кьяда». В центре площадки возвышался небольшой скальный выступ – место, где собиралась городская администрация, звать. Амфитеатром к нему располагались склоны, на которых могли разместиться остальные жители города. От «Кьяда» и получилось название города и жителей. В дни осады кадарский джамаат непрерывно заседал на этой площадке. Все население города, включая стариков, женщин и детей, встало на защиту города. Со скальных выступов на врагов сбрасывали камни, устраивали обвалы, обливали кипятком. Для обороны, кроме обычного оружия, кадарцы пользовались тяжелыми дубовыми булавами.

Среди окружающих обществ кадарцы считались искусными, страшными воинами. До сих пор рассказывают, что вокруг Кадара находилась дубовая роща, где росли могучие деревья, доходившие до отвесных обрывов вокруг города. Кадарские смельчаки ради удовольствия взбирались на макушки этих деревьев и по веткам, с одного дерева на другое, не ступая на землю, пробирались в стан врага.

События далекого времени, связанные с захватом Кадара и его

разрушением, не изгладились из народной памяти. У кадарцев и жителей соседних сел сохранилось немало преданий. Согласно одному из них, попытка взять город лобовым штурмом не удалась. Тогда Тимур схитрил – отвел свои силы и начал обстоятельно готовиться к захвату города. Для начала он решил выяснить силы кадарцев. Но как это сделать? Посланные им разведчики пошли на хитрость. Один из них смастерил брюки с тремя штанинами, повесил их у родника, откуда жители брали воду, и стал наблюдать. А родник находился за пределами города. К роднику по воду пришли несколько кадарских девушек. Конечно, они заметили странную одежду и удивились: «Вах, что за чудо! – воскликнула одна. Разве есть люди с тремя ногами? – Не знаю, – ответила другая, – но во всем нашем городе нет ни одного трехногого, хотя отец и говорил, что в Кадаре 8 тысяч семей». И Тимур, получив эти сведения, прикинул, что Кадар могут защищать 8 тысяч взрослых, боеспособных мужчин.

Далее варианты предания расходятся. Согласно одним, Тимур инсценировал поспешное бегство, бросив свой лагерь, посреди которого была оставлена масса каких-то закрытых ящичков. Кадарцы, естественно, стали обследовать брошенный лагерь и, наткнувшись на эти ящички, решили, что там находится добыча Тимура, награбленная в этом походе у соседних жителей. Ящички как трофеи были доставлены в город для дележа. Между тем в каждом ящичке скрывался вооруженный воин, дожидавшийся благоприятного момента.

По другому варианту предания, Тимур, подготовив ящички, вступил в мирные переговоры с кадарскими старейшинами: он якобы желает мира и в знак искреннего своего расположения одаривает каждую кадарскую семью. После обманных переговоров в город направился караван с его подарками. Стража у городских ворот отвлеклась, приняв участие в дележе. Воспользовавшись потерей бдительности, сумели ворваться в город, главные силы Тимура. В кадарских преданиях много говорится о коварстве и ухищрениях врага.

Письменные источники свидетельствуют, что кадарцы проявили исключительное упорство и находчивость и после того, как враг ворвался в город. Противнику, несшему большие потери, приходилось брать каждый дом, многие кадарские улицы были залиты людской кровью. Погибло почти все мужское население (кроме тех, кто принял ислам), древний город был разрушен и разграблен, но чести своей кадарцы не посрамили.

Предания повествуют, что кадарцы относились с презрением к

тем, кто проявлял малодушие, алчность, роняя честь и достоинство своего народа. Особо суровым оказался их приговор тем, кто стоял на страже у ворот и позволил врагу ворваться в город, соблазнившись щедрыми подарками Тимура. Каждому из них в горло было залито расплавленное золото, а трупы сброшены в пропасть.

После пережитой трагедии многолюдное и воинственное кадарское общество перестало существовать, все вокруг было разорено, а уцелевшие кадарцы попали под власть казикумухского шамхала.

Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. I. С. 137–139.

□ □ □

С преданием «Разговор кривого и хромого» сходно предание «Слепой Карабудаг и хромой Тамерлан». В предании говорится, что инокоритель земель хромой Тамерлан послал слепому Карабудагу наочного с требованием покориться и лично явиться к нему. Карабудаг на старом буйволе двинулся со свитой к условленному месту. Долго кдал Тамерлан прибытия Карабудага. Не дождавшись его, сам направился в резиденцию Карабудага. «Когда Тамерлан, наконец, встретился с Карабудагом, он стал упрекать его за то, что тот едет на буйволе, а не на отборном скакуне. На это Карабудаг ответил: «Зачем нам то-юпиться!? Народы и так скоро поймут, что нельзя терпеть, чтобы ими правляли хромые и слепые».

Халидова М.Р. Указ соч. С. 209–210. Хабары про Акул-Али / Сост. М.-Х. Пашаев. Махачкала, 1869. С. 55, 56.

□ □ □

Отрывок из текста героической песни даргинцев

Преодолев вершины высокие,
Находящиеся близко с молнией,
Войска хромого Тимура,
Не знающие жалости к людям,
В крови затопили
Села и хутора,
Убили многих людей,
Ни в чем не виновных.
На широкой равнине

Связали, как снопы сена,
Детей всего аула,
Безвинных и безгрешных.

Абакарова Ф. О., Алиева Ф. А. *Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала: Изд. Тим. ДНЦ РАН, 1999. С. 99.*

□ □ □

О походе Тимура из Ушкудже в Зирихгеран и Кайтаг в 1396 г.

Комментируя сведения историографов Тимура Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Йезди о том, что после разрушения Ушкудже (Усиша) и других дагестанских сел завоеватели двинулись к своему лагерю-обозу у сел. Тарки, Р.М. Магомедов отмечает: «Шами и Йезди на этом пути называют лишь Зирихгеран и Кайтаг, причем речь идет не о битвах, а больше о количестве награбленного и пленных – того и другого хватило на каждого воина. Предания дают некоторую возможность уточнить маршрут движения Тимура. Конечно, по Левашинскому плато, по верховью р. Хала-герк и далее через Бутри, Усиша и Мути Тимур мог двигаться как по пустыне – все эти земли были им только что опустошены и разорены (может быть, этим и объясняется полное отсутствие у историографов Тимура каких-либо сведений по этому отрезку маршрута). Но южнее, в с. Гапшима, бытует предание о каких-то чужеземных завоевателях, войско которых занимало высоты над селом и осыпало его не только стрелами, но и горшками с нефтью. Подобное оружие применялось и монголами, и Тимуром, однако нет никаких сведений о действиях монголов здесь – может быть, эта легенда указывает на след Тимура? Зато в с. Танти (сюда Тимур мог попасть только через Гапшима) есть предание о разорении здесь Тимуром тех небольших хуторов, из которых впоследствии образовалось нынешнее Танти. Говорится и о поголовном истреблении всех, попавших в руки захватчиков, люди, прятавшиеся в близлежащей пещере, были найдены и затоптаны конницей на току. Случайно удалось скрыться лишь одной женщине, она бежала в сирхинское с. Цугни, где осталась навсегда, но при этом она сохранила за собой свои земельные участки в Танти, и это признали люди, впоследствии заселившие эти места. Доказательство истинности предания тантинцы видят в том, что цугнинцы – потомки этой женщины сохраняли из поколения в по-

соление право собственности на ее участки, хотя из-за удаленности ими пользоваться ими не могли. Поэтому земли эти использовались гантинцами, а цугнинским наследникам ежегодно выплачивалось по 8 баранов...

К югу от Танти лежал перевал, открывающий путь в Сирху. Но как раз здесь преданий о Тимуре выявить не удалось. Однако они есть в с. Гинта к востоку от Танти: гинтинцы считают, что ныне живут на том месте, куда их предки укрылись от войск Тимура.

Следующие села, где сохранилась память о Тимуре, – это Цудакар и Уркарах. Беглые жители цудахарских поселений нашли укрытие в соседних лакцев. Опустошив и разорив эти села, он якобы оставил тут каких-то своих приверженцев. Итак, нанося на карту села, где выявлен «фольклорный след» Тимура, можно с известной достоверностью заполнить пробел в его маршруте от Тарки до Зирихгерана. Что-то помешало ему пройти через Тантинский перевал в Сирху и далее через Урари в Зирихгеран и Кайтаг, почему-то он предпочел менее удобный путь мимо Гинта на Уркарах. Вероятнее всего, причиной тому было сопротивление сирхинцев...

Между тем Тимур вышел, наконец, к Зирихгерану. Здесь обошлось без боя – зирихгеранцы откупились от него (Тимура), вручив ему бронекольчуги собственной работы. Летописцы Тимура утверждают: «Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повиновением и поднесли ему множество брони и кольчуг». Эпизод этот может свидетельствовать об «измотанности», ослаблении завоевателей, ведь одолев Зирихгеран, они могли бы взять гораздо больше. Но с другой стороны, Тимур и его окружение, хорошо знакомые с продукцией лучших оружейных мастерских Передней и Средней Азии, Индии, приняли дары кубачинцев вместе с их условиями. Это свидетельствует, что качество кубачинских кольчуг конца XIV в. было, по крайней мере, не ниже лучших изделий оружейников Востока (можно сделать выводы и об уровне их технологии). Предания говорят, что отряды Тимура сумели добраться до Чирага и разорили села Кархала, Каная, Барши, Нихтала, развалины которых существуют доныне. По-видимому, Тимур пытался овладеть внутренней дорогой через Нагорье Дагестана, которая, начинаясь от Кулханской переправы через Самур, выходит через Агул к Кумуху, от которого разветвляется на запад, север и северо-восток. Примечательно, что «оседлать» эту внутреннюю дорогу Тимур все же не смог. По легенде, чирагцы обратились к даргинцам за помощью, но, конечно, не смогли получить

ее от только что разоренных даргинских земель. После ухода Тимура разочарованные чирагцы и их соседи объединились в отдельное общество – Гуца-Дарго, обособившиеся и от Уцми-Дарго, и от Буркун-Дарго и от других соседних даргинских обществ.

Затем войско Тимура миновало Кайтаг, за год до этого превращенный в пустыню или кладбище. Вскоре оно вступило в Дербент, где Тимура ожидал его вассал – ширваншах Шейх-Ибрахим...

Никогда более Тимур уже не появлялся в Дагестане, лишь в 1400 г. по приморской равнине-плоскости проходит через Дербент в сторону Дарьяла один отряд его войск, в тыл грузинскому царю Георгию VII...

Магомедов Р.М. *Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1. С. 140–143.*

□ □ □

О гибели древнего города Кайтага

В древние времена на месте нынешнего сел. Шиланша находился большой город. На город напали какие-то завоеватели и они осадили его. Город был защищен крепостной стеной. Одна местная девушка пошла за водой за пределы крепостной стены, где была схвачена противниками. Она взмолилась и попросила, чтобы они не трогали ее, обещав сделать все, что они от нее потребуют. Тогда они потребовали помочь им взять крепость. Девушка обещала сигналом из крепости известить их, когда все мужчины города соберутся в мечети на молитву. Вернувшись в крепость, девушка, как и обещала, в пятницу, когда все мужчины собрались в мечети, подала сигнал – она вышла на крышу, одевшись в красное платье. Неприятель штурмом взял крепость и перебил все население. Завоеватели собрали всех малышей к току и раздавили их большими каменными катками. Оставшуюся в живых девушку-предателя неприятели взяли с собой. По дороге враги решили, что она, предавшая свой джамаат, безусловно, предаст и их, и убили ее... По дороге от сел. Шиланши в сел. Хучни (на правой стороне дороги) имеется груда камней, которая в народе называется «груда проклятий», где, якобы, была убита предательница. Каждый, кто бы ни проходил по этой дороге, должен был бросать камень в эту груду.

□ □ □

В Сулевкентском ущелье есть тропа, которая называется «Тропой слепых». По преданию, этой тропой вернулись в Угбуг (Кубачи – Б.А.) мастера, которых Тимур пытался заставить ковать оружие и кольчуги, но мастера отказались и он приказал их ослепить и выбросить за крепостные ворота Дербента. Побрели слепые, держась друг за друга, в горы. В Сулевкентском ущелье они повстречали мельника, тоже ослепленного Тимуром. Старый мельник знал, что зрение может вернуть целебный источник Улилла Шин, но дойти туда у старика не было сил. Семеро слепых мастеров понесла его, и добравшись до родника у аула Кубачи, исцелились от слепоты. И с тех пор кубачинцы ежегодно справляют праздник весны именно у этого родника.

Абакарова Ф.Р. *Дагестано-грузинские фольклорные связи и параллели // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором. / Сб. статей / Махачкала, 1985. С. 83–84.*

□ □ □

О борьбе с тимуридами Тимура

Из приведенных источников мы видели, что в 1395 и 1396 гг., преследуя золотоордынского хана Тохтамыша, Тимур прошел и по Дагестану. В 1395 г. завоеватели были в основном в Кайтагском уцмийстве, правитель которого был сторонником Тохтамыша. Тимур жестоко расправился с уцмийством, разрушил десятки сел и убил тысячи жителей. Основную борьбу с тимуровскими завоевателями народы Дагестана вели в 1396 г. В этот год завоеватели были во многих предгорных и горных селениях Дагестана, где жестоко расправлялись с теми, кто оказывал им сопротивление.

Покорив кумыков, живших между Терекон и Сулаком, Тимур через земли чеченцев двинулся в Салатавию, где, преодолев упорное сопротивление местного населения, захватил, а затем разрушил город Алмак, в котором имелось 7–8 тысяч домов. Отсюда завоеватели двинулись в Гумбет и разорили местное население, разрушили их укрепления и села.

О пребывании в этих местах тимуровских войск свидетельствует также топонимика. До сих пор дорогу, ведущую из сел. Чиркей до горы Анчи-меэр, старожилы называют Аксак-Темир-елу, т.е. «Дорога хромого Тимура». От горы Хариб и Анчи-меэр до селения Аргвани через Салатавию тянется дорога, носящая название «Арсак-Темирил-

гвай». В гумбетовском районе, севернее аула Данух, пролегает дорога, носящая название «бодул нух» («дорога войска»), или еще называют ее «Тимурил нух» «дорога Тимура».

□ □ □

В селении Миатли была записана такая легенда. В Салатавию приходили войска Тимура. Здесь везде встречаются холмики земли, их насыпали идущие в бой воины Тимура. После сражения с местным населением каждый оставшийся в живых воин Тимура сыпал землю в свою торбу, таким образом устанавливались потери. Оставшиеся холмы говорят о том, что Тимур недосчитал здесь многих воинов.

□ □ □

На месте нынешнего Алмака был сильно укрепленный большой город. Войска Тимура осадили город, но никак не могли взять его. Тогда Тимур пошел на хитрость. Он переоделся нищим (по другой версии, Тимур переодел нищим и послал в город своего человека) и прошел в город. Походил по Алмаку, осмотрел его со всех сторон. На ночлег попросился к одинокой старухе. Хозяйка пригласила его поесть и поставила перед ним кашу. Тимур стал черпать кашу ложкой то с краю, то с середины. Старушка, увидев это, возмутилась: «Что ты, как Арсах-Тимур (так звали Тимура в этих местах) скачешь то сюда, то туда? Почему не ешь нормально, как люди с краю?» «Нищий» поинтересовался, кто этот Арсах-Тимур, что за человек. И услышал в ответ, что Арсах-Тимур – это человек, который воюет то здесь, то там, разрушает все, уничтожает людей, приносит везде бедствия. Тогда «нищий» спросил, как же алмакцам удалось избежать участи, постигшей жителей других селений? На это женщина ответила, что Тимур давно взял бы Алмак, если бы узнал, откуда в город поступает вода. Гость как бы ненароком поинтересовался, где же находится этот источник? И узнал, что источник находится на краю селения, у возвышенности, на которой растет большое дерево. Если перекрыть воду, алмакцы вынуждены будут сдаться.

Утром «нищий» ушел. Придя к себе в лагерь, Тимур приказал закрыть источник воды. Лишенные воды алмакцы вынуждены были принять предложение Тимура сдаться. Завоеватели обещали не трогать жителей и не разрушать город.

Горожане впустили тимуровские войска в город. Но последние

нарушили свое обещание. Они устроили страшную резню и погром. Алмак был разграблен и сожжен, жители его, попавшие в руки тимуровских войск, убиты. Оставшиеся в живых убежали и расселились по разным селам.

После ухода завоевателей Алмак постепенно стал восстанавливаться, но не достиг былых размеров. На месте города образовалось селение.

□ □ □

Из Салатавии, перейдя реку Сулак, войска Тимура через Кумторкалу двинулись дальше в горы. Придя на территорию нынешнего Буйнакского района, Тимур остановился на горе, находящейся на левом берегу реки Шура-озень, откуда была видна окрестность. Возможно, с его именем связано название Темир-Хан-Шура – тогда небольшого населенного пункта, расположенного на берегу озера, где Тимур разбил свой лагерь.

Расположившись здесь, Тимур стал совершать набеги на окрестные селения, в результате чего были покорены населенные пункты на месте нынешних Кафыр-Кумуха, Атланаула., Нижнего Казанища, Аркаса.

□ □ □

Войска Тимура, покорив жителей селения Артлук, по тропинке, известной под названием «Тимурасал-мокосох» – пошли в сторону Аргвани, Цилитля. На пути было селение Данух, завоеватели сначала захватили его. Об этом говорит сохранившееся до сих пор название дороги на данухской территории, связанное с именем Тимура. Это «Тимурил нух». По этой дороге в XIX в. прошли царские войска во главе с генералом Граббе.

Гумбетовцы выступили против завоевателей. Тогда Тимур дал каждому воину указание принести по 12 голов гумбетовцев. Завоеватели с огнем и мечом прошли по Гумбету, грабя и разрушая села, убивая женщин, стариков и детей.

□ □ □

Войска Тимура проникли и в высокогорную Аварию дальше Гумбета. Об этом говорит предание, где отражена борьба жителей сел. Гагатль совместно с жителями сел. Анди современного Ботлихского

района с завоевателями. В предании говорится, что андийцы сражались с большим мужеством, но им не удалось выстоять против превосходящих сил завоевателей, в неравной борьбе пали многие, сел. Гагатль было сравнено с землей, а оставшихся в живых стариков, женщин и детей Тимур собрал в местность, называемую «Къуразул гъоцѝ» – сельское гумно, где они были растоптаны под копытами коней.

□ □ □

Войска Тимура пришли в Кайтаг и в 1395, и в 1396 гг. Кайтакцы оказали Тимуру упорное сопротивление. Они напали на его войска. Для защиты от нападения кайтагцев по приказу Тимура был вырыт ров шириной 3-4 метра, который тянулся от холма, находящегося между селениями Башликент, Гапкайкент и Ачикент, до территории Баршамая и других кайтагских сел.

□ □ □

Проходя по плоскостному Дагестану с большим войском, Тимур взял селение Варсит. На территории Дербента имеется холм под названием «Башлык-тепе» – образованный якобы землей, которую высыпали здесь воины Тимура. Этим Тимур хотел показать как много у него воинов.

Войска Тимура побывали в селении Сурхавкент. Они разрушили находившийся здесь большой населенный пункт. Это произошло еще до переселения варситцев на место нынешнего селения.

□ □ □

В Верхнее Дарго Тимур совершил поход в 1396 г. Верхнедаргинцы в период похода Тимура в Дагестан еще не были мусульманами. Трагические события развернулись на территории Верхнего Дарго, в селении Ускиша (нынешнее Усиша), являвшемся центром верхнедаргинских обществ и христианства в регионе. Завоевателям удалось взять селение только после долгой и упорной борьбы. За упорное сопротивление завоеватели жестоко отомстили защитникам селения, до основания его разрушив, а большинство жителей уничтожив.

Из Ускиша тимуровские войска двинулись в селение Муги. На равнине известной и ныне под названием «Хярбуки-дирка», произошло крупное сражение. Во время земляных работ на этой территории

находят останки погибших в этом сражении мугинцев. После разгрома мугинцев завоеватели ворвались в селение и разрушили его. Попавшие в руки завоевателей старики, женщины и дети были растоптаны вражеской конницей.

□ □ □

Согласно данным, собранным проф. Р.М. Магомедовым, раньше Гагатль был большим населенным пунктом, где находился хаң Юлук – лакский феодал-христианин, изгнанный со своей родины за убийство и явившийся в андийские земли вместе с дружиной, прислугой, родственниками и т.д.

«Первоначально Гагатль был укрепленным городищем (замком?), обнесенным каменной оборонительной стеной. Со своей дружиной в 300-350 всадников Юлук совершал набеги на непокорных, распространял христианство среди андийских племен, захватывал пленных...»

Со временем Гагатль стал еще больше. По преданию, Юлук мог выставить 600 всадников на пегих конях.

Однажды по дороге из Мехельта в андийские земли явилось войско Тимура. Несколько андийских ополчений выступило ему навстречу и недалеко от Гагатля произошел кровопролитный бой, где обе стороны понесли огромные потери. Доныне местность эта называется Гъимл'иру (в переводе – «река крови»).

«Сохранилась легенда, якобы крови было так много, что в ее потоке тонули люди, а одежда погибших и седла их коней кровавый поток унес в Койсу, и потом их вылавливали из реки у Верхнего Чирюрта. Эти сказочные подробности все же передают в какой-то степени впечатления об исключительной кровопролитности битвы, сохранившейся в памяти народа.

Верх взяли войска Тимура, захватившие Риквани, Гагатль, Гунха, Зило, Анди. Сопротивление населения было подавлено жесточайшим образом. Предание гласит, что наместники Тимура, истребив взрослое мужское население Гагатля, собрали на току всех без исключения родственников Юлука – старых и малых – и пустили по их телам табун лошадей. Это место доныне зовется «Вагъамадар гъинцѝцу (вагъамадул – побежденные). Затем военачальники Тимура приказали, чтобы отныне в Гагатле не смели жить более 30 семей. С тех пор и доныне Гагатль остается небольшим селением.

Желая упрочить свое господство, наместники Тимура силой ору-

жия начали распространять среди андийцев ислам. По преданию, в это время в Гагатле были построены три мечети.

Предание связывает утверждение ислама в Гагатле с деятельностью Али сына Маммада сына Бака-Маммада сына Шамхала. А этот Шамхал прибыл в Дагестан вместе с Абу-Муслимом и был послан в Анди для распространения ислама и наведения порядка. Таким образом, Али является (по разным версиям) внуком или правнуком легендарного Шамхала.

Часть гагатлинцев считается потомками Али. От него ведут свою родословную тухумы «хъачилал», «гъажикӀулал», «муртазалалал», игравшие в прошлом главенствующую роль в Гагатле и называвшиеся обобщенно «шамхалал». Кстати, местная письменная хроника XVIII в. отмечает существование в Анди около XVI в. местного феодала Алибек-шамхала, именовавшегося также Дугру. Кроме них здесь были более мелкие тухумы «юлукилал» (или «вагъамадул») – потомки Юлука), «бичоннал», «абичулал», «хирчилал». Имеется также многочисленная группа «магъов» – потомков грузинских военнопленных...»

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. 2. С. 265–266.*

□ □ □

В отдельных преданиях повествуется как Тимур инкогнито путешествует по Дагестану. Показательно в этом плане кумыкское предание «Ал-мак». По преданию Тимур (в тексте Аксак Темир) с многочисленным войском окружил селение Алмак, которое было неприступной крепостью. Но осада была безрезультатной. Воинов Тимура видели то в одном месте, то в другом, но взять крепость они не могли. Тимур не знал, как выйти из создавшегося положения. Переодевшись нищим, он пошел в сел. Алмак. Там он остановился у одной бедной старушки. Она угостила его кашей.

«Аксак Темир, погруженный в свои мысли, машинально сделал ложкой на четырех углах каши выемки.

Старуха глядя на это сказала:

– Ты что, мой гость, как Аксак Темир, все ходишь вокруг тарелки.

Если думаешь, что каши мало, не бойся, ее еще много в кастрюле.

Аксак Темир спросил у нее.

– Кто такой Аксак Темир?

Старуха ответила:

Это тот, что ходит вокруг села, не может взять его. А ведь это совсем не трудно. От подножия горы, – продолжала она, – в село идут водопроводные трубы, если прикрыть поступление воды в село, то жителям его остается один выход – сдаться. Последовав совету старухи, Тимур покорил осажденное селение.

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 206–207. Рук. фонд Института ЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 432. Л. 62–63.*

□ □ □

В ряде преданий встречается мифологический мотив перевоплощения. Характерно в этом отношении бытующее в Гунибском районе аварское предание «Хромой Тимур», в котором вновь обыгрывается ситуация с кашей. Здесь грозному Тимуру противопоставляется простая горянка.

Удивленная тем, что гость (Тимур) ест кашу с середины, а не с краю, она сказала, что его действия подобны тактике Тимура, который пытается покорить Дагестан, вторгнувшись в центральные районы. Пораженный простотой простой горянки, Тимур покидает Дагестан, решив, что ему не покорить такой народ.

Халидова М.Р. *Указ. соч. С. 207.*

□ □ □

О завоевании сел. Усиша Каландаром

Из Аварии на территорию верхнедаргинских обществ пришел со своими войсками Каландар. Он решил завоевать и объединить поселения, которые находились на территории нынешнего селения Усиша (Зирмукъ гӀяя, Хьинала гӀяя, Гъубши хӀеркӀла гӀяя, МарцӀла гӀяя, Шургъала гӀяя, МухӀула гӀяя, ЧебяхӀшала гӀяя, ГӀяндибатӀала гӀяя. На месте селения Усиша находилось поселение Усала гӀяя). Сначала Каландар хотел завоевать поселение Усала гӀяя и потом присоединить к нему остальные. Усала гӀяя было самым большим и сильным поселением, и поэтому Каландару трудно было овладеть им.

Чтобы изучить положение в Усала гӀяя, однажды Каландар пришел туда под видом нищего странника. Он зашел в один из крайних домов селения, где жила одна старуха. Она пожалела «нищего» и поставила перед ним деревянный поднос с жареной мукой (толокно). Каландар стал есть ее, беря прямо с середины подноса, а не с края.

Увидев, как он кушает, старуха сказала: «зачем ты берешь еду с середины подноса, словно Каландар, который, оставив находящиеся вокруг поселения, хочет взять сначала Усала гЯя». Каландар задумался над словами старухи и решил сначала взять другие поселения. Он так и сделал. Только после этого Каландар смог овладеть и поселением Усала гЯя. Завоевав все поселения, Каландар переселил их жителей в самое большое из них – Усала гЯя, после чего последнее еще больше выросло и укрепилось, превратившись в один из крупных населенных пунктов даргинцев.

□ □ □

О приходе войск Тимура в сел. Мюрего

Тимур со своими войсками остановился в местности «Чиригьума кьякь» и разбил здесь лагерь. Для защиты своего селения мюрегинцы в местности «ГЯйсала кьякь» построили земляной вал, а на «Хьаршила муза» – окопы. Тимур потребовал от мюрегинцев покориться и доставить в его лагерь красивых девушек. Мюрегинцы долго спорили и наконец пришли к решению посылать в лагерь Тимура девушек по жребию. Первый жребий пал на дочь мюрегинца Баганда (БахЯнд). Самого Баганда тогда в селении не было и дочь его забрали без него. В тот день Баганд вернулся в селение и застал дома плачущую жену. Узнав о случившемся, Баганд организовал погоню и, не доходя до местности «Чятилла дубла» (край шатра), догнал всадника, который увозил его дочь, убил его и, забрав дочь, вернулся в селение. За такой смелый поступок джамаат Мюрего дал Баганду земельный участок, известный до сих пор под названием «Зулум БахЯндла хьу» (пахотное поле смелого Баганда).

□ □ □

О приходе войск Тимура в сел. Мекеги

Когда войска Тимура вторглись в Верхнее Дарго один из его многочисленных отрядов наступал на сел. Мекеги. Мекегинцы, не ожидавшие этого, ранее отправили свой отряд на помощь акушинцам. Это однако не застало их врасплох. Укрывшись за крепостными стенами, они организовали оборону селения. И сколько бы отряд завоевателей не штурмовал селение, ему не удалось взять его. В одну из ночей неожиданно для врага через главные ворота крепости вооруженные ме-

кегинцы набросились на осаждавших крепость. Мекегинцы взяли в плен предводителя тимуровских войск, а уцелевшая часть отряда отступила. Пленник был казнен и выброшен в местности «Зурала бах».

Со временем Тимур вместе с другими селениями покори и сел. Мекеги. Завоевателям силой оружия удалось навязать мекегинцам ислам.

□ □ □

О приходе тимуровских войск в сел. Муги

В сел. Муги войска Тимура приходили со слонами. С их помощью Тимур разрушил селение. На месте под названием «ХЯжитаила кьатл», где лег один из слонов Тимура, был впоследствии построен хутор.

□ □ □

В сел. Мекеги сохранилось также предание о нашествии Тимура и в другие села. Войска Тимура разрушили сел. Герга, которое находилось у входа в долину (ущелье) Ая-Кака. Жители селения были растоптаны конницей завоевателей. Рассказывают, что город Шам-шахар также был разрушен тимуровскими войсками.

□ □ □

Аналогичные предания о приходе тимуровских войск в сел. Герга сохранились и в селениях Урахи и Ниж. Мулебки. Но в них речь идет о разрушении селения Герга, находившегося до 1944 г. недалеко от сел. Ниж. Мулебки. Интересно, что в этих преданиях Тимур представлен как житель сел. Герга. Рано потеряв родителей, он якобы был пас-тухом – пас телят гергинцев. Гергинцы издевались над ним и он убежал из селения. Затем он пришел с большим войском из Средней Азии и отомстил всем, кто издевался над ним. Он взял сел. Герга и разрушил его до основания.

Надо полагать, что это отголосок действительного пребывания Тимура в сел. Герга.

О прихода в сел. Танти войск Тимура

Сел. Танти образовалось в результате объединения девяти небольших поселений. На одно из них, которое называлось Кеддала (Къведдала) напали тимуровские войска. Взрослое население спряталось в ближайшей от поселения пещере, думая что завоеватели не тронут детей и женщин. Но враги собрали их на току и растоптали своей конницей.

Из оставшихся в селении во время прихода завоевателей жителей Кеддала в живых осталась только одна женщина, которая убежала в сюргинское селение Цугни. Хотя она осталась в Цугни навсегда, она сохранила за собой свои земельные участки на территории бывшего поселения. Эти земли переходили по наследству цугнинцам. За пользование этими землями тантинцы давали ежегодно цугнинцам 8 баранов.

□ □ □

До переселения на место нынешнего селения Харбук неоднократно разрушался врагами, уводя женщин и детей в плен. Однажды на помощь карбукцам пришли жители соседних сел, которые решили объединиться в борьбе с общим врагом. Послы – представители этих селений обратились к уважаемому человеку из Акуша по имени Хулал, чтобы он стал во главе объединенного отряда. Хулал согласился и призвал всех даргинцев выступить на Карбачи-дирка, а также дал наказ всем карбукцам вооружить собравшихся. На помощь кузнецам-оружейникам были выделены здоровые и сильные юноши. Когда с оружием в руках все собрались на равнине, Хулал вместе со всеми произнес клятву до последней капли крови драться с врагами и в следующий раз при первой же необходимости собираться на Карбачи-дирка. С этих пор и пошла традиция проведения народного собрания на равнине около с. Карбук...

Юсупов Х., Муталимов М. *Харбукуцы: история и культура.* Махачкала: Юпитер, 1997. С. 33–34.

□ □ □

Борьба харбукцев с полчищами Тимура

В 1395 году Тимур разбил на реке Тереке Тохтамышша (хан Золотой Орды) и вступил в Дагестан.

Согласно преданиям харбукцев, отряды Тимура через хребет Лес проникли и в село. Правда, следует отметить, что самого Харбука в этот период не было. На месте, где стоит ныне село, прямо на скале стояло маленькое, но очень сильно укрепленное поселение, которое называлось «Хула гЯя» (Большое поселение). Оно было основано выходцами различных поселений. В этот период вокруг Хула гЯя располагались родовые поселения. Войска Тимура расположились в местечке «Хула хью» (Большое поле). В предании упоминается зеленая палатка предводителя врагов. В результате набегов Тимура полностью были разрушены и разграблены поселения «Халикыла гЯя» (Поселение Халика), «Дян-гЯя» (Поселение Дяна), «Унеула гЯя» (Поселение Унеу), «КкимхIе-гЯя» (Поселение Кимхе) и другие, но врагу так и не удалось захватить «Хула гЯя» (Большое поселение), куда бежали уцелевшие жители всех вышеназванных поселений.

Таким образом, многие жители харбукских поселений были истреблены, а поселения разрушены...

Юсупов Х., Муталимов М. *Харбукуцы: история и культура.* Махачкала: Юпитер, 1997. С. 32.

□ □ □

О подвиге Ашуры из Харбука

... Давным-давно случилось так, что в одну из пятниц, когда все мужчины села были на молитве в мечети, три девушки заметили приближающееся издали большое вражеское войско – при этом примечательно: предание подчеркивает, что у чужеземцев не было иного метательного оружия, кроме луков и стрел (следовательно, дело было до распространения огнестрельного оружия в Дагестане). Посоветовавшись, решили, что старшая из них – Ашура останется и будет наблюдать за продвижением противника, а две младшие побегут в село и поднимут тревогу. Ашура выбрала для наблюдения высокое скалистое место, внизу проходила узкая тропа – ее враги никак не могли миновать. Из села все не было никаких известий, а враг приближался. Тогда девушка решилась на отчаянный шаг, чтобы задержать противника на подступах к селу, пока не подоспеет помощь...

Когда чужеземцы приблизились к месту, где она сидела в укрытии, она стала сверху сбрасывать на них крупные камни. Враги, конечно, на какой-то миг замедлили движение: передние искали глазами тех, кто пытается остановить их войско, задние подтягивались, скап-

ливаясь под обрывом. И тут Ашура столкнула вниз большие валуны – это вызвало настоящую лавину-оползень, истребившую передовую часть войска. Ашура продолжала действовать таким образом, чтобы выиграть время до подхода помощи, но и враги не медлили, отступив, послали своих наверх – так удалось в конце концов захватить Ашуру. Ей тут же стали рубить на куски – но каково же было удивление чужеземцев, когда обнаружилось, что причиной гибели их авангарда и длительной их задержки была совсем юная горянка!

Тем временем подоспели вооруженные харбукцы, напали они врасплох и уничтожили вражеское войско.

С тех пор место гибели Ашуры сделалось для харбукцев и их соседей местом паломничества, где совершали зиярат.

Более того, отныне на случай нападения врагов в этом месте, получившем название Унеу хъяб (обвальное место), заранее заготавливали побольше огромных камней – их закрепляли таким образом, чтобы в случае необходимости даже человек небольшой силы (старик, женщина, подросток) мог, убрав подпорки и легко поддев рычагом, сдвинуть их и обрушить вниз на врага, вызвав камнепад. Отсюда уклон дороги ведет к мосту, под опорами которого впоследствии были выдолблены особые емкости для пороха – его закладывали туда в неспокойные времена, при этом на мосту устанавливалось непрерывное дежурство. В случае опасности заряды взрывали и мост обрушивался вниз – доступ в Харбук становился невозможным. Эти предосторожности укоренились здесь на века, последний раз их применяли харбукцы при подходе деникинцев.

Магомедов Р.М. *Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. I. С. 132–133.*

□ □ □

Следы пребывания Тимура в Дагестане

Из следов пребывания Тимура в Дагестане, и рассказов о нем заслуживает внимания между прочим то, что в Терекемейском магале есть холмы, которые, проходя по земле Утамышы и простираясь под селением Буйнак и мимо Тарки, доходят до места, называемого Тимур-кою¹, а оттуда продолжают далее, а именно в сторону Эндери.

¹ Тимур-кою означает колодец Тимура; от этого названия произошло теперешнее название местности Темиргое.

И молва, как бы называя эти холмы именем Тимура, гласит, что их соорудил из земли Тимур-шах, когда проходил в тех местах с войсками туда и обратно. В общем после такой прогулки по Дагестану Тимур в 798 Гиджры 1395 христианской эры, отправился из Дербента в Ширван, а оттуда в Грузию и Персию и больше не имел случая вернуться в эти края.

Алкадари Г. *Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 30.*

□ □ □

Следы нашествия татаро-монголов и полчищ Тимура на Дагестан сохранились и в топонимике. Об этом свидетельствует ряд топонимических названий в Южном Дагестане: «селение татарского хана», «монгольское ущелье», в сел. Даркуш известен тухум «татарер», т.е. татары. Возле Дербента расположен холм «Башмак-тебе» («Холм башмака»). Он, по преданию, образован из песка, насыпанного из башмака воинами Темирлана. На кумыкской плоскости много холмов, один из которых называют «Кизляр-тебе» («Девичий холм»); по преданию, у этих холмов девушка-богатырша выступила в поединок с Темирланом. Дорогу, ведущую из селения Чиркей до горы Анчи-Меэр, местные жители до сих пор называют «Укъсакъ-Темир-елу» (Дорога хромого Темира).

См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времён до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 75; Рук. фонд ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 371. Л. 74–76; Л. 357–360; Гаджиев Б. Темир-Хан-Шура // Ленинское знамя / Даг. яз. / 15 октября 1965 г.; Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М.: ИВЛ, 1962; Халилов Х.М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959; Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев, Махачкала, 1969; Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992; полевой материал, собранный в 1962–1993 гг.

□ □ □

В 2–3 километрах к юго-востоку от старого селения Башлы находится большой высокий холм, который башлинцы до сих пор называют

ют «Темир-Хан-тебе». Существует предание, что во время своих походов в разные районы Дагестана и Азербайджана Темирлан (или как его кумыки называли Темир-хан) расположился на этом тебе лагере.

(Из полевого материала, собранного С.Ш. Гаджиевой).

□ □ □

В личной библиотеке жителя сел. Муги Акушинского района М.-З. Закаригаева хранится рукопись книги Мухаммада б. Ахмад ал-Махалли под названием «Канз ар-рагибин фи шарх Минхадж ат-талибин», на одном из листов которой имеется запись о походе Тимура в Дагестан:

797 (год)¹ – дата прихода Тимурланга со своей громадной силой в селения (карийат) Дарга², разрушения [селения] Муха³ и гибели в сражении его жителей (ахл) – юношей, детей и стариков.

Пропали уже все надежды [на спасение] из-за этих интриганов⁴, но тут пришла к нам помощь из вокруг лежащих селений: из Авара и Гумука⁵ и мы освободились от того великого несчастья⁶.

Я – Кади Джабраил.

Из дагестанских памятных записей / Пер. и коммент.

Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // *Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 109–111.*

□ □ □

¹ 797 г. х. = 27.X.1394 – 15.X.1395 гг.

² Это самое раннее упоминание термина «Дарго».

³ Речь идет о сел. Муги Акушинского района.

⁴ «Интригань» – воины Тимура. Можно перевести и иначе: «ядовитые змеи».

⁵ Авария и Казикумух

⁶ 7-го джумада ал-ула 797 г.х. (28.11.1395 г.) Тимур выступил из Дербента и вошел в Кайтаг, где «отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных». (См. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.: Л., 1941. Ч.II.С. 174–175). Вместе с тем известно, что в 1396 г. Тимур захватил и разрушил Ушкуджан-Ускиша. Можно полагать, что во время похода 1395 г. войска Тимура проникли в сел. Муги, но были отбиты. После этого Тимур предпринял второй поход, в ходе которого были разгромлены Ушкуджан-Ускиша и другие селения (См. Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. С. 119–120, 175, 180–185 и др.; История Дагестана. М.: Наука, 1967.Т. I. С. 207–209; Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. О маршруте похода Тимура в 1395–1396 гг. через Дагестан // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX.; Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана (досов. период). Махачкала, 1975. Вып. II).

Интересные сведения сохранились о пребывании монголов в сел. Гагатль Ботлихского района. По преданию, монголы пришли со стороны Чечни. Между андийцами (в том месте, где расположено селение Анди) и монголами произошло сражение. С помощью подчиненных сел монголы выиграли битву. Затем они покорили и другое селение андийцев Бичоннал (Бичоннал).

Монгольского царя, покорившего жителей сел. Бичоннал, звали Елук. Хан Елук в местности Буцурха построил крепостную стену, так называемые «Андийские ворота», против двигавшегося войска Тимура со стороны Гумбета. Когда открывали железные ворота укрепления, то их скрип был слышен на противоположной горе Азал. И было у Елука 800 всадников. Тимур не мог взять укрепление и войти в Андию.

По преданию, бичоннал, которые исповедовали мусульманскую религию, предпочли покориться Тимуру-мусульманину, нежели находиться под властью язычника Елука. И поэтому они и показали Тимуру потайную дорогу – Шабдух-Ичигали. Тимур разделил свое войско на две части и одну повел этим путем и покорил Елука. Он жестоко расправился с поверженцами Елука. По детям, собранным на току, пустили лошадей, после чего этот ток стали называть «гъамл'а гьинц'у» или «могил чемлиб гьинц'у», что значит «ток на крови», «ток, где растоптали детей». Тимур повелевал никогда не допускать возвышения потомков Елука, и за ними закрепилось прозвище «вагъ-амадул» (что значит проигравшие, поверженные).

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 204–205. **Агларов М.А.** *Андийская группа народностей в XIX–начале XX вв. (историко-этнографические очерки)* // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3, Оп. 1. Д. 67. Л. 24–26.

□ □ □

По варианту приведенного предания, записанного Я. Сулеймановым, по приказу Тимура завоеватели собрали на гумно покоренных ими андийцев (особенно из рода Елука): мужчин, женщин, детей и стариков и «помолотили» их, т.е. растоптали конницей. От кровавого гумна и место сражения андийцев с войсками Тимура до притока реки в Андийское Койсу ниже с. Муни пробежал кровавый ручеек.

Халидова М.Г. Указ. соч. С. 205.

□ □ □

Сохранились интересные предания и песни, повествующие о лакской девушке-воительнице Парту Патима.

В предании, записанном Х.М. Халиловым, в одном из боев с войсками Тимура погибает брат Парту Патимы. Она, облачившись в доспехи брата, поклялась отомстить за него.

Рассказывают, что (недалеко от местности, где в настоящее время с. Леваши) встретились два отряда. По обычаю тех времен, выставили борцов с обеих сторон. С лакской стороны вышел возлюбленный Парту Патимы, с монгольской – высокий рослый воин. В ходе поединка погибает лакский воин. Разъяренная Парту Патима бросилась на врага и ловким ударом сабли снесла ему голову. Ободренные успехом, одержанной девушкой над монгольским воином, лакские воины бросились на врагов. Монгольские войска потерпели поражение в этом сражении. Похоронив воинов, погибших в сражении, умирает и сама Парту Патима около родника, в местности, которая была названа ее именем. Это долина, находящаяся недалеко от равнины Яртгаар между аулом Хури и Хьуна, которая называется Партувалу. Здесь и похоронена Парту Патима.

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 202. Рук. фонд Института ЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 432.

□ □ □

ПАРТУ ПАТИМА

Лакское народное сказание

Джигиты за кладбищем копья метали,
Мечи поднимали, точили клинки,
И звон раздавался железа и стали,
И сабли сверкали, и ярко блистали
Кольчуги, и панцири, и шишаки.

Кинжалы, коснувшись кольчуг, изгибались,
Мечи о щиты ударялись, звеня.
Дрожа, на дыбы скакуны поднимались,
Из панцырей сыпались искры огня.

Парту Патима проходила с кувшином,
Увидела юношей в утренний час.
«Привет недостойна сказать я мужчинам,
Хотя не достойна, – приветствую вас!

Зачем вам кинжалы, – вы идете в сраженье?
Зачем вам кольчуги, – вы ждете врагов?
Зачем столько сабель, мечей, шишаков?
К походу готовите вы снаряженье?»

«Парту Патима, ты привет наш прими,
Да жизнь твоей матери будет отрадной!
Кувшин поскорее с плеча ты сними
И нас напои ты водою прохладной!»

«Могу я на землю кувшин опустить,
Могу вас прохладной водой угостить,
Но дайте мне саблю кривую сначала,
Чтоб я вам уменье свое показала».

Джигиты услышали эти слова,
Один посмотрел на другого сперва,
Пришли в удивленье джигиты селенья, –
Никто не скрывал своего удивленья.

Заставив лечь под собой скакуна,
Тут выступил юноша статный и ловкий.
Настала внезапно вокруг тишина.
У девушки горской спросил он с издевкой:

«Ужель, Патима, говоришь ты всерьез?
Зачем же джигитов смешишь ты до слез?
Мужчину сразишь ли кинжалом своим?
Коня ты пронзишь ли копьем боевым?
Ты женское слово сравнишь ли с мужским?»

«Напрасно меня ты вопросами колешь,
Сосед мой, сидящий в седле молодец.
Не думай спесивый, что ты – удалец,
Смеясь надо мной: Ты девица всего лишь!»

Вручи мне коня боевого, седок,
Испробовать дай мне дамасский клинок,
Позволь, чтоб на голову шлем я надела,
Прикрыла кольчугой железною тело.

Мой конь будет быстрым конем храбреца,
Клинок будет острым клинком удальца,

Украсится шлемом бойца голова,
Кольчуга сравнится с кольчугою льва!
Тогда-то, в седле горделиво сидящий,
Покажешь мне, всадник ли ты настоящий,
Тогда-то, воитель в кольчуге и шлеме,
Покажешь отвагу свою перед всеми!»

Сказав, Патима возвратилась домой.
Взволнованы юноши, слов не находят,
А время проходит, а время уходит, —
Примчался, как молния, всадник лихой.

Одет был наездник в броню и забрало,
На сабле египетской солнце играло,
Скакал, точно ветер, скакун вороной,
Сверкал, точно месяц, шишак золотой.

«Привет вам, джигиты, что славой покрыты,
Теперь я могу ли приветствовать вас?
Быть может, гордиться не будут джигиты,
Спесивые речи не скажут сейчас?»

«Родителя славного дочь молодая,
Как воин, ты встречена будешь людьми!
Обидною прежнюю речь не считая,
Парту Патима, ты привет наш прими!»

Парту Патима не сказала ни слова,
Отвага сияла в глазах у нее.
Дамасскую сталь обнажила сурово,
И, лихо гарцуя, метнула копье.

«Парту Патима, умоляем, скажи нам:
Мы видели, как ты ходила с кувшином,
Трудились во время страды полевой,
Но где научилась ты подвигам львиным,
Владеть научилась ты саблей кривой?»

И тут Патима не сказала ни слова,
Клинок убрала, натянув удила,
И, спрыгнув проворно с коня вороного,
К джигиту, что задал вопрос, подошла.

«Давай поиграем, себя позабавим,
Давай испытаем, остер ли клинок.
На небо взлететь скакунов мы заставим,
Попробуем солнца отрезать кусок!»

Тут юноша вышел плечистый и статный,
Он поднял свой щит необъятный, булатный.
Могучею грудью он часто дышал,
Могучею дланью он саблю держал.

Глаза его вспыхнули искрой живою,
Сверкая улыбкой, сидел он в седле,
А лошадь с опущенною головою
Чертила копытами след на земле.

Подобные нартам, закованы в броню,
Сошлись два героя, сошлись для борьбы.
Могучим горам уподобились кони,
Когда они встали, дрожа, на дыбы.

Джигит замахнулся, но сталь изогнулась,
Едва лишь кольчуги девичьей коснулась.
Он вновь замахнулся с воинственным жаром,
Но сабля ответила сабле ударом.

«Теперь, — Патима говорит, — мой черед!»
Египетской саблей своей замахнулась,
Ударилась сабля о щит, изогнулась,
По сабле джигита без промаха бьет, —
И сабля противника в землю воткнулась.

Красавец-джигит побелел от стыда,
Он черные очи потупил тогда,
Он саблю кривую, свой стан наклоня,
Пытался поднять, не слезая с коня.
Но, свесясь с коня, порешила сама
Подать ему саблю Парту Патима.

Внезапно упал ее шлем на поляну,
Рассыпались черные косы по стану.
«Возьми свою саблю», — она говорит,
И шлем подает ей красавец-джигит.

Наездница рядом была, недалеко,
А юноша, свой проклиная удел,
На землю сошел и на камень присел,
Поник головою, страдая жестоко,
Сгорая от срама, вздыхая глубоко
«Прости меня, девушка, я виноват,
Прости меня, был я гордыней объят,
Теперь я увидел, кто истинный воин,
Кто славой героя гордиться достоин!»
«Соседский джигит, умоляю тебя,
Себя ты не мучай, о прошлом скорбя,
Бывает и так, — ты поверь мне, как другу, —
Что волка лягает осел с перепугу».

II

Вернулась домой Патима дорогая,
А мать в это время на крыше сидела,
Трясла она сито, зерно очищая,
И кур отгоняла она то и дело.
«Ой, стыдно мне, люди! Скажи, бога ради,
Зачем ты в мужском щеголяешь наряде?
Найдется ли девушка, чтоб для потехи
Убитого брата надела доспехи?»
«Ой, мать, не стыдись ты одежды моей.
Ой, милая мать, не стыдись ты людей!
Все девушки наши, все наши подруги,
Как я, надевают стальные кольчуги!»
Соседку отправил джигит к Патиме,
Слова на листку расплескали чернила,
Но все, что написано было в письме,
Соседка тотчас найзусть заучила.
«Сказать не решаясь, но счастья желая,
К тебе, Патима, с порученьем пришла я.
Он молод, он строен, отважен, пригож,
Сред юношей равных ему не найдешь».
«Скажи мне, соседка, о ком твоя речь?
Скажи мне, чье сердце смогла я привлечь?»

«Веду об Ахмеде я, доченька, речь,
Чье сердце смогла ты любовью зажечь.
Его ты обрадуй, приди, оживи,
Он гибнет, несчастный, от страстной любви
Он бредит тобой наяву и во сне,
Он тонет в пучине, сгорает в огне.
О, ярко пылающий утренний свет,
Тебе принесла я сердечный привёт!
Джигит умирает. Приди к изголовью,
Больного своей исцелишь ты любовью!»

III

Полдненное солнце стояло высоко,
Гонец на дороге неожиданно возник.
С тревогой он прибыл в Кумух издалека,
Как знамя, его развевался башлык.
Покрыт был скакун его белою пеной,
И потом и пылью покрыт был гонец.
Принес он известье: с грозою военной
Тимур наступает, железный хромец.
Торопится время, торопится время!
Глашатаи подняли горное племя.
С тревогой во все полетели концы
По маленьким лакским аулам гонцы.
Герои на битву собирались в Кумухе.
Глядели им в след старики и старухи,
Невесты и жены подарки несли
Защитникам смелым отцовской земли.
В доспехах военных, в кольчуге и шлеме
Парту Патима появилась пред всеми.
Она прилетела быстрее огня,
Плясать под собой заставляя коня.
«Привет вам, джигиты, идущие биться,
Чтоб землю отцов защитить от врагов!»
«Привет тебе, наша отважная львица,
Геройством ты всех превзошла смельчаков!»

За соколом реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд.
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

Торопится время, — в дорогу, в дорогу!
Вдали показалась враждебная рать.
Гонцы понеслись, поднимая тревогу,
Глашатаи стали полки собирать.

С известьем о маленьком горском отряде
К хромому Тимуру примчался гонец.
Надменно в ответ улыбнулся хромец,
Презрение было в тимуровом взгляде.

Но вестника выслушал он до конца
И выпучил узкие, острые глазки.
Рукою сжимая клинок свой дамасский,
Властитель ответил на слова гонца:

«Вселенная клич мой услышала бранный,
Пленял я царей, завоеывая страны,
Но вижу впервые отряд пред собой,
За девушкой-воином скачущий в бой!»

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Клинки о щиты ударяться устали,
Друг с другом противники драться устали,
Устали скакать скакуны боевые, —
Монгольское войско смутилось впервые.

Тимур не запомнил подобных боев!
Он двинул в сражение отборное войско,
Но ринулись горцы с отвагой героической,
Как смелые соколы на воробьев.

Сомкнулись в ряды и монголы, и горцы,
Решили: пусть встретятся единоборцы.
Монголы послали Тугая на сечу,
Ахмед, лакский юноша, вышел навстречу.

Был крепче Тугай, размахнулся с плеча,
Рассек он Ахмеда ударом меча.
Летит Патима на врага удалого,
Подняв на дыбы скакуна вороного.

Сгибался клинок, ударяясь о броню, —
Не так ли под ветром сгибается колос?
О том, как с противником дева боролась,
Рассказывал пляшущий, скачущий конь.

Тугай замахнулся, но сабле Тугая
Ответила девушки сабля кривая.
Еще один взмах, и еще один взмах —
И пал перед ней обезглавленный враг.

Монголы другого направили в схватку,
Крича: «Отомсти, отомсти за Тугая!
Он младший твой брат, — полети же, вонзая
Орлиные когти свои в куропатку!»

На всадника прынула горная львица,
Подпрыгнул скакун, закусив удила,
Вот уже кровь супостата струится,
И падает он с дорогого седла.

«Ура!» оглашает овраги и доли
И громом на горской гремит стороне,
Но стонут монголы, трясутся монголы,
Завидев Парту Патиму на коне.

Вкруг шлема обвив свои косы густые,
По локоть свои засучив рукава,
Туда, где противники самые злые,
Летит она с гордым бесстрашием льва.

Направо взмахнет — и врага обезглавит,
Налево взмахнет — и коня рассечет.
«Ура!» закричит — и джигитов направит,
«Ура!» закричит — и помчится вперед.

А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством тимуровская рать.

Сказали Тимуру, царю полумира,
Что войско бежало верхом и пешком.
Осыпал он бранью стрелков и вазира,
Сказал ему гневным своим языком:

«Коль хочешь ты жить средь моих приближенных
В тени моей горя не знать впереди,
Веди свое войско, и пеших, и конных,
И девушку эту ко мне приведи!».

А девушка двигалась в облаке пыли,
Героями горскими окружена.
Как звезды, джигиты ее обступили,
Сияла Парту Патима, как луна.

«Друзья мои, мертвых бойцов соберите,
Погибших в бою за родные края.
Вы тело Ахмеда сюда принесите,
Любимого буду оплакивать я».

Отважная львица рыдать не умела,
Когда же Ахмеда друзья принесли,
Упала, рыдая, на мертвое тело,
И жаркие слезы текли и текли.

«Домой понесу – труден наш путь далекий,
А здесь схороню – я услышу упреки.
Но как схоронить мне, – подайте совет, –
Любимое сердце, очей моих свет?»

Ахмеда единственный брат ей ответил:
«Как хочешь, ты можешь его хоронить.
О, если б сумел я судьбу изменить.
О, если б я гибель в сражении встретил,
Чтоб львиное сердце твое сохранить!».

«Мы честно сражались, дороги открыты,
Вернемся на наши луга и поля.
В родные аулы вернемся, джигиты,
Отныне возвысилась наша земля.

Герои пошли, завершив свое дело,
И ночь погрузила отряд в темноту,

И горсточка горцев тогда поредела,
Как в старости зубы редеют во рту.

Поэзия народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигдиздат, 1954. С. 47–57; Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала: Дагкнигдиздат, 1971. С. 16–24; Песни горцев / Вступит. статья и составл. Н.В. Катиевой. Махачкала, 1990. С. 196–204; Дагестанская литература. Хрестоматия. 10. Махачкала, 1989. С. 5–15. См. другой вариант: Лакские эпические песни / Подг. текста, перев., предисл. и коммент. Х. Халилова. Махачкала, 1969. С. 125–136.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава IV

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В XV–XVII ВВ.

В XV в. народам Дагестана пришлось столкнуться с новыми политическими силами. Сначала это были войска государства Кара-Коюнлу, которое было образовано туркменами, переселившимися из Средней Азии в Иран, а затем Сефевиды и турки. В 1432 г. сын Кара-Юсуфа Искендер вместе с Рутулом совершает поход в Цахур. В 1434 г. могущественный правитель туркменской кочевой державы Кара-Коюнлу Искендер вместе с каким-то влиятельным эмиром, перешедшим на его сторону, пришел в Дербент и отсюда «дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать», — так сказано об этих событиях в источнике. Предполагается, что речь здесь идет о Терекемейской равнине и прилегающих кайтагских землях по обе стороны Уллучая.

С середины XV в. новой угрозой для народов Дагестана стали Сефевиды, которые вели свое происхождение от шейха Сефи ад-Дина (1254–1334 гг.). Первые захватнические войны на территории Дагестана связаны с сефевидскими шейхами Джунейдом (1447–1460 гг.) и Хейдаром (1460–1488 гг.). Совершенные ими походы под лозунгом «войны за веру» являлись не чем иным как грабительскими набегами. И, естественно, народы Дагестана выступали против них, оказывали их планам упорное сопротивление. Когда Джунейд во главе с большим числом своих последователей выступил на Ширван и Дагестан для ведения «священной войны», правитель Ширвана Халиллулах I, заключив союз с Джахин-шахом Кара-Коюнлу, выступил против Джунейда и призвал к этому лезгин и табасаранцев. Дагестанцы на левом берегу Самура около лезгинского сел. Гапцах сразились с Джунейдом и убили его.

Джунейда сменил его сын шейх Хайдар, который так же, как его отец, не жалел сил для захвата Ширвана и Дагестана. Им было совершено три похода в 1483, 1487 и в 1488 гг., в результате чего награбил большое богатство и захватил много пленных. Третий поход для Хайдара был роковым. Сначала ему было оказано сопротивление дербентцами, а затем в решающем кровопролитном сражении, происшедшем на территории Табасарана, Хайдар был убит.

В конце XV в. на территории Азербайджана возникло государство Сефевидов. Первый сефевидский шах Исмаил I за 14 лет своего царствования захватил 14 провинций. Летом 1509 г. он сначала захватил Ширван, а затем Дербент и направился в Табасаран. Табасаранцы, вместе с другими народами Дагестана полтора месяца оказывали упорное сопротивление врагу. Но шах захватил Табасаран и в отместку за убийство своего отца Хайдара бесчеловечно расправился с мирным населением. В 1514 г. Исмаил потерпел поражение в Азербайджане и раненный отступил в глубь страны. Воспользовавшись поражением Сефевидов, дербентцы, табасаранцы и другие народы, подчиненные шаху, расправились со сторонниками Сефевидов и перестали вносить подати. Поэтому в 1519 г. Исмаил совершает поход в Дербент и, овладев им, жестоко расправился с жителями города и ближайших дагестанских сел.

Обеспокоенная успехами Сефевидов, Турция в 1533 г. объявила войну Сефевидскому государству и захватила значительную часть территории Азербайджана. Воспользовавшись военными успехами турок, дербентская городская знать отказалась подчиняться правителям шаха в Дербенте.

Но вскоре, добившись укрепления своей власти, шах Тахмас (1524–1576 гг.) сумел оттеснить турецкие войска с захваченной территории и послал в Дербент огромную армию, которая жестоко расправилась с населением.

В дальнейшем происходит ряд восстаний против Сефевидов в Азербайджане и Дагестане, в которых участвовали народы Южного Дагестана и Кайтагского удмийства. В этой обстановке в Дагестане находил положительный отклик призыв Турции поддерживать восставших.

Соперничество Ирана и Турции продолжалось и, хотя в 1555 г. между ними был заключен мирный договор, в 1578 г. Турция, воспользовавшись междоусобицей в Иране и ослаблением его, вновь начала наступление на Кавказ. Турецкие войска захватили Дербент. Од-

новременно в Дагестан совершили поход с севера войска крымского хана Магомед-Гирея.

Конец XVI в. характеризуется выступлениями народов Дагестана против турецких завоевателей, на что Турция отвечала новыми походами против дагестанских народов. В 1606 г. восставшие дербентцы с помощью кайтагского уцмий освободились от турок и с этого года Дагестан попадает под влияние Ирана. Однако планы Ирана по подчинению Дагестана встретили упорное сопротивление дагестанских народов, которые постоянно выступали с оружием в руках против персидских завоевателей. Завоевательную политику в Дагестане вели все шахи Сефевидского Ирана: Аббас I (1587–1629 гг.), Сефи I (1629–1642 гг.), Аббас II (1642–1667 гг.), Сулейман (1667–1694 гг.). Известны походы Сефевидов в союзы Сюрга, Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Ахты-пара, Нижний и Верхний Кайтаг и т.д. Повсюду народы Дагестана оказывали завоевателям упорное сопротивление и не раз одерживали над ними победы. Причем, жители различных обществ и политических структур Дагестана оказывали помощь друг другу, в чем проявлялось общедагестанское единство, единство интересов всех народов Дагестана, отстаивающих свою единую, общую родину под названием Страна гор.

Преданий и легенд о борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей в XV–XVII вв. сохранилось не много. Но об этом говорят имеющиеся различные источники – свидетельства отдельных современников, происходивших событий, записи в арабоязычных рукописях, а также эпиграфические памятники. Поэтому основным материалом четвертой главы сборника являются источники.

Проблема борьбы народов Дагестана с иноземными завоевателями в XV–XVII вв. интересовала многих исследователей. Она нашла отражение в трудах дагестанских ученых Р.М. Магомедова / История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961; его же. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999 /, А.Р. Шихсаидова / Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964 /, Б.Г. Алиева / Памятники арабской письменности XVII–XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX /, А.Е. Криштопы. / Сведения западноевропейских путешественников XV века в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сбор. науч. сообщ. Махачкала, 1970. Вып. 1 /,

М.-С.К.Умаханова / Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973 /, А.С. Шмелева / О борьбе уцмийства с экспансией сефевидского Ирана в середине 40-х годов XVII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986 /, М.Р. Гасанова. / Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994 / и др. Уделено внимание указанной проблеме, хотя и не в той мере, какой хотелось бы, и в обобщающих коллективных трудах / Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. Т. I /.

□ □ □

Цахурская надпись 1432 г.

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного и просим у него помощи. Построена эта крепость после приговора Аллаха и по его предопределению в дату: начало мухаррама восемьсот тридцать шестого года. Причина строительства этой крепости: пришли три войска, [в том числе] два войска тюрок и одно войско Рутула. Войско Рутула с одним войском тюрок [пришло] снизу, а одно войско тюрок сверху. И сразилось войско Захура тремя сражениями, и убито из этих трех войск двести человек, а одно [из них] убежало... Произошло это сражение в четвертый [день] месяца зи-л-хиджжа упомянутого года».

Вверху написано в перевернутом виде:

«Сделавший [?] Мухаммад и его брат Карим ад-Дин, сыновья их. Написавший Иса б. Мамай аз-Захури...»

Лавров И.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи XV–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. С. 133–134.

Объяснение содержания этой важной надписи принадлежит Н.В. Ханыкову, который считал, что упомянутые в ней «тюрки» являются армией Искандара Кара-Кочюнулу (1422–14350), воювавшего в те годы с ширваншахом Халилуллахом I (1417–1462). В доказательство Н.В. Ханыков ссылается на одну персидскую запись, в которой говорится, что в 1432–1433 гг. «мирза Искандер Тюркман привел боль-

шое войско в Ширван. Емирь Халил Улла обратился в бегство и большая часть Ширвана была опустошена и притесняема тюркманами, так что спокойствие и безопасность оставили эту страну более чем на год»... То, что Искандар не ограничился взятием Шемахи, но дошел и до Южного Дагестана, видно из сообщения армянского автора XV в. Фомы Мецопского. Он пишет, что «глупый, бесчувственный, непокорный, надменный и гордый тиран Скандар» в 1432 г. «собрал войско и выступил в поход на город Шемаху и его область. Он в течение 15 дней беспощадно вырубал деревья и сады и причинил не поддающиеся описанию разрушения. Нашел он себе единомышленника одного ишхана по имени Скандар, тоже по злодеяниям равного себе. Взяв его, он прошел дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать». **Фома Мецопский.** История Тимур-ланка и его преемников. Баку, 1957. С. 77.

Лавров Л.И. Указ. соч. Ч. I. С. 204.

□ □ □

Комментируя сообщение надписи о двух путях – верхнем и нижнем, А.Р. Шихсаидов сообщает, что раньше из Рутула в Цахур шли не мимо Гельмеца, как сейчас, а через Ихрек – местность Гашша – местность Къежай. Это и есть, по-видимому, «нижняя дорога». Вторая же дорога – в сторону Аттагайского перевала, которая была известна раньше. Цахур в старину имел двое ворот: одни в сторону Ихрека, другие в сторону Аттага. (**Шихсаидов А.Р.** Эпиграфические ... С. 272)

□ □ □

Надпись из сел. Ахты гласит:

«Дата сожжения селения Ахты жителями Кубы и Рутула – 949 г. (1542–1543).

Гайдарбеков М. С. 23.

□ □ □

О походах первых сефевидских правителей в Дагестан

Историки пишут, что в 851 году Гиджры, соответствующему 1447 христианской эры, некий ученый благочестивец по имени Шейх-Джунейд, который теперь похоронен в селении Хазри¹, выступил из города Ардебилля с некоторым числом своих мюридов и учеников, перешел через Ширван и направился сюда. С ним было до тысячи человек последователей. Собственно Шейх-Джунейд объявил, что он отправится в страну черкесов воевать за веру, но тогдашний ширваншах Султан-Халил, боясь, что, если Шейх-Джунейд в Дагестане приобретет силу и власть, то и Ширванская область также перейдет к нему, послал в Дагестан своих людей и подготовил табасаранцев и других, чтобы они вступили в войну с Шейх-Джунейдом и не дали дороги туда.

Тогда в Кюринском округе около селения Гапцах, на левом берегу реки Самура, дагестанцы перерезали дорогу Шейх-Джунейду, сразились с ним и убили его там, причем оставшиеся в живых из его последователей и учеников перенесли его тело через Самур на Кубинскую сторону и похоронили в селении, теперь называвшемся Хазри.

Этот Шейх-Джунейд происходил из потомков Имама Мусы Казима..., из рода шейха Сефиюддина...

Историки также пишут, что сын того шейха Джунейда, шейх Гайдар, подобно своему отцу, увеличил число своих мюридов и вооруженных людей, тайно сговорился с ними, чтобы они в назначенное им для них время собрались и захватили власть. Шейх Гайдар велел своим приверженцам для узнавания друг друга изготовить из красного сукна однообразные уборы для головы, вроде папахи, с тем, чтобы на них было двенадцать знаков, как указание на то, что они приверженцы двенадцати имамов. Относительно этого нововведения Шейх-Гайдар объявил, что он во сне получил такой приказ свыше. Бывшему во время этих его действий в Ардебиле царем, его двоюродному брату со стороны матери, Аккоюнлу султану Якубу это не понравилось, и когда последний стал ему мешать, Шейх-Гайдар со своими приверженцами из Ардебилля двинулся в Нухинский уезд, а оттуда направился в Дербентский район. Его приверженцы, и сам он по причине красных

¹ Селение Кубинского уезда.

головных уборов получили прозвище Кизилбаш¹. Когда Шейх-Гайдар с большими вооруженными силами подходил к Дербенту, население Дербента не пустило их и между сторонами произошли сражения. Потом дербентцы были осаждены и попросили помощи от Ширваншаха. Но шах Ширвана по имени Ферухсияр, сообщив об этих обстоятельствах Ардебильскому шаху Султану Якубу, попросил помощи с его стороны, и Султан Якуб выслал из Ардебилля в Ширван четыре тысячи всадников под командой Сулейман-бека Биджен-оглы. Шах Ширвана спешно выслал с ними дербентцам также и со своей стороны немного войска. Когда эти подошли, то снаружи эти, а изнутри дербентцы повели атаку на Шейх-Гайдара и его приверженцев, разбили и рассеяли их. С обеих сторон пало много людей, причем Шейх-Гайдар, бежавший с уцелевшими приверженцами из под Дербента в сторону Табасарани, был убит на левом берегу реки Рубаса в местности, называемой теперь Шейх-Гайдаром. Тело его было похоронено в селении Тинит, стоящем примерно на один фарсах выше отсюда. Это событие произошло в 895 году Гиджры, а христианской эры в 1489.

Историки пишут, что, когда после этого случая с Шейх-Гайдаром прошло около двадцати лет, и шах Исмаил Сефевидский вторично прибыл в Ширван, то он велел перевести тело Шейх-Гайдара из Тинитской его могилы, а там лишь для обозначения места погребения остались склеп и надстройка, но что в могиле ничего не осталось из его тела...

Алкадари Г. *Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 31–32.*

□ □ □

**Отрывок из «Путешествия некоего купца в Персию»
(Перевод со старопитальянского Л. Смирновой), где
говорится о походе Шейх-Хайдара в Черкассию²**

«... Вступив в царствование, Аламут Султан [т. е. Султан-Якуб Ак-Коюнлу, сын Узун-Хасана] пожелал возвратить Шейх-Хайдара [Sekaidar] в Черкассию, как человека, привыкшего к походу против христиан. [Тот] собрал своих людей и отправился по пути в Шемаху,

¹ Кизилбаш – красноголовый.

² Под Черкассией и у восточных и у западных авторов обозначались территории от Дербента до Черного моря, севернее Главного Кавказского хребта.

и пришел туда через 8 дней, и отправился по пути в Дербент, где есть проход в Черкассию, и они были в пути 5 дней. Как только пришла новость к султану Аламута и его баронам, что Шейх-Хайдар с войском в 4-5 тысяч суфиев направился в Черкассию для разорения этого народа, и туда пошло много волонтеров с большой надеждой получить большую добычу, он неожиданно послал весть королю этой страны, имея некоторый страх перед ним [т. е. Шейх-Хайдаром] из-за того, что у Шайх-Хайдара такое число людей, послал ему [т. е. королю] сказать, чтобы он сделал некоторые усилия, чтобы он не пропускал его, потому что Шейх-Хайдар с суфиями в этом месте уже в прошлом году нанес довольно большой убыток [хотя] и потерял половину людей: так что [Султан-Якуб] опасался, как бы они опять не сделали подобного: по этой причине он решил перерезать ему [т. е. Шейх-Хайдару] путь, чтобы он не ушел увеличивать свое могущество, как он делал это каждый день, двигаясь в Черкассию, потому что каждый охотно двигался за ним, жажда добычи, так что в короткое время он мог стать большим сеньором: сделался бы кондотьером [буквально «рыцарем удачи» — capitano di ventura – А. К.].

Наконец, Шейх-Хайдар пришел в Дербент и увидел, что проход закрыт по приказу Аламут-Султана. Дербент – город большой и, как следует из его хроник, был создан Александром Великим: шириной в милю, длиной – в три, имеет с одной стороны Каспийское море, а с другой – большую гору, которую никто не может пройти, если только не через ворота города, потому что в его восточной части находится море, а к западу – там гора очень неприступная, так что даже кошки там не могут пробраться. Этот город был назван Дербентом на персидском языке, что по нашему означает «железные ворота», и тот, кто хочет пройти в Черкассию, должен держать путь через этот город, который граничит с Черкассией, и большая часть которых (т. е. жителей) разорена, и говорят как по-черкасски, так и по-турецки.

Шейх-Хайдар, увидев это, т. е. что ему был запрещен проход, как было сказано, пришел от этого в страшный гнев, и начал атаковать замок и осадил этот проход; и нашлись в этом городе некие деловые люди, которые, остерегаясь драться с суфиями, поспешно послали известие королю страны [т. е. Ширваншаху Фаррух-Ясару], предупреждая его о несчастье, и тот, узнав новость, пришел прямо к Аламуту, который находился в Тавризе, а этот созвал всех своих баронов, приказав им, чтобы они собрали людей и чтобы их имелось около

10000 бойцов: они пошли против Шейх-Хайдара и в несколько дней пришли в Дербент, где тот атаковал крепость».

Криштопа А.Е. *Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане. // Вопросы истории и этнографии Дагестана: сборник научных сообщений. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 115–116.*

□ □ □

Хронологические записи Рамазана ал-Куштили, сына Курбана о борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей

Проф. А.Р. Шихсаидов издал ряд интересных материалов из хронологических записей жителя табасаранского сел. Куштиль (Хивский р-он) Рамазана ал-Куштили, сына Курбана, содержащие ряд сведений по истории Дагестана, в том числе о борьбе дагестанцев против иноземных завоевателей. Приведем некоторые из них:

«Та'рих. Вот пришел шах Исмаил¹ на крепость Баб ал-абваб и воевал против него около 10 дней и подчинились (ему) жители этой крепости. Затем шах Исмаил в городе назначил амиром шах Мансура. Затем (часть) его войска сражалась против селений Табасарана отряд за отрядом, день за днем и (наконец) победил он жителей этих селений и пребывал он в областях (прилегающих к) Баб ал-абвабу, около десяти дней или месяца. Затем вернулся он в область Тавриз² в девятьсот пятнадцатом году хиджры пророка Мухаммеда...» Дата 915 хиджры соответствует 1509/1510 г.

¹ Исмаил (1502–1524) – основатель государства Сефевидов.

² Тебриз. Детальное описание этих событий, но без данных о борьбе табасаран против сефевидских войск – см. **Искендер Мюнши**. Извлечения из книги «История мировой знаменитости Аббаса» / Пер. с персид. Р. Гаджиева, с литографического издания 1314/1896 / Тегеран / Научный архив Института истории Академии наук Азербайджанской ССР. Д. 999 / В дальнейшем – Искендер Мюнши / Л. 15 / с. 27 /; **Dorn B.** Beitrage zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker – I. Verstud einer Geschichte d. Schirwanschache. С. 590–593.

Шихсаидов А.Р. *Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 146.*

□ □ □

Отрывок из «Короткого рассказа о жизни и деяниях сеньора Узун-Хасана, сделанный Джиован-Марией Инджолелло» (перевод К. Арсеньевой)

«... идя от Беккара [Бугурд в Ширване], на расстоянии одного дня находится Сирех, который является крепостью на горе, и те, которые находились внутри, три дня вели переговоры с Исмаилом, который, наконец, утвердив с ними условия, послал туда внутрь 60 человек, утвердив первого коменданта замка, но так как вышеупомянутые 60 человек суфиев, прибегая ко многим актам нечестности, вели себя очень плохо [то] все они были порезаны на куски теми, которые раньше находились в замке [и] которые потом со страху убежали ночью вверх в те высочайшие горы, и замок весь разрушился.

Немного неподалеку есть город, который называется Себран [Шабран], который не имеет стен, и внутри не было никого, потому что все убежали, кто нарочно, дабы оставить местность безлюдной, а кто со страху.

Уйдя оттуда, он подошел к Дербенту за 4 дня и нашел, что все люди убежали, ~~к~~ к татарам, кто к началу (или «мысу?» – «ip sarо») Каспийского моря, а кто в те же горы, так что оставался только замок, большой, крепкий и замечательно отделанный, и все его башни, и все стены – как новые, сверху на них кругом были зубцы (lancie), знамена и много людей. У этого замка двое ворот, которые были замурованы большими камнями с хорошей известкой, и прежде чем я [в своем рассказе] продвинусь дальше, хочу сказать вам несколько вещей. Город Дербент – некоторые называют его Темиркапи – находится на Каспийском море вблизи от высоких гор, называемых Каспийскими, и находится между морем и горой, и нельзя пройти, идя в Татарию или Черкассию, кроме как через это место. Вблизи от этой горы есть пляж около мили [в ширину] от моря до горы, где проходят две стены, которые начинаются от моря и идут к горе на расстоянии полмили одна от другой. Эти две преграды входят в море и тонут в двух шагах воды, так что невозможно пройти к горе, так что ни пешком, ни на коне нельзя итти кроме как через ворота.

Криштопа А.Е. *Указ. соч. С. 117–118.*

□ □ □

«Та'рих. Произошло сражение в стороне Астал¹ между Зульфугаром ханом² и Табасараном и погибло множество мусульман и было

отрезано много голов мусульман и голов рафизитов³ в дату пророка Мухаммеда... в тысяча девятнадцатом году», т. е. в 1610/1611 г.

¹ Речь идет, по всей вероятности, об одном из лезгинских селений Сулейманстальского района – Юхари-Стал, Орта-Стал и Ашага-Стал (по лезгински соответственно – Винни-Стлал, Юкьван-Стлал и Агьа-Стлал). Все три селения расположены рядом.

² После захвата Шемахи шахскими войсками правителем города был назначен Зульфугар хан Караманлы. Более подробные сведения Искендера Мюнши о деятельности Зульфугар хана – см. Искендер Мюнши. Л. 62 / с. 171 и сл. /; см. также Dorn В. *Geschichte...* С. 365–384; Бакиханов А.-К.-А. Указ. соч. С. 94–95. Во всех случаях, в отличие от текста Рамазана ал-Куштили, не указано место сражения. Вообще у Рамазана ал-Куштили дается больше подробностей из истории Табасарана.

³ «Рафизиты» – отступники. Так называли кызылбашей.

Шихсаидов А.Р. *Новые данные средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 147.*

«Та'рих. Пришел Лала паша с многочисленным войском в вилайат Ширван¹ и сразился в нем с кызылбашами (в) девятьсот восемьдесят шестом году, и назначил он Осман пашу в город Шемаха, затем отправился он (т.е. Лала паша) в область Арзрум. Тогда пришли кызылбашаи и победили его и бежал он (Осман паша) из Шемахи, и вошел в крепость Дербенда² и послал он (с) войском Абу Бекра Мирза, сына Бурхан Али³ в селения Араг⁴, и он (Абу Бекр) разрушил селения их (т. е. жителей Арага) в месяц сафар девятьсот восемьдесят седьмого года хиджры Мухаммеда... Дата соответствует концу марта – апрелю 1579 г.⁵

¹ Мустафа Лала паша, предводитель турецких войск, вторгнувшихся в 1578 г. в Закавказье. Об успешном походе Мустафа паши в Ширван, о подчинении ему «владельцев Дагестана и лезгин», о назначении им Осман паши беглербеком Ширвана см. Искендер Мюнши. Извлечения из книги «История мировой знаменитости Аббаса» / Пер. с персид. Р. Гаджиева, с литографического издания 1314/1896 /Тегеран/. Научный архив Института истории Академии наук Азербайджанской ССР Д. 999. Л. 54–55 /с. 169/. См. также: Dorn В. *Beitrage zur Geschichte der Kaukasisehen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen* – II. *Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538–1820 vorzüglich nach persischen Quellen* (в дальнейшем. Dorn В.

Geschichte С. 333–334. Бакиханов А.-К.-А. *Гюлистан-Ирам*. Баку, 1926. С. 83; История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. С. 237–238.

² Более подробно об этих событиях: Dorn В. *Geschichte*. С. 334–338. Сначала кызылбашаи, окруженные турками, татарами, «лезгинами», потерпели поражение близ Шемахи. Следующее сражение произошло у местечка Молла Хасан, но уже против крымского Адиль-Гирея, имевшего в своем распоряжении 12 тыс. татар, 4–5 тыс. «лезгин, карабурков и ширванцев». Сефевидские войска одержали победу. Осман паша, лишившись предполагаемой помощи крымских татар, оставил Шемаху, двинулся к Дербенту. См. также Искендер Мюнши. Л. 48–71 /С. 166, 190/; Бакиханов А.-К.-А. Указ. соч. С. 83–86.

³ Хотя кызылбашаи овладели Ширваном, спокойствие все же не было обеспечено. Дербент оставался в руках турок. «Лезгинь» Шекки и Шаберана, объединившись вокруг сына Бурхана, совершали под защитой Осман паши и дагестанских «князей» неоднократные набеги на Ширван / Dorn В. *Geschichte*. С.339. Бурхан Али Султан, сын Халиллуллаха /правил 1548–1550 гг./ – последний представитель четвертой, дербентской династии ширваншахов. Долгое время жил среди кайтаков, в 1548 г. захватил власть в Ширване. Впоследствии сын его – Абу Бекр Мирза при поддержке турецкого султана Мурада III /1574–1595/ вступил в Ширван. – См.: Dorn В. *Beitrage zur Geschichte der Kaukasisehen Länder und Völker*. – I. *Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache*. С. 600–601 (в дальнейшем Dorn В. *Versuch*. Имя Абу Бекра Мирзы сына Бурхана Али встречается и в русских документах. В 1593 г. князь Ф.И. Троекуров из Астрахани сообщает дари Федору Ивановичу со слов «Гилянского гонца Немета»: «Да шахова же де большого воеводы Бурханов-сын ходил к Шемахе, а с ним людей тысячи с три, и взял под Дербенью деревню». Далее сообщается об уходе его в Табасаран, где он собирает силы для выступления против «паши». / Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Изд. под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890.Т. I. С. 174 /.

⁴ В тексте так и указано: «селения Араг». Видимо, под Араг подразумевалось не только одно селение, но также ряд селений или прилегающие земли, что-то вроде рустака. Этим, на наш взгляд, объясняется множественное число. Потому вернее было бы перевести «селения Арага». В Сулейманстальском районе имеются два селения: Ашага-Араг и Юхари-Араг /т. е. Нижний Араг и Верхний Араг/. Возможно об этих селениях и идет речь, хотя и имеется сел. Арак, расположенное в Табасаранском р-не, близ сел. Хушни.

⁵ Последнее известие, т. е. о приходе Абу Бекра Мирзы, сына Бурхана Али, в «селение Араг» и о разрушении их, в других источниках отсутствует. Однако имеется сообщение о последующих событиях, имевших место в том же 1579 году: Мухаммед-Гирей и другие татарские князья во главе крымских войск прибыли в Дербент и присоединились к турецкому правителю Осман паше. На берегу Самура произошло большое сражение, в котором кызылбашаи потерпели поражение. Через некоторое время последовало еще одно неудачное выступление кызылбашей. В итоге турки полностью овладели Ширваном и Осман паша стал полновластным его правителем. См. Dorn В. *Geschichte*. С. 339–345.

Шихсаидов А.Р. *Новые данные по средневековой истории*

□ □ □

О борьбе дагестанцев против войск персидского шаха Аббаса I

В начале XVII в. в Дагестан несколько раз были совершены походы войск персидского шаха Аббаса I (1587–1629). Ведя войну с Турцией, шах старался привлечь дагестанских владетелей на свою сторону. Для этого он поощрял их пожалованиями из казны и дарственными грамотами. Вместе с тем в целях полного подчинения народов Дагестана шах Аббас I начал укреплять дербентскую крепость и проводить укрепленную линию по границам расселения дагестанских народов. Но народы Дагестана не хотели терять свою свободу и независимость и выступали против вмешательства шаха в их внутренние дела. Выступали против завоевателей и даргинцы. Хотя акушинский кадий вместе с другими правителями Дагестана изъявил покорность шаху Аббасу I, насилия завоевателей, разнообразные налоги и повинности, стремление надеть на горцев ярмо, вызвали ряд выступлений горцев. В результате шах Аббас I вынужден был посылать против непокорных горцев карательные отряды. Первая такая карательная экспедиция против даргинцев была совершена ширванским наместником шаха Юсуп-ханом в Сюргинский союз сельских общин, о чем сохранилась запись в арабоязычной рукописи «Халл ал-Иджаз» Таджуддина Мухаммед ал-Керамани, переписанной в 1612 г. жителем сел. Акуша Гаджи-Махмудом. В записи сказано: «Переписал эту книгу Гаджи-Махмуд, сын Магомеда по прозвищу кадий ал-аср (кадий эпохи) в 1021 году во время борьбы шиитов (персов – Б.А.) и еретиков (хариджитов), и Юсуп-хана с Дарго, Сирга и Атразом и в итоге победило Дарго над Юсуп-ханом и злодеями и из его войска было убито 2000 человек, носивших оружие».

Обозленный таким исходом карательной экспедиции, шах в 1612 г. послал новые войска против даргинцев. В битве около сел. Усиша войска Акуша-Дарго были разбиты, они потеряли 4400 человек убитыми. Об этом имеется запись на надмогильной плите в сел. Шукты. В ней сказано: «Обладатель этой могилы Мухаммад б. Йусуф сын Умара из народа Дуд [?], да простит Аллах их и всех правоверных! Вот дата: тысяча двадцать [лет] от хиджры пророка, да благосло-

вит его Аллах и приветствует! Умер этот муж в селении Усси-Ша, потому что пришло войско Кызылбаша с Гирайем и убил Кызылбаш четыре тысячи четыреста [человек] в один день. Разве этот мир и все, что в нем, не тень... [которая] исчезает [днем]?».

На могильной плите рядом с предыдущей имеется запись, которая гласит: «Обладатель этой могилы Йусуф б. Мухаммад».

На могильном памятнике, который стоит рядом с двумя предыдущими, имеется запись «Обладатель этой могилы... б. Мухаммад, да простит Аллах их обоих и всех правоверных».

Надо полагать, что речь в указанных записях идет об отце и двух его сыновьях, погибших в борьбе с персидскими завоевателями. Сражение, как видно из записей, произошло в сел. Усиша нынешнего Акушинского района. Старожилы рассказывают, что раньше аналогичные захоронения с надгробными памятниками, поставленными участникам усишинского сражения, находились и в сел. Акуша.

Шах Аббас I не успокоился этой победой его войск и в следующие годы совершает против даргинцев еще походы. Сначала поход был совершен против Урахинского союза, а затем опять в сел. Усиша. На полях арабской рукописи под названием «Ал-хисн ал-хасин» (Неприступная крепость), которая раньше хранилась у жителя сел. Усиша Магомеда Галбецова, имеется запись, где говорится: «Пришли войска рафизитов (персов – Б.А.) в местечко Усиша в области Дарго в 1022 году хиджры», что соответствует 1613–1614 г.

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. / Опыт монографического исследования социально-политической истории I: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. Л. 71–72; его же. Памятники арабской письменности XVII–XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 260; Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XX вв. на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М., 1980. С. 56–57.

□ □ □

О борьбе харбукцев с войсками персидского шаха Аббаса I

Согласно преданию, войска кызылбашей шах Аббаса пришли и в сел. Харбук. Сражение с захватчиками продолжалось несколько дней. После ожесточенных боев кызылбашам удалось захватить оборонительную башню в местности Цулла бяхI (Склон башни). Но врагам так и не удалось ворваться в село. Защитники села каждый дом превратили в крепость. Ночью они разбирали свои дома и сооружали крепостные стены. Шахские войска несли огромные потери и поэтому отступили, надеясь вызвать харбукцев на открытую местность и справиться с ними. В конце концов, кызылбаша ушли ни с чем.

Юсупов Х., Муталимов М. *Харбукуцы: история и культура. Махачкала: Юпитер, 1997. С. 42.*

□ □ □

О приходе шаха Аббаса I в сел. Харбук

Согласно преданию, завоеватель персидский шах Аббас I остановился недалеко от сел. Харбук, в местности «Шик-ая». Во время пира, устроенного в честь своих побед, шах похвастался, что не только по силе оружия, но и по уму нет ему равных в дагестанских горах. Подвыпивший везир заметил, что такой человек может оказаться в горах. Шах рассердился на своего везира и сказал:

– Даю тебе три дня, если за это время ты не найдешь человека равного мне по уму, то твоя голова слетит с плеч.

Раздосадованный везир сразу отправился в путь и первым пришел в Харбук. Когда везир поднялся в нижний квартал, увидел двух дерущихся мальчиков, истекающих кровью. Рядом сидел аксакал и улыбался. Везир обратился к нему:

– Ассаламу алэйкум, уважаемый! Почему ты улыбаешься и не разбираешь дерущихся?

– Они сами должны понять, что драться не так приятно как есть пироги, а если я разниму их, то они снова захотят подраться, – ответил старик везиру.

Удивившись сказанному этим человеком, везир продолжил свой путь и за два дня обошел все соседние села и, не найдя никого, он вспомнил старика. Везир возвратился в Харбук, нашел этого старика и все ему рассказал.

– Может вы попытаетесь сохранить мне голову?– взмолился везир.

Старик, которого звали Зявка-Магомед, согласился пойти к шаху. Как только они вышли из села, на дороге обнаружили меч, поставленный поперек пути. Везир узнал меч своего повелителя и хотел его поднять, но старик не разрешил. Магомед неподалеку нашел уголек, поставил его на меч и, ничего не сказав везиру, продолжил путь. Пройдя еще немного дороги, они обнаружили на тропинке бочку, до краев наполненную водой. Старик вытащил нож, построгал из дерева щепку, положил ее на воду в бочке и снова продолжил путь.

Шах Аббас хорошо встретил гостя и посадил с собой разделить трапезу. Шах свою часть угощения отделил, но старик брал еду откуда хотел. Когда поели, шах погладил свою бороду, а старик – и голову с затылка и бороду. Шах Аббас ничего не сказал гостю, дал в подарок овой халат и отправил домой. Перепугавшийся везир упал на колени и стал просить шаха, чтобы он помиловал его за то, что не нашел достойного человека. Шах сказал:

– Ты оказался прав. Этот старик умен и отважен. Он превзошел меня.

– Великий шах, – сказал везир, – но вы же ему ни слова не сказали?

– Первый мой вопрос – это меч на дороге. Этим я хотел сказать, что у меня есть сила, чтобы завоевать мир. Старик положил на меч уголек и дал понять, что найдется такая сила, которая может противостоять моей силе, так как даже маленький уголек может смягчить стальной клинок. Второй вопрос – эта бочка на дороге. Я хотел сказать, что мое войско, – это море, а горец ответил, что даже щепка способна переплыть такое море. Третий вопрос – это трапеза, где я отделил пищу и, когда закончил есть, погладил бороду. Этим я хотел сказать, что я шах и у меня столько богатства, сколько волос на моей бороде. Старик показал, что ему безразлично я шах или нет, а погладив голову и бороду, дал понять, что у горцев найдутся богатства побольше чем у меня.

Поэтому, везир, я думаю, что бесполезно воевать с горцами, если первый попавшийся на годекане старик так умен и отважен.

Говорят после этого шах бежал из Дагестана.

Юсупов Х., Муталимов М. *Харбукуцы: история и культура. Махачкала: Юпитер, 1997. С. 331–332.*

□ □ □

О приходе войск шаха Аббаса I в сел. Лучек

В рутульское сел. Лучек приходили войска персидского шаха Аббаса I. Когда до лучекцев дошел слух, что к селению подходят персидские войска, они (в основном чабаны и пастухи) вместе со своим скотом ушли в лес, называемый Га́ша. Персидские войска, придя в селение, не обнаружили никого. Тогда они стали звать: «Эй пастухи, где вы?». По бляению овец они определили, где спрятались лучекцы со окотом, пришли туда, забрали скот и ушли из селения.

□ □ □

По пути в лакское сел. Хосрех персидские войска шаха Аббаса I остановились на Кокма. Шах построил здесь караван-сарай для стоянки и отдыха. При приближении персидских войск жители сел. Куруна бросали в них большие камни.

□ □ □

Памятные записи о приходе иноземных завоевателей в Дагестан в XVII в.

Войско еретиков во время (правления) Алисултана пришло в город Башлы [Баршун]; в 1012/1603-4 году.

Дата прихода Араб-хана¹ – год пятый ... после тысячи².

Хосров-хан³ пришел в Ширван и Бабулабваб – Дербенд в тысяча шестьдесят третьем (1652-3) году.

Произошел бой между общиной... и подлейшими кизилбашами в тысяча тридцать третьем году (1623-4) году.

Мусульмане напали на урусов, – они [представляли собой] войска, которые не сосчитать – которые засели в селении Таргуа, то есть Азайниб⁴. Они были побеждены и ни один из них не вернулся; в 1014/1605-606 году.

Произошла война между неверующими и жителями Чара, в нем же, в тысяча сто шестом (1695) году, в месяце шабан, в воскресенье. Из числа мусульман мучеником пал двадцать один муж, а из неверующих было убито пятьсот мужей⁵. Затем произошла великая война между неверующими и мусульманами в селении Джардак⁶ в 1120/1708-709 году; их эмиром был тогда Имамгули-хан⁷.

Произошел бой между неверующими и мусульманами в селении Джар – 1106/1694-95 год.

Произошел великий бой между неверующими и мусульманами в селении Чардах – 1102/1690-91 год⁸.

¹ Иранский губернатор Ширвана.

² Возможно, 1055/1645-46 г.

³ Губернатор Ширвана

⁴ Горское название сел. Тарки.

⁵ Речь идет об известном Вахушти Багратиони (с. 162-163), разгроме кахетинцев, напавших на Джар.

⁶ По-видимому, сел. Верхний Чардахлар (Чордохлуй) Мухатского сельсовета Закавказского района.

⁷ Об этом см. Вахушти Багратиони. История. С. 164, 165.

⁸ Возможно, это событие из названных у Вахушти / с. 161 /, либо дату нужно исправить на 1120/1708-709 г.

Айтберов Т.М. *Памятные записи... // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв.: Сбор. стат. Махачкала, 1989. С. 135–141.*

□ □ □

Мухаммед Тахир Вахид Казвини о восстании в Дагестане в 1659/60 гг.¹

Большая часть феодальных владений Дагестана в XVI–XVII вв. номинально признавала власть иранских шахов. Контроль над ними шахское правительство осуществляло через своих правителей в Дербенте и Северном Азербайджане. Периодически в различные области Дагестана посылались войска. Наряду с этим важнейшим средством укрепления шахского влияния являлись пожалования местным феодалам и подкупы их. Народные массы неоднократно поднимали восстание против иранских властей.

Ниже приводится отрывок из хроники иранского историка Мухаммеда Тахир Вахид Казвини.

Мухаммед Тахир Вахид Казвини, историограф иранского шаха Аббаса II (1642–1667 гг.), написал хронику «Аббас-наме», в которой

¹ Впервые на хронику М. Казвини, как на важный источник по освободительной борьбе народов Дагестана против персидских завоевателей в XVII в., обратил внимание и дал ее подробный анализ М.-С.К. Умаханов в монографии «Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в.» / Махачкала, 1973. С. 189–197 /.

подробно изложил события истории Ирана и сопредельных стран в 40–60-х годах XVII в. Приводимый отрывок рассказывает о событиях, связанных с большим антииранским восстанием в Дагестане в 1659/60 г. (1070 г. хиджры).

Перевод с персидского языка с некоторыми сокращениями сделан по единственному изданию персидского текста хроники (Арак, 1951. С. 271–277) А.П. Новосельцевым. Многоточиями отмечены опущенные места...

□ □ □

Рассказ об усмирении мятежников Дагестана и победе Хаджи-Манучехр-хана

Подробности этого события таковы: когда его величество изволило прибыть в столицу Исфаган, Хаджи-Манучехр-хан, правитель Ширвава¹, доложил, что Аббас-кули-хан усмий, владетель Кайтака и Улуг, сын Рустема, прежнего усмия, забыв милости его величества, соединившись с группой злоумышленников из этого племени, совершили ряд проступков и действий, выходящих за пределы дозволенного. Был издан августейший указ на имя Аллаверды-хана сардара² победоносного войска, который в то время находился в Карабахе, готовясь к походу для наказания Грузии – Кахети и строительства там крепостей, чтобы он из собравшегося к нему победоносного войска выделил и отправил к опоре области Хаджи-Манучехр-хану 15000 воинов с великими эмирами, почтенными юзбаши³ тюфенгчиями⁴ и др. Последнему же был направлен указ и было предписано, чтобы он совместно с победоносным войском и подчиненными ему эмирами Ширвана, Дагестана, Захура и Табасарана⁵ ликвидировал возмущение мятежников. Одновременно был издан указ на имя Сурхай-хана шамхала Дагестана и прочих упомянутых в нем эмиров, чтобы он и эти эмиры встали под начальство Хаджи-Манучехр-хана... Управление же областью Кайтак и Башлу со всеми входящими в них округами, было пожаловано Хасан-хану. Тупчи-баши⁶ же Али-кули-беку было прика-

¹ Ширван – северо-восточная часть Азербайджана.

² Сардар – начальник.

³ Юзбаши – сотник.

⁴ Тюфенгчиями – мушкетерами.

⁵ Захур и Табасаран – области Дагестана.

⁶ Тупчи-баши – начальник артиллерийского корпуса.

зано, чтобы он совместно с Мир-шах-таги и прочими минбаши¹ и тюфенгчиями артиллерийского корпуса, принадлежащего к благородному ведомству хассе², и двумя тысячами тупчиев направился к границам Дагестана. Хаджи-Манучехр-хан, направившись из радующей глаз области Ширван к яйлагу³ Шах-даги и другим зимовкам, отправил Сурхай-хану шамхалу и другим эмирам Дагестана высочайший указ, изданный на их имя шахом. Этим указом им предписывалось быть готовыми, чтобы по прибытии победоносного войска соединиться с ним и захватить этих злосчастных. Сам же Хаджи-Манучехр-хан с собравшимся войском, медленно и осторожно двинулся вперед. В то время, когда они, проходя через округ Куре, вошли в его пределы, люди этой местности, которые, пользуясь труднодоступностью своей страны, многочисленностью лесов и высотой гор, не подчинялись его величеству, укрепили горные теснины, укрылись в них и уклонились от явки к Хаджи-Манучехр-хану. Но после внимательного изучения и оценки обстановки и величины победоносного войска они поняли, что они подобно загнанной дичи не имеют возможности выйти из этого места. Тогда они, пожалев о своем враждебном поведении, прибыли к Хаджи-Манучехр-хану и смиренно и покорно просили простить их вину. Хаджи-Манучехр-хан, успокоенный их уверениями, направился к Баб-оль-абваб⁴ Дербенту. Во время своего пребывания там и на яйлаге Шах-даги он вторично отправил гонца к Сурхай-хану шамхалу и потребовал у него, чтобы он явился к нему для усмирения и отражения Улуга... А шамхал доложил шаху: «поскольку жители Дагестана лишь по внешнему виду похожи на людей, а по сознанию подобны животным и едва ли приведешь их в повиновение тем, что подобно Кахети построишь там крепости, его приказ для них не является приказом». А Хасан-хан усмий милостью божьей верен шаху, Улуг же раскаивается в своих действиях и изъявит покорность и смирение, если шах по своему природному великодушию простит ему его вину... И письмо с таким содержанием, было написано Аллаверды-хану и тот выступил ходатаем за него перед шахом. Его величество всемилостивейший и всепрощающий шах, тень аллаха повелел, что, если Улуг покорится сам или пришлет к счастливому двору одного из своих сыновей, то его действия будут прощены. Хаджи-Манучехр-хан, надеясь

¹ Минбаши – начальник над тысячью воинов.

² Ведомство хассе – ведомство, управлявшее личными владениями шаха.

³ Яйлаг – зимовка.

⁴ Баб-оль-абваб – арабское название г. Дербента.

на обещание шамхала, выступил в поход, когда стало известно, что те вероломные собрались и просят помощи у Улуга... И тогда [Хаджи-Манучехр-хан] приготовив артиллерию, туфенгчиев и персонал тупхане¹ вместе с победоносным войском выступил из Дербента. Сурхай-хан и общество Дагестана построили на реке Багам, которая течет из гор Дагестана в Хазарское море² и перейти которую нельзя иначе как путем возведения моста, укрепления и укрытия... Корабли же, погрузив туфенгчиев, высадили их в тылу в горах, отрезав пути и дороги. Сурхай-хан шамхал, Улуг, Казан-алп, военачальники, прочие знатные и народ Дагестана, число которых превосходило 30000 человек, собрались и ждали подхода Хаджи-Манучехр-хана и победоносное войско в месте, которое в действительности было местом их гибели. И как только появилось победоносное войско, это презренное скопище, построившись, вооружилось боевым оружием, колющим и стреляющим и начало сражение... Группа из людей Кайтака и Дагестана, от которых отвернулось счастье вместе с Улугом и другими начальниками из правого крыла напало на левое крыло победоносного войска... В это время покойный Сефи-кули-хан хаким Бердаа и Фазл-али-хан-султан хаким Баргушата проявили храбрость и самопожертвование... Хаджи-Манучехр-хан в центре войска, проявляя чудеса храбрости и мужества, выделил из первого фланга и центра отряд храбрецов и бросил его на этих хвастливых. Газии³ как молния устремились на врагов, которые с зародившимся, наконец, раскаянием, потеряв храбрость и мужество, бежали в степь... В тот же день большая группа этих презренных стала пищей меча газиев. Через три-четыре дня в лесистых местах была обнаружена группа их вождей, которая умерла от пулевых ран и стрел. Брат Улуга был убит в этот день... И весть о разгроме врагов достигла окраин и пределов мира. Хаджи-Манучехр-хан, изложив сущность этой явной победы в сопровождении Наджаф-кули-бека гуляма⁴ хассей-е шерифе, отправился к подножию трона заместника бога. И тогда был издан высокий указ, согласно которому Сурхай-хан шамхал, вышедший из повиновения вместе с другими со-

¹ Тупхане – артиллерийский корпус.

² Хазарское море – Каспийское море.

³ Газии – борцы за веру – так называли себя и свое войско шахские военачальники.

⁴ Гулямы – арабское слово, одно из значений которого – рабы; особый корпус в Иране XVII в., набравшийся из грузин, армян, кавказских горцев и других народов и схожий с янычарским корпусом в Турции.

общниками и ближними должен был быть схвачен и Дагестан очищен от скверны их присутствия. И вновь был издан указ на имя амиров и победоносного войска, чтобы они собрались к Хаджи-Манучехр-хану и не оставили следа от этого никчемного сборища. Однако Сурхай-хан и прочие люди Дагестана, укрывшиеся на неприступных вершинах гор, пробудились от мрака невежества и от опьянения неразумностью и малые и большие, молодые и старые с полной покорностью, надеясь на бесконечное великодушие и прирожденное благородство его величества тени милосердного бога, пришли к Хаджи-Манучехр-хану с раскаянием и мольбой о прощении. И шамхал послал сына своего Гюль-Мухаммед-бека с посланием о раскаянии ко двору прибежища мира и смиренно молил о прощении. И Гюль-Мухаммед-бек вместе с Султан-беком ясаул-е сохбет¹ гулямом хассей-е шерифе смиренно добрался до двора прибежища мира и, повесив саблю на шею, повалился в ноги его величеству, и шах... сжалившись над их слабостью и мольбой, простил им их прегрешения и предал забвению их деяния. И управление страной Дагестаном было даровано упомянутому шамхалу, а сам последний и сын его, который приходил к высокому двору, были пожалованы почетными, одеждами.

Мухаммед Тахир Вахид Казвини о восстании в Дагестане в 1659/60 г. // Хрестоматия по истории СССР XVI-XVII вв. / Под ред. А.А. Зимина. Сост. В.А. Александров и В.И. Корейский. М.: Изд. соц.-экон. лит., 1962. С. 685–689.

□ □ □

Йыр об Абдулле

В момент нашествия иноземцев, повествуется в йыре, мать Абдуллы хочет отправить в бой сына. Однако он говорит о своей болезни. Мать возмущается и проклинает сына. Абдулла, как бы предчувствуя трагический исход, рассказывает матери виденный им сон. Мать толкует сон сына как знамение его гибели, но настаивает на своем. Разъяренный Абдулла мчится в бой, побивает врагов, но и сам получает смертельную рану. Абдулла просит друга взять его в объятия, посадить на коня и отвезти домой, но тот требует, чтобы Абдулла «как настоящий герой» сам сел на коня и этим бросил вызов врагам. Аб-

¹ Ясаул-е сахбет – чин при иранском дворе, нечто вроде доверенного лица с особыми полномочиями от шаха.

дулла садится в седло, возвращается к матери, умоляет ее открыть ворота, говорит о своем ранении, просит взглянуть на него, но мать, возмущенная просьбой сына, т.е. проявлением слабости, неприличной для воспитанного в спартанском духе богатыря, опять проклинает сына и требует, чтобы тот до прихода людей, желающих повидать его, гарцевал на коне как настоящий мужчина. Абдулла выполняет и это требование сурового воинского этикета, неукоснительной блюстительницей которого выступает мать героя. От полученной раны Абдулла умирает в седле. Увидев это, мать плачет, проклинает врагов, но утешается тем, что сын умер, выполнив свой долг – уничтожив врагов.

Аджиев А. М. Героико-исторические песни кумыков. Махачкала, 1971. С. 13-14.

□ □ □

Мотив тюркского эпоса «Кер-оглы» в фольклоре с. Мекеги

В окрестностях селения Мекеги в скалах Передних Вяджигов, что тянутся к каньону Бирхе, рассекая вширь Дзеха, есть скала, оторвавшаяся от гряды. Она именуется в народе скалой, отсеченной саблей Куругли. А влево от этой скалы имеются выбоины, называемые следами коня Куругли. Четыре выбоины каждая размером около одного квадратного метра, напоминающие следы копыт коня-великана, сохранились здесь до 1960-х годов, сейчас из них отчетливо видны две (Вяджиги в последние два десятилетия превращены в карьеры для добычи строительного камня, и это меняет поверхность местности).

По преданию, известному в селении Мекеги, Куругли на богатырском коне спрыгнул с горы Большая Хека на Дзеха (преодолев одним рывком расстояние около 5-6 км. Примечание наше – А.А.) и, приземляясь, ударом сабли отсек от выступа скалы этот кусок. В предании не говорится кто такой Куругли, каким образом он оказался на горе Большая Хека и с какой целью, зачем ему понадобилось вынуть саблю.

Возможно, Куругли – это широко известный на Востоке эпический герой фольклора тюркоязычных народов: азербайджанский Кер-оглы, туркменский Героглы, узбекский и казахский Гороглы и т. д...

Алиханова А.А. Мотивы тюркского эпоса «Кер-оглы» в фольклоре сел. Мекеги // Дагестанский фольклор во взаимо-

связях с иноэтническим фольклором. / Сб. статей / Махачкала, 1985. С. 151.

□ □ □

О борьбе бутринцев против иноземных завоевателей

В селение Бутри Акушинского района в прошлом много раз приходили иноземные завоеватели. Однажды бутринцы оказали завоевателям упорное сопротивление. Тогда завоеватели силой овладели селением и жестоко расправились с его жителями: они собрали всех бутринских детей на местности «Гьалала ГИниз» и растоптали их своей конницей. Когда в селение Бутри пришли какие-то другие завоеватели, они не разрушили селение, как обычно поступали другие завоеватели. От радости бутринцы кричали «батур, батур», т.е. «оставили, оставили!»

Вроде бы от этого и произошло название современного селения Бутри. Раньше, т. е. до этого селение носило другое название.

□ □ □

О борьбе тантинцев против иноземных завоевателей

Раньше селение Танти находилось в местности «Цурлинла». Здесь же была и крепость, где постоянно дежурила молодежь для предупреждения о появлении врага.

Один тантинец, который пас своих овец за селением, договорился со своей невестой, что если враги нападут на него и ему будет трудно, он даст знать об этом ей, заиграв на свирели. Однажды, когда он пас овец напротив селения на местности «Гярисанила», неожиданно на него напали враги, связали его и хотели угнать всех овец. Юноша попросил их исполнить перед смертью последнюю просьбу – развязать ему руки и дать возможность поиграть на свирели. Враги, согласились. Невеста, услышав звуки свирели своего жениха, поняла, что он находится в опасности и сообщила об этом жителям селения. Тантинцы напали на врагов и освободили юношу и его овец.

□ □ □

instituteofhistory.ru

Глава V

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА В БОРЬБЕ С НАДИР-ШАХОМ

30-40-е годы XVIII в. для народов Дагестана явились новым периодом испытаний на мужество, храбрость, героизм, любовь к своей родине. В эти годы им пришлось столкнуться один на один с наиболее жестоким завоевателем средневековья – Надир-шахом.

Став правителем Ирана в 30-х годах XVIII в., Надир возобновил военные действия против Турции. Согласно Багдадскому мирному договору 1733 г. Турция уступила Ирану все принадлежавшие ей ранее территории. Но Сурхай-хан Казикумухский не подчинился приказу Турции уступить Ирану Ширван. Этим и воспользовался Надир, давно вынашивавший планы покорения горцев и выступил в Ширван. В ноябре 1734 г. войска Надира заняли Шемаху, сожгли ее и двинулись в лагерь Сурхай-хана. Так начался первый поход Надира в Дагестан. Потерпев поражение при Кабале, Сурхай-хан бежал в горы, а персидские войска, преследуя его, двинулись в Дагестан, разрушая по пути села и расправляясь с мирным населением. До основания были разрушены Курах, Чирах, Хосрех, Кули, Кая и др. села. Сурхай-хан около Кумуха потерпел поражение и ушел в Аварию. Надир занял Кумух, затем двинулся обратно на юг, грабя и разоряя дагестанские села, жестоко расправляясь с горцами, оказывавшими сопротивление.

Второй поход в Дагестан Надир совершил в 1735 г. Сначала он вторгся в Южный Дагестан. После бесчинств в Самурской долине и в Табасаране Надир двинулся в Кайтаг. Заняв Маджалис и другие села, он через Губден и другие села двинулся в Кумух. Везде завоевателям оказывалось сопротивление. Заняв Кумух, Надир пошел в Акуша и отсюда в другие даргинские села. Народы Дагестана не желали подчиняться завоевателям и в каждом селении, куда приходили персид-

ские войска, они получали должный отпор. Повсюду происходили волнения и выступления против персидских войск. В 1736 г. Сурхай-хан напал на Дербент. В 1737 г. брат Надир-шаха Ибрагим-хан вторгся в Дагестан, а в следующем году – в Джаро-Белоканы, где персидские войска были разбиты, а Ибрагим-хан убит. В 1739 г. Надир-шах против восставших дагестанцев посылает многочисленные карательные войска во главе с Гани-ханом Абдальским, Фет Али-ханом, Мухаммед Али-ханом и др. Повсюду завоеватели огнем и мечом подавляли выступления горцев, которые не покорялись превосходящему врагу, совершали непрерывные нападения и наносили персам серьезные урны.

Летом 1741 г. Надир-шах во главе 100-тысячной армии вторгся в Дагестан, чтобы «искоренить» горцев или «изгнать их из гор». Завоеватели двинулись в Дагестан двумя колоннами. Одна из них во главе с Лютф Али-ханом, Гайдар-беком и Фет Али-ханом из Дербента через Кайтаг и Тарковское шамхальство двинулись в Дженгутай – столицу Мехтулинского ханства. Основные силы Ирана под командованием самого Надира через Барду, Кабалу, Шах-Даг, Могу-дере должны были идти в Казикумух. Первая колонна, захватив Кайтаг, учинила здесь жестокую расправу со всеми, кто оказывал сопротивление. На жестокость Надира горцы отвечали еще большим сопротивлением. Народы Дагестана помогали друг другу. На требование Надир-шаха явиться в Дербент Сурхай-хан и уцмий Кайтага Ахмед-хан ответили отказом, и они «решили бороться и биться, избрав мятеж своим промыслом». Повсюду завоеватели встречали отпор, они нападали на персидские отряды, не пропускали их через свою территорию. Предводители горцев договорились, «чтобы около пятидесяти тысяч тюфенгчи (стрелков) преградили проходы и входы в ущелья и установили охрану». А Сурхай-хан «послал людей во все города [и села] Дагестана вплоть до округов татаров и аваров, чтобы прибыли со своим войском»¹. И на самом деле, в горах Дагестана готовились к продолжительной войне. Повсюду горцы готовились к обороне. Ряд владетелей Дагестана обратился за помощью к России и Турции.

В ноябре 1741 г. Надир-шах во главе 66-тысячного войска прибыл в Дербент, отсюда пошел в Шемаху. 10-ти тысячный корпус под ко-

¹ Козлова А.Н. Наме-йи Аламара-йи Надири Мухаммеда-Казвини о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976. С. 75.

мандованием Гайдар-бека был послан через прибрежные районы в Мехтулинское ханство и Аймакинское ущелье. А вторая часть войска – 36 тыс. человек под личным командованием самого Надира двинулась по тому же маршруту Барда–Кабала–Шах-Даг–Дербент. Продвижение иранских войск от Шемахи до Дербента сопровождалось еще большими зверствами, чем творили войска Надира, пришедшие недавно тем же маршрутом. Террор, грабежи, насилия, истребление горцев приняли массовый характер. Но они не принесли успехов завоевателям. Наоборот, они вызвали глубокое недовольство горцев, которые все более ужесточали борьбу с надировскими войсками и стали стекаться под знамена наиболее авторитетных предводителей. Пройдя по маршруту Дербент–лезгинские общества–Табасаран–Агул–Чирах–Хосрех, Надир-шах захватил Кумух, многие жители которого, не желая покоряться персам, отступили в Аварию. Из Кумуха Надир послал 24-тысячное войско для ликвидации очага сопротивления в сел. Кубачи. Три недели горцы оказывали персам упорное сопротивление. Но силы были слишком неравные, и по уговору Сурхай-хана уцмий Ахмед-хан сдался. Но победы Надира не сломили горцев. Они еще более ужесточили сопротивление. Планы Надира, что вслед за Сурхай-ханом и уцмием покорится и аварский хан не оправдались. Последний не явился к Надиру с покорностью. Авария становится центром борьбы с Надиром. Сюда со всех концов Дагестана стали собираться те, кто не хотел покоряться персам и решили бороться с завоевателями до конца. И Надир-шах приказал войскам выступить в Аварию. Осенью 1741 г. войска Персии (со стороны Кумуха во главе с самим Надиром и со стороны Аймакинского ущелья во главе с Лютф Али-ханом и Гайдар-беком) вторглись в Аварию в Андалальское общество и заняли выгодные позиции вблизи селений Чох, Согратль, Уриб, Мегеб, Обох, Бухты и др.

Первое крупное столкновение произошло между горцами, двигавшимися со стороны Аймакинского ущелья, и шахскими войсками под командованием Лютф Али-хана. В этой битве горцы почти целиком разбили 20-тысячный отряд персов. Такой же участи подвергся 10-тысячный отряд Гайдар-бека, от которого после разгрома осталось 500 человек, и 6-тысячный отряд Джалил-хана, от которого осталось 600 воинов, с которыми он бежал. Весь обоз этого отряда – 19 пушек, много боеприпасов, снаряжения и другие трофеи оказались в руках горцев.

Решающее сражение произошло при селениях Согратль, Мегеб,

Обох, Чох. Кровавопролитный бой продолжался в течение нескольких суток. Первоначально персидские войска сумели оттеснить горцев и нанести им ощутимый урон. Однако с помощью подоспевшей подмоги, новых отрядов дагестанцев, в которых участвовали и женщины, горцы усилили натиск и завоеватели потерпели страшное поражение. Они стали отступать из Андалала. Из 52 тысяч воинов после отступления из Аварии в армии Надир-шаха осталось не более 27 тысяч. Сам Надир со своей свитой чуть было не попал в плен к горцам. В андалальском походе Надир потерял 79 пушек, 33280 лошадей, верблюдов и мулов и большую часть вооружения и снаряжения.

В ноябре 1741 г. с остатками разбитой армии Надир вернулся в Дербент, где он подвел печальные для него итоги своего похода в Андалал.

После поражения в Андалале Надир не оставил мысли покорить Дагестан. Он изменил тактику борьбы с народами Дагестана – решил истощить их силы затяжной войной. С этой целью недалеко от Дербента он построил укрепления с высокими валами, башнями и сторожевыми постами. Место это потом получило название «Иран-Хараб» («Разруха Ирана»). Завоеватели не нашли покоя и здесь – они постоянно подвергались налетам отрядов горцев. Активно выступали против завоевателей табасаранцы, лезгины, кумыки, кайтаги, акушинцы и другие народы Дагестана. Даже ставленник Надира шамхал Хасбулат стал отходить от него. Попытки шаха привести в покорность владельцев Дагестана не имели успеха. Народы Дагестана вели настоящую партизанскую войну – они нападали на войска Надира, громили их обозы, препятствовали доставке провианта. В результате войска Ирана голодали, начались различные болезни. Осенью 1742 г. армия шаха потеряла свою былую боеспособность и, по существу, была деморализована. В такой обстановке Надир в феврале 1743 г. решил вывести войска из Дагестана.

Но и после ухода Надира из Дагестана антииранские выступления не прекращались. Восставшие наносили одно поражение за другим разместившимся здесь шахским гарнизонам. В 1745 г. подступившие к Дербенту отряды уцмий Ахмед-хана разгромили войска Гани-хана. Для подавления выступлений горцев Надир-шах сам направился в Дагестан. На своем пути он уничтожал все живое, но ничто не могло остановить горцев, которые наносили завоевателям удар за ударом. Хотя Надир-шах потерял в Дагестане около половины своего войска, он не оставлял мысли подчинить народы Дагестана. Он намеревался устро-

ить на Мугане лагерь и оттуда посылать на Дагестан карательные отряды. Но этим планам не суждено было осуществиться. Летом 1747 г. Надир был убит в Иране.

Так бесславно завершил свою захватническую войну один из самых жестоких и безжалостных завоевателей средневековья Надир-шах.

В отечественной историографии, в особенности в дагестановедении, проблема борьбы народов Дагестана против Надир-шаха нашла довольно широкое освещение. Имеются как специальные монографические исследования, так и отдельные статьи, посвященные проблеме в целом и отдельным ее сюжетам. Особо следует отметить исследования Р.М. Магомедова (Битва близ аула Чох. Махачкала, 1940; его же. Освободительная борьба народов Дагестана против иранских завоевателей в первой половине XVIII века // Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1957. С. 316–330; его же. Освободительная борьба дагестанских народов против иранских захватчиков в 30–40-х годах XVIII века // История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 183–195), В.Г. Гаджиева (Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996), Н.А. Сотавова (Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000). Отдельные вопросы проблемы, связанные с участием в борьбе народов Дагестана с надировскими войсками и с различными периодами этой борьбы, исследованы в работах А.И. Тамая, Б.Г. Алиева, М.-С.К. Умаханова, М.Р. Гасанова, Н.А. Магомедова, А.И. Исламмагомедова, Е.И. Иноземцевой, А.Г. Темирхановой и др. Большое место уделено борьбе дагестанских народов против Надир-шаха в обобщающих коллективных трудах (Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. Т.1.).

О борьбе народов Дагестана против полчищ Надир-шаха сохранилось много источников, преданий, легенд и героико-исторических песен. Как отметили выше, по этой проблеме написано много исследований. В сборнике использованы труды дагестанских ученых и публикуется ряд источников, но в основном это предания, легенды и героико-исторические песни, собранные как составителем, так и другими учеными, писателями, поэтами и т.д. Всем этим материалам и посвящена данная глава.

□ □ □

В Ереване, в фонде арабско-персидских рукописей Государственного хранилища Армении «Матенадаран», хранится рукопись – лакский перевод дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме»¹. Как отмечено в конце хроники, она переписана в Кумухе в 1853 г. с рукописи, написанной также на лакском языке. Дата рукописи, с которой снята копия, не указана. В настоящем нас интересуют две записи на арабском языке исторического характера на титульном листе списка лакского перевода «Дербенд-наме». Оба они рассказывают о разрушении Кумуха (1240, 1733) внешними завоевателями, монгольскими и персидскими войсками.

Вот сообщение о первом разрушении Кумуха:

«Разрушение Гумика² турками³ (имело место) в понедельник, в начале (месяца) рамазан, во времена Наджм ад-дина⁴, и погибли мученической смертью все войска Гумика, кроме тысячи тридцати трех (воинов), в шестьсот тридцать седьмом (году). Аллах лучше знает»⁵. Первый понедельник м-ца рамазан 637 г. хиджры падает на 1 апреля 1240 г.

Следующая запись посвящена вторичному разрушению Кумуха, но уже сефевидскими войсками:

«Дата вторичного разрушения Гумика войсками рафизитов⁶ – да отдалит их аллах – в четверг, в благословенный бога месяц джумада ал-авваль, во время Сурхай хана⁷. Год 1146» (октябрь-ноябрь 1733)⁸.

¹ Государственное хранилище Армении «Матенадаран». Арабско-персидский фонд. Д. 240. Л.1.

² Гумик – современный Кумух. У средневековых арабских и др. авторов было принято написание «Гумик» или «Кумух», и под этим названием имелось в виду не одно только селение Кумух, но и «царство» Гумик.

³ Татары, разрушившие Кумух в 1240 г. – см. Маллачиханов Б. Материалы по истории нагорного Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.1167. Л. 25–26. В надписи из сел. Рича, посвященной этому событию, прямо указывается на татар: «Эта соборная мечеть Баб-ал-кист Рича разрушена войсками татар...» / См.: Лавров Л.И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья вторая) // МАЭ, 1958. Т. XVIII. С. 333; Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 7.

⁴ Имя это встречается только в связи с указанным событием, т.е. приходом монгольских войск в Кумух. По всей вероятности, Наджм ад-дин был кумухским правителем.

⁵ Это сообщение точно в таких же выражениях записано в Кумухе Али Каевым

/ См. Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1642. Л. 273, 254; Записи эти изданы – см.: Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 7.

⁶ Т.е. кызылбашей.

⁷ Сурхай-хан (или Чулак Сурхай) – первый газикумухский хан (начало и середина XVIII в.).

⁸ В рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии хранится арабская рукопись, которая при инвентаризации не совсем точно озаглавлена «Сказание об основании аула Аргуани» (дело № 1657). На одной из страниц этой рукописи (л. 29) сделан ряд хронологических записей по истории Дагестана. Как отмечено в начале рукописи, она доставлена Али Каяевым. Хронологическая запись заканчивается указанием на ближайший источник сведений: «Из записи Мухаммеда, по прозвищу Кадар и Халцар-а, ученика при ученом Абд Лилави ал-Баадаи» (Баадаи – аварское селение близ Гуниба). Некоторые записи из Баадаи иногда буква в букву повторяют сообщение на полях рукописи лакского перевода «Дербенд-наме», переписанного в 1853 г. Можно предположить наличие общего источника для обеих записей: «Пришел Тахмаз хан (т.е. Надир-шах) со своим войском в вилайат Дагестан, захватил город Гумик и оставался в доме Сурхай хана в течение семи дней. Затем он вернулся после этого в месяце джумада ал-авваль 1147 г.», т.е. в конце августа 1734 г.

Шихсаидов А.Р. *Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 151–153.*

□ □ □

Записи о борьбе против Надир-шаха

В рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН имеются копии, снятые А. Каяевым нескольких записей о борьбе против Надир-шаха.

Запись первая:

1). Тахмаз-Кули¹ со своими многочисленными полчищами (джунд) прибыл в вилайат Дагистан и захватил город (балдат) Гумук². Войско (джайш) его дошло до селения Шали³, [там] они захватили их (шалинцев) имущество (мал).

2). Он оставался в городе Гумук в доме (байт) Сурхай-хана в течение семи дней, затем вернулся [назад] – да поможет ему Аллах и да унизит его – в 1147 году по хиджре⁴.

3). Затем после этого он пришел [еще раз] в тысяча сто пятьдесят четвертом году⁵.

¹ Надир Афшар.

² Сел. Кумух Лакского района РД.

³ Сел. в Чародинском районе РД.

⁴ 1147 г.х. – 1734-1735 гг.

⁵ 1154 г.х. – 1741-1742 гг.

Каяев А. *Материалы по истории лакцев // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. С. 156–157; Из дагестанских памятных записей / Пер. и коммент. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980. С. 111–112.*

□ □ □

Памятные записи из книги «Ан-Нахджат ал-Мардийа шарх ал-Бахджат ал-Ардийв»

Данные записи были переписаны М.Г. Нурмагомедовым со старого, написанного арабским насхом списка названной книги (автор Абул-Фадл Абд ар-Рахим ал-Ираки). Издатели записи использовали копию, снятую М.Г. Нурмагомедовым.

1) Войско (джунд) еретиков (рафиди) разрушили Гумук¹ во время (правления) Сурхай-хана. Они подчинялись Тахмаз-Кули. Они были «войсками, против которых не устоять»².

2) Из селений (карийат) Гумука³ они взяли в плен около десяти, или немного меньше женщин.

3) В вилайате Дагистан они убили около трехсот или немного меньше (человек).

4) В селениях Кибуди и Хукал⁴ сожгли много дворов (дар) и всех их (сельчан) хозяйство (маишат).

5) В вилайат Гумук они вошли в четверг в начале (месяца) раби ал-ахир.

6) Затем они вошли в селения Гумука во второй четверг в нем же (месяце раби-ал-ахир).

7) Вернулись они в третий четверг в нем же, в 1147 (году)⁵.

¹ Сел. Кумух Лакского района РД.

² Коран. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. М., 1963. XXVII.

³ Речь идет, видимо, о нынешнем квартале сел. Кумух.

⁴ Ныне кварталы Кумуха.

⁵ Первая дата соответствует 2.IX.1734 г., вторая – 9.IX.1734 г., третья – 16.IX.1734 г.

Из дагестанских памятных записей / Пер. и коммент. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980. С. 116–117.

□ □ □

Запись вторая

Разрушение Гумука руками кызылбашей [имело место] в пятницу месяца джумада ал-ула, в начале осени, а уход их – в четверг того же месяца 1147 года [1734–35 гг.].

Они разрушили [все] так, что ни для кого из них (кумухцев) не осталось [надежды на] жизнь на этом свете из-за [отсутствия] продуктов питания (кут) и другого.

Из дагестанских памятных записей... С.112.

□ □ □

Запись третья

1) Иранский¹ шах, которого при его первом появлении называли Тахмаз-хан, пришел на Дагестан с громадными бесчисленными полками (джунд) и захватил город (балдат) Гумук. Он извлек [из хранилища] сокровища их владетеля (малик) Сурхай-хана – золото и серебро. В нем (Кумухе) он пробыл семь дней и затем вернулся [назад]. Произошло это в благословенном месяце ал-ула 1147 года².

2) После того как он пришел [еще раз]. Вторично захватил тот город, а также его окрестности; последними селениями (карийат), которые он захватил, были Убок³ и Мухиб⁴. На этот раз его лагерь был на горе Дурчи.

В собственноручной записи улема Халила Суграли⁵. 1156 год⁶.

¹ В тексте «аджамский» (аджами).

² У. 1147 г.х. = 29. IX – 28. X. 1734 гг.

³ Сел. Обох в Гунибском р-не РД.

⁴ Сел. Мегеб в Гунибском р-не РД.

⁵ Чит. «Сугьральи», т.е. Согратлийский. Согратль – селение в Гунибском р-не РД.

⁶ 1156 г.х. = 1743–44 гг.

Из дагестанских памятных записей... С. 112–113.

□ □ □

Запись четвертая

Войско (аскар) кизилбашей пришло в вилайат Гумук. Они стояли около месяца в селении (карийат) Хурхиб и Ккарабе¹, затем перешли оттуда на гору Дурчи² и разбили свои шатры над селением Мухи³. Их эмир Таймаз⁴ отправил затем войско афганцев вместе с их эмиром Гани-ханом⁵ в округ (нажийат) Мукар-ур⁶ и они разбили свои шатры над селением Уриб⁷.

Одна группа (таифат) их⁸ встала, [таким образом], между селением Махал⁹ и [селением] Камах¹⁰, а другая – на¹¹ ханарской¹² горе. [После этого] они вошли в¹³ селение Мухи и Убух¹⁴, а из них пошли на селение Сугур¹⁵, но при помощи Аллаха были обращены в бегство и [тогда] между ними [селами] обоими¹⁶ было убито¹⁷ около трех тысяч из [числа] их передовых воинов (?)¹⁸.

Группа их была разбита в местности...¹⁹, другая группа – выше селения Улучара²⁰ и Танти²¹, еще одна группа – в селении Аймаки²², а большая часть их войска в ущелье Джухут²³.

Они разрушили селения Сирхал²⁴, селение Зерехгеран²⁵, селения Мурал²⁶, вилайат Ахмад-хана²⁷ и селение Цудакар²⁸. Они поели скот (дуру)²⁹ всех [людей] и разрушили вилайат Хайдак в тысяча сто пятьдесят четвертом году по хиджре³⁰.

Во время этой великой битвы только [некоторые] жители (ахл) округа Бартху³¹, вплоть до их улемов были в согласии с кизилбашами. Они не вредили им (иранцам), а, напротив, помогали им едой и питьем и говорили: «Мы – люди (ахл) шамхала».

¹ Речь идет, видимо, о селениях Хурхи и Шара (в старинном произношении Хъара). Оба они расположены в Лакском р-оне РД.

² Плато Турчи-даг.

³ Сел. Мегеб в Гунибском р-не РД.

⁴ Надир-шах.

⁵ В тексте «Ганик-хан». Речь идет об Гани-хане Абдали.

⁶ Мукар – селение в Лакском р-оне; «ор» – в переводе с аварского – «речка», таким образом, «Мукар-ор» – округ, лежащий по течению Мукарской речки. По-лакски его называют «Мукардарат» (См. Булатова А. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 33).

⁷ Сел. Ури в Лакском р-оне.

⁸ Надо полагать, что речь идет о воинах Надир-шаха вообще.

⁹ В переводе с аварского «Махал» – «мегебць».

¹⁰ В тексте «К.х.ч». Мы, однако, полагаем, что в этом месте текст искажен и читать следует «Камах». Речь идет, видимо, о жителях сел. Камахал в Лакском р-оне.

¹¹ Можно перевести и иначе – «перед».

¹² В тексте «Хана'ари». Речь идет, возможно, о сел. Ханар в Лакском р-оне.

¹³ Можно иначе – «подошли к».

¹⁴ В Гунибском р-оне.

¹⁵ Согратль в Гунибском р-оне.

¹⁶ Можно иначе: «в них (отрядах) обоих».

¹⁷ Букв. «разгромлено».

¹⁸ В тексте «мин кудамаихим».

¹⁹ Пропуск в тексте.

²⁰ В Акушинском р-оне РД.

²¹ Там же.

²² В Гергебильском р-оне РД.

²³ В Кайтаге, выше Маджалиса.

²⁴ В переводе с аварского «сиргинцы»...

²⁵ Кубачи.

²⁶ В переводе с аварского – «муиринцы»...

²⁷ Возможно, Мехтула-

²⁸ Цудахар в Левашинском р-оне РД.

²⁹ Можно иначе «посевь».

³⁰ 1154 г.х. = 1741–42 гг.

³¹ О Бартху см. Бугаев Д.Б. Дагестан. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность и местонахождение (рукопись) // Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 8. С. 33; Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М., 1962. С. 345.

Из дагестанских памятных записей... С. 113–116.

□ □ □

Памятные записи о приходе в Дагестан войск Надир-шаха

Захват Гумука руками Тахмаз-хана в 1147/1734-35 году.

Войско Тахмаз-хана пришло в вилайт Акуша в...

Надир-шах пришел на город Шемаху, а также на Чар. Он захватил ее у Сурхай-хана в раби ал-аввале 1147/1734 года.

Надир-шах ал-Баварши ал-Хурасани вошел в селение Чар и Зака-тала в четверг в начале раджаба 1148/1735 года.

Ибрахим ал-Хурасани, брат Тахмаз-хана, пришел на селение Чар и Зака-тала вместе с многочисленными войсками в 1151/1738-39 году. Он был, однако, убит на горе Чара, а войско его понесло поражение и бежало.

Затем его брат Надир-шах пришел в Джар и Зака-тала в третий раз, в 1153/1740-41 году. Он разрушил их оба, а жители их обоих разбре-

лись в Дагестан, Карабаг и Кисик¹, жители всего Инисил² [поступили] так же; и постиг голод, который овладел ими на несколько лет.

Затем собрались те, кто [ранее] рассеялись из числа тех, кто остался [в живых] и разрушили некоторые селения Инисила. Не [видели] никогда те из числа его жителей, кто пришли таких напастей, голода, разрушения обитателей и насилий.

Затем пришли Тахмаз-хан, его сын Эрекли-хан, Шахверди-хан ал-Ганд-жави и Суганверди-хан³ с многочисленными войсками на Джар и Зака-тала. Их было тридцать тысяч, но они потерпели поражение и бежали. Из числа их было убито тогда десять тысяч мужей, большинство же их потонуло в Каныхе⁴. Эти события и сражение имели место перед Джалаир⁵ и Турпаг-гала⁶ в 1164/1750-51 году.

...Приход проклятого Тахмаза на Джар и Зака-тала – в 1147/1734-35 году.

...Приход сардара Мухаммадали и Кани-хана ал-Афкани ал-Кандахари⁷ на Джар – 1153/1740-41 год.

...Тахмазкули-хан пришел с многочисленными войсками в вилайт Дагестан и захватил город Гумук. Его войско дошло до селения Шалиб⁸; они взяли их имущество. Он простоял в городе Гумуке в доме Сурхай-хана семь дней, а затем возвратился в благосклонном месяце джумада ал-ула 1147/1734 года.

...Надир-шах подошел к Шемахе и взял ее из рук Сурхай-хана – 1147/1734-35 год.

...Ибрагим-хан ал-Хурасани, брат Надир-шаха, пришел на Джар и Тала. Он был убит на горе Джара, – 1151/1738-39 год – а войско [его] потерпело поражение. Затем на них пришел его брат Надир-шах – 1152/1740-41 год.

¹ Это – Кисики – область в Кахетии.

² Инисил – возможно, это Элисени, лежащая за р. Алазани.

³ Кахетинский царь Теймураз, его сын Ираклий II и азербайджанские ханы.

⁴ Азербайджанское название р. Алазань.

⁵ Населенный пункт в Зака-тальской зоне.

⁶ «Земляная крепость», с азерб. Она известна с начала XVIII в. (ИГЭД, С.111).

⁷ Военачальник Надир-шаха.

⁸ Сел. Шали в Чародинском районе.

Айтберов Т.М. *Памятные записи... // Письменные памятни-*

□ □ □

Памятная запись из сборника № 531

Еретики¹ разрушили селение Нахки в 1154/1741–42 году.

¹ Воины Надир-шаха.

Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 135.

□ □ □

Письмо шамхала Илдара к старейшинам, ученым и молодежи общества Цудахар – 1735¹ (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 2530)

Мир вам и милость Аллаха Всевышнего и благодеяния его. От Илдар-хан-шамхала² к старейшинам, ученым, знатокам, молодежи и обществу Цудахар³. Да сохранит нас Аллах от козней времени! Аминь.

А затем.

Сообщаем вам, чтобы вы знали, что мы намереваемся войти в селение Газаниш⁴ и Таргу⁵, а они ведут с нами соответствующие речи. Мы собрали войско, и пришло к нам известие о кизилбашах⁶, что они находятся в трех или четырех днях (пути). Теперь, если вы верны договору, обязательно пришлите лучших из вашей молодежи триста человек для этого дела. Не откладывайте этого дела, если вы наши друзья. Остальное ваше войско пусть приходит вместе с Дарго⁷. Не оттягивайте и не задерживайте прибытие, ведь вы умные люди. Подумайте о последствиях дел. Нет силы и нет мощи (кроме как у Аллаха Всев.).

Затем, я хочу вашего прибытия, чтобы продемонстрировать шаху вашу службу и дружбу от остального народа, вашу приязнь и добро от остального народа. Остальные наши слова передаст податель этого письма Курбан. Не откладывайте прибытие. Обязательно.

¹ Датировка приблизительная.

² Илдар II Казанишинский, сын Муртазали, сына Будая, Шамхал 1735 г. В начале 30-х годов XVIII в. состоял владельцем Буйнака вместе с братьями Махди, Сурхаем и «Султан-муратом» (См.: ИГЭД. С.121).

³ Цудахар – ныне в Левашинском районе. Центр Цудахарского союза сельских общин, входившего в состав Акуша-Дарго. Был вторым по значимости и силе после Акушинского союза сельских общин.

⁴ Казанище – ныне селение Буйнакского района. Входило в состав удела одного из членов шамхальского дома Баммата, управляющего независимо от шамхалов.

⁵ Тарки – столица Тарковского шамхальства.

⁶ Кизилбаши – тюркские племена Азербайджана и Малой Азии (афшар, кадждар и др.), получившие прозвище «кизилбашей» (тюркск. – «красноголовые») от носимой ими шапки с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов.

⁷ Дарго – древнейшая форма наименования одной из племенных групп, потом распространившегося на союз племен (См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 75). Дарго или Акуша-Дарго – союз, состоявший из 5 даргинских союзов сельских общин: Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мекегинского и Мугинского. Главой союза являлся акушинский кадий, соединивший в своем лице как духовную, так и светскую власть. Дарго поддерживал тесные связи с шамхальством, и по традиции ни один из избранных в Тарках шамхалов не считался законным, если его не признавали даргинские вольные общества. (См.: Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 208).

Мирзамагомедов Г.М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха (По дагестанским арабоязычным источникам) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Сборник. Махачкала, 1986. С. 89, 91–92.

□ □ □

Письмо от Хаджи-Айиуба кадия Акуша-Дарго к кадиям, старейшинам и всем жителям Авари 1735/36 г. (РФ ИИАЭ. Ф.16. №.1624)

Мир вам, милость Аллаха Всевышнего и благословение его.

От Хаджи-Айиуба¹ и его товарищей к праведникам, кадиям, старейшинам и всем жителям Авара². Да сохранит Вас Аллах от злых намерений в эти времена. Аминь.

А затем.

Мы слава Всевышнему Аллаху прибыли в Кубу³ благополучно и имели встречу с заместником⁴, шамхалом⁵, Хасаном⁶, и Али-хан-усми⁷. Однако когда услышала она известие о выступлении Хасбулата⁸ и его вступлении в Газданиш не согласились они на это и огорчились их и наши сердца этим (поступком). Испугались мы и они, что это послужит явной причиной для возвращения шаха⁹ в Дагестан, потому что он (Хасбулат) сделал это не без его (шаха) позволения. Он не прибыл к нему, хотя обещал это, в случае если к нему придет указание.

Шах послал его (указание) вместе со знатным посланником, однако Хасбулат не сдержал своего слова и обещания и это его большой проступок по отношению к шаху. Большая просьба к вам не верить его словам, словам Ахмад-хана¹⁰, Мухаммад-бека¹¹ и других и быть надежными относительно соглашения – и службы шаху, а если нет, то вы расскажетесь и окажетесь в ... Подумайте (о деле). Нет силы и нет мощи, кроме как у Аллаха высокого и могущественного.

Затем мы хотим от вас, чтобы вы послали в Баршлы¹² около 30 всадников, а это большая услуга от вас шаху и хану¹³. И мир.

¹ Хаджи-Айюб (или Хаджи-Айгун) – акушинский кадий и соответственно глава Акуша-Дарго. Ум. в 1171/1757–58. (РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Л. 17).

² В понятие Авария входит территория Аварского ханства и аварских союзов сельских общин.

³ Куба – город в Республике Азербайджан. Во времена Надир-шаха – резиденция наместника Грузии, Азербайджана и Дагестана. Во второй половине XVIII в. – столица Кубинского ханства.

⁴ В этот период наместником шаха в Кубе был брат Надира Ибрагим-хан.

⁵ Илдар-шамхал.

⁶ По-видимому, Хасан-бек брат уцмья Ахмад-хана, который в свое время был отправлен в Терки в качестве аманата. В нач. XVIII в. находился на службе у шаха Хусейна и получал от него жалование. (АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1079).

⁷ Ставленник шаха Надира. Возможно, что шах Надир лишь утвердил его в этом звании, а назначен он был еще российским правительством, которое в сентябре 1733 г. лишило уцмья Ахмад-хана его владения за измену и сообщничество с крымцами при нападении на Дербент. (См.: ФОД. С. 82).

⁸ Хасбулат-шамхал, сын Адиль-Гирей-шамхала, правил 1734–1758.

⁹ Надир-шах.

¹⁰ Ахмад-хан-уцмий – правитель Кайтага первой половины XVIII в. Умер в 1749 г. после пятидесяти лет правления.

¹¹ Мухаммад-бек – сын Сурхай-хана Казикумухского. Незадолго до смерти Надир-шаха взял в свои руки власть в ханстве. Правил до 1789 г.

¹² Баршлы или Башлы в первой половине XVIII в. являлось резиденцией уцмья Ахмад-хана. (См.: ИГЭД. С. 83). Располагалось оно неподалеку от современного Башлыкента Каякентского района.

¹³ Имеется в виду брат Надир-шаха Ибрагим-хан.

Мирзамагомедов Г.М. Указ. соч. С. 89–90, 92–93.

Письмо шамхала Хасбулата к жителям селения Кудали. 1736-1745. (РФ ИИАЭ. Ф.1. Оп.1. № 2357)

... селение Кудил¹, сохранит... от болезней и печалей. Аминь.

А затем.

Я отправил посланников к служителю двух благородных святынь, имаму ислама гункару² и ответил он мне подарками и приветствием и приказал мне послать наши войска в Харс³, с тем, чтобы захватить сокровища, воевать и взять имущество в Грузии. Я посылаю предводителя, обязательно прибывайте вместе с ним. Поговорите с теми, кто рядом с вами из Кухул⁴, Сулул⁵, и Ма адал⁶.

До сих пор я находился в подчинении очень коварного человека, опасаясь его злобы, но сейчас я порвал с ним и соединился с могущественным имамом. Боже помоги исламу! Аминь!

¹ Кудали – ныне селение Гунибского района РД.

² Хункар – название надишаха из дома Османа. Произошло от персидского «повелитель». В Дагестане часто писали гункар.

³ Карс – город в Турции.

⁴ Сел. Кегер Гунибского района РД.

⁵ Сел. Салта Гунибского района РД.

⁶ Сел. Маали Гергебильского района РД.

Мирзамагомедов Г.М. Указ. соч. С. 90, 93.

□ □ □

Письмо Хасбулата к обществу Кудутль. 1736-1745. // РФ Ленинград. Отдел. Ин-та востоковедения АН СССР. Докум. фонд, А-2

От знатного Хасбулат-шамхала ко всему обществу Кудук¹. Мир многочисленный.

А затем.

Мое желание (сообщить), что я выступаю походом на кизилбашей после праздника². Будьте готовы выступить со мной, как выступают все (жители) равнины и гор. Что касается богатства и добычи, то они будут многочисленными (тому), кто пойдет со мной вместе с (провизией) туда и обратно. Я хочу чтобы вы были со мной в этом походе.

Выходите, у кого есть лошадь. Пусть готовится, кто хочет богатства. И мир.

¹ Кудугль – сел. Гергебильского района РД. Входил в Койсубулинский союз сельских общин.

² Имеется в виду праздник разговения (ар. *ид ал-фитр*), второй по значению праздник мусульман.

Мирзамагомедов Г.М. *Указ. соч. С. 91, 93.*

□ □ □

Письмо дурдихцев и ученых к Сурхай-хану Казикумухскому

«Посылаем много приветов от дурдихцев и ученых бесподобному знатному хану и его сыновьям Магомеду и Муртазали. Мы обещаем следующее: когда ты собирал народы Дагестана к себе для произнесения клятвы, вместе со всеми и мы прибыли. Дали клятву и всегда принимали участие в войнах. Но когда раздавал подарки, ты обошел нас. Мы просим прислать теперь, как и всем, подарки. Всегда будем мы готовы идти с тобой на войну и сделаем больше, чем другие. Весь наш трудовой народ будет непоколебимо стоять на твоей стороне, и никогда не изменим. Приветы от жителей Буада-Куланим и окружающих аварцев, называемых гурзих».

Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. С. 143.

□ □ □

Памятные записи из сел. Чугли

Переписаны во время археографической экспедиции 1974 г. с обложки рукописной книги «Канз ар-рагибин» (автор ал-Махали).

...1) В благословенном месяце шабан тысяча сто сорок восьмого года¹ было разрушено Лабко².

...2) Тысяча сто пятьдесят четвертый год³ – дата разрушения селения Нахки⁴ еретиками (рафиди).

¹ VIII. 1148 г.х.-17.XII.1735 – 15.I.1736 г.

² Территория в верховьях р. Халагорк (Левашинский р-он РД). По сообщению Ф.И. Гене, Лабко (в тексте «Левко») называли Мекегинский магал (См. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хасашва. М., 1958. С. 346). Речь идет, видимо, о действиях Надира.

³ 1154/1741–42 гг.

⁴ Селение в Акушинском р-оне РД, в верховьях р. Уллучай.

Из дагестанских памятных записей... С. 117–118.

□ □ □

Памятные записи из собрания кутишинца Захил Курбана

1) Войска еретиков (рафиди) пришли в город (балдат) Баршли во время Али-Султана в 1100 году¹.

2) Войска Таймаз-хана пришли в вилайт Акуша в 1148 году².

3) Войска Таймаз-хана захватили Гумук.

4) Войско Кирима пришло в вилайт Хайдак в 1144 году³.

5) Еретики разрушили Каранай и Ишкарти в 1154 году⁴.

¹ 1100/1688–89 гг. Об этом см. Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.100-101.

² 1148/1735–36 гг. Об этом см. История Дагестана. Т.1. С.358–360.

³ 1144/1731–32 гг. Крым – Крым.

⁴ 1154/1741–42 гг. Каранай и Ишкарты – селения в Буйнакском р-оне РД. Об этом см. История Дагестана. Т.1. С. 362–368.

Из дагестанских памятных записей... С. 119–120.

□ □ □

Памятные записи из сборника № 220

Войска (аскар) гизилбашей пришли в Дагистан, но войска ислама гнали их в Дермит¹ ударами сабель в 1154 году².

¹ Дербент.

² 1154 г.х.-1741-42 гг.

Из дагестанских памятных записей... С. 123, 126.

□ □ □

1) В 1148¹ году войско Тахмаза² вступило на землю (ард) Цедеха³.

2) В 1154 году его (Тахмаза) войско вступило в селение Убух⁴.

¹ 1148 г.х.–1735–36 гг.

² Надир-шах.

³ Чит. «Цедех1». Аварцы называют так цудахарцев.

⁴ 1154 г.х.–1741–42 гг. Чит. «Гюбохъ». Сел. Обох расположено в Гунибском районе.

Из дагестанских памятных записей... С.126-127.

□ □ □

Ген. Левашев о первом походе Надира в Дагестан

В августе 1734 г. иранские войска взяли Шемаху, сравняли ее с землей, опустошили ширванские селения, доставили 500 человек пленных и много голов убитых.

Решающее сражение между персидскими войсками и Сурхаем произошло 17 сентября в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой, где Сурхай против 42-тысячной иранской армии смог выставить 20-тысячное войско. Итоги этого сражения Левашев комментирует следующим образом: сначала горцы потеснили иранцев, но от «великой пушечной стрельбы Сурхай устоять не смог, и с войски своими ретировался». Желая сохранить силы для дальнейшей борьбы, Сурхай отступил в Казикумух, решил дать сражение в лакских селениях, расположенных на подступах к своей резиденции.

Об этом сражении Левашев также писал, что сначала произошел «бой на обе стороны равной, но Тахмас-хан, не одолев сурхайцев, оставил при тех деревнях довольную команду, а с остальным войском пошел за Сурхаем и нашел его в городе Шехер (Кази-Кумух – Н.С.), по которой учинил великую пальбу, отчего Сурхай принужден далее бежать и Тахмас-хан в помянутой городок вступил ... а Сурхай прибыл в аварское владение, остановился в деревне Джук и тамо умножает войско свое с намерением еще Тахмас-хану чинить сильное противление».

АВПР. Ф.89: Сношения России с Турцией. Оп.89/1.1734. Д. 4. Л. 48 с об., 48 об.-49. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 105.

□ □ □

Взяв резиденцию Сурхая, Надир «извлек [из хранилища] сокровища их владетеля (малик) Сурхай-хана – золото и серебро. В нем Кумухе) он пробыл семь дней и затем вернулся [назад]. Произошло это в благословенном месяце джумада ал-ула 1147 года» – 29, 1Х-1734 г.

Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 112. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 105-106.

□ □ □

Ссылаясь на рапорт своего офицера, прикомандированного к свиге шаха, об исходе всей операции Галицын писал, что полученный им запорт «с прежними разглашениями весьма не сходствует, а именно что он Тахмас хан во всю Дагистанию не ходил токмо около дороги в горах лежащие деревни разорял ... нигде главной схватки с неприятелем не имел ... токмо весьма оной Тахмас хан люди потерял при возвращении свом оттуда, ибо шли великими горами, где людей от стужи и голоду и от своего не порядку немалое число из гор попадали и до смерти побились, так что ис самого ханского обозу оттого уцелело немного».

АВПР. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп.77/1.1734. Д. 7. Ч. 2. Л. 415 с об. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 106.

□ □ □

На обратном пути в Иран Надир напал на джарцев и лезгин, сжег Ахты, но понес значительный урон. Касаясь итогов первого нашествия Надира на Дагестан, Голицын пришел к выводу, что «хотя здесь гласили, что якоб Тахмас хан их разбив много полону побрал, токмо как оной мой офицер сам видел, ничего не везли, но везли много сдешних (своих – Н.С.) побитых и раненых».

Там же. Л. 416; 106.

□ □ □

О приходе Надир-шаха в сел. Викри

На разрушенном здании мечети сел. Викри (Дахадаевский район) имеется надпись, где говорится:

«Вот явился человек из области Хурасан во время Ахмад-хан-уссми¹ по имени Надир-шах и разорил он область Дагустан...»

Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XX вв. на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1980. С. 68.

□ □ □

О разгроме войск Надир-шаха Шарвили

Это было осенью. Люди были заняты своими хозяйственными делами. Из города Дербента пришла черная весть о том, что иранский шах Надир грабит, сжигает все на своем пути и скоро дойдет до лезгин. Необходимо было послать против врагов сильных молодых ребят. Собрались старейшины ахтынского района и стали думать, кого послать против врагов, и в первую очередь вспомнили про очень сильного молодого пастуха и охотника Шарвили. Он поражал сельчан своей необыкновенной силой – домой он возвращался из леса каждый раз на плече с огромным толстым дубовым бревном. И из них он построил сам себе дом.

Когда Шарвили пригласили и сообщили ему о приближении врагов-захватчиков, он велел собрать несколько сильных ребят, с кем он готов был идти воевать против захватчиков.

У Шарвили ничего не было, чтобы идти воевать. Женщины селения Ахты сшили ему хорошую одежду, из крепкой кожи чарыки, из бараньих шкур папаху. Кузнецы приготовили ему семиметровую шашку и палицу, ткачихи соткали ему хурджины, в которые помещались семь пудов еды на дороге (только ему).

Ни одна лошадь не выдерживала Шарвили. Каждая лошадь ломала себе спину, как только он садился, а ноги его волочились по земле на любом коне. Тогда Шарвили решил пойти пешком, а собравшиеся сорок сильных юношей (из всех селений лезгин) сели на лошадей и двинулись вслед за ним.

¹ Ахмад-хан-уссми Кайтага (1718–1749 гг.).

На лошадях молодцы не могли догнать нашего Шарвили. Шарвили прибыл к горе около гор. Дербента. В ожидании, пока подойдет его воины, он стал собирать большие камни и образовал до их прихода еще одну гору.

Вскоре и они прибыли к месту, где их ждал Шарвили. Лезгинские ребята во главе с Шарвили двинулись навстречу шахским войскам.

Говорят, когда Надир-шах увидел горстку людей, собиравшимися с ними воевать, засмеялся. Но Шарвили, как только увидел их войско, поднял свою палицу, повертел ею несколько раз в воздухе и бросил в гущу войска. От одного его удара умирало сразу сто человек. Поднять его палицу кроме самого Шарвили никто не мог. Он подбегал к своей палице и опять ею убивал врагов. От такого зрелища враги пришли в замешательство; они не знали, что делать. Сам же Шарвили был неуязвим и дьявольски быстр в своих действиях. Надир-шах, увидев это, еще больше увеличил свое войско против Шарвили.

Три дня и три ночи Шарвили сражался. Когда он захотел пить, он выпивал один бурдюк воды, когда хотел кушать, съедал ляжку барана и снова воевал.

Когда число врагов увеличилось, Шарвили хватал камни величиной с горы и бросал во врагов. Увидев его, воины убежали с криком: «Это не человек, аждаха!». Так все войско Надир-шаха было разгромлено.

Надир-шах с остатками людей убежал из Дагестана. Шарвили освободил сто тысяч красивых девушек и юношей из плена. Награбленное шахом золото Шарвили раздал народу. Сам он со своим войском вернулся домой.

О позорном провале Надир-шаха было известно в Гюлистане. Все иранские женщины оплакивали своих погибших мужей и сыновей, в гибели которых обвиняли Надир-шаха за то, что он, когда пошел на захват лезгин, не принес жертвоприношения шихлерским, кихлерским и шалбуздагским святыням. Поэтому, мол, боги отвернулись от него и победу одержали лезгинки во главе с богатырем Шарвили.

Ганиева А. В поисках легендарного героя. Махачкала, 1986. С. 131–133.

□ □ □

Любопытное проклятие, бытующее в Табасаране, употребляемое не по мелким поводам, а в отношении измены, предательства, подлости, записано Р.М. Магомедовым. «Двадцать тысяч проклятий тебе!».

Такая его гиперболическая форма, в моем представлении, связана с исключительно большим (даже по дагестанским меркам) количеством невзгод, обрушившихся на этот уголок Дагестана. Ведь почти ни один завоеватель не миновал Нижнего Табасарана. Гунны, сасаниды, арабы, сельджуки, монголы, турки, персы – все побывали здесь; любопытно в связи с этим бытующее в Хучни, в Ерси и некоторых других аулах Нижнего Табасарана поверье, что аул сгорал (разрушался) до гла семь раз – и семь раз вновь возрождался на том же месте. В этой фразе лаконично изложен, как мне кажется, весь смысл истории Табасарана...

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1979. Вып. II. С. 57.*

□ □ □

Семь братьев и красавица сестра

В Южном Дагестане – много легенд о хучнинской крепости. Вот одна из них.

Жили-были семь братьев с единственной красавицей сестрой. У сестры были длинные косы, при их помощи она доставала в кувшине воду из речки, когда братья строили крепость.

Братья много лет воевали со своими врагами. Но сестра семи братьев полюбила предводителя врагов своих братьев, набрала воды из речки, растворила в ней соль и залила соленой водой ружья своих братьев. Ружья испортились, и братьям грозило поражение. Но на их счастье у них сохранились их мечи. Братья разбили своих врагов, а сестру связали, и старший брат изрубил ее на куски.

Похоронена сестра в ложине к югу от крепости.

□ □ □

Известный табасаранский поэт Муталиб Митаров сообщил Р.М. Магомедову другой вариант легенды, где другая концовка. В ней говорится, что враги ворвались в Табасаран, убили семерых братьев и убили также сестру, сказав, что она, изменившая своим братьям, изменит и врагу ее братьев, которого она полюбила.

Говорят, что табасаранцы, презирающие изменницу, считают своим долгом кинуть камень на ее могилу. Так образовалась большая

гора. Могилы давно не видно, но кто бы ни прошел мимо этого места, каждый бросит сюда и свой камень.

Магомедов Р.М. *Легенды и факты. Махачкала: Дагкигоиздат, 1963. С. 48–49.*

□ □ □

И еще один вариант концовки легенды о семи братьях. Вражеские войска, предводителя которых любила сестра семи братьев, обещали сестре, что ее братья останутся живыми и получат во владение много окрестных сел. Когда сестра помогла врагам взять крепость, они нарушили свое слово и напали на братьев. Двум из них удалось на быстрых лошадях убежать от позорного плена. Они подняли против своих врагов всех табасаранцев, не допустили пришельцев в верхний Табасаран, а изменницу-сестру закидали камнями.

Один из семи братьев – Касум поселился после этого в местности, где ныне расположен Касумкент. Отсюда, говорят, и произошло название аула.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 49.*

□ □ □

На расстоянии 3–4 км от Хучни, на возвышенности, сохранились остатки крепости, известной под названием «Крепость Семи братьев». О крепости существует легенда, известная в нескольких вариантах, некоторые из них приводились и в литературе. Мое внимание, однако, привлекли именно отличительные детали вариантов легенды: сообщая подробности и взаимно дополняя друг друга, они могут содержать и элементы исторической реальности, не сохранившиеся в источниках других видов. Поэтому приведу здесь различные варианты этой легенды.

Все предания говорят о том, что в крепости некогда жили 7 братьев и их красавица сестра. Подчеркивая ее красоту, некоторые предания утверждают: ее косы были настолько длинные, что она, желая достать воду, привязывала кувшин к косам, спускала его в реку, а затем вытягивала кувшин с водой с помощью кос наверх в крепость.

По некоторым вариантам предания, братья поселились в крепости по приглашению жителей близлежащих селений для их защиты, ибо братья были признанными богатырями и умелыми, опытными воинами. Население содержало братьев.

Братья успешно защищали окрестные села, неоднократно выдерживали осады. Сестра готовила им пищу и выполняла домашнюю работу.

Однако во время одной из неприятельских осад сестра влюбилась в одного из воинов (по другим вариантам – в начальника) вражеской армии. Далее расхождения между вариантами предания усиливаются.

Один из вариантов именуется врагов иранцами. Братья обороняли от них проход в Верхний Табасаран. Однако иранский воин – возлюбленный сестры – уговорил ее тайно налить соленой воды в дула ружей и в ножны шашек братьев. Она сделала это, после чего попыталась убежать к врагам, но братья вовремя заметили ее бегство, схватили ее и совершили над ней ритуальное убийство, камнями (т.н. «дашкыалаг» – «побиение камнями»). Однако, видя, что оружие их приведено в негодность, они поспешно покинули крепость, успев все же сделать завещание своего имущества окрестным жителям: земельные участки – селениям Ханаг и Ругудж, книги – селению Гасик, домашнее имущество – жителям Хили-Пенджика.

По другому варианту предания, вражеский военачальник попросту подкупил сестру, она собралась перебежать к врагам. Но тут один из братьев поднялся на стену крепости и увидел удаляющуюся сестру. Сразу догадавшись, в чем дело, он бросил ей в след камень. Тотчас это сделали и остальные братья, которые тем временем тоже поднялись на стену. Братья бросали в нее камни до тех пор, пока она не погибла под целым каменным холмом. С тех пор в знак проклятья до самого недавнего времени каждый прохожий плевал на холм камней – могилу предательницы и швырял туда камень. Холм этот действительно существует и поныне...

По третьему варианту предания, военачальник врагов – иранец, возлюбленный сестры предложил ей испортить оружие братьев соленой водой. После того, как братья погибли, враг ворвался в крепость и двинулся в Верхний Табасаран, причем была казнена и сообщница-сестра. Враги рассудили, что женщина, предавшая братьев, не может быть верной и кому-либо другому, а потому заслуживает смерти. Труп ее был оплеван табасаранцами и заброшен грудой камней.

По четвертому варианту предания, сестра была скорее излишне доверчивой, нежели подлой. Она решила испортить оружие своих братьев соленой водой по наущению вражеского воина – ее возлюбленного – лишь после того, как враги пообещали ей, что братья ее останутся живыми и будут назначены старшинами в 7 больших селени-

ях Табасарана. Однако, захватив фактически безоружных защитников крепости, враги нарушили данное слово – они начали казнить братьев одного за другим. Так были казнены пятеро. Двоим каким-то образом удалось вскочить на быстроногих, летящих как ветер лошадей и спастись от врагов. (Один из этих братьев – Касум – прожил долгую жизнь и основал селение Касумкент).

Между тем, поднялись жители всех окрестных сел, выступили против врагов, не пустили их в Верхний Табасаран, и в конце концов враги вынуждены были уйти восвояси. А изменницу-сестру победившие табасаранцы казнили избиением камнями.

И еще один вариант предания, записанный в сел. Лидже, где говорится, что врагами табасаранцев, противниками братьев названы монголы («мугал» – ?). Сестру же, по здешнему преданию, убили сами братья: узнав об ее измене, они бросили ее со скалы.

Анализируя приведенные варианты предания, Р.М. Магомедов пишет:

Я вполне допускаю, что в Табасаране существуют и иные варианты этого предания. Существование его во многих вариантах кажется мне весьма любопытным, даже поучительным. Хорошо прослеживаются постепенно наслаивающиеся исторические детали. В качестве противника выступают то монголы, то иранцы, то безымянные «враги», хотя, конечно, в реальной истории едва ли совместимы монголы времен Чингис-хана (другое дело татары Золотой Орды) и огнестрельное оружие. В некоторых вариантах вводятся фантастические детали, характерные для сказки (невиданные косы красавицы сестры). Глухо звучат какие-то социальные моменты (братьев, оказывается, содержали окрестные сельчане). Наконец, в разных вариантах сталкиваются различные этические подходы – от безусловного следования родственному и общественному долгу до стремления выставить в качестве смягчающих обстоятельств неподвластные человеку факторы (сильные чувства, рок и т.д.), даже робкое стремление как-то указать на личные права сестры. Но во всяком случае, следует отметить безусловное положительное отношение народа к братьям – защитникам родины и, безусловно, отрицательное отношение к врагам во всех вариантах предания.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1979. Вып. II. С. 58–60.*

□ □ □

Хучнинская крепость, с которой связано предание о семи братьях и сестре, хорошо описана Р.М. Магомедовым. Он пишет:

Она очень напоминает по размеру и планировке форты Дербентского оборонительного комплекса. Мне приходилось видеть в горах немало крепостных сооружений, башен и т.п., но крепость с. Хучни выгодно отличается от них. Прежде всего, в горах оборонительные сооружения построены либо из огромных, почти необработанных глыб, либо из небольших тесаных камней (иногда оба способа сочетаются) без применения цементного или известкового раствора. А кладка стен хучнинской крепости сделана на связующем растворе. Камень местный – это не вызывает сомнений – подобран один к одному. Кладка сделана правильными рядами. Длина стены крепости, обращенная в сторону Хучни, примерно 50 м, ширина обеих боковых ее стен около 25 м, толщина их около 2–2,5 м.

По четырем углам крепости выстроены угловые башни. Они сплошь заполнены землей. В северной стене находится единственный вход в крепость. Проход в рост человека. Интересно, что по сторонам его – массивные вертикальные выступы четырехугольного сечения. В стенах прохода сохранились вертикальные пазы, по-видимому, для подъемной двери, некогда скользившей по ним вверх и вниз.

Хучнинская крепость – двухэтажная, но нижний ярус заполнен землей наполовину, поэтому высота стен изнутри несколько меньше, снаружи она достигает в среднем 7 м. Стены до сих пор в хорошей сохранности, крепки, имеют бойницы. В общем хучнинская крепость походит скорее на феодальный средневековый замок, нежели на укрепленный населенный пункт типа средневекового городища.

Крепость расположена на выступе горы, у самого ущелья. Со стороны Хучни крутой обрыв, здесь доступа к крепости нет. Подойти к ней можно только с севера, но эта сторона хорошо просматривается и простреливается. Впрочем, из крепости во все стороны хороший, далекий обзор. Расположена она так, что контролирует пути в Верхний Табасаран, в Кайтаг и стратегически связана с конечным отрезком Дербентского оборонительного комплекса.

□ □ □

По склонам ниже крепости, по-видимому, когда-то было расположено поселение: до сих пор там сохраняются следы кладбища и

строений. Скорее всего, оно было связано хронологически с функционированием крепости.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1979. Вып. II. С. 60–61.

□ □ □

Ахты-пара подверглось страшному разорению при нашествии Надир-шаха. В народной памяти сохранился как беспримерный варварский акт воспоминание о «шах-хирмане» – так называлась «мопотьба» копытами шахской конницы тел ахтынских детей, подростков, стариков и старух по приказу Надир-шаха для устрашения непокорных.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1979. Вып. II. С. 76.

□ □ □

Сел. Орта-Стал расположено недалеко от Касумкента. Сохранилось предание, что первоначально здесь был расположен небольшой «город» (укрепление?) Кард, насчитывавший около 1000 хозяйств.

Название Орта-Стал появилось лишь через несколько сот лет. Означает оно буквально «средняя капля». История его такова: северозападнее нынешнего селения жили три брата и сестра. По мнению братьев, сестра вела себя недостойно. Они убили ее, а сами расселись, как капли, образовав три селения, существующих поныне: Аша-а-Стал («нижняя капля»), Орта-Стал («средняя капля») и Юхари-Стал («верхняя капля»).

Когда сюда явился Надир-шах, он застал здесь небольшое селение, заселенное выходцами из заброшенного селения Кард.

Надир-шах потребовал от них подчинения. Кардцы отказались. Когда он послал сюда своего сына с отрядом – жители перебили иранцев. Дважды после этого Надир-шах посылал отряды, но жители каждый раз отражали эти нападения. Тогда он явился сюда сам с основными силами и учинил жестокий разгром. От уцелевших жителей селения была отделена молодежь и дети. Иранцы уложили их лицами вниз на току и устроили кровавую «молотьбу», пустив по ним вскачь своих коней. Место это называется Эгхаррсан, что значит «ток из людей». Здесь было пролито много крови.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1979. Вып. II. С. 80.

□ □ □

Хирман в Южном Дагестане – это место для молотьбы зерна. В Курахе и окрестных селах сохранилось много преданий о том, как на такие хирманы воины Надир-шаха сгоняли женщин с грудными младенцами, связывали их по рукам и ногам и затем топтали конскими копытами.

Главный хирман в Курахе с тех пор называют Шах-хирманом.

В ауле Тузла рассказывают, что такой хирман Надир-шах устроил в ауле перед большой мельницей.

В ауле Орта-стал рассказывают, что до нашествия Надир-шаха неподалеку от их села существовало укрепленное поселение Кард. Крепость эта не покорилась иранцам. Послов шаха кардцы убили. Надир-шах штурмом взял город и разрушил его. После этого на глазах оставшихся в живых родителей он согнал детей в одно место, связал их и пустил на них лошадей. Город был разрушен.

Легенда о Шах-хирмане есть и у табасаранцев. Рассказывают, что под Зидияном, прозванным по этому случаю Иран-харабом (Гибелью Ирана) табасаранцы нанесли удар войскам Надир-шаха. Шах рассвирепел, повел все войска на земли табасаранцев, разрушил множество сел, а жителей увел в плен. На территории нынешнего Ашасиярахского сельсовета и сейчас видны следы развалин одиннадцати аулов. Говорят, что в Ишмиге шах устроил молотьбу детей – Шах-хирман.

На территории, прилегающей к селению Чулак, имеются развалины трех разрушенных сел: Хтараг, Гюржар и Гебрияг.

Магомедов Р.М. *Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 38–39; Магомедов Р.М.* *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 170–171.*

□ □ □

В предании, изданном Р.М. Магомедовым, говорится, что захватив селение Кая, войска Надир-шаха также устроили здесь, как и в других селениях Дагестана, «шах-хирман», где погибло 150 лошадей.

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. II. С. 241.*

□ □ □

Надир-шах многократно совершал карательные походы в Табасаран. Поэтому здесь сохранилось много преданий, связанных с борьбой табасаранцев против персидских войск. Приведем некоторые из них.

Население аулов Кулик, Ряхжиг, Цуриг, Гариг, Джатри, Журдаг, Дирчи избрало предводителем в борьбе против Надир-шаха некоего Мажвада. Однако Мажвад вместе с «сыновьями Джюга» перебежал на сторону врага.

Другой руководитель горцев – Навруз из Кулика героически погиб при обороне Куликовской крепости от иранцев. Иранцы долго осаждали его. Наконец, когда защитники были изнурены осадой, иранцы смогли захватить крепость. Однако вскоре об этом узнали гунинцы – жители Верхнего Табасарана. В ту же ночь они прибыли к Кулику, напали на иранцев, находившихся в крепости, и истребили их полностью.

Около сел. Хустиль до сих пор есть местность, называемая Гюни-Раццар – «кровавые токи», в память о «молотьбе шаха», особом виде казни, производившемся войсками Надир-шаха во многих селениях Дагестана: связанных людей укладывали сплошным слоем на ровном месте и затем гнали по ним упряжки лошадей с молотильными досками до тех пор, пока все не погибали.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. Вып. II. С. 61–62.*

□ □ □

Много пришлось бороться с войсками Надир-шаха лезгинским обществам. Персидские войска несколько раз приходили сюда и каждый раз встречали упорное сопротивление лезгин. Сохранились предания, говорящие о зверствах завоевателей, применявших и в лезгинских обществах свои излюбленные жестокие методы. В одном из преданий говорится, что страшному разорению подвергли завоеватели союз Ахты-пара. В народной памяти сохранился как беспримерный варварский акт воспоминание о «шах-хирмане» – так называлась «молотьба» копытами шахской конницы тел ахтынских детей, подростков, стариков и старух по приказу Надир-шаха для устрашения непокорных.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 76.*

□ □ □

Надир-шах и чабан

В лезгинском предании «Надир-шах и чабан» воины Надир-шаха, проезжая мимо сел. Кяхуль, встречают плешивого чабана, от которого узнают, что перед ними большое село. Надир-шах для большей убедительности решает уточнить отдельные детали.

«Он спрашивает чабана:

– Сколько мельниц в вашем селе?

– Много. Наверное, сордк будет.

Удивленный Надир воскликнул:

– Сорок мельниц, да это настоящий город!

Надир-шах повернул войско назад, не рискуя сразиться со столь большим селом».

Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 217-218.

□ □ □

В двух километрах от нынешнего селения Кочхюр раньше находилось селение Чрака. Там произошел бой местного населения с войсками Надир-шаха, окончившийся победой местных жителей. Затем произошел второй бой в селении Куказ. Надир-шах, несмотря на отчаянное сопротивление местного населения, взял это селение и решил двинуться на сел. Кочхюр. Однако в местности Мюхюнкхер им встретился большой дубовый лес. Завоеватели не смогли пройти через него и поэтому не дошли до Кочхюра. К тому же Надир-шаху доложили, что селение сильно укреплено: оно было окружено оборонительной стеной, ворота были только с двух сторон (с запада и востока); с севера и юга была естественная защита – обрыв.

□ □ □

Из Дербента Надир-шах направился в Хоредж. Услышав о его приближении, жители Хореджа разбежались по разным селам, спрятались в горах. Придя в пустое селение, завоеватели собрали оставшихся здесь детей и женщин, которые не успели бежать, и растоптали на току лошадьми. Уходя, они разрушили селение и забрали с собой скот и имущество.

□ □ □

В одном из преданий говорится, что некогда селение Фите было большим населенным пунктом. Сюда приходили какие-то завоеватели. В сражении большинство защитников села погибло. Они были похоронены там, где ныне кладбище под названием Шегадар. После нашествия этих завоевателей в селении из 700 хозяйств осталось всего 40.

Неизвестно по истечении какого времени после этих событий в селение Фите направились другие завоеватели (некоторые связывают эти события с походом Надир-шаха). По пути они встретили мужчину, шедшего им навстречу. Предводитель отряда спросил этого человека, сколько хозяйств насчитывает селение. Тот ответил, что не знает, сколько хозяйств, но знает, что у них 40 мельниц. Тогда его спросили, а где же речка? На это житель Фите ответил, что речка протекает в другом ущелье, на другой стороне. Завоеватели, подумав, что селение это огромное и что они не смогут взять его, повернули назад.

Фитинец же, говоря о мельницах, имел в виду ручные мельницы, которые имелись в каждом хозяйстве.

Постепенно селение восстановилось и стало опять большим, хотя и не таким, как прежде.

□ □ □

По пути в селение Хосрех персидские войска шаха Надира остановились на Кокма. Шах построил здесь караван-сарай для стоянки и отдыха. При приближении персидских войск жители селения Курунна сверху бросали в них большие камни.

□ □ □

Приходили войска Надир-шаха и в другие места. В местности Аралиялу произошло крупное сражение с завоевателями. Многие из них здесь были уничтожены. «Арал» означает «войско». От скопления здесь многочисленных войск и произошло название Арали. Ныне здесь ферма.

□ □ □

В селение Хив приходили войска Надир-шаха. Примерно в это же время была построена наблюдательная башня. Войска Надир-шаха разрушили селения Гамагнакор, Гасулгул, Чуругул, Журас, Калайгул

и другие. На месте Хива был тогда город. Оставшиеся в живых его жители образовали здесь небольшое селение.

□ □ □

В километре от нынешнего Кураха раньше был город под названием Гиар-шеер (город Гиара), окруженный оборонительной стеной. От него до реки Бецеркам шел подземный ход длиной до 1 километра. Сюда пришли войска Надир-шаха. Не в силах противостоять натиску многочисленного войска завоевателей, гиарцы вынуждены были сдаться. Они разрушили город. Вместе с Гиаром враги разрушили за оказанное сопротивление еще семь населенных пунктов: Куказ, Циохюр, Чюрюхюр, Кикенхюр, Сернер, Гинек, Четхюр, очень жестоко расправились с местным населением. За оказанное сопротивление убивали детей, стариков, женщин, не щадили никого. В селении Куказ, собрав на току всех оставшихся в живых, персы растоптали их конницей. Сумевшие бежать жители указанных населенных пунктов расселились в Кумухе, Кочхюре и других селах.

□ □ □

Собрал предания, связанные с приходом в эти места войск Надир-шаха и Р.М. Магомедов. Обобщив все сведения, связанные с жестокостями завоевателей, уничтоживших местное население на току, он озаглавил их «Предания о шах-хирмане».

□ □ □

Войска Надир-шаха приходили в селение Джаба. Несмотря на упорное сопротивление, Надир-шах взял селение, назначил здесь своих правителей и ушел, забрав необходимые ему продукты и скот. Через год персидские войска пришли в Джаба снова, узнав, что оставленные здесь ими люди убиты. Завоеватели собрали всех жителей, которые попались им, связали им руки, уложили на току и пустили по ним быков с молотильными досками. Это место в народе известно под названием Шаху-руман.

□ □ □

Войска Надир-шаха из Ахты-пара и Докуз-пара двинулись и на горные села Алты-паринского союза. Когда в селение Текипиркент пришли войска Надир-шаха, во главе этого селения был Пир-Хасан —

основатель его, который якобы пришел из Шама (Сирии) и по решению микрахского джамаата, владевшего этими землями, поселился здесь со своей семьей. У Пир-Хасана была красивая дочь. Надир-шах забрал ее и ушел из селения. Уходя, он подарил Пир-Хасану зимние пастбища около Дербента, называемые Кислаги и Дислаг. Дочь Пир-Хасана, не желая быть женой Надир-шаха, утопилась в речке.

□ □ □

По рассказам старожилы селения Куруш, раньше здесь был камень, где было написано, как пришел в эти места Надир-шах.

Сначала он хотел пройти в Куруш через перевал, но не смог. Курушцы оказали завоевателям упорное сопротивление, что было главной причиной возврата Надир-шаха в Азербайджан. Отсюда Надир-шах решил повторно совершить поход на Куруш. Теперь он пошел через Кубу, по другой долине. На этот раз селение было взято Надиром. Завоевав селение, Надир-шах стал расспрашивать о человеке, который организовал ему сопротивление во время первого похода. Ему сказали, что тот умер. Надир-шах велел показать могилу. Придя на кладбище, он зарезал быка и раздал мясо в память об этом храбром человеке, который, как выяснилось, был курушским юзбаши. Рассказывают, что надмогильная плита в местности Срар, где был похоронен этот юзбаши Куруша, сохранилась до сих пор.

Надир-шаху очень понравилась долина Шах-дага. Уходя отсюда, он и назвал в честь себя гору Шах-даг, а реку в честь своей жены Набат назвал Шах-Набат. Место, где находился шатер Надир-шаха, до сих пор местное население называет Шадур-ягай-тул.

□ □ □

На границе четырех районов: Кайтагского, Дахадаевского, Сергокалинского и Каякентского находится ущелье под названием «Х1ябкьяйла кьада». Здесь сливаются несколько рек, текущие из ущелья «Карабайла кьада», находящегося ниже сел. Викри, Ванаша х1ерк1 и Муйран х1ерк1, протекающие в ущелье Кумли кьада. В результате их слияния и образуется большая река под названием Орта-Озень или Башлы-чай. На территории кутанов Кьамуш и Г1ячи, находящихся ниже Башликента, сохранилось старое кладбище, занимающее около 20 гектаров земли. Археологический материал подтверждает древность кладбища. По рассказам старожилы, здесь еще 3 тыс.

лет тому назад находился огромный город, через который проходила дорога в горы. Многие завоеватели использовали ущелье «Х1ябкъяйла къада». Отсюда шли в горы и персидские войска Надир-шаха, с чем связаны названия ряда мест, где встречается и термин щак. Согласно преданиям, когда Надир-шах решил с плоскости совершить очередной поход в горы через это узкое ущелье и дошел до его начала, неожиданно повернул с какой-то целью свое войско в сторону Чумли. Он решил пересечь горный хребет, очищая его от деревьев. Так он проложил здесь дорогу (тропинку) в муйринские села. Эту дорогу до сих пор называют «Шагъла лакки». По этой дороге персидские войска прошли вверх до возвышенности «Къяпала муза», находящейся выше ущелья «Кумли къада». Продолжив путь далее, Надир-шах дошел до местности ниже «Къянайла хъяб», расположенной рядом с сел. Зильбачи. Это было место сбора представителей муйринских сел, откуда видны многие окружающие села.

С указанными местами связаны и другие исторические события, в частности поход персидских войск в 1741-1742 гг. В эти годы 24 тыс. персидское войско Ирана, оставив Верхний Кайтаг (район Кубачи и Кала-корейша), уничтожая по пути муйринские села, двинулось на плоскость. В сел. Калкни Надир-шах устроил «Х1ела дург1ела», в сел. Дибгаши – «Х1е шурагъи». Потом персидские войска двинулись на селение Чумли. Дорога, которая была проложена завоевателями в результате вырубки встречающихся деревьев, у народа получила название «Шагъла гъуни» («дорога шаха»).

Таг1инов Р. *К1ел къада // Замана, 17 декабря 1999 г.*

□ □ □

В кайтагском селении Карацан известна легенда, рассказывающая о борьбе против Магомета – ставленника Надир-шаха в Кайтаге и Табасаране.

Обосновавшись у Соленого родника (Чумус иниц), неподалеку от современной станции Мамедкала, Магомет посылал в окружающие его стан селения своих людей для сбора дани. Сперва он брал гроздь винограда с каждого жителя или же ее стоимость. Потом стал брать корзину и, наконец, дошел до того, что стал похищать девушек для шахского гарема. Население, возмущенное наглостью иноземцев, восстало. Селения объединились, избрали руководителей вооруженных отрядов, и они стали совещаться, как лучше организовать нападение на становище шахского наместника у Соляного озера.

Руководитель отряда селения Хадаги предложил прибить лошадям подковы наоборот, чтобы следами лошадей обмануть противника. Большинство согласилось с этим, но сказали, что главное выступить не в одиночку, а соединиться вместе. Так и решили.

Выступили ночью. Сперва небольшой отряд напал на людей наместника Надир-шаха, а когда персы погнались за смельчаками небольшого отряда, основные силы восставших, засевшие в засаде, напали на людей шахского наместника и захватили почти все его войска. Наместник Надир-шаха послал новые войска, но горцев и след простыл. Погоня ни к чему не привела – отряд восставших ушел совсем не туда, куда показывали следы копыт. Так хитрость и сплоченность выручили горцев из беды.

Магомедов Р.М. *Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 171–172.*

□ □ □

Другой вариант предания о борьбе кайтагских сел с войсками Надир-шаха записан нами будучи в экспедиции в Кайтагском районе в 60–70-е годы. Суть его заключается в следующем.

Когда Надир-шах совершил свой первый поход в Дагестан, кайтагцы не дали врагам завоевать свою страну и Надир-шах ушел. Когда Надир-шах пришел во второй раз, он помирился с кайтагцами и с войсками остановился в местности «Габаз-кутан». Здесь были сооружены укрепления и рвы. А на местности «Аршра» Надир-шах построил себе лагерь для отдыха.

Раньше у кайтагцев существовал обычай на сбор винограда на «Габаз-кутан» выходить всем вместе. Сначала шли туда на один день, а потом на целую неделю. В тот год, когда на «Габаз-кутане» остановились персы, в первый день выхода на виноградники кайтагцев, один хадагинец по имени Будаичи взял с собой свою дочь, так как жена его была больна. На обратном пути в селение Будаичи с дочерью отстал от остальных кайтагцев. Трое молодых персов из войска Надир-шаха загородили им дорогу, насильно забрали дочку Будаичи и ушли. Будаичи вернулся домой поздно ночью и рассказал жене о случившемся. Через три дня персы отпустили дочь Будаичи домой.

И до этого войны Надир-шаха издевались над кайтагскими девушками. Будаичи решил отомстить им. На местности «Джавагала» он собрал известных во всем Кайтаге охотников, Будаичи взял у всех

шомпола, связал их и предложил сломать. Но никто из собравшихся не смог сделать этого. Тогда Будаичи взял их и, вытаскивая по одному, стал ломать. После этого он сказал собравшимся: «Враги вот так же ломают нас по одному. Они поступили подло не только со мной, но и со многими кайтагцами. Неужели мы и дальше будем терпеть их издевательства?». Собравшиеся спросили у Будаичи, что он предлагает им. Будаичи сказал, что необходимо собраться всем вместе и выступить против врага. Он предложил конным собраться на поляне, находящейся в лесу ниже кайтагских виноградников, а пешим на местности «Аршра».

Взяв с собой кузнеца, Будаичи подковал всех лошадей наоборот. Ночью пошел слабый дождь, и дорога была мокрая. В полночь кайтагцы поехали в сторону местности «Аршра». Когда они подходили к лагерю врага, Будаичи велел каждому произвести по одному выстрелу и идти дальше, ничего не тронув. Завоеватели вышли на стрельбу и, увидев следы копыт, пошли по следу. Когда они отошли достаточно далеко, кайтагцы вошли в лагерь, ограбили его, сожгли и, укрывшись в засаде, ждали возвращения врагов. Когда же вернулись в лагерь, кайтагцы истребили их. В живых остались только те, кому удалось убежать.

После этих событий Надир-шах начал войну с кайтагцами. Кайтагу помогал Табасаран. Объединенными силами враги были изгнаны из Кайтага.

□ □ □

Одна из легенд говорит о приходе в кайтагское селение Лища каких-то иноземных завоевателей. Возможно, это был один из отрядов Надир-шаха. Завоеватели дошли до горы в местности «Дабасара» (это перекресток дорог). Лишинцы выставили конопляные снопы, чтобы враги приняли их за защитников селения. Завоеватели попались на эту уловку: подумав, что против них собралось большое войско, которое они не смогут разбить, ушли в села союза Урчемул.

□ □ □

О приходе Надир-шаха в селение Акуша

Когда Надир-шах со своим войском пришел на территорию верхнедаргинцев, он остановился на поляне «Хьярбуки диркья», где соби-

рались представители союзов Акуша-Дарго. Надир-шах потребовал от акушинского кадия явиться к нему в лагерь. Когда кадий пришел в персидский лагерь, Надир-шах натравил на него слонов. Но кадий остановил их. Тогда Надир-шах спросил, в чем его сила, как он смог остановить слонов. Кадий не ответил ему. Тогда Надир-шах сказал: «Я должен придти в твоё селение». На это кадий ответил: «Если ты придешь в Акуша, то не вернешься обратно». Надир-шах сказал: «Возьми меня в свое селение, чтобы показать его мне». Кадий опять отказался, сказав, что жители Акуша не оставят в живых ни его, ни Надир-шаха, на что Надир-шах сказал, чтобы кадий взял его с несколькими его людьми, переодетыми в одежду даргинцев. Кадий согласился и взял Надир-шаха в Акуша. Надир-шах, чтобы знали, что он приходил в Акуша, ударил саблей об столб дома акушинского кадия и сделал пометку. Погостив у кадия, Надир-шах ушел обратно в свой лагерь в «Хьярбуки диркья». Здесь он сказал, что надо взять в жены дочку такого авторитетного человека как акушинский кадий, чтобы и его дети тоже были такими же авторитетными, как акушинский кадий. Дочь акушинского кадия тоже хотела выйти замуж за Надир-шаха и кадий отдал ее, сшив ей новую шубу и другую одежду. Надир-шах выбросил эту шубу и дал ей новую цигейковую. Забрав дочку акушинского кадия, Надир-шах ушел из Акуша-Дарго.

□ □ □

Как Надир-шах взял сел. Нахки

Селение Нахки раньше было сильно укрепленным населенным пунктом Сюргинского союза. Об этом говорили повсюду. Поэтому его называли Нухи-къала. Чтобы убедиться в этом, Надир-шах решил сам проверить это и пришел в Нахки, переодевшись в нищего-странника. Это было осенью, когда нахкинцы были заняты молотьбой зерна. Перед селением, с той стороны, откуда Надир-шах шел, находился ток. Нахкинцы дали «нищему» погонять по току быков, сказав, что принесут ему поесть, а сами ушли в селение на обед. Когда Надир-шах гонял по току быков, он заметил на току золотую миску (местные жители не знали, что она золотая, так как она была похожа на медную и была грязная), в которую собирали помет быков. Взяв в руки миску, Надир-шах сказал: «Кто знает, что ты золотая, кто знает, кто я такой?». Эти слова «нищего» слышал старик, который лежал на краю

тока, и не пошел на обед в селение. Однако старик не придавал значения словам «нищего».

Надир-шах разузнал все о селении, осмотрел, как оно было укреплено и ушел в свой лагерь. Затем он пришел в Нахки с многочисленным войском и завоевал его, уничтожив многих его жителей.

□ □ □

2 вариант

Надир-шах никак не мог взять селение Нахки силой. Тогда персы подкупили сторожевого, который стоял у ворот, дав ему золото. Он пропустил завоевателей через ворота. Но когда персы вошли в селение, они убили предателя, налив ему в рот расплавленное золото. А потом завоеватели истребили всех нахкинцев. Из местных жителей в живых остались только два брата, которые находились в это время вне селения. Одного из них звали Хола Г'яли, а другого – Хола Чута. После взятия селения персами они прятались в лесу «Нахк'ала дуца» и питались мясом убитых лошадей, а позже вернулись в селение. От них образовались тухумы Чутах'яли и Бях'Имудх'яли.

□ □ □

Согласно собранным в сел. Нахки сведениям Р.М. Магомедовым, среди нахкинцев до сих пор бытует предание о том, как во время нашествия кызылбашей им на помощь пришли из аулов Бутри, Акуша, Гинта. Бой длился 15 дней. В ауле сохранились надгробные плиты с именами погибших в борьбе с Надир-шахом. У одного из местных жителей сохранилась рукопись с завещанием, на полях которой сказано: «Тот, кто хочет знать, что произошло, знайте: дома разрушены кызылбашами. Село разрушено в 1735 году. Тогда убиты были жители аулов в количестве 6055 человек. Свидетелями разрушений, убийства людей являются Таймаз-хан, Сурхай-хан и Шамхал».

Записи эти – со слов Рабадана Омарова, жителя сел. Нахки.
Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 153.

□ □ □

В другой своей работе Р.М. Магомедов пишет: Соседи нахкинцев указывают на развалины «хабши» – трех селений – в местности Укру-

ца. Передают, что персы сравнивали с землей город Кунтраги, около нынешнего селения Кураш. Оставшиеся в живых люди из трех сел – «хабши» – переселились в нынешнюю Гапшиму.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 138.

□ □ □

В сел. Тузла есть место, носящее особое название: «Хала шинк'ала г'яла» («площадь перед большой мельницей»). Передают, что здесь во время нашествия Надир-шаха его воины устроили «дегбариб дарх'Инала» («молотьбу детей»).

Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 139.

□ □ □

У местного жителя Раджаба Омарова сохранилась рукопись с завещанием, на полях рукописи можно прочитать: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня. Село разрушено кызылбашами в 1735 году. Среди нас убитых насчитывалось 635 человек. Эта запись записана у Таймаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шамхала и других улемов» («Улем» – ученый).

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. С. 138.

□ □ □

На полях рукописи «Ал-Махалли» имеется следующая запись, сделанная нацинским жителем М. Сулеймановым.

«Это память на будущее. В 1741 г. войска кызылбашей разрушили Нахки. Нахкинцы воевали с ними, они от нас (нахкинцев) забрали триста пятьдесят три человека: мужчин, женщин и детей. Мы против них воевали десять дней. Потом мы оставили Нахки. Пришлось оставить имущество, детей, матерей и отцов. Нераненных мужчин среди нас осталось двое. В селе, кроме одной коровы, одного быка и трех лошадей, не осталось ни овец, ни ослов. Потом начался голод, унесший мужчин, женщин и детей. Количество умерших мы не знаем. Одни говорят – 117, другие называют еще больше, – спаси нас аллах! Потом нам удалось уточнить количество павших людей – 3635».

Эта запись в присутствии Сурхай-хана, шамхала и других ученых прочитана Таймаз-хану».

Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 139.

□ □ □

Аналогичная запись имеется и в рукописи «Китаб далаил ал-хайрат» («Книга доказательств благодетелей»), которая находится у арабиста сел. Усиша Акушинского района Магомеда Галбецова.

□ □ □

В работе «Легенды и факты» (С. 119) Р.М. Магомедов первую запись приводит в другой редакции: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня, и уже уничтожен храм Афзи кызылбашскими войсками в ауле Нахки в 1154 году. Среди нас убитых насчитывалось 1635 человек. Эту запись прочитал у Тахмас-хана в присутствии Сурхай-хана, Шемхала и других улемов».

□ □ □

Борьба мекегинцев с войсками Надир-шаха (вариант первый)

Персидские войска Надир-шаха пришли в селение Мекеги, когда старшиной здесь был Дехела Муртузали, волевой и энергичный предводитель мекегинцев. Он пользовался у своих односельчан большим авторитетом и уважением. Когда весть о движении войск Надир-шаха на селение Мекеги дошла до мекегинцев, Дехела Муртузали проделал огромную работу по подготовке селения к обороне. Мекегинцы укрепили крепостную стену, а менее защищенные и уязвимые для врага места построили заново. В этих работах участвовало поголовно все население. Когда закончился подготовленный для строительства камень, были сняты и использованы для укрепления оборонительной стены надгробные плиты на сельском кладбище. Таким образом были использованы все надгробные памятники одного кладбища, которое превратилось в пустырь. Ныне это место называется «Ахъухлябрала», т.е. верхнее кладбище. Селение к приходу завоевателей полностью было подготовлено к обороне.

Отряд персидских войск остановился перед селением. Завоеватели потребовали, чтобы мекегинцы покорились и без боя сдали селе-

ние. Часовой у ворот селения сказал, чтобы они немедленно убрались; пока не пришел мекегинский старшина. Персы посмеялись над словами часового и потребовали вызвать старшину. Дехела Муртузали вышел к ним с вооруженной охраной, состоявшей из 20 молодцов. Когда они пришли в лагерь персов, надировские воины, уставшие после перехода, отдыхали. Предводитель персидских войск вежливо встретил Дехела Муртузали. Он спросил Муртузали, как он добился такого высокого авторитета и уважения односельчан. Муртузали ответил ему, что стал уважаем среди своих односельчан благодаря своей жене: она сама уважает его; когда он возвращается домой, она встречает его у ворот, угощает детей за присмотр за его лошадью, всегда любезна и приветлива с его товарищами. После этого предводитель персидских войск сказал, что мекегинцы находятся в безвыходном положении и чтобы они сдались без боя и покорились им. Ответ был коротким: покоряются только после поражения. Тогда предводитель персов раскрыл свое истинное лицо. Он набросился на Дехела Муртузали со словами: «Как ты смеешь в моем лагере (стане) так разговаривать со мной. Ты отсюда не уйдешь живым». Мекегинский старшина на это ответил: «Это ты находишься на моей земле. Я отсеку тебе голову, ты не успеешь даже пикнуть. Это мои молодцы заполнили твой шатер, а твои спят. Вознеси хвалу Аллаху, что мы уходим, не прикончив тебя, и немедленно убирайся».

Убедившись, что покорить мекегинцев ни хитростью, ни силой не удастся, персидские войска вынуждены были оставить свои замыслы и уйти.

□ □ □

2 вариант

Войска Надир-шаха приходили в селение Мекеги. Они остановились на местности «Бугляргинизла хъяб» и постоянно потравляли посеы мекегинцев. Мекегинский джамаат послал одного мекегинца по имени Абдулла в персидский лагерь с просьбой оставить их в покое. Начальник персидского отряда спросил у Абдуллы, откуда у него такой авторитет среди односельчан, что они прислали к ним его, а не другого мекегинца. Абдулла ответил ему, что авторитет создала ему его жена. Она и дети уважают его. Поэтому и весь джамаат уважает его. Персы не стали брать селение и ушли.

□ □ □

О приходе в сел. Н. Мулебки войск Надир-шаха

На сел. Ниж. Мулебки был совершен поход войск Надир-шаха. Завоеватели пришли с запада по тропинке «Бецла дякъ» («волчья тропа»), которая проходила по скале «Къяба шури». Нижнемулебкинцы, зная, что завоеватели могут придти только по этой тропинке, на видном с «Къяба шури» месте, вокруг селения поставили много вязанок конопли и надели на них папахи, чтобы завоеватели, увидев их издали, приняли за вооруженных защитников селения, вышедших для сражения с ними, а сами спрятались в засаде. Шедший впереди персидского отряда предводитель, когда показалось селение, воскликнул: «Селение маленькое как папаха, а в середине его есть озеро». Когда персы приблизились на расстояние выстрела, был убит шедший впереди персидского отряда предводитель. Когда завоеватели увидели вязанки, которые они приняли, как и предполагали нижнемулебкинцы, за воинов, и крепкую оборонительную башню, находившуюся на местности «Шурайла х1яри», они решили, что им не справиться с таким количеством «воинов» и, не дойдя до селения, повернули обратно.

□ □ □

Разгром Надир-шаха в Конгожинской долине

Надир-шах, разрушив аул Акуша, направился в Кайтаг. Расположившись в большом ореховом лесу, шах послал своего представителя в Маджалис с предложением сдаться без боя, что, естественно, не могло быть приемлемым для народа, решившего до конца защищать свою землю. Однако рассчитывать на успех в открытом бою они не могли и решили пойти на хитрость, заманив его в каменный котлован среди гор – в Конгожинскую долину, где летом от солнца камни раскалялись. Они послали гонца к шаху со словами: «Великий шах, мы просим отложить битву на три дня, так как наши люди в долине Конгожи нашли золотой «маъдан» (место золотых самородков), там вместо камней золотые слитки». С этими словами достал горец из хурджина не самородок, ибо их в долине не было у горцев, а слиток из желтых металлов, изготовленный кубачинцами, величиной с кирпич. Воины шаха набросились, схватили гонца и велели ему, под угрозой

смерти, показать путь в долину Конгожи. После долгого сопротивления тот, наконец, сдался и привел врага в котлован, на склонах которого притаились в ожидании незваных пришельцев отряды горцев. Началась битва. Вот как рассказывается о ней в предании:

«В полдень, когда от зноя кипел котлован, как дно котла на огне, хлынуло сюда полчище несметное... вражеское войско завладеть спешило золотом, прежде чем его растащат горцы. «Золото, золото!» – стучало у них в висках. И когда со стороны моря показался хвост вражеского полчища, предводители горцев из тени деревьев ринулись на врага на легких конях, испив родниковую холодную воду. Из-под копыт их лошадей поднялась пыль; крики людей, топот, ржание коней – все смешалось в долине Конгожи. Враг был окружен со всех сторон. Он был похож на аждаху тысячеголовую. Рубили его храбрые горцы, сабли храбрецов сверкали как молния над головами пришельцев. Солнце нещадно жгло, враг, отрезанный от воды, стонал, задыхаясь от жажды. Крики умирающих уносились в небо вместе с их душами. «Вот вам золото! – кричали горцы. – Хватайте! День последний пришел для вас!». До вечера длилось сражение, на закате сложил оружие предводитель. Месяц был свидетелем победы горцев, и звезды в небе торжествовали. Когда же побежденный враг разглядел горцев, то увидел, что среди них и молодые девушки, и старики седобородые, и безусые юноши. Пришлось в ту же ночь испить врагу чашу позора в долине Конгожи...».

Абакарова Ф.О. Предания и их источники о борьбе горцев против Надир-шаха (На материале даргинского фольклора) // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С. 64–65.

□ □ □

Поле редьки

Войско Тимура двинулось из Сулевкентского ущелья вверх к аул-Кубачи. Вечером враги добрались до самого большого поля кубачцев, где и состоялся бой. Здесь полегло много врагов. Ночью враги епились в Кубачинской крепости. Пока было темно, кубачинцы тро похоронили на этом поле своих убитых, чтобы днем из крепости враги не видели их горе. А потом, когда рассвело, на этом же поле звуки зурны молодежь начала танцевать. Враги, выглядывая из пещер, были удивлены весельем аульчан. «Валлах, если бы с ними-нибудь случилось, они бы так себя не вели», – так сказав, они по-

вернули обратно. Потом кубачинцы на это поле посадили редьку. Старики говорили, что поевший отсюда редьку будет сильным.

Это поле называли «Къаала хъу» («Поле редьки»). И сейчас есть в Кубачах поле под этим названием.

Абакарова Ф.О. *Кубачинский фольклор. Махачкала: Дагки-гоиздат, 1996. С. 174.*

□ □ □

О том, как Надир-шах не смог взять сел. Кубачи

Когда Надир-шах дошел до сел. Кубачи, ему не удалось сразу взять его. Тогда он решил взять селение хитростью. Источник, из которого брали воду кубачинцы, находился за селением. Надир-шах решил лишить кубачинцев воды и заставить их сдаться. Однако источник сильно охранялся кубачинцами. Поэтому Надир-шах приказал вырыть ход к источнику от горы «Табалла муда» длиной до 500 метров. Однако кубачинцы перехитрили Надир-шаха. Они вынесли на крыши своих домов бронзовые кувшины, в которых носят воду, и положили их, как пушки. В один кувшин положили известь, а потом залили ее водой. Издалека казалось, что это пушка после произведенного выстрела. Увидев множество «пушек» на крышах домов, враги не осмелились взять селение и ушли.

Это один из вариантов предания о борьбе кубачинцев против Надир-шаха.

□ □ □

Мучалы

Кубачинцы узнали, что Надир-шах намерен захватить их аул. Кубачинские мастера начали думать, как выйти из этого тяжелого положения. Один пожилой мастер сказал:

– Надеяться на силу нам не приходится, поэтому нам надо как-нибудь перехитрить врага.

После долгих раздумий один из них сказал:

– Давайте на все крыши поставим перевернутые мучалы (они в таком положении похожи на пушки), враг может принять их за пушки и повернет обратно. Все согласились.

На рассвете показались воины Надир-шаха.

Приближаясь к аулу, они увидели, что на крыше каждого дома установлены пушки.

– Спаси нас, боже, от этих людей! – с такими словами кажары повернули обратно.

Абакарова Ф.О. *Указ.соч. С. 175.*

□ □ □

Золотая проволока

Надир-шах, прослышав о славе кубачинских мастеров, собрал своих ювелиров и сказал:

– А ну-ка смастерите что-нибудь, чтобы посрамить хваленых кубачинских мастеров.

Мастера шаха послали к кубачинским мастерам тонкую золотую проволоку с сопроводительным письмом, где было написано: «Если вы хорошие мастера, пришлите нам такую же тонкую проволоку».

Через некоторое время к шаху явился кубачинский мастер с той же проволокой.

Увидев свою же проволоку, шах обрадовался, решив, что его мастера выиграли.

Ювелир шаха взял у кубачинца проволоку и увидел, что она была просверлена насквозь, а внутрь вложена записка, в которой было написано: «Из таких проволок мы делаем трубы».

Абакарова Ф.О. *Указ.соч. С. 176–177.*

□ □ □

Об ауле Харбук

Один человек рассказал Надир-шаху об ауле Харбук, о здешних мастерах, изготавливающих кинжалы, сабли, ножи. Тот решил во что бы то ни стало захватить аул, и туда была направлена многочисленная армия. Но харбукцы тоже не спали. Они решили загнать врага в ущелье, а сверху забросать их камнями. И когда харбукцы сверху кидались камнями, враги решили, что наступил последний божий день, и бог направил на них каменный дождь. Испугавшиеся враги повернули обратно.

Абакарова Ф.О. *Указ.соч. С. 176.*

□ □ □

Аул Ухбук

По хмурому небу, как хищные грифы,
Прносятся полчища туч
И крыльями машут, клубясь, закрывая,
Как бурками, солнечный луч.
А гром громахает, и бешено мчится
Раскатов гремящий поток,
Как будто по крыше рука великана
Катает тяжелый каток.
И молний-драконов змеиные жала
На миг разверзают простор,
И ужас, и ужас безумный на небе,
Нависшем над гребнями гор!

Землею Ухбука, меж круч Купе-Дага,
Где гибель повсюду близка,
По диким ущельям ползут саранчою
Владыки Ирана войска.
То черного шаха несметная сила,
То вестники тьмы и беды,
Пред ними аулы старательных горцев,
В цветенье луга и сады...
И счастье, и радость, и жизнь перед ними,
А там, где прошла их нога, —
Сожженные сакли, сады без деревьев,
Сухие от жажды луга.
Там стоны, там слезы и женщин, и старцев,
Там горе, и смерть, и позор.
И ужас, и ужас смертельный в долинах
Среди растревоженных гор!
И движется войско, и ветер нагорный,
Ревя, его гонит вперед,
Как будто на помощь всевышнего волю
Призвал этот пришлый народ.
А ветер деревья к земле пригибает
И воев протяжно меж скал,
Как будто глухою ненастной ночью,
В долине, голодный шакал.

И птицы, в молчанье таясь, не летают,
Тоскливому вою внемля,
И плачут в аулах притихшие дети,
И стонет, и стонет земля!

Вставайте же, горцы, бесстрашные горцы,
Вставай наш отважный народ!
Надир кровожадный под нашей стеною!
Насильник у наших ворот!
Все встаньте плечом к плечу, точно скалы!
Спасая отчизну свою,
Орлиную зоркость и львиную силу
Явите в неравном бою!
Крушите, громите жестоких каджаров,
Гоните незваных гостей.

Разите стрелою и шашкой рубите,
Чтоб враг не собрал и костей!
Дубиной и камнем насильника бейте,
Отвагой сломите его!
Презрением к смерти и стойкостью гордой
Смутите врага своего!
И хитростью смелой его обманите
На тесных тропинках меж круч!
Схитрить не постыдно: военная хитрость —
К победе испытанный ключ.
Встают от гончарных станков сулевкентцы,
Встают в Амузги кузнецы,
Берут ятаганы умельцы Ухбука,
Забросив на время резцы,
И каракурешцы взялись за кинжалы,
Тревога и сборы — везде,
«На бой поднимайтесь, свободные горцы!
Поможем соседям в беде!»

В ущельях Чихруги разбит Надиром крымский хан Омар, но в этой битве Надир теряет брата. Перейдя через горную вершину Цице, раненый Омар ищет приюта у горцев. Его, совершенно обессиленно, находит у колодца молодая горянка Нина.

Невеста к колодцу идет за водой,
Парчовое платье на ней,
Как звездное небо, лежит покрывало.
Поверх ее черных кудрей.
Скользит по тропинке с чеканным кувшином,
А в сакле гудят голоса, —
То держит с друзьями совет чрезвычайный
Жених ее, мастер Иса.
И сорок отважных клинки обнажили,
Блестит амузгинская сталь!
Джигиты клянутся, что им за отчизну
Отдать свои жизни не жаль.
Тут в саклю невеста вошла без кувшина,
С ней гость, изнемогший от ран,
То был побежденный недавно Надиром
Омар, неудачливый хан.

Войско Надира, перевалив через хребет Дупи, разбивает лагерь у горной речки в ущелье под аулом Амузги, где обитают знаменитые оружейные мастера. Шах Надир и начальник его войска храбрый и свирепый Карабаш радуются, что могут пополнить запасы потерянного и затупившегося в битвах оружия, необходимого им для завоевания новых земель. Надир и Карабаш пируют со своими воинами.

Шах дремлет.
Вдруг конский послышался топот,
Как дробь, рассыпаясь в горах, —
То воин примчался и, спрыгнув на землю,
Воскликнул: — О мой шахин-шах!
На горной дороге я шашку вот эту
Нашел всю в крови и в пыли...
Надир содрогнулся, зловещие тени
На лоб его хмурый легли.

Он выхватил шашку, которую воин
Как весть о погибшем привез,
И взгляд непреклонный у грозного шаха

Впервые замглился от слез.
— Оружие брата, которого в битве
Сразил несчастный Омар!
Расплатится жизнью за это презренный,
Нанесший мне в сердце удар!

Шах посылает к ухбукцам Карабаша с требованием немедленно сдаться и выдать ему к утру убийцу его брата, крымского хана Омара. Посланца встречают вооруженные до зубов горцы всех окрестных аулов. Желая узнать, кому должно вручить грозное послание Надира, Карабаш спрашивает у горцев, кто у них святой. — Наша земля святая! — отвечают горцы. — Кто у вас всеми уважаемый? — спрашивает тогда Карабаш. — Годами я старше всех, а старшего должен уважать каждый младший! — отвечает седобородый старец. — Тогда кто у вас предводитель? — кричит в ярости Карабаш. — Вот он, наш предводитель, он зовет нас на битву! — говорит одетая в кольчугу мать-горянка, указывая на своего грудного младенца. Разгневанный и смущенный Карабаш передает послание Надира в руки матери-горянки и поспешно покидает горцев.

После долгих раздумий ухбукцы решают послать к Надиру с советом самого глупого, самого ленивого, хромого, некрасивого аульчанина Хартума. Хартум подъезжает к лагерю шаха на ишаке, беспечно наигрывая на чунгуре и распевая песню. Его хватает стража и хохочущего приводят к роскошной палатке шаха.

Стоит, не смущаясь, Хартум перед шахом:
Будь черт он — ему все равно.
А тот у палатки из чаши чеканной
Игрисное тянет вино.
При виде Хартума, дивясь шутовскому
Обличью, смеется Надир,
Хартум же на землю упал и хохочет,
Как будто здесь дружеский пир.
Глаз правый прищуришь, шах молвил: — Откуда
Пришел ты, узнать я хочу?
Тот рядом уселся и хлопнул Надира,
Как ровню, рукой по плечу.

– Я житель Ухбука, пришел я посланцем
С ответом отрадным для вас!
Надир усмехнулся: – Посланцем Ухбука? –
И левый прищурил он глаз: –
Скажи мне – ужели урода похуже
Послать не сумел твой Ухбук
К иранскому шаху? – оскалили зубы,
Хохочет вся свора вокруг.
– Почтенные люди Ухбука считают,
Что было бы им не к лицу
С достойным ответом к волкам кровожадным
Направить иную овцу!
И хохот был срезан, как будто кинжалом.
Шах вымолвил, сжав кулаки:
– Ослиное ухо! Ну, что же велели
Сказать мне твои земляки?
– Ухбукцы велели сказать, что мы хана
Живого не выдадим вам.
Он – гость наш, а гостя, по-нашему, выдать –
Ничем на смываемый срам.
Таков уж исконный священный обычай,
Что гость в нашей сакле как брат,
И древние плиты на кладбище нашем
Нарушить его не велят!
Шах слушал Хартума, вникая в значение
Доселе неслыханных слов.
– А что мне, посланец, народ твой желает?
Я выслушать правду готов.
– Так слушайте все вы, незваные гости,
Хартума правдивую речь:

Народ наш желает, чтоб руки отсохли,
На горцев поднявшие меч!
Чтоб грязные ноги, что край наш попрали,
У вас отнялись навсегда! –
А воины шаха в суровом молчанье
Над пленником ждали суда.
Но шах без движенья, как замороженный,
Напрягшись, безмолвно сидел. –

Тебе же, насильник, народ мой желает
Изведать горчайший удел:
Желает тебе он навеки ослепнуть,
Чтоб войско твое без вождя
В горах незнакомых бесславно погибло,
Дороги домой не найдя! –
Тут, зубы оскалив, сверкая глазами,
Шах медленно встал и за грудь
Хартума свирепо схватил, как безумный,
Но тот не смутился ничуть. –
Не злобствуй, – сказал он, – там гнев твой бессилен.
Где даже глупец и урод,
Как я, недостойный, злодеям желает
Того, что и весь мой народ!
– К хвосту иноходца его привяжите! –
Вскричал Карабаш, но суровый
Надир отмахнулся: – Пусть он отречется
Сначала от дерзостных слов!
Ведите ~~урода~~ повсюду за мною!
Вперед, мое войско, вперед!
Смерть крымскому хану! Нас долг призывает
Смирить непокорный народ!
Готов к походу, к сраженьям готова
Надира могучая рать.
Хартума ж властитель велел в назиданье
В железную цепь заковать.
Но тот, в поговорку старинную веря,
Пошел со спокойным лицом:
«Народ не покинет в злосчастии сына –
Будь он хоть и трижды глупцом».

Тем временем в ауле ухбукцы и их соседи готовятся встретить незванного гостя, предпочитая смерть жизни в неволе. По всему аулу установлены пушки, заряженные порохом из Китая и направленные жерлами на склон горы Цице, где расположился лагерь шах. Все аульчане от мала до велика стоят на боевом посту. Несравнима сила слона и муравья, и мало надежды у горцев выстоять против полчищ жестокого завоевателя. Но молодая невеста мастера Исы, Нина, дает аульчанам хитроумный совет. И вот во всех саклях аула, тайно преду-

прежденные глашатаем, суетятся и стар и млад. Под покровом ночи снимают они с полок кувшины и ведра, достают из сараев запасы извести, которою весной красят стены своих домов. Никто чужой не мог бы догадаться, с какой целью делается это, а из ухбукца вынуть тайну не легче, чем из камня...

Гость ухбукцев, Омар-хан, излеченный травами ухбукской земли и ее целебными водами, взятыми из семи колодцев аула, переодевшись в одежду брата Нины, встает рядом с джигитами Ухбука, чтобы, как простой воин, подчиниться законам древней ухбукской земли. Аварцы из Андалала на конях с подвязанными хвостами покидают свои сакли, поднимает на битву лакцев бесстрашная Патима. Акушинцы, левашинцы – все жители гор встают на защиту родной земли.

Пока еще сумрак гнезился в ущельях,
Надир свою рать подтянул
К высокому гребню, откуда был виден
Ухбук, непокорный аул.
И воины шаха с воинственным кличем
Вперед устремились, – как вдруг
Грохочущим залпом двенадцати пушек
На приступ ответил Ухбук.
И цели достигли снаряды ухбукцев,
И враг был отброшен назад.
Сам шах растерялся, и челюсть отвисла,
И в страхе застыл его взгляд.
Тут снова все кровли окутались дымом,
И гибельный залп прозвучал.
Метнулась в испуге вся шахская свора,
А пленный Хартум закричал:
– Народ мой искусный, народ-оружейник,
Гостям воздаст эту честь:
Лишь за ночь отлил он все пушки, их столько,
Что вам их и за день не счесть! –
Вдруг пленник заметил на сакле родимой
Дымящейся пушки жерло. –
О боже, подумал, каким это чудом
На кровлю ее занесло?
Но где я видел уж подобную штуку?
Мне что-то знаком ее вид...

Да это ж ведро втащили на крышу,
Кувшин же с ним рядом стоит.
Аллах!.. Не жена ли придумала это?
Находчивы горцы в беде:
Ведь в пушке-кувшине дымится не порох,
А известь в холодной воде.
И хохот Хартума, страшнее, чем пушки,
У шаха грохочет в ушах.
– Молчать!
Где причина для глупого смеха? –
Воскликнул разгневанный шах.
– Причина одна лишь, –
Хартум отвечает, –
Ее понимает любой:
Как мне не смеяться, коль шахом проигран
Едва лишь начавшийся бой!
– Молчи, недостойный! Я боя не помню,
Где был бы разбит мой народ.
Вперед, карабашцы!
Вперед на проклятых,
Во имя аллаха – вперед!

Напуганный несметным количеством пушек у горцев, Карабаш убеждает Надира отменить свой приказ, и Надир отпускает Хартума восвояси, поручив ему передать ухбукцам, чтобы они прекратили бой, а сам поворачивает свое войско обратно в Амузгинское ущелье. По совету Хартума, все горцы, и с ними хан Омар, на конях преследуют расстроенного врага. В долинах Чихруги за Дупе-Дагом горцы окружают черных воинов Надира. В поединке с Карабашем Омар-хан, почти уже одолевший противника, падает мертвым, сраженный предательской стрелой одного из приближенных шаха Надира. Карабаша убивает жених Нины, мастер Иса. Амузгинская сталь оказывается крепче стали Ирана. Шах со своим войском бежит под ее ударами, оставляя землю Дагестана.

По синему небу, как голуби белы,
Кочуют дымки облаков.
Умельцы Ухбука опять вырезают
Цветы на эфесах клинков.

Стоят за гончарным станком сулевкентцы,
И руки их пляшут. Стройны,
На нем вырастают кувшины, подобно
Красавицам горной страны,
И серп-полумесяц куёт амузгинец
Чтоб спелые злаки он сжал,
И каракурещец опять под подушку
Запрятал свой острый кинжал.
И ясного солнца лучи золотые
Ложатся на выступы гор,
Как будто ухбукский прославленный резчик
Нанес на них тонкий узор.
И чист, и прозрачен лазоревый воздух.
Торопятся в кельи свои
С душистым нектаром усердные пчелы,
С поклажей ползут муравьи.
В долинах Ухбука, меж круч Дупе-дага,
Где горцы встречали врага, —
Вдруг мирных аулов сады расцветают,
И ярко пестреют луга.
И птицы летают, и льется их песня,
Что долго таилась во мгле,
И резвые дети играют, смеются.
Мир! Сладостный мир на земле!

*Литературная запись А. Абу-Бакара // Поэзия Дагестана.
Антология. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 28–33.*

□ □ □

Надир-шах, увидев, что в Дагестане опасности подстерегают его на каждом шагу, решил использовать для своей захватнической цели местных жителей, даже целые аулы. Даргинское предание «Лазутчик Надир-шаха» рассказывает о том, как шах послал своего человека узнать дорогу в Харбук — аул, известный производством холодного оружия. По пути ему встретился горец на обе ноги хромым, косой, маленького роста. На вопрос лазутчика, в какой стороне находится Харбук, горец взял двумя руками камень огромного размера, бросил далеко и сказал — вот в ту сторону отправляйся. Испугался лазутчик: если

такой маленький урод обладает такой физической силой, то каковы же должны быть их воины — подумав так, он вернулся обратно.

Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала: Изд. тип. ДНЦ РАН, 1999. С. 105.

□ □ □

О борьбе харбукцев против Надир-шаха

Персидские войска наступали и на селение Харбук. Не доходя до селения, завоеватели остановились в 5 километрах от него в местности «Хвюликила».

Узнав о движении завоевателей, харбукцы вооружились и засели в оборонительных башнях, находившихся вокруг селения в местностях: «Цулла-муха» — к югу от селения, «Гашла-барг» — к северо-западу от селения, «Муршмукъ муза» — к северу от селения. В центре селения находилась оборонительная башня, называемая просто галг'я («крепость»).

Чтобы персы думали, что оборонительные башни обиты железом, харбукцы обмазали башни кровью животных, отчего с далекого расстояния они блестели. Харбукцы пошли и на другую хитрость. Ночью дети, старики и женщины уходили из селения по направлению местности «Уракъани», расположенной в 5 километрах от селения. Переночевав там в лесу и на ближайших полянах, они с палками, флагами и пением возвращались в селение, чтобы завоеватели подумали, что харбукцам постоянно поступает помощь со стороны других даргинских обществ, расположенных вокруг селения Харбук.

Войска Надир-шаха находились около Харбука более 3 месяцев.

Однажды в пятницу, когда мужчины из башен ушли в селение на молитву, завоеватели узнали об этом и, обогнув селение с юго-запада, по горам, решили незаметно напасть и овладеть им. Однако дежурившие в башне, находящейся внутри селения, женщины увидели врагов. Одна из них, которую звали Х'яжила Хадижат, решив задержать завоевателей, вооружилась кинжалом брата, и пошла навстречу врагам. Остальные женщины последовали ее примеру. Хадижат погибла в неравном бою.

Мужчины, узнав о наступлении завоевателей, вышли из мечети и напали на них. Завоеватели, бросив оружие и две пушки, отступили в свой лагерь.

Сражение это произошло на месте, которое было названо впоследствии «Чарбаркь» («Возврат»).

После этого сражения харбуццы напали на лагерь персов, разгромили его, захватили оружие, лошадей и пленных. Оставшиеся в живых бежали.

На месте гибели Хляжила Хадижат до сих пор, как нам рассказывали старожилы Харбука, стоит надгробный памятник.

Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 165–166.

□ □ □

Борьба харбуццев против Надир-шаха

Согласно преданию, отряд Надир-шаха остановился в 5 км от Харбука в местности Хвеликела. Началась длительная осада села врагами. Она продолжалась больше месяца. Персы старались в первую очередь захватить башни. Харбуццы, по решению старейшин села, зарезали быков и кровью обмазали стены башен. Под солнцем башни казались обшитыми железом. Кроме того, ночью незаметно женщины, старики и дети уходили в местечко Уракани и возвращались с зажженными факелами, чтобы враг подумал, что харбуццам идет подмога. Так повторялось несколько раз.

Подвиг Ташлук-Магомеда

Согласно преданию, руководителем обороны на башне Ташлук был Ташлук-Магомед. Самая ожесточенная схватка завязалась около этой башни. Персы из пушек палили по башне. Снаряды снесли верхнюю часть башни, но защитники не дрогнули. Вечером войска шаха возвратились в свой лагерь, а харбуццы на этой башне соорудили двуслойный каркас из прутьев и обтянули его бычьими шкурами. Глава защитников башни Ташлук-Магомед с несколькими храбрецами той же ночью пробрался в лагерь противника и захватил в плен одного из предводителей отряда персов. На другой день завязалась упорная схватка. В разгар схватки Ташлук-Магомед поднял на верх башни пленника. Привязав на его спине каток, столкнул на головы нападавших. Это привело врагов в замешательство. Харбуццам удалось еще раз отбить атаку противника. Ташлук-Магомед с группой смельчаков

через ряды атакующих пробрался к пушкам противника и убил двух пушкарей, но и сам погиб в неравной схватке.

До недавнего времени, по словам информаторов, в селе бытовал «Плач матери Ташлук-Магомеда».

Согласно другому преданию, во время этой битвы кровь текла ручьями и вода в роднике Шаблук стала красной.

Подвиг Хадижат. Враги шли на всякие хитрости, чтобы захватить село. Так, однажды, усыпив бдительность защитников села, когда мужчины ушли на пятничную молитву в джума-мечеть и на башнях остались одни женщины, персы, зная это, обошли селение с южной стороны и решили проникнуть в село через Нижний квартал. Молодая девушка по имени Хадижат, сторожившая на крепости, первая заметила врагов. Она поняла, что враги смогут ворваться в село до прихода мужчин. Быстро надев доспехи брата и схватив оружие, побежала встречать врагов. На узкой тропинке Хадижат лицом к лицу встретил врагов и преградила им путь. От неожиданности персы пришли в замешательство, но, поняв, что перед ними всего лишь девушка, решили схватить ее живой. На помощь ей поспешил юноша Гамадар. Они были неравны. Раненая Хадижат, не желая попасть в руки врагов, прыгнула в ущелье, Гамадар был убит. В это время мужчины вышли из мечети и напали на отряд персов. Враги побросали оружие и бежали в свой лагерь. С большими почестями харбуццы похоронили девушку Хадижат и юношу Гамадар на месте их гибели. Место, где произошло это событие, до сих пор носит название Чаркь (Возврат). За этот подвиг героини харбуццы возвели Хадижат в святой и стали называть Издаг-Хадижат (Прекрасная принцесса Хадижат). Ее могила стала зияратом. Вода родничка у могилы Хадижат считается лечебной.

Героический поступок Хадижат воодушевил защитников села и они решили покончить с пребыванием врагов на их территории. Тщательно подготовившись, ранним утром харбуццы внезапно напали на лагерь противника. Для поджога вражеских палаток были использованы самодельные снаряды «цла тупе» (огненные снаряды), представляющие собой высушенные глиняные шарики с воткнутыми в них ветками рододендрона. Веточки поджигали и бросали на противника. После жестокой схватки харбуццы вынудили врагов бежать. По преданию, харбуццы здесь захватили много пленных, коней, оружия и деньги. Из пушек потом были изготовлены наковальни.

Участие в сражении около с. Мегеб. Через шесть лет (1741 г.) Надир-шах во главе 100-тысячного войска снова вторгся в Дагестан. Теперь он истреблял все, что попадалось на пути. Об этом сохранились не только устные предания, но и письменные свидетельства.

Когда войска шаха остановились около даргинского сел. Мегеб и аварского сел. Чох, сюда со всех концов Дагестана начали стекаться вооруженные горцы.

По преданию, на помощь родственникам из Ме-Муги (Мегеб) (в сел. Мегеб проживали предки карбукцев) поспешил отряд из Харбука числом в 50 человек, имевших опыт борьбы с персами. Этот же отряд принял участие в крупном сражении, где горцы одержали победу, разбив армию Надир-шаха. Шах потерял 20 тысяч воинов, 79 пушек, 33280 лошадей, верблюдов и мулов, а также большую часть вооружения, и сам со свитой чуть было не попал в плен.

Согласно преданиям, больше десяти харбукцев не вернулись домой. В честь погибших на краю села были установлены стелы и к настоящему времени сохранились некоторые из них.

Юсупов Х., Муталимов М. Харбукуцы: история и культура. Махачкала: Юпитер, 1997. С. 42–45.

□ □ □

На территории селения Меусиша нынешнего Дахадаевского района она сохранились топонимические названия, связанные с приходом войск Надир-шаха.

Когда меусишинцы узнали, что персидские войска во главе с Надир-шахом идут на их село, они для обороны вырыли за селением в местности «Гляя глинцила» глубокий и широкий ров. До сих пор здесь сохранился этот ров глубиной до одного метра, и жители Меусиша говорят, что он был вырыт в период борьбы с войсками Надир-шаха.

В Меусиша войска Надир-шаха пришли с севера по дороге, идущей по горе «Кьяба бах1». До сих пор здесь имеется эта заброшенная дорога, которая у местного населения известна под названием «Шагьла гьуни» – «Дорога шаха».

Меусишинцы не смогли устоять против многочисленного войска Надир-шаха. Селение, несмотря на упорное сопротивление, было взято завоевателями. Они жестоко расправились с меусишинцами. В 300 метрах от селения на местности «Сигьла дурег1» по приказу Надир-шаха меусишинские дети были растоптаны конницей завоевателей.

□ □ □

Войска Надир-шаха дошли и до селения Карбучимахи нынешнего Дахадаевского района. Взяв селение, жители которого оказали завоевателям упорное сопротивление, по приказу Надир-шаха войска его собрали на общественном току детей и растоптали их своей конницей. После кровавой расправы ток был брошен и стал называться «Мизла дурези» («оставленный ток»).

□ □ □

Будучи в Верхнем Кайтаге, Надир-шах со своим многочисленным войском напал на селение Калкни, которое тогда находилось выше современного селения. Калкнинцы храбро сражались с завоевателями. Однако они не смогли устоять против многочисленного отряда Надир-шаха. За оказанное сопротивление Надир-шах собрал на месте сражений стариков и детей селения Калкни и растоптал их своей конницей. Место это впоследствии получило название «Х1ела дург1ала», что на местном языке означает «кровавый ток».

Расправившись с калкнинцами, Надир-шах направился в близлежащее селение Дибгаши. Он штурмом овладел селением и жестоко расправился с местным населением, растоптал дибгашинских детей своей конницей. Место это стало называться «Х1а шурагьи» – «кровавое озеро».

Из селения Дибгаши завоеватели направились в селение Чумли, расположенное в Нижнем Кайтаге, вырубая по пути лес. Дорога эта стала называться «Шагьла гьуни», т.е. «дорога шаха».

□ □ □

Нашествие Надир-шаха и его поражение породили у горцев целый ряд фольклорных произведений различных жанров: пословиц и поговорок, песен, легенд и исторических преданий. С событиями этого периода связаны и некоторые топонимические названия аварцев, лакцев, даргинцев и лезгин...

Народные предания передают отдельные эпизоды борьбы с Надир-шахом, конкретизируют события или придают им эпичность, основанную на художественном вымысле.

О. Каранаилов сообщает некоторые из названий местностей, связанные с этими событиями.

Так, по дороге из Чоха в Кумух есть гора, которая называется «Муртазалинский конь». По преданиям, на этом месте конь героя пе-

сен Муртазали будто бы принимал вид шестиголовой змеи. Это так напугало персов, что они бежали без оглядки. Около горы, на которой якобы стоял Надир с пленным Сурхаем, есть пещера, куда складывали трупы убитых иранцев. Кости их там хранятся и до сих пор.

Холм близ аула Мохоб (Меgeb) называется «Холм, на котором разбили каджаров» (гъажар гъурабаб гох1). И поныне у аварцев и лакцев существует легенда о кладе сокровищ, зарытых иранским шахом при бегстве из Андалала.

В статье О. Каранаилова мы читаем: «Шах зарыл ценности в яму, которую придавил камнем с нарисованной на нем подковой. Людей же, копавших яму, умертвили» (О. Каранаилов: Аул Чох // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. II. С.23).

Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1969. С. 71–72.

□ □ □

А.-К. Бакиханов о борьбе дагестанцев против Надир-шаха

«...Захватив... всю власть, он (Надир – Б.А.), свергнув в 1145 (1732) г. шаха Тахмаспа с престола, ибо тот мешал его военным распоряжениям, а малолетнего его сына Аббаса III он возвел на престол и под его именем стал неограниченно управлять государством. Разбив наголову турецкую армию близ Багдада, он в 1146 (1733) г. заключил с Ахмед-пашой Багдадский мир, в связи с которым султан прислал ему *хатт-и шериф*¹ с обращением ко всем пашам захваченных у Персии областей. Султан приказывал им немедленно очистить провинции, находящиеся под их управлением. Надир, прибыв в Ардабил, поручил Муса-хану Астаринскому послать своего нукера с копией *хатт-и шерифа* к Сурхай-хану, управлявшему Ширваном. Но Сурхай, убив посланного, написал Муса-хану письмо, преисполненное дерзостью в том смысле, что он овладел Ширваном силою меча лезгинских (дагестанских – Б.А.) львов и что Ахмед Багдадский и другие не имеют никакого права присылать подобные требования. Надир решил, что необходимо прежде всего идти на Ширван и усмирить дерзкую надменность его правителя. И едва он появился на берегу Куры, как Сурхай-хан, оставив Шемаху, удалился в горы². Надир 17 августа 1147 (1734) г. вступил в Шемаху³ и назначил Мухаммад Кули-хана Саидлу правителем Ширвана. Здесь он узнал, что лезгины (дагестан-

цы – Б.А.) с частью ширванцев укрепились в Миджи, в трех фарсах⁴ от Шемахи⁵. Надир отрядил туда часть войска, которые разгромили их укрепления, доставив 500 пленных и неприятельские головы.

Пленные были отпущены без всякого наказания. Между тем Сурхай-хан собирал большое ополчение в Кабалинском магале. Надир, узнав об этом, оставил в Шемахе обоз и тяжести под присмотром своего сына Риза Кули-мирзы, а сам 6 сентября с легкой артиллерией и 12 тысячами всадников пошел на Казикумык, приказав сардару Фарса Тахмасп Кули-хану через три дня выступить против Сурхая с 12 тысячами воинов. По вступлении Надира в Кюринское владение он получил известие, что джарские лезгины (аварцы – Б.А.), Мустафа-паша, Нур-паша и Фатх Гирей султан, по приказанию правителя Ганджи Али-паши, с 8000 турок и татар близ селения Габир пришли на помощь Сурхаю, у которого также было 12 тысяч лезгин (дагестанцев – Б.А.).

Оба войска сошлись в урочище Деве-батан, что между Кабалой и Шемахой. Это место расположено между горою и лесом. Сурхай-хан, ожидая приближение неприятеля, занял лес и расположил в нем свое войско тремя рядами. Персы, ударив по первому ряду, не думали, что имеют дело с Сурхай-ханом и с его невольником Каратом, который от имени своего господина долгое время управлял Ширваном. Опрокинутый неприятель отступил ко второму ряду. Лезгины (дагестанцы – Б.А.), судя по первому натиску, полагали, что сам Надир находится в боевых рядах и эта мысль оказалась для Сурхая гибельной. Третий ряд, которым командовал сам Сурхай, разделил смятение второго, и вскоре все обратилось в бегство, понеся большие потери. Турки и татары бежали в Ганджу, а сам Сурхай-хан ушел в Казикумык. Сардар персов, овладев их лагерем, послал отряд в Хачмаз – большое укрепление, построенное Сурхай-ханом, которое было разорено и сожжено. Надир, получив об этом известие, приказал преградить дорогу лезгинам (дагестанцам – Б.А.), бегущим в Казикумык. Но Сурхай-хан успел обогнать отряд и ночью по единственному ущелью выше Хосрека⁶ переправился в Казикумык. Несмотря на это, персы успели захватить оставшихся воинов неприятеля числом 300 человек и овладели всем скотом, который пасся в горах.

Надир за 10 переходов прибыл из Шемахи с артиллерией в деревню Хосрек⁷. На другой день, когда он готовился войти в город Казикумык, было получено письмо Сурхай-хана, который просил о прощении и пощаде. Надир, не довольствуясь этим, двинулся дальше. Тогда

Сурхай разрушил мост и укрепился на противоположном берегу Койсу. Началась перестрелка. Надир приказал Кани-хану Абдалинскому переправиться с афганской конницей вброд через реку. Берег был чрезвычайно крут, но это не устрасило храбрых. Они бросились отчаянно в реку и в одно мгновение уже были на другой стороне. Сурхай, видя такую отвагу, обратился со всеми находившимися при нем лезгинами (дагестанцами – Б.А.) в бегство. Сам Надир с остальными войсками, переправившись через Койсу, стал преследовать Сурхая, который только с несколькими людьми и своей семьей успел взобраться на гору и уйти в Аварию. Все прочие попали в плен, и город Казикумык со всеми сокровищами Сурхая и жителями попался в руки победителей.

После этой достопамятной победы Надиру представился Хасфулад, сын Адил Гирей-хана, сына шамхала Муртуза-Али – самое главное лицо в Дагестане. Он был удостоен звания шамхала и, получив от шаха богатые подарки, выпросил у него пощаду для Казикумыка⁸. В связи с этим Надир освободил всех пленных и по истечении недели, по случаю приближающейся зимы и не надеясь скоро кончить с Сурхаем, скрывшимся в Аварии, пошел в Самурский округ, на Ахты.

Лезгины разрушили мост через Самур и укрепились на горе в старой крепости Шахбани. Надир, приблизившись к берегу, приказал возвести мост, и его повеление было выполнено за один день. Переправившись со всем войском вечером через реку, он расположился лагерем у стен крепости. Утром он разделил войско на две части: одну назначил к штурму, а другую послал в то место, где скрывались семьи обороняющихся со всем имуществом. В обоих пунктах лезгины были разбиты. Надир лично преследовал обратившегося в бегство неприятеля и до самого вечера опустошал ущелья и горы. После этого он отправил обоз через деревню Мискиндже в гору Шахдаг в Кабалу. На другое утро Надир двинулся вперед по очень тесной и затруднительной хачмасской дороге, которую Сурхай-хан проложил по крутым хребтам гор. 3 октября он прибыл в селение Куткашен, туда же на третье утро подоспели тяжести и обоз, оставленные в Шемахе. 11 числа Надир переправился через Куру по понтонному мосту, наведенному напротив Ареща, а 13 числа пришел в деревню Келиса-Кент, возле города Ганджи, где и разбил лагерь...»

Надир не смог взять крепость, где заперлись турки и татары.

«В это же время предводители джарцев явились к Надиру и обещали в течение 20 дней прислать ему на службу часть своей конницы.

Но когда они не выполнили обещания, Надир отрядил против них часть войска, находящегося в Агдашском магале, а Али-мирзе, сыну кахетинского валия Имам Кули-хана, он приказал двинуться на Джар со стороны Грузии. Джарцы, оставив жилища и укрепившись на высокой горе, сделали вылазку и внезапно напали на персов, идущих против них. Причинив им большой вред, не без урона со своей стороны, они приступили к своему укреплению. Персы из-за сильной зимней стужи и неприступности позиций не смели приступить к осаде и, перерезав 150 человек пленных, попавшихся им в руки, возвратились назад без всякого успеха⁹.

Между тем, Надир требовал у русского посланника, находившегося при нем постоянно¹⁰, очищения Дербенда и Баку. По этой причине 9 марта 1147 (1735) г. был заключен мирный договор между Россией и Персией¹¹. Надир назначил правителей в Сальян, Баку и Дербенд и приказал им принять пленных, захваченных русскими, войска которых переправить благополучно за Сулак, ставший границей между двумя государствами...»

«...После... блистательной победы (разгрома турецких войск недалеко от Еривани – Б.А.) гарнизоны Тифлиса, Эривани и Ганджи запросили пощады у победителя и, отдав Надиру всю артиллерию и пленных, ушли в Турцию.

В это время беспокойные кубинцы, призвав на помощь дагестанских лезгин, осадили в крепости Худат своего владельца Гусейн Али-хана, сына султана Ахмед-хана. Ему на помощь пришли шамхал Хасфулад-хан и начальник дербендского гарнизона и отразили мятежников, которые потеряли 300 человек убитыми и пленными. Во время отсутствия шамхала аварский уцмий Умма-хан напал на его владения, но восставшие жители встретили его близ деревни Парау и разбили наголову и сам он также погиб в бою».

«...Надир 23 октября двинулся в Дагестан, оставил главный лагерь на берегу Алазани и с частью войск пошел на джарцев, укрепившихся на высокой горе. Стрелки и *джазаирчи*¹² сразу же ворвались в укрепление. Лезгины (аварцы – Б.А.), лишившись надежды устоять, рассеялись и преследуемые Надиrom частью погибли в ущельях, а частью ушли в Аварию. Все их селения были разграблены и сожжены.

Наказав джарцев, Надир через Шеки и Ареш прибыл в Шемаху и там узнал, что крымский хан подошел к Дербенду и назначил Эльдара, сына Муртуза-Али шамхалом, Сурхай-хана правителем Ширвана, а уцмия Ахмед-хана правителем Дербенда и раздал 2500 туманов и

много богатых подарков своим приверженцам. Сурхай-хан определил к нему на службу своего сына с 500 лезгинов. Но когда крымский хан подучил известие, что Надир идет против него, он бросил все на произвол судьбы и поспешно возвратился назад. Надир, несмотря на приближающуюся зиму и трудности, которые встречаются в ту пору в горах, двинулся на Дагестан. Перейдя через горы Алты-Агача, он прибыл в Деркенд и отдал приказ дагестанскому сардару собрать в табасаранском магале Деревья провиант для войска. Отправив отсюда под присмотром своего сына Риза Кули-мирзы все тяжести через Шабран в Дербенд, Надир разделил все войско на три части. С первым отрядом, находящимся под его личным руководством, Надир двинулся в Будуг и Хиналыг, другой он послал против докузпаринцев и алтыпаринцев (нынешний Самурский округ), а третьему приказал идти в Кабир в Кюринском владении¹³, чтобы преградить беглецам всякую дорогу. Наказав таким образом непослушных, все отряды соединились в деревне Гильяр (Куба). Отсюда Надир двинулся далее и 22 ноября остановился лагерем на северной стороне Дербенда.

Узнав, что новый шамхал Эльдар, уцмий Ахмед-хан и Сурхай-хан соединились в деревне Казанище и намереваются напасть на шамхала Хасфулад-хана, он тотчас двинулся на Маджалис, где с отрядом лезгин (дагестанцев – Б.А.) стоял сын уцмий Хан-Мухаммад, преграждая путь в тесном ущелье. После упорного сопротивления эта неприступная деревня была взята¹⁴. Лезгины обратились в бегство, и весь магал был разорен. Оттуда Надир, опустошая мечом и огнем все на пути, прибыл в деревню Гобденъ шамхальского владения. Здесь к нему явился шамхал со своими приверженцами. Сурхай, Ахмед-хан и Эльдар скрылись. Надир, желая наказать Сурхая, отправился в Казикумык. 29 декабря он достиг урочища Шаррат¹⁵, что в трех милях от Казикумыка, где в ущелье, единственном проходе, укрепился Сурхай со всеми своими силами. Надир атаковал с четырех сторон. Афганцы первые взобрались на гору и вступили в упорнейшую схватку. Когда вслед за ними двинулись и другие войска, то лезгины, не видя возможности удержаться, отступили с большими потерями¹⁶. Из-за наступившего вечера и трудного перехода через ущелье Надир остался ночевать на поле сражения, приказав часть *джазаирчи* занять прежде всего вершину горы. Эльдар, не зная о разгроме лезгин (дагестанцев – Б.А.), следовал им на помощь, внезапно наткнулся на джазаирчи и после небольшой стычки обратился в бегство. На другой день к Надиру прибыли депутаты от Казикумыка с повинною головою, извещая его,

что Сурхай удалился в Аварию. Надир удовлетворился этим и, не желая утомлять войско переходами по неприступным местам, отправился во владения уцмий – в крепость Курейш. Когда Надир следовал в Казикумык, то в пути ему изъявил покорность акушинский казий вместе со знатью. Однако после этого он тайно помогал Сурхаю. Надир, узнав об этом, послал на обратном пути часть войска против него. Акушинцы упорно защищались, но были совершенно разбиты. Надир опустошил их деревни и многих жителей захватил в плен. После такой неудачи акушинский казий явился к нему с повинною головою. Надир простил его и, освободив всех пленных, двинулся далее. В укреплении Калей-Курейш, в местопребывании уцмий его встретили почетные лица и отправили в его гарем дочь уцмий, которую послал сам отец, прося у Надира пощады и прощения. Надир, приняв в уважение раскаяние, простил его, а дочь выдал за Гусейн-Али-хана кубинского. Через некоторое время она лишилась ума и была возвращена из Кубы к своему племяннику уцмию Амир-Хамзе. В это же время табасаранцы прислали в Дербенд своих заложников, а докузпаринские лезгины привели 1000 лошадей и отправили в Дербенд несколько заложников из почетных семейств, обещая повиноваться во всем воле Надира.

Приведя в порядок дела Дагестана¹⁷ и возвращаясь назад, Надир прибыл в кубинскую деревню Гасан-Кала. Оставив там войско, он со своими приближенными отправился вперед и за одни сутки прибыл в город Ахсу, отстоявший на 160 верст от Гасан-Кала. 13 января он уже был в своем лагере, расположенном в Муганской степи, близ Джавадской переправы».

После вступления на престол 26 февраля 1148 (1736) г. «Надир-шах, заботясь об общем спокойствии, назначил своего брата Ибрагим-хана главным правителем провинции от Капланкуха до Арпачая и дальних пределов Дагестана и Грузии, подчинив ему всех владетелей и начальников, находившихся в этом крае. Мехти-бек юзбаша с титулом хана был назначен правителем Ширвана. В следующем, 1149 (1737) г. Мехти-хан отправился по делам управления в Дербенд. Мурад-Али Султан Устаджлу, тамошний начальник, имея давнюю вражду с Мехти-ханом, подстрекнул некоторых жителей убить его¹⁸. Некоторые из участвовавших в этом преступлении бежали к уцмию Ахмед-хану, а другие заперлись в крепости Наринкала. Дербендцы, негодуя на убийц, восстали против них, овладели крепостью и схваченного Мурад-Али Султана представили Надир-шаху, который велел его казнить. Сардар-бек Кырклу с титулом хана вступил в управление Шир-

вана, а Наджаф-султан с частью джазаирчи принял Дербенд. Согласно личного приказа Надир-шаха уцмий Ахмед-хан выдал Сардар-хану всех прибегнувших к нему убийц Мехти-хана. Все они вместе с другими возмутителями были казнены. Сардар-хан переселил в город Ахсу несколько дербендских семей, а вместо них перевел из Ширвана племя Цорцор (Сурсур)¹⁹.

В 1151 (1739) г., когда Надир-шах находился в Индии, возмутились джарские лезгины (аварцы – Б.А.). Ибрагим-хан отправился усмирить их. Сначала счастье благоприятствовало ему, но однажды лезгины, сделав засаду, окружили его. В последовавшей перестрелке Ибрагим-хан был убит, а персы отступили без всякого успеха. Надир-шах получил известие об этом в городе Пешаваре. Он назначил Эмир-Аслан-хана Кырклу правителем Азербайджана²⁰, а Сафи-хана Багаири, сардара Грузии, перевел в том же звании в Азербайджан и приказал им по возможности защищать Ширван от набегов горцев до его возвращения из Индии.

В следующем году Надир-шах прибыл в Надирабад, что в Афганистане. Предпринимая поход в Туркестан, он послал Гани-хана с абдалинской конницей в Ширван, приказывая ему выступить против джарцев зимой, когда горные дороги становятся непроходимыми. Фатх Али-хан, Коса Ахмедлу и Мехмед-Али-хан, сардар азербайджанский, с 15 тысячами хорасанских войск и все начальники Грузии получили приказание участвовать в походе Гани-хана. 23 февраля 1115 (1741) г. соединенные войска прибыли на берег Алазани. Лезгины (аварцы – Б.А.) укрепились в трех пунктах: в Джаре, Кавыхе и Агзыбуре. Военные действия начались осадой Джара. Неприятель после некоторого сопротивления отступил к Каныху, где несколько дней продолжались кровопролитные стычки. Лезгины перешли в Агзыбир, укрепление, построенное на вершине горы, среди густого леса, через который пролежала только одна тропинка. Абдалинцы пошли охотниками впереди. Упорная битва продолжалась с самого утра и до позднего вечера. Обе стороны понесли одинаковые потери. Наконец, в полночь, абдалинцы, несмотря на град пуль и камней, подавлявшие их, потеряв только 100 человек, взобрались на вершину и овладели укреплением. Лезгины, отрезанные с северной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же, которые не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей. Остальные жители и их семьи скрывались в горах, но персы преследовали их до самого Кесруха на Самуре²¹ и частью вырезали их, а частью захватили

в плен. Вся провинция была опустошена до такой степени, что от ее заселенности не осталось почти никаких признаков. Сами персы, возвращаясь с гор, потеряли от сильной зимней бури 200 человек²².

Надир-шах после завоевания весной 1154 (1742) г. Бухары и Хорезма двинулся на Дагестан...

2 июля того же года через Барду и Шах-даг Надир-шах прибыл в Казикумык²³. Лезгинские (дагестанские – Б.А.) племена, живущие на пути его следования, доставляли войску продовольствие. В Казикумыке к нему явились шамхал, уцмий и Сурхай-хан со многими почетными лицами Дагестана. Одарив их дорогими почетными одеждами и лошадьми с золотыми уборами, шах в начале августа предпринял поход на Аварию. После крупных военных действий в Андалалском округе, близ деревни Чох, он потерпел поражение и вынужден был отступить без всякого успеха²⁴. Из-за наступившей осени Надир, взяв с собою Сурхай-хана с семейством, направил путь в Дербенд, поручив уцмию отправиться с частью войска из Казикумыка в Кара-Кайтак для взятия оттуда семейств, назначенных в заложники и доставки их в Дербенд. Близ Чирага Надир-шах получил известие, что каракайтакцы по подстрекательству самого уцмия в ущелье Гапкай, что в двух милях выше Башлы, напали на отряд персов, следовавших в Кара-Кайтак, разбили его и ограбили²⁵. Вследствие этого Надир, готовясь к долговременному походу против горцев, приказал собирать провиант во всех провинциях, расположенных между Тифлисом, Гавризом и Ардабиллом. На девятый день после своего прибытия (1 октября) в Дербенд Надир-шах двинулся против Кара-Кайтака. Начиная от Дербенда и до Шамхальского владения, на расстоянии двух или трех фарсахов одно от другого возвел укрепления, чтобы этим удерживать кайтакских лезгин от набегов на равнину.

4 ноября в трех фарсахах от Дербенда Надир остался зимовать и, устроив балаганы для всего войска, перевел туда и свой гарем. Это урочище и поныне называется *Иран-Хараб*, т.е. разорение Персии, потому что персы потерпели здесь много мучений. Лезгины (дагестанцы – Б.А.) и особенно каракайтакцы беспрестанно тревожили лагерь, пресекали сообщение, затрудняли фуражировку, а иногда грабили и в самом лагере. На следующий год, 17 мая Надир-шах выступил из лагеря и двинулся сначала против табасаранцев, а затем против кайтакских и дагестанских магалов²⁶. Все было разграблено и опустошено огнем и мечом. Во время этого похода шамхал и Сурхай-хан находились при нем; уцмий же заперся в крепости Кал'ат-Курейш, построен-

ной на вершине покрытой лесом горы, куда вела одна только тропинка. Надир пошел против него. Уцмий три дня упорно защищался, наконец, принужден был бежать в Аварию. После этого бегства жители явились к Надиру с покорностью. Надир приказал сравнять с землей Кал'ат-Курейш – столь сильную и неприступную крепость. Он назначил Мехмед Али-хана Кырхлу правителем Дербенда²⁷ и 25 января 1155 (1743) г. отправился в Мугань, куда прибыл через 40 переходов...

Когда брат Надир-шаха управлял Азербайджаном, появился некий Сам-мирза и стал выдавать себя за сына шаха Хусейна²⁸, вызывая этим самым волнения в народе. Ибрагим-хан поймал его и, отрезав ему нос, выпустил на волю²⁹. Сам-мирза бежал в Дагестан, где и скитался долгое время. Магомед, сын Сурхай-хана, пользуясь отсутствием Надир-шаха, защищая вроде мнимые права Сам-мирзы, собрал ополчение и, соединившись с дербендцами и табасаранцами, возмутил Ширван.

Узнав от Мухаммад Али-хана об этом происшествии, Надир-шах поручил ширванскому беглярбеку Гайдар-хану подавить мятеж. Получив приказ, Гайдар-хан выступил в поход, но между Шемахой и Шабраном был захвачен местными жителями и через несколько дней умерщвлен. Воспользовавшись этим, Магомед, сын Сурхая, вместе с Сам-мирзой, осадил Шабран, что на левом берегу одноименной реки, и с помощью мины взорвал стену. Овладев таким образом крепостью и захватив в плен жителей, он перерезал весь гарнизон, умертвил его начальника Абдул-хана Устаджлу и женился на его дочери, от которой родился сын Сурхай-хан II.

Разорив таким образом Шабран, Магомед двинулся дальше и овладел столицей Ширвана городом Ахсу. В это время племя муганлы, составлявшее часть гарнизона в укреплении Кабир, принадлежавшем тогда Дербенду, восстало и, вырезав своих товарищей афшарцев, отдали крепость Магомеду. Тогда Мухаммад Али-хан, опасаясь подобного случая, ослепил и выгнал из города всех мугалинцев, находящихся в Дербенде и подозреваемых в измене. Ашур (Афшар) хан, сардар Азербайджана, узнав об этом в Эривани и не ожидая приказа, двинулся со своим войском в Ширван. Соединившись на берегу Куры с ганджинским беглярбеком Хаджи-ханом, он стал возводить понтонный мост. Между тем Керим-хан Афшар, шедший по приказанию Надира в Мугань, а вскоре после него Фатх Али-хан Афшар и второй сын Надир-шаха Насрулла-мирза с 15-тысячным войском, назначенных действовать заодно с Ашур-ханом, прибыли к нему у этой пе-

реправы. Насрулла-мирза остановился здесь лагерем, а Фатх Али-хан и Ашур-хан пошли дальше. 24 декабря 1155 (1743) г. Мухаммад и Сам-мирза с лезгинским (дагестанским – Б.А.) ополчением встретили их близ шахского сада в окрестностях города Ахсу. Там завязалось сражение: Мухаммад, потеряв около 1000 человек убитыми и пленными, был ранен и бежал в Дагестан, а Сам-мирза ушел в Грузию. После этой победы персы осадили город, где заперлось малое число лезгин, и через несколько дней взяли его и разграбили начисто...

Вскоре после этого Надир возвратился с турецкой границы в Барду, очень удобную по своему местоположению для зимнего лагеря. Здесь заблаговременно были приготовлены несколько тысяч балаганов и, несмотря на сильную стужу, 11 января он отправился в Дагестан налегке. Пройдя Дербенд, 24 числа того же месяца он разделил войско на четыре части и, бросив их в разные стороны, разграбил и разорил всех жителей, не ожидавших его нападения. Некоторые владельцы Дагестана явились к нему с изъявлением покорности и получили подарки. Возвратившись через Табасаран в Дербенд, Надир 5 декабря прибыл в Барду и в канун этого же месяца из-за недостатка фуража разбил лагерь на левом берегу Куры, близ Ареша...

В 1744 г. «в Ширване произошел «Тули-дад», т.е. «Упаси от разбоя». Под этим словом народ понимает величайший беспорядок. В самом деле, по всему краю скитались шайки беглецов и разбойников, грабили и убивали проезжающих, нападали даже на деревни, и начальники никак не могли усмирить их. Турецкий султан еще больше поддерживал и питал эти беспорядки³⁰. Будучи суннитом, как и дагестанцы и часть жителей Ширвана, султан беспрестанно подстрекал их против персидского владычества. Своими грамотами султан пожаловал уцмию Ахмед-хану титул трехбунжучного паши, сыну его хану Мухаммаду – двухбунжучного, а Ахмед-хану, беку Джунгутайскому даровал чин силахшора³¹ и звание шамхала и 20 мешков денег. Кроме этого, каждому из табасаранских владельцев, масуму и кадию даровал титулы двухбунжучных пашей и по 200 туманов; Мухаммад-беку Цахурскому – титул султана Цахурского и двухбунжучного паши и некоторую сумму денег³²...

В ночь на 9 мая 1160 (1747) г. некоторые вельможи из приближенных к Надир-шаху, по подстрекательству изгнанного им племянника Али-Кули-хана, сына Ибрагим-хана, убили его в Фатхабаде, что в Хорасане, в двух милях от города Хабушана³³. Вслед за смертью Надир-шаха началось общее смятение и анархия, вследствие коих Шир-

ван навсегда отошел от Персии. Тогда образовались здесь отдельные ханства и владетели их, управляя наследственно и независимо, стали самостоятельными государствами³⁴.

¹ Хатт-и шериф – грамота.

² В ноябре 1734 г. близ Шемахи произошло сражение между Сурхай-ханом и Набиром. Сурхай-хан был разбит.

³ Набир занял Шемаху в ноябре 1734 г. и приказал сжечь город. См. Решетов С. История о персидском шахе Тахмас Кули-хане. СПб., 1790. С. 285; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 109–111.

⁴ Фарсах – (перс., арабс.) – примерно 6 км.

⁵ Сражение состоялось близ Кабалы.

⁶ Хосрек – ныне село в Кулинском р-оне РД.

⁷ В происшедшем здесь сражении горцы, несмотря на героическое трехдневное сопротивление, были разбиты (см. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С.18).

⁸ Об этом см. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 355–356.

⁹ Подробности см. Хроника войн Джара. С. 20 и сл.

¹⁰ Это был С.Д. Голицын.

¹¹ Мирный договор между Россией и Ираном был подписан 6 марта 1735 г. в лагере Надира под Гянджой. Согласно договору Россия выводила войска и передавала Надиру Баку в течение двух недель, а Дербенд и его округ в течение двух месяцев. Иран обязался «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе». Полный текст Гянджинского договора см.: Договоры России с Востоком / Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869.

¹² Джазаирчи – воин стрелок.

¹³ Лезгинское село Кабир ныне входит в Сулейманстальский р-он РД.

¹⁴ Сын уцмий, захватив с собой артиллерию, ушел в труднодоступные горы (см. Хроника войн Джара. С. 25).

¹⁵ Шаррат, точнее – Шавурдал-рат – речной канал у села Шара Лакского р-она РД.

¹⁶ Сурхай-хан не мог противостоять во много раз превосходящим силам Надира и, не задерживаясь в Кумухе, ушел в Аварию. Набир занял Кумух, и в течение 7 дней его войска разоряли и грабили его.

¹⁷ Одержав в 1735 г. ряд побед в Дагестане, Набир получил от ряда владетелей страны заложников, но оценивать поход Надира в Дагестан как удачу было бы неверно. Не весь Дагестан был покорен им, и даже та часть, что была захвачена Набиром, вышла из повиновения, едва Набир покинул пределы страны.

¹⁸ В 1736–1739 гг. в Ширване и Дагестане происходили антииранские волнения. Бывший правитель Ширвана Султан Мурад с Сурхай-ханом решили начать совместную борьбу против иранского владычества. Собрав значительное число воинов, они напали на Дербендскую крепость, а затем Сурхай-хан напал на Старую Шемаху.

¹⁹ О выступлении народов Ширвана и Дагестана против Надира в 1736–1738 гг. см. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надира-шаха Афшара. М., 1958. С. 187 и сл.; История Дагестана. Т. I. С. 360 и сл.; Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 127 и сл.

²⁰ Однако эмиру Аслан-хану подавить восстание в Азербайджане не удалось.

²¹ Кесрух – аварское село Кусур в верховьях Самура.

²² Огромная карательная армия во главе с Гани-ханом, Фатх Али-ханом и другими эмирами пыталась подавить освободительное движение горцев. Но, несмотря на репрессии, войско Надира успехов не добилося, и вскоре Ширван и Дагестан фактически отпали от империи Надира. См. Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 143 и сл.

²³ Летом 1741 г. Набир-шах вторгся в Дагестан во главе 100-тысячной армии. Ценой огромных усилий, ломая героическое сопротивление горцев, Набир огнем и мечом прошел через Табасаран, Кайтак, Мехтулы и достиг Кумуха, а 12 августа Сурхай-хан через Гани-хана изъявил покорность. Вслед за ним покорились уцмий Ахмед-хан, казий Акушинский и другие феодалы (см. Хрбника войн Джара. С. 38). Однако горцы – дети Сурхай-хана и более всего его старший сын Муртузали – оружия не сложили.

²⁴ Осенью 1741 г. произошло столкновение между дагестанцами и войсками Надира. Горцы разбили 20-тысячную армию под командованием Лютф Али-хана. Из 4-тысячного отряда Хайдар-бека осталось 500 человек, а из 6-тысячного отряда Джалал-хана – 600 человек. Шахские войска были разбиты горцами и в других местах (см. История Дагестана. Т. I. С. 364–366).

²⁵ Чираг (Чирах) – даргинское село в Агульском р-оне РД. Отсюда уцмий Кайтака написал Набир-шаху письмо, в котором требовал от него покинуть пределы Дагестана.

²⁶ В мае 1742 г. Набир во главе 30-тысячного войска трижды обрушивался на Табасаран, но успеха не имел. «И сам едва не потерял жизни и при всей неустранимости своей принужден был от пуль спастись в ров» (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 213). В августе Набир отправил 6-тысячный отряд в Аварию, однако и этот отряд «с немалым уроном принужден был отступать». В сентябре сам Набир отправился в Аварию, при этом «три тысячи топоров были употреблены для прочищения леса, но также был принужден отступить с неудачею, ибо персияне при одной деревне схватились с лезгинами и потеряли не менее 300 человек» (см. Бутков П.Г. Указ.соч. Ч. 1. С. 215).

²⁷ О неудачах и разгроме Надира-шаха в Дагестане см. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Указ. соч. С. 189 и сл.; История Дагестана. Т. I. С. 368 и сл.

²⁸ В 1743–1744 гг. Ширван был охвачен антииранским восстанием, во главе которого стоял некий самозванец по имени Сам-мирза. Кроме него в Азербайджане действовал еще один самозванец, тоже выдававший себя за сына шаха Гусейна. Первый Сам-мирза появился в Дагестане вероятно в 30-гг. XVIII в. К нему здесь присоединилось около трех тысяч горцев. Но это выступление было быстро подавлено сыном Надира-шаха Насруллой, и самозванец был убит. См. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Указ.соч. С.254–255.

²⁹ Здесь речь идет о втором самозванце, который появился в 1743 г. под тем же именем Сам-мирзы в Ардабиле. Этого Сам-мирзу схватили и доставили к правителю Азербайджана Ибрагим-хану (сын убитого в Дагестане Ибрагим-хана). «Сам-мирза»

на допросе был избит, ему отрезали нос и отпустили. Спустя некоторое время «бенибурде» («отрезанный нос») появился снова, но теперь уже в Дагестане. См. **Арунова М.Р., Ашрафян К.З.** Указ. соч. С. 205.

³⁰ Речь идет о турецком султани Махмуде (правил в 1730–1754 гг.). После гибели Сам-мирзы турки выдвинули на политическую арену Сефи-мирзу, который еще в 30-х гг. выдавал себя за сына свергнутого шаха Султана Хусейна.

³¹ Силахшор – стрелок, боец, мушкетер.

³² В 1745 г. в Дагестане снова началось антииранское движение. Горцы не только оказывали яростное сопротивление иранским карателям, но и нанесли им большой урон. Достаточно сказать, что Надир-шах потерял в Дагестане половину своих войск (См. **Бутков П.Г.** Указ. соч. Ч. II. С. 230).

³³ Надир был убит 20 июня 1747 г.

³⁴ Заключительный раздел «Четвертого периода» труда А. Бакиханова (о Надир-шахе) впервые был опубликован в виде отдельной статьи под названием «О походах Надир-шаха в Дагестан» в газете «Кавказ», № 17, 18 от 27 апреля и 4 мая 1846 г. (см. также **Бакиханов А.К.** Сочинения. Записки и письма / Сост. Э.М. Ахмедов. Баку, 1983. С. 150–161; 304).

Бакиханов А.-К.-А. *Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указат. акад. АН АзССР З.М. Бунятова.* Баку: Элм, 1991. С. 137–151.

□ □ □

Обращение Сурхай-хана казикумухского к чохскому джамаату

От требующего помощи хана Сурхая своим дорогим братьям, самым лучшим друзьям, чохским ученым, хаджиям и молодежи. Эй, люди, имеющие в своих сердцах веру хоть в объеме одного золотника, выходите все воевать с каджарами. Сегодняшний день – это тот день, когда каждый мусульманин свято обязан идти на войну с проклятыми людьми.

Магомедов Р.М. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков.* Махачкала, 1957. С. 327.

А.А. Неверовский о борьбе дагестанцев против Надир-шаха

Многочисленные кровавые походы в Дагестан шаха Надира для наказания непокорных владетелей и горцев только на время смиряли хищных лезгин (дагестанцев – Б.А.). Когда же в 1741 г. шах Надир в

походе своем на Аварию потерпел поражение при Чохе, в Андалалском обществе, и принужден был отступить в Кази-Кумух, тогда власть персиян на Кавказе была сильно потрясена, и страх, внушенный Надиром, начал исчезать. Во время последнего похода Надира в 1744 г. уже не много владетелей являлись к шаху с покорностью.

См.: **Сотавов Н.А.** *Крах «Грозы Вселенной».* Махачкала, 2000. С. 194–195.

А.А. Неверовский писал, что при вторжении иранцев «Джарцы защищались весьма упорно; но ни отчаянное мужество, ни крепкая местность не спасли их от совершенного поражения. Потеряв один за другим укрепленные ими три пункта, известные своими трудными доступами, и не видя возможности к спасению, Джарцы бросались со скал... Неучаствовавшие в битвах жители спешили укрыться с семьями в горы, но там не избавились от преследования Персиян, не пощадивших ни возраста, ни пола и истребивших все джарские селения до такой степени, что не осталось почти и следов бывшего народонаселения».

Неверовский А.А. *Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье.* СПб., 1848. С. 29.

□ □ □

Английский историк Л. Локкарт писал:

«Пока Авария оставалась независимой, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надир-шаха».

Lokhart L. *Nadir Shah. A. critical study based mainly upon contemporary sources.* London, 1938. P. 241.

□ □ □

И. Калушкин в начале похода Надир-шаха в горы в 1741 г. высказал сомнение об успешном окончании его. Он писал: «Еще предвидеть не можно, какой успех (Надир – Б.А.) в Аварии будет иметь, еще не иначе как бездельно персидское войско», ибо эта территория Аварии «высокими горами окружена, что на оные надлежит весьма узкими тропами ходить, где наступающим без сопротивления от неприятеля принуждены будут в людях и лошадях урон нести». К тому, продолжал он, «в добавление непрестанно льющисся дожди» и в прошлом «августе по всем верхним горам глубокий снег выпал». А поскольку

наступает осень, «то более ненастного времени и стужи ожидать надобно, от чего войска якоже слыша о таких непроходимых горах, с вящем нехотением в путь отправляются».

АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 394–395.

□ □ □

Историограф шахского двора Мирза Мухаммад Мехти-хан писал: «Надир-шах выступил в поход против мятежников Авара, которые живут в наиболее отдаленной части Дагестана... Не возможно описать эту трудную, сильно пересеченную дорогу. Чтобы проникнуть в эту страну, требуется 12 дней похода, в котором не находишь не единого ровного участка, имеются лишь тропинки, по которым с трудом могут идти два солдата пехоты. В самое жаркое лето горы там редко бывают лишены снега и самая сильная жара там подобна зиме других стран» и далее: «Армия пробыла 15 дней в этой местности, чтобы наказать мятежников; произошло так, что целое войско солдат по вине искусных проводников очутилось в неизвестном месте между горами, покрытыми снегом, куда они пришли в добычу к врагам, некоторые из них возвратились назад в счастливые области несчастья».

Мирза Махти-хан Астрабади. *Тарих-и джанханхуша-йи Надири. Jones Wileom. Histoire de Nadir-Chan connissons Je him de Tahmas Kulikhan empereur de Perse Trad dunmanurist Persian. London, 1799. P.126.*

□ □ □

Документы из АВПР, РГВИА и ЦГА РД о борьбе народов Дагестана против Надир-шаха в 1741-1746 гг., извлеченные Н.А. Сотавовым

Русский резидент в Иране И.И. Калушкин 7 февраля 1741 г. сообщил, что шах «ныне ни о чем ином, как единственно о войне против лезгинцев отзывается...», из всех его приготовлений не вижу, чтоб иное предприятие к какому с стороны шаховой явному с турками разрыву клонилось, но больше ко усмирению лезгинцев учреждение есть: понеже немалое число из завоеванного народа, и из природных персиян под различными командами в Дагистан отправлено... турки на разрыв с Персиею тишины не податно поступают; яко же и шах по при-

чине употребляемых своих против лезгинцев настоящих мер видится от того удаляется».

АВПР. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1741. Д. 10. Л. 202–203 об. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 132.

Прибывший от грузинского эристави Шенше курьер Шион Такунов сообщал 20 февраля в Кизляре, что «у него в собрании имеетца одних грузинцев десять тысяч, а тавлинцов (дагестанцев – Н.С.) конных и пехоты имеетца множество со всех деревень и владений тавлинцы к нему идут на помощь и с оными персиянами князь Шенша намерен битца».

АВПР. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741. Д. 4. Л. 95. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 135.

В начале марта 1741 г. комендант Тбилиси Сердер-хан докладывал шаху, что «ныне де собираютца на нас аварлинцы тавлинцы и Сурхай с войском, а нас де против них весьма малоллюдно, и из иного войска многие персияне бегут с голоду в Шемаху и к Сурхаю, и шемахинский командир им за то чнит кару».

Там же. Л. 115; С. 135.

В марте 1741 г. кизлярский лазутчик доносил: «Сурхай из детьми своими ныне при домах своих в Казикумыках собирает войско тавлинцев лезгинцев и намерен идти в Персию против персиян войною и объявил, что ныне де мы хотя и в покое живем, а чтоб с персиянами не дратца не миновать».

Там же. Л. 96–97 с об; С. 135.

В марте 1741 г. в Тарки поступил приказ Надир-шаха, чтобы «...шемхал с тысячьо человек прибыл в апреле месяце в Шемаху, а ежели де со оными людьми в Шемаху не будешь то на меня не пеняй».

Там же. Л. 114; С. 136.

Лазутчик Чубар Абакаров доносил в Кизляр: «И он шемхал под неволею ехать намерен, подданные его уздени в деревни Казанищах всех лошадей своих тайно в горы продают чтоб им в Персию не ехать, шамхал Хасбулат послал жалованья к тавлинским старшинам унцу-

кульским и цудакуринцам и оные старшины жалованье не приняли и присланных з жалованьем прогнали».

Там же. Л. 114; С. 136.

31 марта И.И. Калужкин доносил, что «турки лезгинцов против шаха поощряют, и для побуждения оных к Сурхаю послано от Порты «500» мешков всякой по «500» рублей: и того учинит «350» тысяч рублей, чтоб они не ослабевая содержали на те деньги войска, что и впредь от Порты вспоможение деньгами чинено будет».

Там же. Д. 10. Л. 203 об; С. 137.

В апреле 1741 г. 16-тысячное иранское войско под командованием Абдали Гани-хана напало на джарские джамааты. «Но ко оным же джарнцам, – доносил астраханский губернатор С.В. Голицын, – намерены идти на помощь горский владелец Сурхай и сын его Муртузали».

Там же. Ф. 89; *Сношения России с Турцией.* Оп. 89/1. Д. 10. Л. 118 об; С. 137.

Наместник шаха в Дербенте Наджаф Султан получил приказ идти с войсками на соединение с Хасбулатом «и как оное войско в Тарки прибудет то сколько шемхал сможет собрать своего войска и с оным персидским войском идти на Сурхая и на тавлинцев».

Там же. Л. 141 об; Л. 137.

В марте 1741 г. передовым иранским частям, выступившим из Тебриза был дан приказ ускоренным маршем следовать на Куру и Самур и подготовиться к наступлению в сторону Дербента, для чего «крепость делать – первую против Усмиева владения возле моря на реке Бугаме, она же и Усмейка, другую крепость против Буйнака на реке Манасе, третью крепость на реке Сулаке, где бывало прежде сего крепость Святого Креста... десять тысяч человек послать и поставить в вершине реки Терека для непропуску горских (людей – Н.С.) в Россию».

Там же. Ф. 77; *Сношения России с Персией.* Оп. 77/1. 1741. Д. 4. Л. 147, 153; С. 138.

Русский агент в Стамбуле Николай Буйдий 6 апреля докладывал: «Шах Надир путь свой продолжает в Демир Капи (Дербент – Н.С.) для

утеснения лезгинцев, дабы в его дискрецию (подданство – Н.С.) отдавались», в противном случае «повелел объявить грузинцам, чтоб они на своей земле им жить не давали, как уже и послу своему при российском дворе приказал просить, дабы ежели реченые лесги отдадутся в нашу протекцию их не принимать».

Там же. Д. 12. Л. 600; С. 138.

16 апреля 1741 г. русский консул Аврамов из Решта доносил, что посланник шаха Али Кули-хан прибыл «к горским владельцам Усмею (Ахмед-хану – Н.С.), Сурхаю и Шемхалу (Хасбулату – Н.С.)... с тем объявлением, дабы они без всякого страху и боязни в подданство его пришли».

Там же. Д. 4. Л. 145 об; С. 138.

Отправленный из Астрахани в Решт «для разведования о шахе персидском» Якуб Токаев подтвердил, что Али Кули-хан прибыл от шаха с таким повелением, чтоб «они все горские владельцы объявили кто желает быть в подданстве у шаха персидского то те б были в команде у шемхала и в том бы подписались и войско дали б, а буде которые объявят они шаху служить не хотят, то б оному шамхалу с прочими желающими у шаха в службе быть, собрав войска, тех противных владельцев всех искоренить».

Там же. Л. 162 об; С. 138.

Прибывший в Тарки Наджаф Султан потребовал от уцмий Ахмед-хана на кормление своего войска «муки и ячменя 2500 тагаров (12500 мешков – Н.С.) да с трех дворов по одному барану и несколько скотины». Но уцмий не выполнил этот приказ, за что его подданные подверглись грабежу и насилию.

Там же. Ф. 89; *Сношения России с Турцией.* Оп. 89/1. 1741. Д. 12. Л. 163; С. 139.

Узнав о притеснениях уцмий, Сурхай отправил к нему нарочного, «чтобы он персиянам не вскорости отдавался»

Там же. Ф. 77; *Сношения России с Персией.* Оп. 77/1. 1741. Д. 4. Л. 163; С. 139.

Сам же Сурхай отослал обратно шахского посланника Хасан-бека с ответом: «Я де к шаху персицкому не буду, а буду до времени здесь, а когда де здесь жить места не будет то пойду к туркам».

Там же. Л. 189; С. 139.

Несмотря на неоднократные обращения и угрозы Надир-шаха дагестанские владетели не изъявили готовности выступить на его стороне. Как сообщили прибывшие из Тарки в Кизляр кабардинские уздени, там «слышно было, что Сурхай, Усмей и тавлинцы к нему Али Гули хану в Тарки не поедут, а шамхал Казбулат к шаху ехать был намерен, а ныне объявил, ежели оные владельцы и тавлинцы не поедут, то и мне ехать не для чего».

Там же. Л. 186 об; С. 139.

В связи с приближением иранских войск к Дербенту казикумухский хан Сурхай и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагами вместе до конца. На созванном уцмием совете влиятельнейших старшин и узденей еще раз под присягой было подтверждено, «чтоб быть им в одном месте заедино и усмею к шаху не ехать».

Там же. Л. 189 об; С. 140.

Лазутчик Чубар Абакаров доносил в Кизляр: «А тавлинцы, аварлинцы и цудахарцы все Сурхаю присягу дали **чтоб** быть им на одном месте заедино и он Сурхай ныне тавлинцов к себе збирает... и владелец Усмей дал Сурхаю, а Сурхай Усмею присяги **чтоб** им к шаху не ехать и быть заедино».

Там же. Л. 189; С. 140.

В мае 1741 г. шах обратился к владетелям Северной Кумыкии через шамхала Хасбулата с предложением поступить к нему на службу, обещая высокие чины и богатые вознаграждения. Аксаевский владетель Али-бек доносил в Кизляр: «Но токмо оные князья у него шаха в подданстве быть не хотят, объявляя, что они подданные российские и желают быть в подданстве российском неотменно».

Там же. Л. 164; С. 141.

В начале июня 1741 г. из Дербента выступил 10-тысячный отряд персов под командованием Наджаф Султана «для разорения Сурхая и

пресечения чтоб он не сообщился о Усмею». Другой отряд под командованием Лютф Али-хана направился на Бугам против уцмий Ахмед-хана, куда должен был явиться и шамхал Хасбулат со своими войсками для поддержки шахского военачальника. Но Хасбулат, как докладывали в Кизляр очевидцы, не смог выполнить эту задачу, «так как Хасбулатово войско, которым он давал шахово жалованье, побежало от него к Усмею». Сам же уцмий разослал в горы многочисленные письма с просьбой о помощи. «И по тому призыву, — уточнял Чубар Абакаров, — из гор всякие люди к нему на помощь идут».

Там же. Л. 210 об, 211; С. 142.

В середине июня наступление Наджаф Султана и Лютф Али-хана было приостановлено под Дженгутаем. Однако мехтулинский владетель Ахмед-хан, опасаясь повторного нашествия вражеских сил, обратился за помощью в Кизляр. Ссылаясь на то, что Хасбулат сообщился с неприятелем, что поставило в трудное положение его самого и уцмий Ахмед-хана, он спрашивал: «Будет ли нам от нашего великого государя (императора Ивана Антоновича — Н.С.) помочь и збираютца ли войска и в которое место оное российское войско прибыло, о том к нам прошу дать знать, а все дагестанцы от самых от андийцев до авар положили и с прочими горскими народы намерение заодно и баталию с персиянами дать изготовились, однако ожидают российского войска».

Там же. Л. 212; С. 142.

Но Россия не могла оказать помощь, связанная Гянджинским 1735 г. союзным договором с Ираном и Белградским 1739 г. мирным соглашением с Турцией. В конце июня 1741 г. Сурхай сделал попытку заручиться поддержкой Турции, но не добился успеха. Оказавшись без поддержки в этот трудный момент, горцы стали готовиться к тяжелой и продолжительной борьбе с Ираном. Спешные оборонительные меры предпринимали Сурхай, уцмий Ахмед-хан, его племянник с резиденцией в Нижнем Дженгутае Ахмед-хан, акушинские, кубачинские и цудахарские старшины. Находившийся в Дербенте Батай Чимаматов доносил об этом в Кизляр: «Сурхай сообщил с тавлинцами построил в горах по ущельям... десять городков каменных, во оных расставил свое войско да семь городков же построили кубачинцы на таковых же переходах и поставили в них пушки и ныне оной Сурхай и кубачинцы к войне во всякой готовности».

Там же. Л. 260; С. 142–143.

Военачальник шаха Лютф Али Сердер-хан, постоянно державший при себе шамхала Хасбулата и его ближайших родственников Эльдара и Мехди, потребовал от них сбора с каждого подвластного двора на кормление своего войска «по одному чювалу... пшеницы, да по три барана, а у кого баранов нет, то с пяти дворов быка да с каждого двора по курице, по восьми фунтов масла, да по пяти фунтов железа». Кроме того, им же предписывалось выделить «со всякого двора по человеку: с железным заступом и деревянной лопатой для возведения глубоких рвов вокруг стоянок шахских войск. Возмущенные грабежами и насилиями иранцев и беспрекословным выполнением их воли упомянутыми владельцами (Хасбулат, Эльдар и Мехди), подданные этих князей выходили из-под повиновения, угрожали открытым восстанием.

Там же. Л. 257; С. 145.

В донесении Алисолтана Кишиева указывалось, что «дженгутаевский князь Ахметхан сообщил с тавлинцами и стоят в горах в ущелье, дожидаются его хана (Лютф Али Сердер-хана – Н.С.) к себе, ежели к ним пойдет, то хотят с ним драться... Сурхай собирает к себе войска, и идут к нему на помощь из гор тавлинцы и прочие народы, построил Сурхай в горах и в двух ущельях каменный город и ожидает к себе персидского войска».

Там же. Л. 256 об; С. 145, 147.

Горцы были возмущены угодничеством шамхала Хасбулата перед шахом. Выражая это недовольство, казанищенский кадий заявил Хасбулату, что «буду писать горским тавлинцам и сообщусь с ними, и буду с тобой в Казанищах драться».

Там же. Л. 257; С. 148.

Шах осадил кубачинцев, которых склонял к сдаче следующими словами: «Что де вы люди мастеровые вам де надлежит жить в Персии и лучше де вам сдатца без драки». Но кубачинцы не сдались, категорически отвергли требование шаха и ответили ему: «Крепости нашей Кубачей не замай, ежели ея тебе надобна, то мы умрем, а ея тебе не дадим».

Там же. С. 267, 304 об; С. 148.

После разорения Дженгутаея, Акуши, окрестностей Кубачи, отдельных табасаранских и рутульских магалов, персидские войска во главе с шахом пустились в погоню за Сурхай-ханом. Понеся большие

потери в сражении с противником и потеряв надежду на успех, 12 августа 1741 г. Сурхай вместе с кумухскими старшинами явился в шахский лагерь с изъявлением покорности. Находившийся в персидском лагере И.И. Калушкин в тот же день отправил об этом следующую депешу: «Сурхай видя свое изнеможение против шаха стоять, запотребно признал знатными старшинами шаху покорность принесть».

Там же. Л. 278 об; С. 152–153.

Заняв 14 августа Казикумух и направив часть войска на помощь осажденному в Тарки восставшими кумыками Хасбулату, Надир направился для взятия Кубачи, где уцмий Ахмед-хан в течение трех недель сдерживал натиск 24-тысячного корпуса под командованием Лютф Али-хана. После капитуляции Сурхая положение уцмийа стало критическим. Стараясь избежать поголовного уничтожения защитников крепости, Ахмед-хан также признал себя побежденным, но с условием сохранения Кубачи под властью выборных старшин. Сопровождавший Калушкина пристав Иван Неветаев 20 августа сообщал в Кизляр, что «шахские войска владельца Усмея со всех сторон обошли, который де потому, как и Сурхай, в подданство к шаху итти имеет».

Там же. Л. 285; С. 153.

Добившись капитуляции двух виднейших предводителей антииранской борьбы, шах стал высокомерным и недоступным, возмнив себя властелином Дагестана. По этому поводу Калушкин писал: «Видя Сурхая и Усмея власти своей покоренье Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, что и описать трудно, и он хочет со всей Дагистани потребовать в службу 20 тысяч, а остальных перевести на службу в Персию».

Там же. Л. 304; С. 154.

Еще до покорения Сурхая Надир-шах выслал в Хорасан несколько тысяч кюринских и кубинских лезгин, а на их место переселил из Ирана 900 дворов.

Там же. Л. 260; С. 155.

В конце августа Надир-шах обязал Хасбулата, Сурхай-хана, уцмийа Ахмед-хана и акушинского кадия Хаджи-Аюба доставить в его лагерь в течение десяти дней по одной тысяче экипированных всадников к нему на службу, а также по одной тысяче быков и по три тысячи

баранов для нужд своего войска и по одной тысяче дворов для переселения в Иран «на вечное житье». Сверх того на подданных уцмий была наложена зерновая подать «на 125 мешков, а на подданных шамхала – по одному чувалу пшеницы, по три барана, по восемь фунтов масла, по пять фунтов железа с каждого двора, да по одному быку с пяти дворов».

Там же. Л. 308, с об., 314, 163, 257; С. 155.

Шахским указом рутульским старшинам, направленным в 1741 г в адрес Беки-Бека, они ставились в известность, чтобы «собирали с жителя ежегодно по 1000 мадири (монета), составляющих 50 туманов Тавризовских, предоставили бы таковые деньги дербентским начальствам непременно, а дербентские начальники обязываются записать в журнале копию сего документа, делают по оной каждый год раскладку приходской суммы и требуют ежегодно столько денег от старшин Рутула и получили бы от них таковые непременно».

ЦГИА РГ. Ф.1452: Коллекция персидских документов. Д. 21. Л. 1. Сатавов Н.А. Указ. соч. С. 155–156.

В другом указе на имя того же Беки-Бека и рутульских старшин сообщалось, что они могут «оставить для себя из следующего с них 200 харваров провианта 20 харваров (харвар – 25 пудов), взамен тех баранов, которые переданы ими саркару нашему (саркар – прислуга) и 10 харваров передать в дом Сурхай-хана и остальные 170 харваров поручить под квитанцию Г-ну Султан-Али-Беку Ахтынскому».

Там же. Д. 22. Л. 1; С. 156.

В связи с передвижением своих войск Надир-шах писал рутульскому правителю Беки-Беку: «Повещеваем Вас, что войско наше через 2 дня будет расположено для дневки между магалами: Кюринским и Табасаранским, куда вытребован Г-н Султан Али-бек. Доставите непременно к его лагерю баранов, приготовленных Вами в настоящее время для нас... Настоящую волю нашу исполните непременно».

Там же. Ф.1453: Коллекция турецких документов. Д. 23. Л. 1; С. 156.

Жестокость завоевателей не знала предела. Воины шаха врывались в дома беззащитных горцев, отбирали последние пожитки. Каллушкин доносил: «А от персидского войска жителям такие наглые

обида и нахальства чинятца, что и описать трудно, ибо последнее у них пограбили... В войске шаховом такое воровство завелось, что явно в дома входят и что под руки попадается нагло отнимают».

АВПР. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп.77/1. 1741. Д. 4. Л. 349; Сатавов Н.А. Указ. соч. С. 156.

Со всех концов Дагестана поступали сведения о неповиновении иранской неволе, отказе выполнять шахские приказы... Когда шах обратился в Унцукуль с предложением прислать к нему на службу за плату 300 воинов, ему ответили: «Не только 300 человек, но и одного человека не дадим, и когда помрем тогда будем твоим».

Там же. Л. 305; С. 156.

Надир-шах стремился склонить Аварию к нейтралитету или к союзу против России. Но не имел успеха. В начале сентября 1741 г. костековский владетель Алиш Хамзин доносил, что шах направил послов в «Авары в такой силе чтоб мирной трактат заключить, и потом следовать бы на противников нашей веры гауров, то есть на Россию, которые не скажились и ответ писали: те де нам не противники веры которые нас не разорят, те противны которые нас разорят ибо тавлинцы весьма возымели осторожность».

Там же. Л. 414 об; С. 157.

12 сентября 1741 г. Надир-шах начал поход в Аварию, но с первых же шагов встретил упорное сопротивление. В донесении от 16 сентября Каллушкин подчеркнул, что «аварский де Усмей (нуцал Магомед-хан – Н.С.), к которому и прочие де люди сообщились крепко вооружился и вход в свою землю препятствует, уже персиянам от него нарочитой урон приключен».

Там же. Л. 315; С. 158.

Надир-шах был разгромлен в Аварии. Под влиянием одержанных побед находившийся в плену уцмий Ахмед-хан тайно готовился к борьбе «с враждебным расположением сердца и жаждою мщения». Дагестанские аулы один за одним поднимали восстание. Вернувшийся «из разведки с гор» в конце сентября Солтан Имамвердиев доложил в Кизляр: «Усмей от шаха отложился также и прочия владения... У шаха в подданстве остались токмо три деревни: Тарки, Казаньш да Кара-Будаки».

Уцмий не только отложился от шаха, а принял скрытое участие в разгроме отступающей иранской армии. Прибывший от Калушкина в Кизляр Муртузали Картов сообщил, что сопровождавший по заданию шаха 30-тысячный корпус в Дербент уцмий тайно предупредил своих сторонников, которые по его сигналу в урочище Капчугай, «напав на то войско всех побили, токмо ушло в Дербент человек со ста и то нагие».

Там же. Л. 325, 326; С. 165.

В ноябре 1741 г. с остатками разбитой армии шах вернулся в Дербент. Только при отступлении из гор шах потерял убитыми, ранеными и пленными 11345 человек. По данным Калушкина из более чем 100-тысячной армии шаха боеспособных воинов осталось 25-27 тыс. человек. Кроме того, противник потерял более 33000 лошадей и вьючных животных, 79 пушек, большую часть боеприпасов и холодного оружия.

Там же. 354; С. 166.

По мнению Калушкина, воочию наблюдавшего андалалское сражение, общие потери иранских войск за время похода в Аварию составили около 40 тысяч человек. Он пришел к выводу, что «нигде не слышано потери стольких людей, богатств и оружия».

Там же. Л. 314; С. 166.

30 ноября 1741 г. Калушкин писал: «Шах персицкой поныне стоит в 15-ти верстах от Дербента лагерем претерпеваая крайнюю во всем нужду, от которой непрестанно в войске его много помирает... больных ныне при нем всего тысяч с двадцать и в такое мнение у дагестанцев пришед, что они его не боятся ибо в версте от лагеря лежащую лезгинскую деревню сокрушить не может». Через день 1 декабря, он снова доносил: «Шах еще на том же месте о котором в другой моей реляции помянуто, стоит т.е. в ретрашементе без всяких действий, только что напрасно войско морит голодом и холодом».

Там же. Л. 20 с об., 21 об., С. 168.

Уйдя из Аварии, Надир-шах возвел недалеко от Дербента в кадиевском владении укрепленный лагерь, получивший позже название «Иран хараб» («Гибель, разорение Ирана»). Здесь завоеватели постоянно подвергались нападению горцев. 8 октября Калушкин доносил:

«...табасаранцы стоявшего от Дербента в пятнадцати верстах персицкого командира Рустанбека, при котором было восемь тысяч войска, из транжамента вон выбили так, что он едва из рук тех горских людей вырвался и в крайней торопливости с нарочитым уроном за реку уйти мог».

Там же. Л. 349 об.; С. 169.

Надир-шах уговаривал горцев прекратить борьбу с ним, обещал переселить их в Кубинскую провинцию и различные привилегии. Но он не смог привлечь горцев на свою сторону. Калушкин предупредил Петербург, что «те чинимые его величеством (шахом – Н.С.) приласкания никоим образом действительны быть не могут, чтоб лезгинцы такими пустыми баснями себя к переселению в персицкие места усыпить допустили».

Там же. Л. 390-об.–391; С. 170.

Действительно, как и предсказывал Калушкин, в ответ на предложение шаха уцмий Ахмед-хан прислал письмо «в осмеятельных терминах: Что ~~вот~~ шах его Усмея докучно к себе призывает, токмо он как древними своими летами, так и белезною принужден от того извиниться... и заключает с поносительными словами: что его величество в самой подлости произошел так, что ни малого в нем знака, согласующего с обыкновением природных монархов не находится и потому отдает на волю шаха, пускай что хочет против его предпримет, а он к своей обороне достаточные меры употребит».

Там же. Л. 392; С. 170.

Владетели и старшины Дагестана отказались поддержать шаха. Дагестанцы постоянно нападали на завоевателей. В январе 1742 г. горцы отбили провиант, доставляемый шахским войскам шамхалом Хасбулатом, а затем напали на шахский лагерь, «отчего его величество, – доносил Калушкин, – ужасно трепетал».

Там же. Л. 392; С. 171.

От самого шамхала Хасбулата отложились многие подданные, недовольные его покорностью шаху, угрожая за это открытой расправой. Перепуганный шамхал обратился к шаху с просьбой прислать подкрепление в Тарки или разрешить ему переселиться с семьей в персидский лагерь. В своем обращении к шаху он подчеркивал, что

«лезгинцы учинили между собой клятвенное обещание, а Усмей со всем горским собранием, которое в немалом состоянии исчисляется, совет положили: что они лезгинцы на восстановление с шахом примирения могут склониться только издалека, и для того надобно его величеству из границ (Дагестана – Н.С.) выезжать в Ширванскую сторону или на Муганскую степь, а здесь в Дагестане оставил бы в аманаты знатного хана, навяще одного из племянников».

Там же. Л. 104; С. 171.

В феврале 1742 г. шах снова попытался расколоть силы дагестанцев, достигнуть соглашения с наиболее податливыми на угрозу и «ласки» владетелями и старшинами, прибегая нередко к прямому обману. Подтверждение тому – официальные заверения шаха о том, что он крепко сдружился с Портой, которая шлет ему войска на помощь, и по согласованию с ней назначил Сурхая «начальником всего Ширвана и Дагестана и в Дербенте жить оставил, дав ему и другим начальным людям многие вольности». Однако по поступившим из Стамбула сведениям выяснилось, что «все хитрости и смятения происходит от самого шаха для успения в его намерениях... получения себе в руки двух сыновей Сурхай хана... дабы поверили вышереченные Сурхаевы дети и из гор вышед, в руки войск его попали».

АВПР. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1742. Д. 5. Ч. 2. Л. 546; Д. 4. Ч. 2. Л. 335; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 171–172.

За разгром шахских войск в Аварии из Стамбула в Дагестан поступили для вручения особо отличившимся владетелям различные награды. Узнав об этом шах возобновил неудачные попытки привлечь на свою сторону владетелей и старшин Дагестана. 18 февраля 1742 г. Калушкин доносил: «Между тем не перестает (шах – Н.С.) всякие вымышляемые к ласканию горских владельцев Усмея, меньшева Сурхаева сына и начальных аварских и иных деревень старшин средства употреблять которыми как видно не может намеренное свое желание достигнуть, ибо лезгинцы (дагестанцы – Н.С.)... до последней капли крови крепко за себя стоять общим согласием связаны, и сверх того клятвою к дружной обороне себя утвердили, к чему и шемхала привлекать не оставляют».

Там же. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1742. Д. 4. Л. 130; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 172–173.

В условиях нового подъема освободительной борьбы народов Дагестана положение оккупационной армии продолжало ухудшаться. В конце 1741 – начале 1742 г. Калушкин неоднократно доносил, что шахское войско претерпевает «крайнюю во всем нужду... в версте от лагеря лежащую деревню он сокрушить не может», «у него (шаха – Н.С.) с лезгинцами рязвязалось тяжелое дело... от которого Персия стонать не перестает». Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и в его окрестностях, в том числе в шахском лагере, который стали называть «Иран хараб» («гибель, разорение Ирана»). Калушкин отмечал: «В лагере шаховой такой недостаток имеется, что все генеральной голод претерпевают, не меньше того и здесь в Дербенте в пищи крайне оскудение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, также и дорога отсюда до Шемахи онными устлана, между которыми и большая часть раненых, может быть те, которых шах от слабости за увечием ран оставил и отпустил к дому».

Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 173–174.

Чем больше ослабевала шахская власть, владетели и старшины Дагестана более активнее добивались покровительства России. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения самих горцев в Кизляр и донесения российских представителей при шахе И.И. Калушкина и В.В. Братищева. Так, обращаясь к кизлярскому коменданту Я.В. Засецкому 17 января 1742 г., анцухский старшина Галега подчеркивал, что шах предложил жителям аула вступить в персидское подданство, обещая денежную казну, на что они ответили: «Мы тебя гударем не почитаем и казны от тебя не берем», а присланное войско разбило и обратило в бегство. «И впредь имеем намерение с ним братца, ежели сам не отступит, пока наша мочь будет, и померем в чем твердились мы все присягою, и ежели вы нас любите и хочите видеть государя в подданстве, – внушал Галега полковнику Засецкому, – то известием просим к нам прислать человека, также просим сделать милость приказать нашим людям купить свинцу».

АВПР. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1742. Д. 10. Л. 11 с об.; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 174.

Астраханская губернская канцелярия сообщила в Петербург, что шах обратился с таким же предложением к акушинскому кадию, предлагая акушинцам выступить вместе против России. Но кадий

предупредил акушинских старшин, что «шах хочет идти на русских и подговаривает с собою их, на что де по совету тех старшин писал он (кадий – Н.С.) и шаху в такой силе: ежели он пойдет на русских, то они совокупясь с русскими, пойдут на него, а ежели на них, то русские с ними потому ж пойдут».

Там же. Л. 22; С. 174.

В марте 1742 г. шах отправил повторно в горы Эльдара с письмом следующего содержания: «Мы де одной с вами веры и для того бы с ним шахом они помирились и он де шах их будет жаловать, токмо б дали ему войска десять тысяч, с которым он пойдет на гяуров». Но горцы не приняли это предложение и велели Эльдару «объявить шаху, что они жалованье его не требуют и войска не дают так же и мириться с ним, ежели с того места (Дагестана – Н.С.) не отступить в свою область, не станут».

Там же. Л. 46; С. 174–175.

Из поездки в горы Эльдар вернулся безрезультатно, едва избежав расправы со стороны возмущенных горцев. Мало того, прибывшие в Губден горские старшины обратились к шамхалу Хасбулату с требованием, чтобы «он шаха возвратил в свою область каким-нибудь возможным способом, а ежели не возвратит и в согласии с ним будет, а им будет от турка или от России помощное войско, тогда он шамхал от них и под камнем скрытца не может».

Там же. Л. 46; С. 175.

Весной 1742 г., объединившись с кайтагами, акушинцами и кумыками, уцмий Ахмед-хан активизировал военные действия против иранцев. В марте прибывшие из Кизляра в Дербент Алиш Киялкаев, Батгал Чамаматов и Чубар Абакаров сообщили, что «акушинцев, тавлинцев и умыков собралось под командой уцмий тысяч с семь к тому день от дня горские тавлинцы на помощь к нему идут и хотят с шахом поступать войною».

Там же. Л. 62; С. 175.

В конце марта с немалыми силами шах попытался привести в покорность уцмий и его сторонников, но был отбит со значительными потерями. Разгневанный шах заявил, что не вернется в Персию, пока не приведет в покорность уцмий Ахмед-хана, а сам обратился к вой-

скам с воззванием: «Кто того Усмея живого приведет или голову привезет, обещает за то дать тысяч рублей денег».

Там же. Л. 62 с об.; С. 175.

В начале мая 1742 г. возвратившиеся из «разведывания» Муртузали Картов и Алиш Султанов доложили, что из Муганской степи в направлении шахского лагеря движется 40-тысячное войско узбеков и из иранцев, а из Хорасана выступила 12-тысячный отряд афшаров, но шах к тому времени потерпел поражение от горцев и отступил в «Иран хараб». В ярости он обрушился на жителей Предгорья (Казанище, Карабудахкент, Эрпели, Губден, Параул, других аулов), приказав Хасбулату переселить их с семьями к морю, а на их место заселить вновь прибывающих своих воинов. По этой причине, утверждали очевидцы, «оныи жители ныне весьма все находятся в сомнении и говорят, ежели б де нас все милостивейшая государыня приняла в подданство к себе, то б де мы все готовы перейти на ту сторону Койсы и Сулаку для поселения на житье».

Там же. Л. 84 об.; С. 176.

Чтобы удержать шамхала от переселения своих подданных к морю, акушинцы и кумыки выступили с угрозой, что поступят с ним, «яко с неприятелем», разорят его резиденцию, как только шах отступит от Дербента. «И видимо он (шамхал – Н.С.) от шаха затем и отстать не хочет, – убеждал кизлярского коменданта костекровский князь Алиш Хамзаин, – а те тавлинцы и прочие горские, а наипаче тарковские жители желают, ежели хотя б мало от стороны российской помощи им дано будет, то все желают быть с российской стороны».

Там же. Л. 100; С. 176.

Братищев извещал правительство: «Все горские люди нетерпеливо желают с Российской стороны наступления на шаха, при котором случае, пришед в наивысшее ободрение и надежду, последний камень из всей Дагестании против персиян подвигнуть готовы, как о том заявили в Кизляре Унцукульские и другие старшины и присланный от Усмиева зятя Ахмед-хана нарочный».

Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 177. Ссылается. Юдин А.П. Россия и Персия в конце 1742 г. С. 383.

По одним из имеющихся сведений, воспользовавшись экспедицией шаха в Засулакскую область, шамхал Хасбулат бежал от него и в письме к кабардинскому князю Гази-беку Черкасскому так мотивировал свой поступок: следует шаха «впредь не бояться, понеже он последователям своим уже не доверяет и разъезжает с некоторыми только наивернейшими людьми. Дагестанское войско все шаховы пути заперло... отважнейшие из дагестанцев отбили шаховой армии столько лошадей и мулов продают их между себя по два и по три левка... Слышно, что шах в великом беспокойстве, и ежели найдет проезд, то назад (из Борагана — Н.С.) возвратится».

АВПР. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1742. Д. 6. Ч. 1. Л. 162–164; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 180–181.

Однажды Сурхай, прощупывая настроение сына Магомед-хана, задался вопросом: не собирается ли он прекратить борьбу против иранцев? В ответ оскорбленный сын, обнажив кинжал, пригрозил отцу, что «единое напоминание» об этом «старости его вредит» (может — Н.С.), а затем категорически заявил, что «никогда шаху послушание принести мысли не имеет».

АВПР. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1742. Д. 5. Ч. 1. Л. 299–300; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 187.

Командующий Царицынской линией генерал-майор А.И. Тараканов 30 декабря 1743 г. доносил в Петербург, что «горския едва не все владельцы и правители... все согласно ко отпору шахову готовности и о принятии их в высочайшее Е.И.В.-подданство... просят».

Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 190.

В конце 1744 — начале 1745 г. по Дагестану прокатилась новая волна антииранских выступлений. Восставшие наносили одно поражение за другим размещенным в Дагестане шахским гарнизонам и подступившим к Дербенту войскам Гани-хана. Это восстание «представляло собой высшую точку развития освободительного движения на севере Азербайджана и в Дагестане, так как... наносило удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха в этих странах — по дербентскому гарнизону».

История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 328. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 191.

Обеспокоенный антииранскими выступлениями Надир выступил из Барды и с 30-тысячным войском к концу декабря 1744 г. подошел к Дербенту. 6 января 1745 г. со значительными силами он выступил из Дербента. В течение нескольких дней аулы Карабудахкент, Губден, Отемыш и Буйнак были разрушены, их жители уничтожены или репрессированы, а 100 тыс. голов скота доставлено в иранский лагерь, чему «шах персидский стал очень рад». Окрыленный этим успехом шах задумал повторить экспедицию на Сулак, Табасаран, Куру и Кайтаг, «чтобы разорить все, что только было возможно и что уцелело от предшествующих его походов». Но, как и следовало ожидать, в обстановке подъема освободительной борьбы и дальнейшего сближения Дагестана с Россией, эти попытки были обречены на провал.

РГВИА. Ф. 20: Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 272. Л. 27–293; Комаров В.А. Материалы по истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 13. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 191–193.

Шах пытался продлить свое пребывание в Дагестане путем укрепления Дербента, куда он перенес ставку в январе 1745 г., но фактически вынужден был признать банкротство своей политики и возрастающее влияние политики Петербурга. Обращаясь однажды к захваченным в плен горским старшинам, он заявил: «Бездельники вы, когда я к вам в Дагестанию прибуду, тогда вы мне верными себя показываете, почитаете меня хуже бабы, разве вы не видите андреевцев и аксаевцев, что живут они у российской Государыни в подданстве, однако верности своей не нарушают и почитают ее, а вам разве кроме моего владения разорить некого, а ежели жилище разорять а оттого себе добычи и славу получать, то пойдите де на мое место и разорайте... Кабарду и Калмыки (подданных России — Н.С.).

РГВИА. Ф. 20: Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 73–74. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 193.

В марте 1745 г., не добившись своих целей и на этот раз, потеряв большую часть вновь укомплектованной армии, Надир-шах отступил в глубь Ирана, надеясь взять реванш в продолжении войны с Османской империей. В августе 1746 г. османские войска потерпели поражение. 4 сентября 1746 г. был заключен мирный договор, признававший формально независимость Северо-Восточного Кавказа от договаривающихся сторон. Но договор допускал на деле немало возможно-

стей для вмешательства их во внутреннюю жизнь народов региона. В IV пункте трактата оговаривалось, что «народ лезгинской (дагестанцы – Б.А.) и другие находящиеся в тех краях вольными имеют остаться... в их правление и дела не вступаться, а буде против Блистательной Порты или против персидского государства какое их неприятельское намерение откроется, то по сношению обеих сторон вольно по вине их наказать».

АВПР. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1746. Д. 9. Л. 29 с об. Сотагов Н.А. Указ. соч. С. 195.

Но Надир-шах не отказался от притязаний на кавказские земли, особенно Дагестан, даже тогда, когда его империя оказалась на грани распада. Более того, по сообщению осведомителей из Дербента и Эндери, в апреле 1746 г. шах вызвал в Исфаган шамхала Эльдара, подверг его пыткам, и, когда тот пришел в себя, приказал с 30-тысячным войском идти в Дагестан, разорить всех дагестанских владетелей, арестовать и отправить под конвоем к нему Хасбулата или его «кубить и голову прислать». Выразивший сомнение в возможности выполнить этот приказ Эльдар снова был закован в цепи и брошен в темницу. «Я де зарекался в Дагестан ходить, – заявил шах перепуганному Эльдару через трое суток, – а ныне де... сего мая неотменно буду в Дагестанию и везде дагестанских жителей в конец разорю и дома их сожгу».

ЦГА РД. Ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп. 1. Д. 112. Л. 6 об., 7, 13 об., 19 об.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 80. Сотагов Н.А. Указ. соч. С. 196.

Донесения русского резидента при иранском дворе И.И. Калущкина о борьбе горцев с Надир-шахом и положении последнего после разгрома в Аварии

5 декабря И.И. Калущкин доносил «О неудаче персидского шаха против лезгинов (дагестанцев – Б.В.) и о бесполезных его предприятиях в наборе войска».

Архив князя Воронцова. Книга первая. М., 1870. С. 98. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 323.

20 декабря И.И. Калущкин донес, что «шах стоит между Дербентом и усмиевским владением, без всяких действий».

Там же. С. 157; 323.

26 декабря И.И. Калущкин писал, что «персидский шах от лезгинцев (дагестанцев – Б.А.) много потерял силы, был многократно от них разбит, и что у него не более остается войска, как двенадцать тысяч, и стоит от Дербента в пятнадцати верстах».

Там же. С. 166; 323.

В декабре (дата неизвестна) И.И. Калущкин доносил, что «персидский шах стоит в прежнем своем месте близ Дербента без действия и невероятно, чтобы он на вторичный набег на лезгинцев (дагестанцев – Б.А.) покусился, а разве по наборе нового войска, о чем указы за указом посылает...».

Там же.

Русский резидент И.И. Калущкина о положении шахских войск зимой 1741-1742 гг.

Лагерь находился по-прежнему около Дербента, и множество персидского войска помирало от стужи и голода, не говоря уже об истребительных битвах с лезгинцами (дагестанцами – Б.А.), которые в последней битве едва не захватили в плен самого шаха. Калущкин по-прежнему не пророчил Надиру ничего доброго, кроме окончательного разорения Персии от безумного дагестанского похода, в продолжении которого шах упорствует.

См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М.: Мысль, 1993. Кн. XI. Т. 21. С. 191.

П.Г. Бутков о борьбе дагестанцев против Надир-шаха. О лагере «Иран-хараб»

После поражения в Аварии Надир-шах расположился вблизи Дербента. П.Г. Бутков писал, что этот лагерь «и теперь существует и называется Иран-хараб, т.е. гибель или разорение Персии, потому что, когда Надир имел здесь, в сем тесном ущелье, свой лагерь, то для войска его с чрезвычайным затруднением доставляемо было продовольствие из внутренней Персии. Но лезгины (дагестанцы – Б.А.) и

сюда производили всегдашние напуски и из-под прикрытия камыша грабили, пленили и убивали проезжающих».

Бутков П.Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.* СПб., 1869. Ч. 1. С. 213.

□ □ □

В августе 1742 г. «шах отправил для нападения на владение аварского хана малые Авары 6 тыс. человек, которые, как туда ущельем и лесом пробирались, то зашедшими туда благовременно и между деревьев и камней, кроющимися лезгинами (дагестанцами – Б.А.) с обеих сторон встречены были ружейными выстрелами, и с немалым уроном принуждены были отступить. За то шах из войска тут бывшего приказал удавить одного тысячника и четырех сотников».

Там же. С. 215.

□ □ □

Описывая борьбу дагестанских народов против Надир-шаха, «Санкт-Петербургские ведомости» № 22, 1743 г. писали: «Шах персидский, уже через полтора года в Дагестании, но никакой удачи в том не получа, с претерпенным токмо при сей экспедиции, как из войска своего знатным уроном, так и с великими убытками иждивения, и крайними при том изневагами и трудностями из оной дагестанской земли со всем при нем оставшимся войском возвратился в Персию».

Там же. С. 384.

□ □ □

«...победитель Великого Могола не мог ничего сделать лезгинцам (дагестанцам – Б.А.) и с радостью должен был схватиться за предлог окончить тяжкую и бесславную борьбу, начавши новую войну (против Османской империи – Б.А.), более легкую и выгодную».

Соловьев С.М. *История России с древнейших времен // Соч. М.: Мысль, 1993. Кн. XI. Т. 22. С. 373.*

□ □ □

Поход Надир-шаха в горный Дагестан окончился полной неудачей, и в октябре (1742 г. – Б.А.) он расположился лагерем при дер. Башлы, к северу от Дербента, куда из последнего был перевезен его гарем и

доставлены его сокровища. В ноябре он сделал нападение на уцмиева деревни в верховьях Дарваха.

Козубский Е.И. *История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.*

□ □ □

Рассказ о том, как каджарский шах Таймаз-хан побывал в Аргуани

Каджарский шах Таймаз-хан¹, как говорят, тайно прибыл в Дагестан переодетым в нищего. Придя в аул Аргуани, он остановился возле каменщиков, возводивших стены, и долго смотрел на них. Когда они ушли обедать, шах, глядя на золотой поднос, на котором они таскали камень и глину, сказал:

«Где же им знать, что я Таймаз-хан и что ты из золота?»

Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 209. Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М.; 1962. С. 115.

¹ Так в дагестанских фольклорных произведениях называют Надир-шаха.

□ □ □

Решающее сражение объединенных войск дагестанцев и Надир-шаха описано в лакском эпосе так:

«Громом огласились горные долины, казалось, небо валится на землю. То не гром гремел, извергая ливень, а герои-горцы метали пули на вражескую рать, обрушиваясь на них свинцом. Крепко прижав длинные пики, мчась на быстроногих скакунах, развевая на ветру андийские бурки, как орлы двинулись на врага отряды горцев. Цудахарский кремень сыпал огненные искры, как огонь лился на врага горячий свинец. От грохота глохли уши, от яркого пламени ослеплялись глаза, как будто ад извергал огненное пламя. Разгоралась кровавая битва, как будто небо сражалось с землей».

Гаджиев В.Г. *Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 168. Ссылается на: Назаревич А.Ф. Героический эпос горцев и его влияние на дальнейшее развитие литературы народов Дагестана.*

□ □ □

Сказание о сражении под Турчидагом

В лакских районах распространено такое предание о битве с Надир-шахом в местности Турчидаг и в Андалалах.

Сражение началось с нападения на табуны иранской кавалерии. Нападение было совершено ночью, стремительно и бесшумно. Сперва была перебита охрана табунов, а потом горцы угнали большое количество иранских лошадей в лагерь лакского предводителя Муртазали.

Часть лошадей убежала в лагерь Надир-шаха, но там особого смятения не произошло, — каджары решили, что лошади испугались какого-то зверя.

Утром каджары узнали о судьбе своих лошадей и, обозленные, стали готовиться к сражению с горцами, но и горские отряды с восходом солнца уже приблизились к расположению врага.

Надир-шах, стоявший на утесе, наблюдал за движением горцев и обратился к пленному Сурхай-хану кумухскому о вопросе: «Скажи, Сурхай, кто это на белом коне и что за отряды?» Сурхай ответил, что тот, кто на белом коне — это его сын Муртазали, а эти отряды состоят из людей, «решивших победить или умереть».

Завязался бой в андалалской долине. Горцы с кинжалами и шашками смело бросались на каджаров. Местность, на которой происходила битва, покрылась трупами врага, стоны раненых смешались со звоном стали. Муртазали увлекал всех личным примером и смело врезался в ряды врага. С отвагой и храбростью бился его друг Чупалав. Удивил предводителя Муртазали своей храбростью и мужеством и один из даргинских воинов, сражавшихся в лакском отряде. Предание говорит, что Муртазали в разгар битвы горячо расцеловал юношу.

Надир-шах воскликнул: «Что это за мыши лезут на моих воинов?»

«Подлый шиит! Разгляди хорошенько своих куропаток и моих орлов, твоих голубей и моих соколов», — сказал в ответ Муртазали.

Надир-шах бросал в бой все новые силы, а горцы противопоставили численному превосходству каджаров только свою стойкость и мужество.

Но весть о тяжелом положении горских воинов уже дошла до ближайших аулов. Женщины Чоха, Согратля, Меге, Турчи, Ури, Мукари, вооруженные чем попало, бросились на помощь мужьям, братьям и отцам, и сражение разгорелось с новой силой.

К вечеру сражение стихло. Женщины переоделись ночью в муж-

ские одежды, а мужчины в женские, потому что горцы заметили, что каджары больше всего рвались туда, где были женщины, — с ними им было легче сражаться. Утром, когда сражение разгорелось снова, каджары, полагая, что они имеют дело с женщинами, врезались в мужские ряды и просчитались — горцы рубили каджаров без пощады. К тому времени один из конных отрядов горцев зашел и в тыл Надир-шаха и целиком уничтожил его охрану — последнюю боевую опору шаха. Говорят, что когда до него дошла весть о разгроме этого отряда, он совсем обезумел, поднял руки к небу и стал умолять аллаха выручить его из беды, а потом позвал индийского факира-прорицателя и приказал угадать ему его судьбу. Но прорицатель только молча сидел на камне и смотрел на поляну, покрытую трупами каджаров, ибо судьба Надира была перед его глазами.

Так горцы победили непобедимого Надир-шаха. Остатки каджарских войск побежали в сторону Кази-Кумуха, отряды горцев преследовали их и за границей Андалала.

Это предание записал Р.М. Магомедов в Лакском районе. Оно существует и в форме исторической песни.

Магомедов Р.М. Легенды и факты (Из записных книжек историка). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 39–41.

□ □ □

Другое предание, записанное Р.М. Магомедовым в Согратле.

В Согратле рассказывают, что Надир-шах перед тем, как спуститься с Чолда-меэра в Андалалскую долину, послал к согратлинскому кадию гонца с мешочком пшена. Этим самым шах давал знать, что у него столько воинов, сколько тут пшена. Не лучше ли покориться без сопротивления? Согратлинцы ответили шаху так: «Возвращаем мешок с пшеном и в придачу посылаем общипанного петуха. Сам пойми».

Высокомерный Надир-шах не внял предупреждению горцев, пошел войною против них и погубил все свое войско.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 172–173.

□ □ □

В других преданиях, собранных и изданных Р.М. Магомедовым, говорится:

Надир-шах, дойдя до Хициба – полей на правом берегу Согратлинской речки, начал наступление на Андалальские земли через Турчидагский перевал. Одновременно он послал гонца к согратлинцам меркой пшена. Это должно было означать, что войско Надир-шаха столь же многочисленно, сколько зерна в мерке, и сопротивление ему бесполезно.

Согратлинцы вернули ему мерку с зерном, передав в придачу обшипанного, голодного петуха, который на глазах опешившего «покопителя вселенной» быстро склевал все пшено. Это должно было означать: как голодный петух склевал пшено, так и дагестанцы истребят многочисленное войско иранцев.

Вместе с пшеном Надир-шах послал согратлинцам пространный фирман, в котором угрожал им и предлагал сдаться, предупреждая, что сопротивление будет для них равносильно катастрофическому поражению.

Согратлинцы не стали писать длинного ответа, а послали Надиру лишь короткую записку со словами «Ин ва ин» (буквально: «Если..., а если...»). Ни сам Надир, ни его придворные долго не могли понять послания согратлинцев, пока один из наиболее ученых иранцев не сообразил, что это намек на известную цитату из Корана, смысл которой таков: если люди идут по правильному пути – бог на их стороне, а если нет – то им следует винить лишь самих себя.

После этого стало ясно, что сражение неминуемо.

По обычаям времени, битва началась **поединком**. Иранцы выставили своего самого сильного воина. Навстречу ему вышел один из согратлинцев по имени Магомед Гази. Самоуверенный иранец прокричал в его адрес: «Если у тебя есть жена и дети, то жена твоя останется вдовой, а дети – сиротами!» Согратлинец бросился на противника, одолел его и кинул в речку.

После этого враждующие стороны столкнулись на поляне Хициба. В сражении, кроме согратлинцев, во главе которых стоял Магомед-кади, приняли участие представители едва ли не всех дагестанских земель, затронутых нашествием Надира. Предание называет чоццев, ополченцев из Хунзаха, остатки отряда Муртузали Кумухского. Бой был упорным и ожесточенным, дагестанское войско сражалось из последних сил. В самый критический момент битвы на помощь дагестанцам со всех сторон, из всех окружающих аулов и хуторов двинулись женщины, переодетые в мужскую одежду и вооруженные чем попало. Их вмешательство и решило исход боя: иранцы начали отсту-

пать. Дагестанцы преследовали их до окрестностей Мегеба, где поражение войск Надир-шаха стало очевидным.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкигоиздат, 1977. Вып. I. С. 38–39.*

□ □ □

Р.М. Магомедов собрал предания о сражении дагестанцев в Андалале и в сел. Мегеб.

Он пишет: О нашествии Надир-шаха сохранились и достоверные предания, которые отличают убедительные детали и подробности. В основном эти предания совпадают с записанными в Согратле, отличаюсь лишь некоторыми дополнениями и вариантами, из которых наиболее интересные мы приведем здесь.

Надир, идя от Кумуха, устроил ставку на вершине горы Чалдамеэр. В Согратле находился тогда глава андалальцев – согратлинский кади Дибир-Муса. Сюда постепенно собирались воины со всего Дагестана; здесь было принято решение о генеральном сражении. Полем сражения должна была стать местность Хициб, отделявшаяся от старого Согратля (ныне развалины) лишь речкой и представляющая собой ее террасу, наклонную, впоследствии возделанную земледельцами, ограниченную рекой и довольно крутыми склонами горного отрога. Ни сам Хициб, ни тем более прилегающая к нему местность не позволяли применять ни кавалерию, ни многочисленную пехоту: рельеф поневоле должен был разбить сражающихся на небольшие группы, лишив тем самым противника преимущества маневра крупными силами и сделав решающим фактором личную инициативу воина, его личную храбрость и индивидуальную военную подготовленность, т.е. все то, в чем дагестанцы превосходили иранцев.

Любопытно отметить, что накануне решающего сражения горцы мелкими стычками завлекали наступающие иранские войска к Хицибу – месту генерального сражения. Однако шах заподозрил какую-то ловушку, приостановил наступление и начал переговоры, истинной целью которых был не мир, а выяснение положения и намерений горцев. На переговоры с иранцами отправилась немногочисленная, но представительная группа горцев, во главе которых был один из военных руководителей. Вся группа вероломно была убита захватчиками. Когда известие об этом дошло до Согратля, кади сказал: «Теперь между нами не может быть мира. Пока рассудок наш не помутится, будем воевать и уничтожим вторгшегося врага!»

Описания сражений в мегебских и согратлинских преданиях совпадают.

После того как иранцы на Хицибском поле дрогнули и начали отступать, оказалось, что дорога, по которой они пришли, отрезана подкреплением из Хунзаха, а перевал занят лакцами из Ури и Магар-аула. Отступающие поняли, что они окружены. Недалеко от Мегеба, в местности Магева-Кана-хури произошло финальное сражение, решившее окончание битвы. Следует отметить, что в этой местности до последнего времени часто попадаются человеческие кости, окислившиеся обломки железа и наконечники копий.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагки-гоиздат, 1977. С. 40–41.*

□ □ □

В Чохе бытуют некоторые варианты предания о битве с Надир-шахом, упоминаемым в тамошних преданиях под красноречивым прозвищем «Зулму-хан» (хан-угнетатель).

Так, когда Надир наблюдал за ходом боя, его внимание привлек среди противников всадник на беспокойном коне, сражавшийся, как лев. «Кто это?» – спросил Надир у Сурхая Казикумухского, бывшего при нем в роли отчасти вассала, отчасти военнопленного. «Это мой сын Муртазали», – ответил Сурхай. «Если бы он был моим сыном, я бы согласился отдать за него половину войска», – **сказал** Надир-шах.

Битва была настолько ожесточенной, что по окончании ее поле сражения («Харбиян-хабуне») было усеяно трупами каджаров и обильно орошено их кровью. Место это стало столь нечистым, что несколько лет над ним даже дождь не шел.

Магомедов Р.М. *Указ. соч. С. 34.*

□ □ □

По одному из вариантов предания, записанного нами в Гунибском районе, во время похода войск Надир-шаха во главе согратлинского джамаата стоял Мааркич Чупалав. Он выступил перед согратлинцами с призывом подняться на борьбу против завоевателей. При приближении неприятеля все мужчины вышли навстречу, в селении остались одни женщины. Они переоделись в мужскую одежду и пошли по дороге, которую издалека мог видеть Надир-шах, чтобы тот подумал, будто это из других сел идет подмога согратлинцам.

На помощь согратлинцам на самом деле пришли ополченцы из Хунзаха, Каралала и других мест. Дело в том, что Надир-шах, идя в Согратль, взял с собой находившегося у него в плену Сурхай-хана Казикумухского, сын которого Муртузали и вызвал на помощь хунзахцев.

Надир-шах приказал, чтобы каждый воин взял с собой в обувь земли. Придя в Согратль, воины Надира высыпали землю в одном месте – образовалась целая гора. Когда же после боя войска Надира уходила и каждый оставшийся в живых воин забрал принесенную им землю, в горе образовалась только небольшая выемка – так много завоевателей было убито в этом андалальском сражении.

□ □ □

В битве с войсками Надир-шаха принимали участие и жители Каралальского союза сельских общин. В одной из песен аварцев упоминается имя гочобского жителя, храбреца по имени Амир, который участвовал в сражении с войсками Надир-шаха.

□ □ □

Войска Надир-шаха доходили и до багулалов и чамалалов. В одном из преданий говорится, что войска Надир-шаха пришли и в селение Кванада. Сражение с завоевателями местного населения произошло в лесу, в местности Ачала, в четырех километрах от селения.

В этом сражении участвовали и жители других багулальских сел. В первом сражении багулалы победили войска Надир-шаха. Через год завоеватели пришли повторно в Багулал. Багулалы проиграли им на этот раз. Убив многих жителей, забрав зерно и скот, завоеватели ушли в другие села.

□ □ □

В одной из легенд, записанных и изданных Р.М. Магомедовым, говорится о взаимоотношениях между иранским шахом и аварским ханом. В ней сказано, что шах якобы пожелал, чтобы аварский хан прислал ему коня, который был бы ни вороной, ни белый, ни гнедой, ни серый, ни... (далее перечисляется все мыслимые лошадиные масти). Нуцал ответил, что готов исполнить это желание, но пусть посланцы шаха явятся за таким конем ни в понедельник, ни во вторник, ни... (далее перечисляются все дни недели).

В этой легенде, — пишет Р.М. Магомедов, — нашел свое отражение бытующий у многих народов сказочный сюжет, и нет даже следа действительного исторического факта. Но, на наш взгляд, поспешно было бы делать вывод, что легенда вовсе лишена всякого исторического значения: суть политических взаимоотношений с шахом, его нереальные претензии и самостоятельная политическая позиция феодальных государств Дагестана схвачены народом очень точно. Это один из примеров того, как просто и точно народ дает оценку, казалось бы, самым сложным историческим явлениям.

Магомедов Р.М. *По аулам Дагестана. Махачкала: Дагки-гоиздат, 1977. Вып. I. С. 47–48.*

□ □ □

О белобородом старце-певце

Сея кругом смерть и разрушения, войска каджар (иранцев) движутся к Андалалу. Объединенные силы горцев дали отпор врагу. Сражение длилось до глубокой ночи. И утром следующего дня разгорелось с новой силой. Надир-шах ввел в бой новые войска, а у горцев не было подмоги. Все, кто был в силах держать оружие, уже вступили в сражение. От грохота кремневок и лязга сабель не слышно стало человеческого голоса. Надир-шах, наконец, ввел в бой своих отборных воинов. Потекли кровавые реки, поля усеялись грудями погибших. Тут ряды горцев дрогнули. Многие из них с криками «Конец!», «Уже конец мира!» побежали с места сражения. В это время дорогу им преградил старец, весь белый и в белом одеянии. Он был без оружия. Подняв руки вверх, он издал исполинский клич. Люди остановились. Старец снял с плеча серебряный чунгур, ударил по струнам и зазвучала призывная песня.

Ослабевшего сегодня да потеряется честь
От оробевшего в бою жена пусть уйдет!
А ну-ка, молодцы, эй, вы, храбрецы! —
Считайте, что перед вами не аждаха.

Сегодня ослабевший — неприятель мне,
В бою оробевший — не товарищ мне!
Саблями стальными разите, молодцы,
Пока на лезвии не стухнет кровь!

Из метких кремневок стреляйте, молодцы,
Пока на дулах кремневок не застелется дым!

Воодушевленные призывной песней, во главе со старцем воины с новой силой бросились на врага. Каджары в панике побросали все и бежали с поля боя. Горцы одержали внушительную победу.

Когда рассеялся дым сражения, стали искать старца, но певца не было среди живых. Осмотрели все места боев и нашли его с вражеским мечом в груди, но в руках певец твердо держал чунгур. Горцы подняли мужественного старца на руки и понесли на холм, который возвышался над местностью, и торжественно опустили тело его в могилу. Рядом положили серебряный чунгур.

Халилов Х.М. *Дагестанские предания о происхождении мелодии // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С. 78–79.*

□ □ □

Залим и его потомки

В XVIII столетии в Гоноде жил человек по прозвищу Залим¹. Но в народе он больше был известен как «Хел-меэр», что означает «Восковый нос». Откуда же у горца это прозвище?

Известно, сколько бедствий причинил дагестанцам свирепый Надир-шах своими нашествиями. Он не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. В разоренных огнем и мечом аулах он устанавливал свои порядки. Горцам поневоле приходилось братья за оружие, чтобы защитить свою независимость. Одним из первых на защиту родины встал Залим. Он пользовался большим авторитетом не только у гонодинцев, но и жителей соседних селений. Ему было доверено вести в бой отряд из жителей аулов Гонода, Гагатль, Телетль, Голотль, Куяда и Карадах.

Залим и его воины проявляли чудеса храбрости в боях с врагом. И вот однажды Залим попал в плен.

Резиденция Надир-шаха в это время находилась в местечке «Шарда-Ар». Залима доставили в резиденцию на вторые сутки. Приближенные шаха лично допрашивали его, но в течение недели они не

¹ Это прозвище дали ему за огромный рост и большую физическую силу. Настоящее имя богатыря не удалось узнать.

услышали от горца ни одного слова. Ни обещания золотых гор, ни угрозы, ни пытки врагов не сломили его.

Можно преклониться перед мужеством, стойкостью и преданностью родине этого горца. Раскаленным ножом ему отрезали оба уха и нос, выжгли на груди полумесяц. Периодически обливая водой, Залиму сутками не давали спать, не кормили. Зато не упускали случая повести его смотреть, как обедают полчища Надир-шаха. Но воин с достоинством переносил все эти мучения.

За бесподобное упорство горца связали по рукам и ногам, положили в специально сшитый мешок буйволиной кожи и сбросили с горы Барзуялу. Но горец остался жив. На другой день один шовкринец пригнал отару на водопой к речке Чиринех и наткнулся на этот мешок. Он и спас Залима от мучительной смерти.

Вернувшись в Гоноду, Залим слепил себе нос из воска, чтобы носить на выход. Случилось это в 1735 году. После этого его в народе стали называть «Хел-меэр».

Предание гласит, что Залим, оправившись от ран, снова взялся за оружие и беспощадно бил завоевателей под Турчидагом, когда Надир-шах совершил свой второй поход в Дагестан (1742 г.). Но однажды его плотным кольцом окружили 15-20 воинов Надир-шаха. Добрую половину он уложил тут же, но, видя, что ему не пробиться, Залим заколол себя, чтобы вторично не попасть в плен. Было тогда ему за 60 лет.

Дибиров М. Сильные и стойкие. Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. С. 24–25.

□ □ □

Призыв к народу

Эй, мой милый Табасаран,
Родные мои народы!
Шах Ирана – немой Надир
Поднялся, наш вечный враг:
Войска Надир-шаха расположились
В огромной крепости Дербента.
На нас напасть
Все они готовятся.
Поднимемся (восстанем) все, как один,
Как горные смелые львы.
Тот, кто подчинится врагу,

Пусть не выйдет на поле битвы,
Народы наши, как братья,
Сплотятся в единую силу:
Тавлинцы, кюринцы, даргинцы и яхулы –
Братья – все помогут.
Кто может держать оружие в руках,
Готовы быть на ногах.
Клянемся молоком матери защитить Родину
Услышите голос Калукского Мирзы,
Готовьтесь Родину защитить!

Подстрочный перевод д.и.н. М.Р. Гасанова. См.: Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 249.

□ □ □

Находчивость горца

Правитель Ирана Тахмасп-Кули-хан во главе огромной, вооруженной до зубов армии вторгся в Дагестан. Страна эта ему была известна только по рассказам своих советников, и поэтому он продвигался с большой осторожностью и не без труда. Приходилось преодолевать высокие горы, непроходимые ущелья, глубокие каньоны. На каждом шагу его подстерегала опасность со стороны отчаянно сопротивлявшихся горцев. И, пройдя таким образом значительный путь, где-то в центральном нагорном Дагестане арьергард Надира сумел захватить в плен горца. Предводитель полчищ Надира, отличающийся особой жестокостью, решил самолично допросить задержанного. «Много ли у вашего предводителя воинов – конных и пеших?» – задал очередной вопрос тиран. Несмотря на свое положение, не теряя самообладания и достоинства, горец ответил: «Страна, что видна отсюда, населена добрым, гордым и мужественным народом. Правит ими высокопочтенный хан. Сколько воинов у него, мне не ведомо. Но всем известно, что у него в войске три тысячи кузнецов, три тысячи седельников, три тысячи сапожников, три тысячи оружейников, три тысячи портных, три тысячи сбруйников». Надир задумался: «Если у него столько мастеров в войске, то воинов сколько должно быть. Не лучше ли вернуться назад и не испытывать свою судьбу?» На самом деле у Сурхай-хана было всего три тысячи воинов. Но каждый из них был и кузнецом, и седельником, и сапожником, и оружейником, и

портным, и брадобреем. Мастера на все руки! Таким образом, горец сказал правду. Но как?

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в 1966 г. в сел. Кази-Кумух Лакского района со слов З. Дибирова. – См.: Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 250.

□ □ □

Другой вариант этой же легенды опубликовала народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева. Во время нашествия Надир-шаха в плен к врагам попал шестнадцатилетний юноша Камиль, говорится в ней. Желая узнать какое количество воинов у противника, его расспрашивали:

- Сколько у вас в войске пахарей?
- Триста, – отвечал Камиль.
- Сколько сапожников? – Триста!
- Сколько чабанов? – Триста!
- Сколько каменщиков? – Триста!
- Сколько поэтов? – Триста!
- Сколько певцов? – Триста!
- Сколько танцоров? – Триста!
- Сколько плотников? – Триста.

instituteofhistory.ru

Враги вели счет по триста, а было всего триста человек, которые умели все делать: и работать, и петь, и танцевать, и воевать.

«Правда» от 2 мая 1991 г.; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 250–251.

□ □ □

Ответ горцев Надиру

Вступив в нагорный Дагестан со своим полчищем, правитель Ирана почувствовал себя владыкой этой удивительно своеобразной горной страны и не без насмешки решил испытать горцев. Он отправил к казикумухскому Сурхай-хану посланника и с ним четыре предмета: львиную лапу, крыло орла, горсть песчинок и ядро пушки. Вручив их, посланник умолк. Сурхай-хан долго думал над этой шарадой и не мог определить, что бы это значило? И тогда обратился к своим советникам. Одному из них удалось раскрыть тайну головоломки. Завоеватель заявляет, что у него столько войск, сколько песчинок на земле, и что он силен как лев, и что он намерен протянуть крылья сво-

ей мощи, как крыло орла над вершинами гор Дагестана, и что у него невиданные горцами орудия, и поэтому горцам не стоит сопротивляться. Пока советники ломали головы над составлением ответа Надиру, по указанию Сурхая посланникам было уготовлено ханское угощение. А когда трапеза завершилась, им вручили коробок, в котором было: воробей, мыш, горсть земли и четыре пули. Первоначально Надир решил, что содержимое коробки означает признание его силы и согласие горцев капитулировать перед его военной мощью. Он истолковал все это как согласие горцев отдать ему всю свою землю (норы мышей), свое небо (воробей символизирует небо), свой хлеб (ибо им питаются и человек, и мыш, и воробей), пули – знак того, что складывают оружие у ног Надира. Однако один из советников завоевателя иначе объяснил «дары», присланные Сурхай-ханом. Горцы всем этим извещают правителя Ирана: Вы не птицы, персы, чтобы улететь в небеса и не мыши, чтобы спрятаться в земле. Если с миром уйдете, угостим хорошо. Если же с войной, то падете под пулями, которые будут пускаться со всех четырех сторон. Разъяренный таким истолкованием ответа лакцев, Надир жестоко расправился со своим советником и со всей своей мощью пошел на горцев. Началась кровопролитная война, в итоге которой объединенные силы горцев Дагестана разбили воинов Надира в битве на Турчидаге, и он вынужден был покинуть Дагестан.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в 1971 г. в сел. Кази-Кумух Лакского района. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 251.

□ □ □

Имеются и другие варианты приведенного предания. В одном из них – «Послание Надир-шаха» (Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 432) говорится, что Надир-шах до выступления против горцев направил в Кумух такое «дипломатическое послание»: песчинки, лапу льва, горшок нефти и орудийный снаряд, что означало: многочисленность войск, их мощь и силу орудия. Сурхай-хан же отправил с послами Надир-шаха круглый чурек, рыбу, сокола, мыш и четыре пули, что должно было выражать: гостей мы накормим, а врагов не боимся, т.к. в воде чувствуем себя как рыбы, в воздухе – как соколы, под землей – как мыши, и со всех четырех сторон посыпятся на вас пули, ни один из вас не уцелеет...

В аналогичном аварском предании говорится о том, что Надир-шах поднялся на Чолда-меэр и перед тем, как опуститься в Андалал,

отправил гонца к согратлинцам с меркой проса. Это означало, что войско НаDIR-шаха столько многочисленно, сколько зерен в мерке, и сопротивляться ему бесполезно. Согратлинцы вернули ему мерку с зерном, прибавив к нему общипанного, голодного петуха, который на глазах опешившего «покорителя вселенной» быстро склевал зерно. Шах понял их иносказательный ответ: «Ничего, что столько войска. Как все это просо может выклевать общипанный петух, так и мы сможем уничтожить войско иранцев».

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 212.

□ □ □

Аьралиялу

К югу от сел. Хосрек (Кулинского района), там где находится ферма, во время похода окаянного НаDIRа располагался небольшой конный отряд под командованием популярного военачальника Сурхай-хана Карата. Узнав о движении НаDIRа, Карат выдвинулся вперед, встретил авангард иранских войск и сходу вступил в битву с врагом. Тем временем хитрый НаDIR, предприняв ложный маневр, сумел обойти фланги и таким образом оказался в тылу горцев. Когда же конница врага двинулась с тыла, то горские воины решили – это им идет подмога, а когда убедились, что обмануты, было уже поздно. Началась жестокая резня, в итоге которой чуть ли не все ополченцы, находящиеся здесь, пали, но не покорились. Когда же, сделав свое дело, вернулся Карат к месту своей старой стоянки, все поле боя было усеяно трупами погибших смертью храбрых лакцев. Карату ничего не оставалось делать, как пробиться к своим. И с большими сложностями он вскоре добрался до Кулинской крепости, где было решено дать решительный бой пришельцам. А местность, где погибли герои, с тех пор в народе стала называться Аьралиялу, т.е. место гибели ополченцев.

Другая легенда. К югу от Хосрека расположился на отдых отступавший после турчидагского сражения НаDIR-шах. Преследующие их по пятам горские отряды напали на них и нанесли им удар страшной силы, в результате которого часть их была уничтожена, а другая рассеялась, сбросав много оружия. От того, что здесь было загублено войско НаDIRа, местность и получила название Аьралиялу, от лак-слова лияву-ливсар.

Обе легенды записал к.ф.н. Х.М. Халилов в 1956 г. со слов

арабиста Мухаммад-Гаджи из сел. Хосрек. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 252.

□ □ □

Подвиг Карата

НаDIR выступил всем своим войском из Кази-Кумуха, достиг Турчидага и расположился здесь лагерем. Тем временем прибывший в Андалаял сын Сурхай-хана Муртазали, значительно пополнив свою конницу, обратился за военной помощью к своему дяде по матери – аварскому хану. Пока не придут хунзахские воины, Муртазали должен был, во что бы то ни стало, задержать кызылбашей на Турчидаге. С этой целью он со своим ближайшим другом, известным политическим деятелем Каратом, который от имени Сурхай-хана в его отсутствие управлял в Ширване, выработали тактику действий. Карат, с многочисленным отрядом, но довольно пышной свитой явился к НаDIRу в лагерь и представился как посланник хана аварского для переговоров. Правитель Ирана в этом увидел хорошее предзнаменование и охотно повел с ним переговоры. Не известно сколько времени длилась беседа НаDIRа с Каратом, но посланник не жалел красок, чтобы краше представить владыку Хунзаха, говоря о его богатстве и мощи, о мужестве его воинов и т.п. Во время переговоров Карат сумел разузнать о войсках НаDIRа, расположение конницы и др. К вечеру, как-то неожиданно Карат сказал НаDIRу о необходимости передать хунзахскому хану предложение и пообещав на следующий же день вернуться с решением своего правителя, со всеми сопровождающими покинул ставку правителя кызылбашей. На обратном пути Карат и его сопровождение, искусно пользуясь местностью, сумели бесшумно перебить охрану, коней и порезать многим лошадям сухожилия ног, а часть лошадей угнали за собой. Карат же приказал, проезжая по аулам, чтобы они по склонам гор выставили столбами камни, чтобы персы издалека принимали их за воинов. По его совету многие женщины джамаатов оделись в мужскую одежду и вооружились с тем, чтобы устроить персов. Чтобы создать впечатление о движении большого войска, он велел детям с началом рассвета таскать по дорогам ветки, которые должны были поднять пыль. В то же время в тыл врага было направлено три отряда горцев. На рассвете, по установленному сигналу – дыму костров, все горские отряды пошли на неприятеля. Началось кровавое побоище. При этом мужеством и храбростью отличилась конница, которой командовал Муртазали и Карат. Сначала враг появ-

тился, а затем начал отступать. Горцы преследовали беспорядочно убегающих персов. Лишь к вечеру завершилось кровопролитие.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в 1964 г. в сел. Ханар Лакского района со слов Ибрагимовой. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 252–253.

□ □ □

Чанкура

Чанкура был родом из Хосрека. Ему с небольшим отрядом было поручено охранять пешеходные тропы через перевал Кукма в сторону Хосрека. Заняв оборону, он, как и следовало ожидать, устроил завалы, собрал в различных местах камни, чтобы при необходимости скатывать их на головы наступающих врагов. Горцы были уверены, что персы не рискнут двигаться по этой труднопроходимой горной тропе, но Надир тем и отличался, что мог объявиться в самых неожиданных местах. Так случилось и на этот раз. Он решил воспользоваться всеми тропами, идущими из Табасарана в горы, в Лакию.

С рассветом враги полезли в горы по узкому ущелью. Отряд, охраняющий дорогу, встретил наступающих во всеоружие, они сбрасывали камни, персы лезли и лезли в горы. Их было так много, что не было видно земли и неба от пыли, поднятой двигающимися людьми. От топота ног дрожала земля. Враги все шли и шли, они стали подниматься все выше и выше. Горцы израсходовали **все** запасы пороха. Враг настойчиво наседал. Отряд лакцев оказался окруженным врагами. Их кони были захвачены персами. Враги лезли как муравьи. Горцы яростно сражались, защищая каждую скалу. Но силы были неравные. От отряда Чанкура остался в живых только он сам. И тем не менее, он продолжал сопротивление. Взобравшись на огромную скалу, он не давал никому подступиться к себе. Враги ничем не могли достать его. Тогда персы подкатили орудие и начали прямой наводкой стрелять по одному не сдававшемуся горцу. После выстрелов персы попали снарядом в выступ, за который он держался. Обрушилась скала, и Чанкур свалился на головы врагов. Только так удалось его убить.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в сел. Хосрек в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 254.

□ □ □

Отважная Чамту

В Южном Дагестане (Курах, Тузла, Орта-Стал, Ишмиги и др.) сохранились предания о том, что воины иранского шаха Надира сгоняли женщин на хирманы (токи), связывали им руки и ноги, а затем всадники топтали их конскими копытами.

Вот одна из легенд, рассказывающих, за что Надир-шах так жестоко наказывал женщин.

Как-то Надир-шах решил дать в подвластном ему Курахе пир. Ему захотелось развлечься. Шахские слуги подготовили место и участников всевозможных народных игр. В конном искусстве некий юноша из Кураха победил всех джигитов шаха. Озлобленный Надир-шах приказал вызвать курахцев на состязание в поясной борьбе. Курахцы молча понурили головы, им было известно, что выиграть единоборство у силача Надира-шаха значит добровольно переселиться на тот свет. Тот же юноша, который выиграл скачки и джигитовку, крепче натянул папаху на голову и вышел вперед.

Надир-шах взбесился, когда юноша дважды бросил на землю его любимого борца – силача, который ломал подковы, руками рвал толстые канаты. Своему любимцу он плюнул в лицо и дал несколько пощечин, а юношу приказал раздеть и высечь. Несколько человек бросились к нему и стали раздевать. Вдруг персы разбежались от юноши в стороны, будто увидели змею. Юношей оказалась переодетая девушка из Кураха по имени Чамту. Надир-шах был поражен увиденным и приказал отпустить ее. Но горянка, как только ей развязали руки, выхватила у первого попавшегося горца кинжал и бросилась на шаха, намереваясь убить его. Около десятка воинов мгновенно окружили ее. Двое тут же упали замертво, остальные кое-как отняли у Чамту кинжал и крепко связали ее.

«Под ноги коней эту ведьму!» – крикнул разъяренный Надир-шах. После этого случая, говорится в легенде, шах чинил расправу над ни в чем невинными женщинами Дагестана, загоняя их под копыта коней.

Дибиров М. Сильные и стойкие. Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. С. 34–35. См. также: Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос... С. 215–216.

□ □ □

Чамсу

Одолев отряды Сурхай-хана в сражении близ сел. Хосрэк, Надир ринулся вдоль Койсу на сел. Кули. До прихода персов кулинцы подготовились к встрече непрошенных гостей. Аул был укреплен. Горцы решили умереть, но не сложить оружия перед врагом. Надир трижды штурмовал Кули, но все безуспешно. Тогда предводитель персов собрал все свое войско и выступил с ободряющей речью, после завершения которой отдал каждому воину определенную сумму денег и при этом сказал: «Теперь я такой же воин, как и вы все, я роздал казну вам, ничего не оставив себе. Я иду с вами на штурм этой крепости. Мы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы покорить это чертово логовище, разорить и разграбить его. Моя добыча ваша». И тут же дал команду начать штурм. На сей раз персам удалось занять Кули. Смертью храбрых погибли многие защитники. В Кули остались только немощные старики, женщины и дети. Селение было сожжено и ограблено. После чего персы устроили себе пир. И в это время кровавый Надир велел созвать на поляну всех оставшихся жителей Кули. Сам поднялся на возвышенное место и, усевшись на походный трон, обратился к загнанным сюда силой жителям: «Ваши люди мужественно сопротивлялись мне в бою. Если кто-либо из вас сможет сразиться в открытой схватке с моим пехлеваном, всем вам дарую жизнь». Наступило гробовое молчание, никто из присутствующих не двинулся с места. Надира это развеселило. И он насмешливо спросил: «Неужели в вашем крае нет мужчины, который смог бы помериться силой с иранцем?» и с сарказмом заключил: «С женщинами же мы поборемся после...» и громко засмеялся. Тогда из-за спин стоявших против него вышел безусый, стройный юноша. Он потребовал дать ему коня. В ожидание победного зрелища Надир велел дать юноше все им требуемое и вскоре началось единоборство физически мощного и многоопытного перса с юношей горцем. Кони закружились на месте, встали на дыбы. И тут неожиданным рывком юноша-кулинец схватил пехлевана и сумел бросить его на землю и, тут же соскочив с коня, коленом прижал пехлевана к земле. Пехлеван застонал от боли. Надир-шах приказал стащить со своего пехлевана юношу. К нему кинулись двое воинов. Однако юноша успел схватить их и ударил друг о друга. Но в этой борьбе с головы юноши слетела папаха, и все увидели, что перед ними не юноша, а девушка с косами.

Надир-шах приказал не трогать девушку. Сказал, чтобы она по-

дошла поближе. Когда девушка подошла к нему, он одарил ее за мужество золотыми монетами. Она, ничего не сказав, отвернулась от подачки шаха.

Обозленный этим поступком Надир приказал воинам своим растоптать дерзкую девушку. Двое конников двинулись на нее. И когда один конник приблизился, девушка ловко схватила его за одежду и рывком сбросила на землю. Тогда разъяренный Надир двинул на них отряд конников. Они растоптали девушку и незадачливых персидских воинов.

Так погибла мужественная кулинка. Звали ее Чамсу. Превратившееся в месиво тело девушки не позволили похоронить, оно было брошено в буйные воды Койсу.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в сел. Кули в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 154–255.

□ □ □

Ажу

Надир впервые вступил на землю лакцев. Здесь чуть ли не каждый камень оказывал ему сопротивление. Ожесточенное сражение с персами произошло на перевале, называемом Ятлувахъалу, на границе между современными Кулинским и Лакским районами. Особенно в этом бою отличился отряд под командованием Ажу из сел. Щара, которому Чолак-Сурхай приказал задержать во что бы то ни стало персов, пока с основными силами сам хан не укрепит вблизи сел. Щара, или Шовкра. Но, увы, малочисленный отряд Ажу не в силах оказался справиться с этой невыполнимой задачей. Враг жестокой силой смял отряд горцев, израненный Ажу попал в плен. После чего враг сходу занял сел. Щара. Надир хотел было продолжить преследование Сурхай-хана, но увидев, что противоположный берег глубокого каньона Кази-Кумухского Койсу близ сел. Шовкра горцы укрепили, сделал вынужденную остановку. В это время ему доложили, что схвачен командир отряда лакцев, а вскоре привели и самого Ажу. Надир стал допрашивать его, но изнеможенный горец не ответил ни на один вопрос владыки Ирана.

Обозленный его молчанием, Надир приказал отрезать ему сначала уши, потом нос и язык, но Ажу молчал. Видя, что бесполезно что-то пытать у этого существа, Надир приказал зашить его живым в бычью шкуру только что зарезанной скотины и сбросить в Кази-

Кумухское Койсу... Так и сделали. Вскоре, однако, шовкринец-мельник в глубине каньона обнаружил его. Он оказался жив. Они его выходили, поставили на ноги. Тем временем Надир-шах, разорив Каз-Кумух, ушел обратно в Дербент.

Ажу вернулся домой. Дома он не нашел никого из родных. Они были убиты воинами Надира. Однако изуродованный, но недавший горец открыто объявил, что он продолжит борьбу с ненавистными врагами, как только представится случай. И когда Надир-шах организовал третий поход в горы Дагестана против Чолак-Сурхая, Ажу был правой рукой одного из предводителей лакского отряда, отступившего в долину Андалала.

Когда началось сражение на горе Турчидаг и в долине Обоха, Ажу во главе немногочисленной группы лаков, добрался до укрепления персов на горе Турчидаг. Враги в ужасе шарахались от воина с обезображенным лицом, вместо носа виднелись дырки, глаза горели ненавистью. Казалось, что это был не человек; а какое-то человекообразное страшилище. Издавая нечленораздельные звуки, умело действуя саблей и кинжалом, он наносил персам чувствительные удары. Говорили, что он уложил более тридцати персов. И все же врагам удалось окружить его около обрыва. Видя, что ему не спастись, он с разбегу бросился на врагов, схватил двоих воинов и, увлекая их за собой, бросился в пропасть. Так сложил свою голову мужественный Ажу, сильный духом, неустрашимо храбрый воин и горячий патриот.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в сел. Щара в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 256.

□ □ □

В предании «Визирь Алисканди и персидский шах Таймаз» говорится, что, желая испытать характер горцев, Надир попросил аварского нуцала Умма-хана прислать к нему самого лучшего, умного и храброго из его визирей. Умма-хан послал Алисканди из Гоцатля (отца имама Гамзата).

Когда Алисканди прибыл к шаху, тот поручил ему выяснить возраст осла. Догадавшись, что каджары смеются над ним, он произнес: «Ей-богу не могу сказать, сколько ему лет. Поговорка наших дедов и прадедов гласит: «Нельзя узнать возраст каджара и осла». Обидевшись на то, что их сравнили с ослами, каджары опустили головы. После этого принесли тарелку плова с чертой вокруг. Алисканди погля-

дел на это и затем провел другую черту – посередине. Каджарский шах сказал: «Ей-богу эти дагестанцы также храбры, как и умны». И добавил: «Не следует этого человека выпускать отсюда».

Халидова М.Р. Указ. соч. С. 211–212.

□ □ □

Вопрос брадобрёя

Однажды личный брадобрёя шаха в его ставке в «Чалда-ад» брил Надира и шутливо спросил: «А что будет, если я этой бритвой зарежу владыку Ирана?». Надир-шах насторожился, но не подал вида, игриво отшутился. Позже, на военном совете, рассказав о случившемся, обратился к советникам и мудрецам и спросил: «Почему такой доверенный человек, который давно исправно и верно служит мне, не побоялся задать этот вопрос мне лично?». Один из присутствующих мудрецов ответил: «Дагестанская земля пережила много трагедий, ее народам пришлось вести борьбу с разными завоевателями, среди которых были прославившиеся на весь мир полководцы. Земля эта настолько пропитана кровью людей, погибших в этих многочисленных сражениях, что у людей, пришедших сюда с намерением покорить их, изменяется душевное состояние, покидает их уравновешенность и они превращаются в невменяемых». Надир задумался.

Записал к.ф.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Гонада Гунибского района в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 257.

□ □ □

Копия письма арабиста из сел. Урада Ибрагима Гаджи Надира-шаху

«...Посылаем приветы завоевателю и грабителю Дагестана и виновнику всех несчастий, разрушителю многих дагестанских аулов – Вам, царю, и шамхалу, ставшему на вашей стороне. Дай бог, чтобы между нами больше не возникли неприятности... До сих пор мы все стояли на наших истинных правозверных и надеялись, что Вы подчинитесь законам Корана. Но теперь мы вышли на поле брани и сообщаем Вам, что Вы уже получили возмещение с Сурхая, забрали все его ценности, уничтожили многих невинных людей его. Теперь, что Вы хотите от народа Дагестана, почему шамхал расположился на Айма-

кинской горе? Недостаточно ли, что он сделал до сих пор, этим же возмещено все?

Мы просим Вас, именем аллаха, чтобы Вы подчинились исповедам Корана... Возвращайтесь к своим местам. Мы клянемся аллаху, что не хотим воевать с Вами и особенно с людьми шамхала, с которыми у нас была дружба, еще как у наших отцов и прадедов... Вы не проливаете крови и мы не являемся вашими райятами. И вам, и другим мы не платили и не будем платить ничего... Просим, уходите от нас, возвращайтесь обратно. Но если Вы не оставите нашу территорию, то мы надеемся, что того, чего не предпошлет аллах, ничего не будет».

Каяев А. Материалы по истории лаков // Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. С. 160–165. Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 105.

□ □ □

Письма ученого-арабиста из сел. Урада Ибрагим-Хаджи Надир-шаху

«Вы, всесильный властелин, если вы прибыли в Дагестан с огромной армией, с шамхалом, с намерением разорить жилища и уничтожить мусульман, да помилует вас Аллах! До сих пор мы не обращали внимания на всякого рода призывы, зовущие нас к борьбе, и оставались спокойными. Учитывая указания Корана, который гласит: «Как бы вы хотели, чтобы с вами обращались, так обращайтесь и вы с другими». И ныне вам говорим: «Ай Тамаз (Тахмасп-Кули-хан – Б.А.) вы сполна отомстили Сурхаю. Забрали все его имущество, разорили его села, истребили его людей. Какие же претензии у вас к остальным джамаатам Дагестана? И с какой целью шамхал отправлен в сторону Аймакинского ущелья? Опомнитесь! Ради Аллаха, просим прислушаться к аятам Корана и указаниям нашего пророка, где сказано, что творящие насилие на земле – враги Аллаха, поэтому-то Аллах призывает насильников к ответу. Прислушайтесь к словам нашего пророка! Вернитесь к себе домой! Клянемся Аллахом, мы не хотим с вами воевать, особенно с шамхалом, ибо с ним у нас издавна велась дружба... Надо ведь с насильниками сражаться до тех пор, пока они не будут послушны Аллаху. Таково требование Корана. Мы бы из своих домов не вышли бы, и вы не проливайте кровь мусульман. Мы не ваши рай-

яты, и мы никаких податей и повинностей вам не несем. И мы не какие-то кяфиры, чтобы с вами воевать. Поэтому-то мы просим вас, возвращайтесь назад. И если вы, не приняв во внимание нашу просьбу, не вернетесь обратно, мы положимся на великодушие Аллаха и, как сказано «будет то, что будет, но не будет того, что не предписал Аллах».

Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1642. Л. 155–165. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 162.

Анализируя приведенное письмо Ибрагим-Хаджи, В.Г. Гаджиев пишет: «У нас нет никаких сведений о том, как отреагировал шах на это объемистое и встревоженное письмо ученого. Однако, из последующих действий кызылбашей видно, что Надир и на сей раз не прислушался к мудрому совету старца. Как бы то ни было, в другом варианте, а может быть во вторичном письме Ибрагим-Хаджи написал предупреждение шаху: «Вы, – писал он пророчески, – не гордитесь, что вас много, что вам никто не оказал достойного сопротивления. Аллах сказал: «Ваше общество не поможет вам, сколько бы вас ни было. Помощь будет только от Аллаха». Как сказал пророк: «Угнетатель выполняет волю Аллаха на земле, а потом Аллах наказывает угнетателя за людей». Вы возвращайтесь домой, ради Аллаха, с вашей гордостью. Возвращайтесь, пока жители не начали проклинать вас. Как сказал пророк: «Один день мы выигрываем, на другой день проигрываем». Мы не хотим с вами воевать, хотя мы знаем, что одолеем вас... А вы, не проливайте кровь мусульман. И не думайте, что вы все время будете побеждать... Как сказал один хаким: «Кто борется за справедливость, тот победит».

Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 162–163.

Письмо Ибрагим-Хаджи к чародинцам

«До каких пор вы будете осторожничать и не выйдете врагу навстречу? Вы что думаете, что вас оставят спать в своих постелях, если кызылбаша завоюют остальной Дагестан. Если у вас имеется хоть зерно совести, то выходите и спешите... Вы не верьте всяким слухам, задерживающим ваше выступление. Скорей, скорей выходите. И передайте наш призыв окружающим».

Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 163.

Письмо Ибрагима-Хаджи и предводителя гидатлинского отряда Денга к гумбетовцам, ботлихцам и ансалтинцам

«Вы готовьтесь выйти навстречу врагу. Аллах наделил Вас храбростью и отвагой. Мы сейчас убедились, что одолеем врага, поэтому послали в разные края призывы объединиться для борьбы с врагом! Не смотрите на тех, кто не может взяться за оружие. Если бы вы знали то, что знаем мы о положении врага, то вы бы выступили незамедлительно».

Гаджиев В.Г. *Указ. соч. С. 163.*

Письмо сына Ибрагима-Хаджи к «молодым героям Каралал, Багулал – ахвахцам и жителям сел. Асхаб»

От себя и «всей гидатлинской молодежи» он писал: «Да сохранит Вас Аллах от злорадства врага. Аминь!». Затем: «Когда мы получили известие от другого кунака, храбреца Каблани Герейхана, мы устыдились, испугались Аллаха. Нам стало стыдно от своих детей. Он выступил, чтобы защитить нас от врага. Почему мы ждем, когда мы ему нужны. Мы не услышали призыв Сурхай-хана. Мы надеемся на ваше геройство, что вы поможете нам на этот раз. После получения этого послания вы должны выступить. Мы ждем вас. **Выступить** мы должны в четверг, 8 числа августа». Затем сын Гаджи писал: «Я прибыл к Сурхай-хану. Он обещал обеспечить нас питанием и фуражом для лошадей. Вы не волнуйтесь».

Гаджиев В.Г. *Указ. соч. С. 163.*

Донесение французского посла в России маркиза де-ля Шетарли своему патрону графу Амело

«Было тем более значительнее, Надир-шах дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню над большею частью его армии. Уверяют, что он лишился при этом своего сына и после этого ни разу не показывался народу».

Сб. РИО. № 96. 1896. С. 579. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 171.

□ □ □

Шах Надир стал замечать, что его дочь стала печальной.

– Меня какой-то человек иногда увозит в Дагестан, – сказала дочь отцу. Но так как она не знала, кто именно и в какое место увозит, Надир предложил ей из тех мест привезти что-нибудь приметное. На следующий день на столе шаха лежала горсть черного гороха. Сейчас же были снаряжены лазутчики. Долго ли, коротко ли, явились те и доложили: «Больше всего черный горох сеют в дагестанском ауле Мегеб».

– Туда войной и пойдем! – приказал Надир, – и стопятидесятитысячное войско двинулось в Дагестан. Пока оно добиралось до нужного места, его потрепали дагестанцы, а у ворот Мегеба и вовсе разбили. Волшебником, который увозил шахскую дочь, а затем возвращал, оказался чародей наука Дамадан Мегебский.

Гаджиев Б. *Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991. С. 63.*

□ □ □

Перед боем с войсками Надир-шаха первыми в единоборство вступили перс и андалалец. Горец так стремительно налетел, что сбил врага с лошади, разрезал ему грудь, вытащил сердце и показал своим. Это было сигналом к атаке, раздались восторженные крики, горцы выхватили сабли и побежали на врага. Шлем поверженного перса сохранился и находится сейчас в школьном музее аула Согратль.

Там же. С. 63-64.

□ □ □

Во время нашествия шаха Надира на Дагестан в ауле Гамиях проживало не более ста человек. И все-таки они не пропустили завоевателя через свой аул. Гамиях с одной стороны заканчивался невысокой, в 3–4 метра скалой, а чуть правее ее шла дорога, которая вела к речке. На другом берегу речки в засаде сидел храбрец из Гамияха и, как только показывались персы, пускал стрелы. Стрелок, видно, был меткий, потому что врагам пришлось обойти аул далеко стороной. Жители села на месте названных событий находили ржавые от времени ножи, кинжалы и другое холодное оружие.

Там же. С. 64.

□ □ □

Перед наступлением Надир-шаха дагестанцы разжигали костры. Каждый по 25-30 костров. Увидя их, говорят, шах Персии будто бы рассудил: «Если у каждого костра коротают ночь по 10 человек, то сколько же у противника войск?». Стал ждать подкрепления, а за это время дагестанцы объединились и разбили врага.

Там же. С. 64-65.

□ □ □

Два обохца поднялись на Турчидаг, чтобы украсть лошадь персидского шаха. Один услышал, как у другого бьется сердце, понял, что товарищ испугался, и прогнал его.

Сам же пробрался в лагерь иранцев, срезал путы, сел на лошадь и ускакал. Дома смельчак покрасил лошадь в белую краску, чтобы не узнали.

Утром, рассматривая селение в подзорную трубу, Надир-шах узнал свою лошадь, но мстить обохцам не стал и не только потому, что спуск в дагестанский аул был более трудным, чем подъем.

Там же. С. 65.

□ □ □

Между Мегебом и Согратлем есть хутор Кулаб. Там жил старик Абдулхалим Гасанов с сыновьями Магомедом и Абдуллой. Во время нашествия Надир-шаха сыновья Абдулхалима в бою добыли оружие, угнали двух скакунов и ушли к тем, кто готовился к сражению с Надир-шахом.

В Кулаб пришли персы, схватили старика, потащили на холм Казула и там сожгли, сказав, что это за лошадей, а за оружие обещали сжечь самих сыновей. Обещание не выполнили, зато Магомед и Абдулла отомстили не только за отца, но и за поруганный Дагестан.

Говорят, перед одним из боев Надир-шах приказал вырыть глубокую яму и сложить все богатство. На громадном камне высекли изображение подковы и, перевернув рисунком вниз, установили над сокровищами. Прошли годы, десятилетия. В народе стали поговаривать, что клад окажется под тем камнем, на котором потухнет горящая свеча. Поиски богатства Надир-шаха привели 70-летнюю Зухра-бабу из Мегеба на Турчидаг. Она нашла «нужный» камень и начала копать.

Бабушка так и умерла с неисполненной мечтой. Искали и другие. Никому не везло. Может никакого клада нет?

Там же. С. 66-67.

□ □ □

При въезде в селение Аркас со стороны Буйнакса, впритык к дороге, слева, высится земляной холм.

Существует рассказ, будто после поражения Надир-шах закопал в этом месте все свои богатства. Перед самой революцией два аркаса тайно от сельчан перекопали холм, предварительно построив у холма домик. Ничего кроме нескольких деревянных балок им обнаружить не удалось.

Там же. С. 67.

□ □ □

Ответ андаляльцев на ультиматум Надира

Прибыв на Турчидаг, проклятый Надир ультимативно потребовал от андаляльцев немедленно представить людей на службу ему, пищу и женщин для его воинов. Посоветовавшись, андаляльцы ответили: «Ни одно из твоих требований мы не выполним и будем драться до последних сил». Андаляльцы решительно отвергли наглые требования ненавистного завоевателя и кратко ответили: «Ни одного из твоих требований не выполним. Если ты так силен, выходи потягаться с нами». Эти оскорбительные и унижительные для каждого горца требования кызылбаша сплотили и воодушевили андаляльцев. А когда кызылбаша, рассчитывая одним махом разделаться с горцами, ринулись в бой, андаляльцы, как один, поднялись на борьбу. Причем, вместе со своими отцами, братьями и мужьями героически боролись, переодевшись в мужскую одежду, женщины. Андаляля. И когда наступил самый напряженный момент боя, горянки с громким криком: «Давайте, храбрецы, герои-удальцы, давайте еще раз покажем проклятым, как мы умеем защищать себя и родную землю и свою свободу» ринулись в бой. Это вдохновило горцев и им удалось продержаться до прибытия подкрепления из Хунзаха и других близких и дальних мест.

Записал в 1992 г. к.и.н. А.И. Исламмагомедов. Легенда бытует в сел. Чох, Согратль, Обох и др. селах Гунибского района. — См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 257.

□ □ □

Оборона Согратля

Еще до прибытия на Турчидаг воинства Надир-шаха, горцы на случай неудачи в решающей битве решили не сложить оружие, а продолжать борьбу за каждую улочку аула «Сялукь» (старое селение Согратля, разрушено в итоге подавления восстания 1877 г.) и за каждый дом. Для эффективности борьбы у ворот каждого дома были вырыты вместительные ямы-ловушки, слегка покрытые хворостом и насыпью земли. Эту тактику горцы применяли и в последующее время, в частности в 1848 г. при штурме Гергебиля отрядом ген. Воронцова.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Согратль в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 258.

□ □ □

Меgeb сражается

I. Меgebцы постоянно тревожили прибывшие в Андалаял войска персов. Однажды, под покровом ночи отряд горцев, приблизившись к отдыхающим иранцам, совершил стремительное массированное нападение, в итоге был уничтожен довольно многочисленный отряд персов. Позже это место, на котором произошло сражение, стали называть «Гъажар гъуараб чохI» (Холм, на котором были перебиты кад-жары).

II. Везде, где бы ни появились воины Надира, горцы встречали их с оружием в руках. Самоотверженно защищали свою свободу и независимость все селения Андалаяльского общества. И среди них достойное место занимали жители сел. Меgeb. Когда же отряд Надира направился в сторону их селения, меgebцы нанесли персам чувствительный удар и, по существу, лишили их пищи. Вот почему изголодавшиеся персы, оказавшись на поле «МехIела-КIапа-ХIури», тут же начали копать бутень (тIим). Воспользовавшись этим, меgebцы напали на персов и разгромили их.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Меgeb в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 258.

□ □ □

Подвиг Муртазали

Перед решающим сражением с персами сын Сурхай-хана Муртазали на виду у воинов Надира оторвал правый рукав своей черкески,

чтобы легче было в бою «работать» саблей. Видевшие все это воины Надира были напуганы одним видом храбреца. Когда же началась схватка, Муртазали своими действиями навел на персов ужас. И многие из них полегли от руки Муртазали. Храбро сражались все остальные горцы, которые поклялись умереть, но персам не уступить. Слово свое они сдержали с честью. И, несмотря на то, что персы во много раз числом превосходили горцев, многие из них пали на поле брани и вынуждены были отступить.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Обоx в 1992 г. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 258–259.

□ □ □

Персы отступают

Беспорядочно отступавшие с поля брани воины Надира, видя, что им не избежать суровой кары преследователей-андалаяльцев, попытались использовать последний шанс. Разбрасывая на бегу по обочинам дороги золотые и серебряные монеты, они хотели отвлечь и если возможно, хотя бы на время задержать горцев, и таким образом спастись. Но эти монеты не привлекли внимания и не соблазнили преследователей. Разъяренные горцы продолжали громить бегущих от преследования персов. И такое продолжалось до местности «Ваграм КIаги» на границе с Кази-Кумухским ханством.

Легенда бытует в сел. Обоx, Чох, Меgeb. Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов. – См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 259.

□ □ □

Горе горянки

У одной горянки аварского сел. Гамсутль на войну с полчищами Надир-шаха ушло четыре сына, из которых трое пали смертью храбрых в андалаяльском побоище. Живым вернулся домой один из сыновей. Встречая сына на пороге своего дома, она громко причитала: «Почему ты не погиб на поле брани! Какая же я несчастная мать, которая не может гордиться тем, что ее сыновья погибли храбрецами, защищая свою землю и честь своего народа и джамаата!»

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Гамсутль в 1992 г. См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 259.

□ □ □

Сурхай-хан получает свободу

После андаляльского побоища, завершившегося поражением хваленного воинства «завоевателя вселенной», Надир, с надрывом душевных чувств и болью, вынужден был возвращаться. Однако, чтобы в какой-то мере компенсировать тяжесть утрат и представить поражение свое чуть ли не триумфом на родине, а в случае необходимости совсем беспокойному для персов пути по Дагестану коварный завоеватель решил увести с собой пленного Сурхая. Со временем отступающая армия персов не без приключений добралась до Дербента. Казалось бы, все помыслы и переживания остались позади, и все же Надир и не подумывал освободить ослабевшего после ранения и болезни Сурхай-хана. И никто не мог знать, для чего завоеватель держит при себе пленников. И лишь после того, как стало известно о тяжелой болезни Муртазали, жене Сурхай-хана удалось уговорить одну из жен Надира, и только благодаря ее вмешательству Надир согласился отпустить пленника повидать смертельно больного Муртазали. Так оказался на свободе Сурхай-хан.

Легенду записал к.ф.н. Х.М. Халилов со слов арабиста Мухаммад-Гаджи из сел. Хосрек. — См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 259–260.

□ □ □

Нашествие персов (По рассказам народа)

Самым тяжелым временем Чохинцы считают время нашествия Персов на горцев. Рассказывают, что Персы появились через Кайтаго-Табасаранский округ. В Кайтаго-Табасаранском округе им было неудобно действовать длинными ружьями по причине лесистой местности; на это жаловалось все войско. Тогда шах Надир велел всем войскам собраться в аул Мадусалис¹, где отрубили концы ружей. Покорив Кайтаго-Табасаранский округ, поднялись в Даргинский. Даргинцы долго и мужественно сопротивлялись, но все-таки были побеждены. Отсюда шах Надир двинулся дальше и осадил один Казикумухский аул, но жители этого аула так упорно защищались, что Персы, сделавши несколько раз приступ, не могли взять его; тогда шах Надир

велел всем своим войскам собраться в одно место; там он произнес речь, велел отрубить у своей лошади челку (у него была хорошая лошадь), роздал всю свою казну и оказал: «Теперь я равен с вами, берите же аул приступом». Но шах все-таки потерпел поражение. Отсюда он отправился назад и поклялся, что приедет на следующий год и потребует у Казикумухского хана жену. На возвратном пути он велел Даргинцам собраться без оружия в Махоб-майдане или, как его называют «Море», — такое название дано потому, что посреди этой равнины течет река, которая прежде не текла по руслу, а разливалась по равнине. Когда Даргинцы все собрались без оружия, шах Надир выпустил на них свою конницу и подавил всех. На следующий год персидский шах приехал с огромным войском и остановился в Турчидаге. Голодные персы поели чохские хлеба, угоняли табуны лошадей и быков. Отсюда персидский шах потребовал у Казикумухского хана жену; в то время в Казикумухе был ханом Сурхай-хан Чулак. Испуганный Сурхай-хан исполнил требование шаха. Когда об этом узнал его сын Муртазали, который учился в то время в Хунзахе, то, пылая мщением за свою родную мать, отправился к отцу, снял с него оружие, бросил его перед отцом и ушел к своему знакомому, где получил хорошее оружие, лошадь и набрал толпу приверженцев, с которыми и пошел на Персов. Во время сражения он бился с таким ожесточением, что у него сильно разболелась рука, от чего он и умер. Эта битва произошла в 1742 году на холме Махоба, близ пещеры, в которую снесли после битвы трупы Персов, кости которых хранятся донныне; около пещеры есть гора, которая своим названием напоминает это событие. Во время битвы Казикумухский хан и Персидский шах стояли на высокой горе и смотрели на битву. Казикумухский хан, увидев, что сын его побеждает Персов, из боязни начал проклинать его. Шах Надир прервал хана, сказав: «Я желал бы, чтобы весь свет был твоим, а сын твой моим». Персы принуждены были бежать; Муртузали погнал их через Кумухский округ; на той дороге есть гора, называемая теперь «Муртузалиный конь». По рассказам, на этом месте конь Муртузали показывался шестиголовою змеею и так напугал Персов, что они бежали. Предание говорит, что на том месте, где произошла битва, скот не ел травы. Разбитый шах был принужден бежать, и так как он не мог взять с собой свои сокровища, то приказал выкопать на Турчидаге яму, в которую зарыл их, а сверху положил большой камень, на котором была нарисована подкова, чтобы можно было узнать это место в

¹ Маджалис.

другое время; тех, которые копали яму, умертвили, чтобы они не рассказали, где закопаны сокровища.

Каранаилов О. *Аул Чох // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. 1. С. 21–23.*

□ □ □

Ответ аварского нуцала Магомед-хана на приглашение Надир-шаха

Ты упрекаешь меня в том, что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить тебя по нашему дикому горскому обычаю. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка (сражение в Андалале – Б.А.). Уверяю тебя, что наши добрые воины не участвовали в этом, и я не мог бы допустить этого, ибо драться с пастушьим сыном подобает лишь пастухам (по некоторым данным отец шаха был пастухом – Б.А.). Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество персидских баб, пленных верблюдов, мул, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам в горы и оставил здесь столько богатства? Не мы же имели дело с твоим братом (Ибрагим-ханом – Б.А.), его убили джарцы. Он был человек такой же бешеный, как ты, и потерял свою голову в горах. Я советую тебе, иди скорее в Иран и больше не приходи к нам, а то мы тебя пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата...

Тамай А.И. *К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 122.*

Поход Надира в Дагестан

Словно тучи в день осенний
Надвигаются иранцы.
Как на дне морском песчинок,
Сосчитать их невозможно.
Слышен рокот, словно волны
Разлились живого моря,
Разлились – вот-вот затопят

Наши горы, наши гнезда!
Блещут рагные доспехи,
Копий вырос лес дремучий, –
То идут на нас афганцы,
С ними курды и трухменцы;
Посредине выступают
Силачи-мазандеранцы;

Эта шахова пехота
Все с лица земли стирает!
Перед нею врассыпную,
Но готовые для битвы,
Идут стройные красавцы –
То стрелки Азербеджана.
Весь Иран на нас поднялся –
Реют шаховы знамена!
Сколько их, что даже мулла
Не сочтет с утра до ночи...

Все равнины на предгорьях
Затопили орды злые.
Во главе их всепобедный
Шах-Надир – Гроза Вселенной.
С ним Шах-Ман, изменник
подлый,
От которого и дети,
Сыновья, его любимцы,
Отказались навеки.
Изгнан был Шах-Ман
презренный.

На родимые аулы,
Ради мести за обиду,
Он привел теперь иранцев.
Пусть проклято будет чрево,
Что его в себе носило!
Пусть сосцы прокляты будут,
Что изменника вскормили!
Пусть его презренной кровью
И кинжал не обагрится!
Пусть умрет он, как собака,
Проклинаемый в аулах!

Надвигаются иранцы.
Вот пред ними наши горы...
Топот ног людских и конских
Заглушает рев потоков.
Ой, беда! Родные горы!

Как бы с места вас иранцы
Не подвинули, чтоб в море
Побросать вас вместе с нами!

Вот пришли... Пришли и стали.
Шах-Надир с Шах-Маном
подлым

Из долины смотрят зорко
На утесы, на вершины.
Говорит Надир Шах-Ману:
– «На подоблачных высотах,
Где орлы одни летают,
Вижу я людей каких-то.
Верно, страх передо мною,
Пред моей великой силой,
Нет которой равной в свете,
Их загнал на эти кручи!»
Отвечал изменник шаху,
Потупляя долу очи:
– «Нет, не страх туда загнал их
Пред твоей великой силой!
Страх сердцам их неизвестен,
Битва – радость им и счастье...
Берегись, повелитель:
Там ты видишь андалальцев.
То гнездо над облаками
Не орлам приютом служит –
Чох аул-то андалальский.
Берегись, Гроза вселенной!»

Шах-Надир, Гроза вселенной,
Услышав ответ Шах-Мана,
Засмеялся, словно шутку
Он веселую услышал.
– «Не смейся, – в ответ
проломил, –
Разве есть на белом свете,
Кто противиться мне мог бы,
Повелителю Вселенной?»

Сокрушу я андаляльцев,
Так, что память их исчезнет! —
И, сказав такое слово,
Он послал спросить в аулы:
«Что за мыши это лезут
На моих котов иранских?
И владыке полумира
Отвечали андаляльцы:
— «Погляди, шиит презренный,
На своих ты куропаток,
Что осмелились подняться
На орлов из Лезгистана!»

И тогда вскипела битва,
Загрели наши ружья,
Засверкали наши шашки,
Полились реки крови.
Лезут на горы иранцы,
Нет числа их ратной силе,
Но пред ними оживают
Камни, скалы и утесы.
Из-за них бойцам навстречу
Смерть холодная несется,
Но их столько, что и смерти
Подбирать их не под силу.
Добрались до нас. Стеною
Стали мы живой пред ними
И схватились грудь с грудью
Мы с иранскими бойцами.
Солнце вышло, и на солнце
Сталь каленая сверкает.
И заржавели кинжалы
От иранской подлой крови.
На горах другие горы
Поднялись высоко к небу, —
То тела бойцов Надира,
Павших в битве перед Чохом.

Полдень знойный, андаляльцы
Не отдвинулись ни шагу
И стоят средь грозной сечи
Пред иранскими бойцами,
Что, по воле Шах-Надира,
На смерть идут неотступно,
Как гранитные утесы
Пред морским прибоем в бурю.

Но и капля долбит камень!
Лишь один Аллах всемогущ,
А людским ничтожным силам
Им положены пределы.
Андаляльцы все на месте —
Взад не двинулись ни шагу,
Все остались, но немного
На ногах средь них стоящих.
Большинство легло, как ветром
В ниве сбитые колосья.

В дикой радости иранцы
Заревели, словно звери!
Верх за ними остается!
Погибают андаляльцы...
Ждать им помощи откуда?
Разве только от Аллаха!
Но и тот разгневан, верно,
А не то такой победы
Он отверженцам-шиитам
Никогда не даровал бы!

Шах-Надир уже ликует.
Конь под ним арабской крови,
Разукрашенный, как в сказке,
Удила грызет свирепо.
А Шах-Маң главой поникнул:
Знать, ему под броню в сердце

Заползла змеєю совесть,
Заползла и душу точит.
Говорит Надир, надменно
На изменника взгляд кинув,
— «Поглядим-ка мы на дерзких,
Что противиться нам смели!

Тронул он коня и скачет.
Визирь скачет вслед за шахом
И блестящая вся свита
Потянулася за ними.
Вдруг — о, ужас! — Что такое?
Потемнел Надир... Он видит,
Что к бойцам последним помощь
Из аула подоспела;
Видит, будто в пять раз больше
Стало сразу андаляльцев
И опять бой заржавший
Загорелся с силой яркой.

Что за воины такие?
Место им не в жаркой сече...
Не отточенную шашкой
Наносить им людям раны.
Нет! Не шашкой... Поцелуем
Им разить сердца людские
И в гаремах им любовью
Услаждать бы жизнь на свете!
Го не мужи, что для битвы
Родились и с колыбели
Приучались с врагами
В жаркой схватке биться.

насмерть,
Андаляльские-то девы
Кены, матери и вдовы
В миг последний на подмогу
В бой кровавый поспешили.
Умереть они готовы
С теми, кто был дорог сердцу,

Только б смерть их подороже
Обошла врагам свирепым!
Блещут шашки и кинжалы
В их руках, что лишь недавно
В праздник светлый и веселый
Бубны звонкие держали,
И не песня, — клич свирепый
С уст срывается их нежных,
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.

Сонм ли гурий, злые ль духи
Появились столь неожиданно?
Распознать того не могут
Пораженные иранцы.
Опустились их руки,
Робость их сердца объяла,
Вместе с нею смертный ужас
Помрачил их слабый разум.
Миг еще — они шатнулись...
Миг еще — и в беспорядке
Побежали вспять от Чоха
Все бойцы Надира-шаха.

Шах-Надир глядит на битву
И глазам своим не верит:
Как напуганное стадо,
Орды катятся от Чоха;
Побежали вспять афганцы,
Что закованы в железо,
Понеслись азербейджанцы,
С наших гор быстрее ланей.
Силачи-мазандеранцы
Покатились за ними;
Курды, лазы и трухменцы
С диким гиканьем помчались...
Удержать их невозможно,
Даже шаховых велений
Беглецы в испуге диком

На пути своем не слышат.
Вслед им смех несется женский,
Смех и радостный, и звонкий...
Всемогущему Аллаху
Похвала гремит несмолчно,

Со стыдом от андаляльцев
Шах ушел в Иран свой бедный.
Был слабеющими руками
Посрамлен Гроза Вселенной.

*Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 158–160.
Стихотворная передача этой легенды исполнена Ал. Эльским.*

Эта битва происходила в 1742 г.

Здесь кстати сказать, что упоминаемый в легенде Шах-Ман был далеко не презренный человек. Напротив, Шах-Ман, один из богатых аварских владельцев, был крупной величины общественный деятель. Он задумал провести благодетельные для Дагестана реформы: объединить все племена, смягчить нравы путем уничтожения грабежа, но, видно, тогда время еще не подошло для задуманных Шах-Маном реформ. Отчасти ему удалось сделать кое-что, но горцы никак не могли примириться с невозможностью прибегать к грабежу и насилию. Они изгнали Шах-Мана, и во главе подготовивших это изгнание были его сыновья.

Через три года Шах-Ман повел на родные горы персов.

Нельзя сказать, чтобы и сами дагестанцы не были без греха при этом нападении Шаха-Надира. При первых битвах персы постоянно побеждали их. Одна битва произошла при Чир-Викиате, но здесь победителями вышли дагестанцы. Они захватили предводителя персов, Курбана, брата Надира, и сожгли его живым. Это так озлобило шаха, что тогда-то он порешил завоевать весь Дагестан, а на том месте, где сожжен был Курбан, сделать холм из голов дагестанцев. Это было исполнено. Затем с несметными полчищами Надир тронулся на Дагестан и покорил его. Осталось непокоренным только жившее в Обохских горах племя андаляльцев, с которыми персы и встретились под аулом Чох, в долине, омываемой горной речкой Орди-Ором.

Поражение персов было полнейшее.

Шах-Ман кончил благородно. Он сам явился в родной аул в полном вооружении и объявил там собравшемуся народу, что он был оскорблен несправедливостью и привел персов ради отмщения. Теперь, удовлетворив мстительное чувство, он не находит себе цели жизни, просит своих земляков убить его, но, вместе с тем, требует, чтобы были казнены и его сыновья, осмелившиеся пойти против родителя.

Просьба и требование Шах-Мана были удовлетворены.

Каспари А.А. Указ. соч. С. 160–161.

□ □ □

Песнь о разгроме Надир-шаха

(Аварская народная поэма)

Братья, к песне правды слух обратите,
То, что было правдой, стало преданьем.
Ныне начнем повесть, одну былину,
Песней она стала, поется всюду.

Хан Тахмасп¹ собрался в поход на запад
С войском хоросанским, числом в сто тысяч.
Пеших людей кликнул он из Шираза,
Конных людей кликнул он из Кандахара,
Кликнул хамаданцев неисчислимых,
Снарядил сокровищ он караваны.
Мир дельцов, тавризцев, двинулся в горы, —
На торговле руку они набили!

Да умрёт хан ханов, Надир свирепый,
Завладеть Вселенной Тахмасп задумал!
Войско Надир-шаха серебром блещет,
В золотых одеждах его каджары²,
Жаром полыхают щиты и латы,
Стены пробивают его пищали,
Крепости взрывают его орудья,
Пушки стоят в каждом шатре походном,
Любы людям ратным его щедроты.
Ринулись войною на мир каджары,
На восток и запад гроза продвигалась!
Азнаур³ грузинский, грозу почуяв,
На земле Тифлиса пал перед нею.

¹ Тахмасп — прозвище Надир-шаха.

² Каджарами горцы называли персов.

³ Азнауры — грузинские князья.

Ашрафи¹ без счета взяли каджары.
Обложили данью всех азнауров,
Одолели силу земли грузинской,
С речью материнской сын разлучился, —
Увели каджары пленных с собою.

В Голода² к аварцам пошли каджары,
Говоря такие слова коварства:
«Если голодинцев не всех погубим, —
Отомстим убийцам Ибрагим-хана,
Воздадим за брата шаха Надира».
Мы же голодинцев добром помянем!
Надир-шах предал их огню и праху,
Стены камышовых саклей развеял,
Скрылись в лесах горцы, очаги бросив.
В Цараки ворвались враги внезапно,
Девочек схватили — вот вся добыча!
Одарив каджаров наградой щедрой,
Надир-шах на отдых стал в Закаталах.
Муки голодинцев здесь повторились.

Хлынули каджары по Дагестану,
Покорили землю горских аулов,
Увели с собою несчастных пленных.
На Кумух нагрянул шах ненасытный.
Стран-земель владыка, Сурхай безрукий
Сдался чужеземцам еще до полдня.
Храбрый сын Сурхая, надежда горцев,
Муртазали, спасся: к дяде Нуцалу
Ночью прискакал он в Хунзах вершинный.

Знала вся округа жену Сурхая,
Мудрую супругой Айшат прозвали,
Шах Надир с ней рядом ложе поставил.
Девочки в аулах цвели и зрели,
Грудь их до окон еще не достали, —

¹ Ашрафи — персидская денежная единица.

² Голода, Цараки — аварские аулы.

Девочек лишили каджары чести,
Повели невинных детей на площадь,
Всадники, красуясь, их затоптали...

Покорили эти края каджары,
Уводили пленных в злую неволю,
В доли Андалала двинулись дальше,
Чтоб дотла разрушить и эту землю.
Тесно меж Чалдой и Мухобом стало:
В правильном порядке шатры разбиты,
Кони на приколе в полях Мухобских,
Черная покрыла все Андалальство
Туча вражьей рати — и разразилась
На Хицибских пашнях страшною бойней.
Кади согратлинский вступил в сраженье.
Славен исполинский клич согратлинцев:
«Пусть лишится силы, чья рука дрогнет,
Проклят будь вовеки, чья душа струсит!

Молодцы, стреляйте, храбрецы, бейте,
Пришлых настигайте быстрою пулей!
Кто сегодня струсит — с тем я не знаюсь,
Кто сегодня дрогнет — навек мой недруг!
Саблями стальными, друзья, разите,
Чтобы кровь сгустилась на клинках острых.
Из кремневок метких, братья, стреляйте,
Чтоб забили дула клубами дыма!»

Стали защищаться молодцы наши.
Раненым повязкой чалма служила,
Начали сражаться храбрецы наши,
В пулевые раны чорто¹ втыкая.
Сердце разрывалось от горьких мыслей,
Битва разгоралась еще сильнее.
И тогда раздался голос Надира:

¹ Чорто — тампоны.

«Погляди, безрукий Сурхай, взгляни-ка
На свою ораву, на мое войско
Пристальной, горный Сурхай, взгляни-ка
На мышей ваших, на волков наших».

«Не гордись, не хвастай, – Сурхай ответил, –
Этот свет, мы знаем, идет по кругу.
Ты забудь, собака, гордые речи,
Силу Дагестана – испытай раньше.
Горцы Дагестана – сильные волки,
Завтра ты узнаешь, каковы горцы!»

Люди Андалала так обратились
К племенам соседним, к братьям по вере:
«Эй, вы, гидатлинцы, и вы, келинцы!
Эй, вы, телетлинцы и какрихинцы!
Вагалал, Чамалал, Каралал и Тиндал,
Антлратал, Хиндалал и весь Салатау, –
Поспешите, братья, на помощь братьям!»

Эти не успели обнажить сабли,
А уже другие рубят наотмашь.
Эти не успели подвязать седла,
А уже другие на конях скачут.
Точно лев, узревший овечье стадо,
Истреблял каджаров Нур-Магомед наш.
Падал недруг перед Гаджи-Мусою:
Таюке был героем Малла Хочобский,
Он пришельцев резал, как сталь – железо.
Жертвуя собою ради каражцев,
Занял рубеж важный Исал-Ибрагим.

Андалальцы хану в Хунзах черкнули:
Так и так, нагорья постигло горе,
Подлые каджары нас окружили,
Пастбища и пашни залили кровью.
И когда в Хунзахе прочли посланье,

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

Стали снаряжаться дайтиляльцы¹.
Вынули винтовки из мехов волчьих,
Вскинули кремневки, бьющие метко,
Им служил мишенью глаз воробьиный.
Выбрали пищали, гордясь оружием.
Сабли привязали, что рассекают
Супостата, вместе с его кобылой.
Панцыри надели, шлемы стальные,
Длинные черкески, до ступней самых!
Вышли со щитами на руках твердых,
С выпуклым железом на локтях сильных,
За плечи закинув пороховицы.
На конях, бегущих быстрее дичи,
На конях, грызущих зубами камни,
На черкесских седлах скакать решили.
Прицепили к седлам андийские бурки,
Прикрепили к седлам древки прямые,
Развивались в небе знамена горцев.
Так пошла на битву одна дружина,
Объявив Надиру газават грозный.

Был главой дружины Нуцал Хунзахский,
Он железной рати был предводитель,
А за ним такие молодцы мчались:
Встретят они пламя – бросятся в пламя.
Мчались по нагорьям, полям и рекам,
И когда к долинам Алада вышли,
Приказал Нуцал им остановиться:
«Если Андалалом враг завладеет –
Никогда не смоем пятно позора.
Если он прорвется к Чоху, Согратлю –
Он проклятый завтра в Хунзах ворвется,
Постойм же, братья, за наши горы.
Кто живым вернется – добудет славу,
Кто не возвратится – будет бессмертным».

¹ Наименование рода.

Только разгорелась правая битва, –
Войско зашумело дайтиляльцев,
Будто в синем небе гром прокатился.
Облака, в которых спрятались горы,
Не идут в сравненье с клубами дыма,
Дождевая влага облаков темных
Не идет в сравненье с реками крови.
Лишь дымок взвонится – падают двое.
Уберут убитых – пятерых валят.
От винтовок метких, кремневок горских
Побледнел до дрожи Надир-пришелец.
Обратились в бегство его каджары,
Львиную почуяв хватку Хунзаха!
И тогда того же шаха Надира

Голос раздается в огне и гуле:
«Бог тебя помилуй, Сурхай безрукий.
Из какого края эта дружина?
Будь здоров и счастлив, Сурхай безрукий,
Что это за всадник на коне черном?»
Отвечал Надиру Сурхай с усмешкой:
«Славного Нуцала эта дружина,
Чтобы отвалились у него руки,
Вовремя примчался он из Хунзаха.
Муртазали, сын мой, на коне черном,
Чтобы ему ворон выклевал очи!»

«Ох, чтоб отвалилась рука другая
У тебя сначала, Сурхай безрукий!
Что желать посмел ты родному сыну!
Лучше сам ослепни, Сурхай безрукий!
Как сказать сумел ты слова такие!
Я бы тебе отдал свои владенья,
Если получил бы Хунзах в замену!
Я бы тебе отдал свои богатства,
Чтобы Муртазали мне сделался сыном!»

Полчища каджаров быстро бежали, –
Их быстрее косили горские сабли.

Гнали горцы долго шаха Надира,
Гнали чужеземца, гнали, покуда
Грудью не припал он к реке грузинской,
В сапогах, налитых собственной кровью.
На конях сражались дайтиляльцы.
И огузиляльцы¹ бились, не видя,
Что уже их ружья огонь расплавил.

На лугах Хициба, чистым от века,
Даже птичьей кровью не обгаренным,
Потекли потоки вражеской крови.
На полях Мухобских, не знающих тука,
Появились горы трупов каджарских.
По сухим долинам, дождя не знавшим,
Разлилась рекою алая влага.

Помните, пришельцы, из этой битвы
Кое-кто из ваших живым остался.
Снова к нам придете – всех уничтожим!

Перевод с аварского С. Липкина.

Литературный Дагестан. Махачкала: Даггосиздат, 1947. С. 157–162. См. также: Песни горцев. Махачкала, 1990. С. 22–26; Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала, 1971. С. 8–13; Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954. С. 58–64; Дагестанская литература. Хрестоматия. 10. Махачкала, 1989. С. 18–24.

□ □ □

Песня о герое Муртазали

О давних годах я сказанье спою,
О храбрых, прославивших землю свою.
Я нартов напомним вам имена,
Что гибель каджарам на шашках несли.
О кровавом Надир-шахе спою
И об отважном Муртазали.

¹ Наименование рода.

Из Стамбула длинные ружья взяв,
А в Дамаске сабли ковать приказав,
Из Арабистана коней пригнав,
Из людей Афгана войско набрав,
Богом, шахом вселенной желая стать,
Говоря: – Будет мир у меня в ногах! –
В путь повел полки каджар Надир-шах.
Он от наших гор не отводит глаз.
Как сучок в глазу у него Кавказ.

Всюду шли бои. Но вражьи войска
Налетели бесчисленнее песка.
Шли на приступ каджары, как муравьи.
Истомились крепкие руки бойцов,
Ноги их скользили в горячей крови.
И слетали тысячи храбрых голов
Под мечами с насечкою золотой.

Покорились шаху Нуха и Дербент.
На Самуре такая битва была,
Что заплакало небо и черная мгла
Саваном горы заволокла.

По следам своим путь кровавый стеля,
Истоптав, костям и засеяв поля,
Истребляя посевы, как саранча,
К землям лакским грозный Надир подступил.
Под Кукна-горой он шатры разбил,
По долинам коней он пастись пустил,
Под Хосрех он пушки свои подкатил.

Вот гонцы по аулам с кличем спешат:
– Эй! Кто истинный воин – на бой выходи!
Кто бесстрашен – в наши ряды иди!
На великий совет собрался народ.
Призывая в свидетели горную высь,
И поля, и незыблемый небосвод.

Все собравшиеся, как один, поклялись:
– Умирает женщина в трудных родах,
Пусть мужчина в бою умрет!
Мы за родину жизни не пощадим,
Грудью, сталью острой врага отразим,
Беспощадно каджаров будем рубить,
Пока без остатка не истребим!
Если дрогнем, изменим, от клятвы уйдем
И живые в руки врага попадем,
Пусть живыми зароят нас в землю тогда,
Пусть позор на нас падет навсегда!

Вот кольчуги на плечи надели они
И оружие поверх железной брони.
Железные палицы взяли бойцы,
Копья дедовские достали бойцы,
Взяли заветные пищали бойцы,
Вздели на плечи луки кривые свои,
Ружья достали боевые свои.

Чуть рассветным лучом блеснул небосвод,
Загудели ущелья тесные гор.
Взбудораженным ульем со всех сторон,
Как за роем рой, за отрядом отряд –
Отовсюду навстречу друг другу спешат.
И на каждой горе, за каждой скалой
Старцы, дети, старухи тою порой
Груды наваливали из камней,
Чтоб камнями пришельцам давать отпор.
Ну а жены по скатам и выступам гор
Глыбы каменные поставили в ряд,
Будто воины это, мужчины стоят!

Охватил каджаров немалый страх.
Стал по тем камням бить из пушек враг,
Камни с громом катились на головы им,
Сея смерть и урон во вражьих рядах.
Надир-шах разъярился, словно гроза.
Налились от гнева кровью глаза,

Зарычал он, словно бешеный пес:
«Захлебнутся собаки в потоке слез!
На колени встанут передо мной
И ярем покорно наденут мой!
Дважды я из Ирана ходил сюда,
Дважды сгибли плоды моего труда.
Но теперь с великою силой моей
Я приду, всех я здесь сравню с землей,
Все я в землю втопчу, что есть на ней!»

Все аулы велел он сжечь до утра,
Все забрать, не оставить и нитки добра.
И устроил он «шахскую молотьбу»:
Матерей он велел и грудных детей
На току под копыта бросить коней.

Глубже в горы войска кадjarские шли,
Плотным строем к месту Шовкра подошли.
Вышли белобородые старики
И бесстрашно в бою с врагом полегли.
В красный цвет окрасились волны Койсу.
Взяли с бою Кумух кадjarы с утра,
Прокатили пушки через Хурукра.
А как станом стали в селенье Хури,
Сдался в плен Сурхай, чтобы кончить войну,
На разграбленье им отдал казну.

Только шах Надир в наш предел вступил,
Он старейшинам головы отрубил,
В каждом доме отец или сын был казнен,
Каждый был в округе аул разорен.
В одеянье кровавом кадjarский шакал
Достоянье наше уничтожал.

Воду в речках выпили кони врагов;
В Дагестане – в стране родников и рек –
Не нашел бы глотка воды человек!
А на Турчидаге вместо цветов
Забелели полы кадjarских шатров.

На горе Турчидаг Надир-шах сидел.
Ликовал он, смеялся, в трубу глядел,
Говорил, что он весь Дагестан захватил, –
Так в гордыне своей Надир говорил.
А в долине Согратля герои сошлись,
Удальцы наши лакские собрались.
Акушинцы пришли, и даргинцы пришли,
И аварцы пришли, и кюринцы пришли.
Как потоки бурных весенних дождей,
Как в ущельях малые родники
Наполняют сухое русло реки,
Так и ненависть клокотала в бойцах,
Словно бурный поток, бушевал Хунзах.

Да прославится твоя мать, Муртазали!
Ты, как пламя, горящую речь сказал.
И внимала словам удальца семья
Белоглавых гор, и лесов, и скал.
Став под стяг с наконечником золотым,
Так сказал ты соратникам своим:
– Мы сошлись, чтобы родину защищать,
Чтоб врагу вековечную отомстить.

Нам в бою пора показать пришла,
Что отцов отвага не умерла,
Что в сердцах у нас та отвага живет!
Имя того, кто падет в бою,
Будет вечно жить, никогда не умрет.
Тем, кто ранен, будет высокий почет.
Мы должны сегодня врага истребить,
Мы должны нашу родину освободить!

Если в реках вода, бегущая вниз,
Неким чудом в горы вспять потечет,
И тогда нам одна дорога вперед!
Если встанут покойники из могил,
Не подставим спины пулям врага!
Если завтра с запада солнце взойдет,
Не уронит оружия наша рука!

Мы на кровных врагов за край родной,
Братья, выйдем все священной войной.
Победить или умереть в бою-
Нам один теперь из беды исход!
В бой вступали с первым рассветным лучом.
Горы, тихие доли наполнил гром,
Будто наземь падал, гремя, небосвод.
Это был не свирепый зимний буран,
Что лавины сбрасывает с высот,
Это пули героев летели, как град,
Покрывая инеем вражеский строй,
Прибывая к земле за рядом ряд.

Крымские ружья, что больше папах,
С драгоценным ложем у них в руках.
Словно полные луны, клейма на них.
Жазилами эти пищали зовут,
Длинноствольные, в цель далеко они быют.
Горстью порох бойцы засыпают в стволы,
Пули шомполом забивают в стволы.
Друг надежный – пищаль с цудахарским кремнем,
Далеко она бьет смертоносным огнем.

Разгорелся, шумел и дымился бой,
Будто спорило в гневе небо с землей.
Уши глохли от грома немолчной пальбы,
Будто шла, грохоча, не смолкая, гроза.
Будто волны огня ослепляли глаза.
Как долина Мяшар, была Аанада
В день последний безжалостного суда.
Та долина от крови была красна,
Кизилбашей телами была полна.

Копья длинные пред собой устремив,
Бурки по ветру крыльями расстелив,
С пудовыми палицами в руках,
Сверкая кольчугами на плечах,
В блеске сабель, что шлем рассекают стальной,
Подымая зеленый стяг боевой,

Двинулся малый отряд на конях,
Догоняющих быстрого тура в горах.
Кони у всадников масти одной,
У главаря – скакун вороной.
Да прославится твоя мать, Муртазали!
Ты как ястреб среди куропаatok был.
До полудня вы бой жестокий вели,
И один богатырь с мольбой возопил:
– Истомились львиные руки мои!
И ответил воину Муртазали:
– Если силы в руках твоих львиных нет,
Львы другие идут за тобою вслед!
А как вихрем ворвались во вражеский стан,
Возопил один богатырь-великан:
– Изнемог я! Кровью, текущей из ран,
Моя шелковая рубаха полна!
И ответил воину Муртазали:
– Если, витязь, кровью, текущей из ран,
Твоя шелковая рубаха полна,
Ты взгляни, как редеют вражьи ряды!

Нет, не ждал Надир-шах подобной беды.
Содрогнулось сердце в груди его.
Видит – многих Муртазали покосил.
Войско свежее в бой Надир пустил,
И с утроенной силой бой закипел.
С сабель сыплются искры, кони храпят.
Но не дрогнул горский малый отряд.
Грозной саблею Муртазали сверкал;
Там, где сеют меру, он десять клал,
Там, где сеют десять, сто убивал.
Словно быстрая молния с синих небес –
Кизилбашей саблей он поражал.
Сеча шла, клокотала крови река,
Словно чаши весов, качались войска.
Храбро малая горстка горцев дралась.
Вот над чохской дорогой пыль поднялась.
То, на плечи черкески мужские надев,
То, папахи на косы густые надев,

Взяв кинжалы, на помощь Муртазали
Жены горские в бой на каджаров пошли,
Время шло. Разгорелся жестокий бой.

Вот с глазами орлиными воин вскричал:
– Иступился клинок моей сабли кривой!
И воину Муртазали отвечал:
– Если сабли твоей иступился клинок,
То взгляни, к нам бойцы на смену идут,
Их мечи пополам железо секут!
Выслал новые силы каджарский стан:
И в бою возопил богатырь Курбан:
– Горе! Палицы я сломал рукоять!

И ответил Курбану Муртазали:
– Если, друг, сломал свою палицу ты,
То ломаются у каджаров хребты!
Длится сеча. Кровью дол обогрен.
Шумом битвы потоков шум заглушен.
Кони ржут. Бойцы, наступая, кричат.
Стонут раненые, доспехи звенят.
Грохот пушек и ружей со всех сторон,
Как при утренних золотых лучах
Тают звезды ночные на небесах,
Так бесчисленные, как звезды в ночи,
Стали таять войска, что привел Надир-шах
Вспять шумящая лава их потекла,
Словно вспугнутые журавли от орла.
Словно стадо овец бежит от волков,
Побежали, смешались полки врагов.
Опрокинул каджаров отряд храбрецов.

– Эй, сын мой, Муртазали, поспедай!
Живыми каджаров не отпускай!
– Не кричи со скалы, мой отец Сурхай!
Резвы ноги, сердце полно огня
Моего вороного, лихого коня.
Удирают от нас каджаров войска,
Словно стая шакалов от своры борзых!

На горе Турчидаге, где дров не найдешь,
Как поленицы, сложены трупы их.
По долинам безводной чохской земли
Реки крови каджаров, шумя, потекли!
Лютым гневом каджар Надир-шах воспылал,
Кизылбашам бегущим он закричал:
– Вы ведь взяли со мною Машрик и Магриб,
Всю подлунную завоевать вы могли б!
Так неужто, о доблестные войска,
Устрашились вы этого сопляка?

Возопили каджары к шаху с мольбой:
– Жизней наших владыка! Наш царь земной!
Упроси – пусть он нас отпустит домой!
Нет, не можем мы продолжать с ним бой.

Его руки, словно столбы, тяжелы,
Словно миски, глаза у него круглы,
Словно лев, широк в груди удалец,
Его голос, словно разящий свинец.
Конь его вороной, как ветер, летит,
Словно молния, сабля его разит.
И пока он сам одного убьет –
Конь копытами десятерых убьет,
Сабля-молния двадцать голов снесет!
Умоли отважного Муртазали:
Просьбу выслушай, мол, благородный герой,
Отпусти ты нас в наш предел родной!
Пусть отпустит он нас в Хорасан – домой!

И напрасно зывал к ним собака-шах,
Побросали каджары оружие в полях,
Как шакалы от льва, как со скал река,
Как бураном гонимые облака,
Удирали они, охватил их страх.

Пал каджарский шах на лицо земли:
– Дад бидад, – говорит, – мой Муртазали!
Пощади, чтоб мы с миром от вас ушли!

Отпусти нас, Муртазали, в Хорасан,
Дад бидад, — говорит. — Аман, аман!
Если хочешь, золото много дадим,
Разойдемся мы по домам своим,
Не вернемся вовек мы сюда назад!
Отпусти, — говорит, — аман, дад бидад!
Мы тебя серебром своим наградим,
Мы тебе аманатов своих дадим,
Только дай нам уйти домой в Хорасан!

— Шах, собака, что в золоте мне твоём?
Сам добуду золото я мечом!
Серебро твоё не сочту серебром!
Если выстрелю я, серебро само
Потечёт ручьём пред моим ружьём!
Что мне пленные? Волю я дам коню,
Все войска твои я в плен угоню.

Так и быть, отпущу я вас в Хорасан,
Знак поставлю на синей сабле моей.
Так и быть, вам открою дорогу я,
Знак поставлю на длинном дуле ружья.
Я за вами пойду, подобно огню,
В Хорасан далекий вас погоню,
По-черкёсски тебя и твоих людей
Ударяя по спинам саблей своей.

Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. С. 24–28; Антология дагестанской поэзии. Махачкала, 1980. С. 195–203; Песни горцев / Вступит. статья составл. Н.В. Капиевой. Махачкала, 1990. С. 209–216; Дагестанская литература. Хрестоматия. Махачкала, 1989. С. 25–33. См. также: Лакские эпические песни / Подгот. текста, перев., предисл. и коммент. Х. Халилова. Махачкала, 1969. С. 136–146.

□ □ □

В Согратле А.А. Ахлаков записал предание о поединке горца с воином Надир-шаха

Вкратце его содержание таково: расположившись огромным лагерем в мохобских полях, Надир посылал все новые и новые отряды своих войск против непокорных горцев. Несколько дней шло сражение, то утихая, то снова разгораясь с ещё большей силой.

Видя упорство горцев, шах обратился к ним с предложением приостановить битву, а дело закончить поединком бойцов. Горцы согласились. Из своего лагеря шах послал к реке могучего воина в блестящих доспехах на высоком и сильном белом коне. Из Согратля на встречу ему выехал невысокого роста воин на неказистой горской лошади. Ловкостью своей горец был известен на всю округу.

На небольшой поляне, у самой речки, воины столкнулись. И начался бой. Неожиданным и ловким ударом копья горцу удалось свалить с коня иранского богатыря, он разрезал ему грудь, вытащил сердце и поднял его высоко над головой.

Бойцы с одной и с другой стороны видели, как бьется большое сердце каджара (горцы считают, что большое сердце бывает у слишком самонадеянных людей — А.А.). Затем воин бросил сердце в речку. Она обагрилась кровью, вытекающей из сердца врага. Это вдохновило горцев, и они смело ринулись в бой. (Информатор пояснил, что по поверьям горцев, если удастся вырезать врагу сердце и бросить его в воду, то можно не сомневаться в победе).

Ахлаков А.А. *Героические песни аварцев. Махачкала, 1969. С. 73.*

□ □ □

В сел. Сачада Чародинского района у Магомеда Атараева А.А. Ахлаков записал предание об одном из горцев по прозвищу «Анлькилиш» («Шесть пальцев»). В одном из вариантов песни о разгроме Надир-шаха его имя упоминается вместе с другими карахскими богатырями:

«Стал Анткилиш из Соха звать людей
— У кого стальное оружие, пусть садится на коня!»

Вот об этом герое, по прозвищу Анткилиш, рассказывают, что он был дружен с известным гидатлинским богатырем Хочбаром и они вместе совершали немало подвигов.

В частности, как передает А. Атараяев, как-то раз гидатлинский Хочбар и карахец отправились тайно в Хунзах и, благодаря сметливости последнего, им удалось узнать о кознях врагов. В другой раз Анткилиш помог Хочбару следующим образом. На аул, где горцы остановились, напал противник. Увидев превосходящие силы противника, Анткилиш посоветовал жителям собрать в мешочки золу и в момент его первого выстрела развеять ее. Люди точно исполнили совет. Противник, заметив густой дым над аулом после выстрела, подумал, что здесь большой вооруженный отряд и отступил. Аул был спасен.

За достоверность предания, разумеется, мы не можем поручиться, но характерно то, что народ сближает героев разных песен. Один из них – враг феодалов, защитник вольных узденей, другой – участник антинадировского сражения, один из организаторов отпора внешнему врагу.

Заметим, что в преданиях заключают между собой союз и враги положительных героев: местный феодал и иноземный захватчик...

В антинадировских произведениях исследователи усматривают одну основную идею – борьбу дагестанцев с иноземными захватчиками. Но внимательное изучение всех жанров фольклора антииранского цикла, сопоставление содержания преданий и песен с историческими данными позволяет сделать предположение об отражении в них не только борьбы горцев за свою независимость, но и классовых противоречий, извечной ненависти народа к своим угнетателям-феодалам...

В песнях тема борьбы с внешним врагом почти полностью заслонила антифеодальную тему, хотя и в них (в отдельных вариантах) мы можем заметить отрицательное отношение к ханам и бекам, оставшимися глухими к народному бедствию.

Наиболее ярко отношение народа к местным феодалам, многие из которых вели предательскую политику, не гнушались подачками Надира и изменяли интересам своей Родины, нашло свое воплощение в преданиях и легендах. Особенно наглядно это видно в предании о Шах-Мане.

Вкратце содержание предания сводится к следующему. В очень древние времена какие-то неведомые племена заселили равнины и горы Дагестана. Гражданское устройство и мирная жизнь долго были чужды им: несмотря на патриархальный деспотизм хана, каждый считал себя свободным, жил, как хотел, и кровавые драмы разыгрывались между ними постоянно.

И не было долго человека среди дагестанцев, который бы подчинил своевольных горцев одному закону, одной власти и водворил бы в этой стране хотя бы некоторый порядок. И, наконец, таковой явился в лице Шах-Мана. Но народ отказался подчиняться Шах-Ману, несмотря на его добрые, казалось бы, намерения. Больше того, народ возмутился. Во главе бунтовщиков стали сыновья Шах-Мана. Шах-Ман изгоняется из общества. Для отмщения он сговаривается с Надир-шахом и приводит в Дагестан огромное количество иранских войск.

Далее описана известная битва между Мохобом и Чалдой и поражение надировских войск. Неудачник Шах-Ман окончательно развенчан. Преследуемый горцами, без крова, семьи и родины, предатель сам сдается в руки народа и погибает под ударами кинжалов.

Предание построено двупланово: с одной стороны, в нем повествуется о судьбе хана Шах-Мана, и с другой стороны, рассказывается о третьем походе Надира в Дагестан и его поражение. Но обе темы составляют органическое целое и переплетаются в народном сознании.

Можно полагать, что этому преданию предшествовало другое, более раннее, рассказывающее только о коварном Шах-Мане и восстании дагестанцев против него. После изгнания Надира из Дагестана имя ненавистного народу Шах-Мана, видимо, стали связывать в народе с событиями борьбы столь же ненавистного Тахмаспа.

Ахлаков А.А. *Героические песни аварцев. Махачкала, 1969.*
С. 74–76.

□ □ □

В фольклоре аварцев известно и другое прозаическое произведение на тему о нашествии в Дагестан иранских полчищ – «О Шах-Мане»

Различные варианты этого произведения, по-видимому, имели в прошлом веке широкое распространение. До нас дошло только одно сказание, которое было записано в 1842–1843 гг. аварцем Шарпела Айгони и опубликовано в газете «Кавказ» № 24 за 1846 г. По преданию, в те далекие времена в Дагестане горские племена не имели единого правителя, не подчинялись единому закону. И вот Шах-Ман, человек образованный, получивший воспитание в Персии и странствовавший по Аравии, задумал подчинить вольнолюбивых соотечествен-

ников. Но народ восстал против его власти и потребовал изгнания предателя за пределы родины. На сторону народа встали и сыновья Шах-Мана, которых проклинал отверженный отец. Правитель покинул Дагестан, но поклялся отомстить своим соплеменникам.

Преодолев знойные пустыни и высокие горы, Шах-Ман прибыл в Иран. Спустя три года он вновь явился в Дагестан вместе с войском могучего шаха Надира. В первой битве, происходившей в Чир-Вонияте, иранцы были разбиты; часть войска, предводительствуемая Курбаном¹, обратилась в бегство. Во второй битве Курбан был взят в плен и сожжен. Его прах дагестанцы отослали иранскому шаху. Оскорбленный шах дал слово выстроить из голов неприятелей памятник на месте гибели Курбана. Он двинул войска на дагестанцев. Три дня бились враги. Земля стонала, поле покрылось трупами. В этой битве дагестанцы потерпели поражение. Шах Надир исполнил свое слово: над могилой Курбана он воздвиг курган из камней и голов горцев и назвал его «Баш-была» (крепость из голов).

Получив подкрепление, Надир двинулся в Казикумухское ханство и покорил его. Теперь оставалось лишь сломить сопротивление небольшого племени андалальцев, которые укрепились в неприступных Обохских горах. В глубокой долине, омываемой пенистым Орда-Ором, завязалась битва между войсками шаха и андалальцами. Вот уже и андалальцы начали отступать. Тут подоспело последнее подкрепление андалальцев – женщины и старики. ~~Б~~ **Б**огажно устремились на врага женщины-горянки, переодетые в мужское платье. Орда-Ор покрылся кровавыми волнами. Надир-Шах с небольшим числом телохранителей бежал в Дербент.

После разгрома персов дагестанцы стали искать Шах-Мана, чтобы отомстить ему. Но Шах-Ман сам предстал перед народом, изнуренный душевными и телесными муками. «Мусульмане! – сказал он. – ...Я дал клятву отомстить вам и находил много к тому средств... Теперь жизнь мне в тягость; я пришел сюда умереть от ваших рук...». Дагестанцы исполнили волю злосчастливого хана, и он пал под ударами их кинжалов.

Далгат У.Б. *Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1969. С. 116–117.*

□ □ □

¹ В этом предании Курбан – брат Надир-шаха. На самом деле братом Надир-шаха был Ибрагим-хан.

Песня о предводителе Кази Ашильтинском

Песня эта воспеваает предводителя Кази, родом из селения Ашильта в Аварии. Описываемое здесь событие относится к 1774 г.

Хайдакский уцмий Амир-Хамза, Казаницкий владелец, известный у кумыков под именем Тишнек (беззубый), Кази-Кумухский хан Магомед, табасаранцы и аварцы пошли походом на Фет-Али-Хана Кубинского, во власти которого в это время находились Дербент, Куба и Сальяны. После кровопролитного сражения на Кедушанской равнине Фет-Али-Хан потерпел поражение и бежал в Сальяны.

Кубу занял Магомед-Хан Казикумухский. В упомянутом сражении были убиты Тишнек и Эльдар. Последний, приходившийся племянником хану Казикумухскому, был правителем Дербента со стороны Фет-Али-Хана.

Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Т. 3. С. 54–56.

Кази Ашильтинский

О смелом, что крови испил с копья,
О храбром, что мяса вкушил с клинка,
О старом, но все не забытом событье
Скажу вам всю правду, лишь не торопите!

Не значит ли – крови с копья испить –
Элдара в жестоком бою победить?...
Не значит ли – мяса отведать с кинжала –
Добиться победы, убив каджара?!

Послушайте, как в Казанище-село
Однажды письмо из Кайтага пришло:
«Коней оседлайте, готовьтесь к бою.
Кази-ашильтинца возьмите с собою».

Гонец поскакал к ашильтинцу Кази:
«Спеши в Казанище. Людей привози»,
Дружине Кази повелел – поскорее
Седлать скакунов, что взросли в Эндирее,
Черкасские седла на них закрепив,
Кремневые сабли с собой захватив.

И вот ашильтинец, прославленный лев,
Оружье в серебряных ножнах надев,
Вскочил на коня и помчался к победам.
Шесть тысяч отборных дружинников – следом.

Народ их встречает, покинув жилища...
«Ассалам алейкум, народ Казанища!»
– «Алейкум салам! – отвечает народ. –
Да будет удачным, Кази, твой поход!
Домой возвращайся с победою скорой.
С богатой военной добычей из Цора!»

Влились салатавцы в конный отряд.
И жители неба «аминь» говорят,
Желают победы Кази с его станом
В бою с кизилбашем, врагом окаанным.
«Пускай охранит их аллаха рука!..»
Лишь кадий молчит, провожая войска.

«Они не придут, говорю вам заране:
Я видел над их головами – сиянье,
Святыми желает их сделать аллах!» –
Сказал он, домой возвратившись в слезах.

Далеко остался аул Казанище.
Над конскими спинами вьется пылица.
Отряд наконец в Худатал прискакал.
И слышит Кази, что идет в Худатал,
Спешит, громыхая по каменной круче,
Тяжелые ядра на мулов навьюча,
Собой похваляясь, пыхтя, как медведь,
Каджар Купа-хан, чтоб ему умереть!...

Но хан, увидав ашильтинское войско,
Тотчас же утратил свой облик геройский:

«Кази, я тебя задарю серебром,
Кази, мы сокровищ тебе навезем.

С тобой поделюсь я по-братски строною, –
Чтоб ты – о мой брат! – помирился со мною!..»

– «Свинцовая пуля да яростный бой –
Вот мир, что возможен меж мной и тобой!
Разящее лезвие стали певучей –
Вот мир между мной и тобой наилучший!»

Такие изрек ашильтинец слова,
И эти слова отзвучали едва,
Как, саблей сверкая, рванулся он в схватку,
Когтит, словно горный орел куропатку.
Элдара, которому в битвах везло...
Отсек ему ноги, взвалил на седло...

Хвастливого он сокрушил Купа-хана,
Гордыню сломил у Баку и Сальяна.
Не он ли, **воитель**, герой удалой,
Взял **крепость Дербент**, что стояла скалой?!
Не он ли, **Кази**, – да гремит его слава! –
Расправился с силой Хаджи-Мамалава,
Не он ли, врагов истребляя полки,
Окрасил потоки Самура-реки?!
Соленою, красною стала водица,
И негде теперь куропатке напиться!
Али достолавный – когда-то давно –
Закинул в зеленое море, на дно,
Свой меч Зульфукар – на погибель живого,
И стала прозрачная влага – багровой.
Но так ли, одним мановеньем руки,
Окрасил струенье Самура-реки,
Надолго оставив там отблеск пожаров,
Кази-богатырь, истребитель каджаров?!

*Антология дагестанской поэзии. Т. I. Песни народов Даге-
стана. Махачкала, 1980. С. 14–16.*

□ □ □

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абакарова Ф.О., Алиев Ф.А.** Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала, 1999.
- Абакарова Ф.О.** Дагестано-грузинские фольклорные связи и параллели // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтничским фольклором. Махачкала, 1985.
- Абакарова Ф.О.** Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996.
- Абакарова Ф.О.** Предания и их источники о борьбе горцев против Надир-шаха (по материалам даргинского фольклора) // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982.
- Абакаров М.** Легендарная битва // Советский Дагестан. Махачкала, 1991. № 2.
- Абу-Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Жуфи.** Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981.
- АВПР. Ф. 77:** Сношения России с Персией. 1741. Оп. 77/1. Д. 4; 5. Ч. 1; 10.
- АВПР. Ф. 77:** Сношения России с Персией. 1742. Оп. 77/1. Д. 4; 10.
- АВПР. Ф. 77:** Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1741. Д. 9; 10; 12.
- АВПР. Ф. 89:** Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1742. Д. 4. Ч. 2; Д. 5. Ч. 2; Д. 6. Ч. 1.
- Агларов М.А.** Андийская группа народностей в XIX – начале XX вв. (историко-этнографические очерки) // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67.
- Аджиев А.М.** Героико-исторические песни кумыков. Махачкала, 1971.
- Аджиев А.М.** Дальние дороги песни. Заметки о кумыкском героическом эпосе. Махачкала, 1977.
- Аджиев А.М.** Историко-типологический анализ образов и сюжета кумыкского эпоса о Минкюлли // Поэзия фольклора народов Дагестана: (Сборник статей). Махачкала, 1981.
- Айтберов Т.М.** Памятные записи из сборника № 531 // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. Сборник статей. Махачкала, 1989.
- Айтберов Т.М., Шихсанов А.Р.** Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
- Алиев Б.Г.** Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966.
- Алиев Б.Г.** Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала, 1972.
- Алиев Б.Г.** Памятники арабской письменности XVII–XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20.
- Алиев Б.Г.** Полевой материал, собранный в 1962 г. // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.
- Алиев Б.Г.** Полевой материал, собранный в 1963–1993 гг.
- Алиев Б.Г.** Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союз сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.
- Алиев Б.Г.** Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.** Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
- Алиханова А.А.** Мотивы тюркского эпоса «Кер-оглы» в фольклоре сел. Мекеги // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтничским фольклором. Махачкала, 1985.
- Алкадари Г.-Э.** Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994.
- Антология дагестанской поэзии.** Т. 1. Песни народов Дагестана. Махачкала, 1980.
- Анучин Д.Н.** Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского Географического Общества // ИИРГО. СПб., 1884. Т. XX. Вып. 4.
- Армянская история о монголах.** Извлечения из рукописи XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М., 1962.
- Артамонов М.И.** История хазар. Л., 1962.
- Аул Ухбук.** Литературная запись **А. Абу-Бакара** // Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала, 1971.
- Ахлаков А.А.** Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1969.
- Ахлаков А.А.** Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.
- Арунова М.Р., Ашрафян К.З.** Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений Ирана в 30–40-х гг. XVIII века. М., 1958.
- Бакиханов А.-К.-А.** Гиюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указ. академика АН Аз.ССР З.М. Буниятова. Баку; Элм, 1991.
- Бакиханов А.-К.-А.** О походе шаха Надира в Дагестан // Кавказ, Тифлис, 1846. Т. I.
- Баладзори.** Книга завоевания стран / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927.
- Бутков П.Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1.
- Восточные источники по истории Дагестана** (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
- Гаджиев Б.** Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961.
- Гаджиев Б.** Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991.

- Гаджиев Б. Темир-Хан-Шура // Ленинское знамя (даг.яз.). 15 октября 1965.
- Гаджиев В.Г. Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана. Предисловие // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.
- Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.
- Ганнева А.М. В поисках легендарного героя. Махачкала, 1986.
- Ганиева А.М. Предания и легенды о богатыре Шарвили // Дагестанская народная поэзия. Махачкала, 1982.
- Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. Махачкала, 1997.
- Гасанов М.Р. История Дагестана. Учебное пособие. Махачкала, 2000.
- Героические песни и баллады аварцев / Подгот. текста, перев., предисл. и коммент. А.А. Ахлакова. Махачкала, 1971.
- Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
- Дагестанская литература. Хрестоматия для 4–5 кл. / Сост. С. Алиев, М.-Р. Усатов. Махачкала, 1978.
- Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Т. 3.
- Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М.: ИВЛ, 1962.
- Дебилов Г.-М. Дагестанские предания и суеверия // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. II.
- Десимон А.Ф. Исторические сведения о бывших вольных обществах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ... // Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. 1. 1801–1839. См. также: История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
- Дебилов М.А. Сильные и стойкие. Махачкала, 1973.
- Ибн-ал-Асир. Тарих аль-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940.
- Из дагестанских памятных записей / Пер. и коммент. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
- Ильминский. Выписки из Ибн-ал-Атира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 год // Уч. зап. Академии наук. СПб., 1854. Т. II. Вып. 4.
- Исаев А. Сведения по истории урахинцев // Замана (даг.яз.). 1 января 2000.
- История Азербайджана. Баку, 1959. Т. I.
- История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I.
- История Ихрана / Введ., перев., коммент. А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.
- Йакуб. История. Текст и перевод / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927.
- Карнаилов О. Аул Чох // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. 1.
- Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904.
- Каяев А. Материалы по истории лаков // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444.
- Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976.
- Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
- Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- Комаров А.В. Материалы для истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.
- Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Махачкала, 1970. Вып. I.
- Лакские эпические песни / Подгот. текста, перев., предисл. и коммент. Х. Халилова. Махачкала, 1969.
- Литературный Дагестан. Махачкала, 1947.
- Литературный Табасаран. Махачкала, 1974.
- Lokhart L. Nadir Shan. A. critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938.
- Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. 1.
- Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. 2.
- Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1, 2.
- Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961.
- Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968.
- Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963.
- Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969.
- Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. 1.
- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2.
- Магомедов Р.М. Разгром войск персидского завоевателя Надир-шаха в горах Дагестана. Махачкала, 1940.
- Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.
- Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.
- Мирзамагомедов Г.М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха (По дагестанским арабоязычным источникам) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
- Мухаммед-Аваби Акташи. Дербенд-наме / Пер. с тюркск. и араб. текстов, предисл. и библиогр. Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Коммент. Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 1992.

Мухаммад Бацадаса. История селения Саситли (Историко-этнографический очерк). Махачкала, 1994.

Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (извлечение из Тарих-и Алама-райи Надири) / Пер., пред. и прим. Перова П.И. М., 1961.

Мухаммед Тахир Вахид Казвини о восстании в Дагестане в 1659/60 г. // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. / Под ред. А.А. Зимина. Сост. В.А. Александров и В.И. Корецкий. М., 1962.

Назаревич А.Ф. Героический эпос горцев и его влияние на дальнейшее развитие литературы народов Дагестана // Труды первой научной сессии Дагестанской научно-исследовательской Базы АН СССР. Махачкала, 1948.

Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.

Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

Отрывки из исторических писем народов Дагестана // Комсомолец Дагестана. 15 марта 1991.

Письмо от Хаджи-Айиуба кадия Акуша-Дарго к кадиям, старейшинам и всем жителям Аварии. 1735/36 г. // Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1624.

Письмо шамхала Илдара к старейшинам, ученым и молодежи общества Цудахар. 1735 // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 2530.

Письмо шамхала Хасбулата к жителям селения Кудали. 1736–1745 // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 2357.

Письмо шамхала Хасбулата к обществу Кудутль. 1736–1745 // Рук. фонд Санкт-Петербургского отдел. Ин-та востоковедения РАН. Док. фонд А-2. № 2857.

Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала, 1971.

Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954.

Плутарх. Помпей // **Латышев В.В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М.: Л.: Изд. АН СССР, 1947. № 4/22.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и И.Л. Монгайт. М., 1971.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. А.А. Хетагуровой и О.М. Смирновой. М.: Л., 1952. Т. 1. Кн. 2.

РГВИА. Ф. 20. Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 12. 242, 272.

Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. (Краткий научно-популярный очерк). Махачкала, 1990.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сбор. док. / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов, Ф.З. Феодаева, Р.С. Шихсаидова. М.: Наука, 1988.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Док. и матер. / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Русское историческое общество. 1896. № 96.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.: Л., 1941. Т. II.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М.: Наука, 1993. Кн. XI. Т. 21, 22.

Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

Страбон. География в 17 томах. М.: Наука, 1964.

Таннов Р. Два ущелья // Замана (даг. яз.). 17 декабря 1999.

Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5.

«Тарих Дагестан» Мухаммадрафи / Введ., перев., коммент. А.Р. Шихсаидова // **Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.** Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, Лен. отд., 1969.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

Фатуев Р. Дыхание гор. Легенды. М., 1969.

Фома Мецопский. История Тимур-ленка и его преемников. Баку, 1957.

Хабары про Акул-Али / Сост. М.-Х. Пашаев. Махачкала, 1969.

Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.

Халилов Х.И. Дагестанские предания о происхождении мелодий // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982.

Халилов Х.М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959.

Халилов Х.М. Лакские эпические песни. Махачкала, 1969.

Халипаева И. Мифологическая проза кумыков. Исследования и тексты. (Монография). Махачкала, 1994.

«Хан Муртузали» (Лакский эпос) // Хрестоматия. Махачкала, 1947.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.

ЦГА РД. Ф. 379. Канцелярия коменданта г. Кизляра. Оп. 1. Д. 212.

ЦГИА РГ. Ф. 1452. Коллекция персидских документов. Д. 21.

ЦГИА РГ. Ф. 1452. Коллекция турецких документов. Д. 23.

Шаракшинова Н.О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975.

Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1980.

Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9.

Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239–1240 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1968. Т. 4.

Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата

VII–VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение, приложения **Л.И. Лаврова**. М.: Наука, 1966.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XX вв. на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки // Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения **Л.И. Лаврова**. М.: Наука, 1980.

Юдин А.П. Россия и Турция в конце 1742 г. Из писем переводчика В. Братищева канцлеру князю А. Черкасскому // Русский архив. 1889. Кн. 1. Ч. 3.

Юсупов Х., Муталимов М. Харбуццы: история и культура. Махачкала, 1997.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей с древнейших времен до арабских завоеваний	13
Глава II. Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата	54
Глава III. Борьба народов Дагестана с иноземными завоевателями в XIII–XIV вв.	107
Глава IV. Борьба народов Дагестана за независимость в XV–XVII вв.	222
Глава V. Народы Дагестана в борьбе с Надир-шахом	246
Источники и литература	400

Багомед Гадаевич Алиев

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Редактор *Е.И. Иноземцева*
Технический редактор *В.Н. Силина*

Сдано в набор 18.10.2001. Подписано в печать 05.04.2002.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Печ.л. 25,5. Уч.-изд.л. 23,3.
Тираж 2000. Заказ 191. Цена договорная.

Издательство типографии
Дагестанского научного центра РАН
ЛР № 040945
ПД № 10-13048

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru